

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 40 ЯЗЫКОВ МИРА

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

Венец демона

Annotation

Оно обитает на далеком острове, где-то в океане. Оно древнее, как сама Земля. Оно уничтожило все вокруг себя – и бешено рвется в широкий мир. Оно – вселенское зло, уготовившее для людей мучительную, адскую гибель. Этот демон никогда не насытится – и никогда не остановится. Если его не остановить...

- [Джеймс Роллинс](#)
 -
 -
 - [Слова благодарности](#)
 - [Замечания исторического характера](#)
 - [Замечания научного характера](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 -
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Часть третья](#)

- - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Часть четвертая](#)
 -
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Часть пятая ХРИЗАЛИДА](#)
 -
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Примечания автора: правда или вымысел](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Джеймс Роллинс

Венец демона

© Царева О., Стрепетова М., перевод с английского, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Э»,
2018

* * *

*Маме Кэрл, всю жизнь дарившей окружающим
бескорыстную любовь.*

Слова благодарности

В создании этой книги приняли участие множество людей. Большинство из них принадлежат к близкому кругу критиков, которые помогают мне с тех самых пор, как я начал писать. Я тогда был практикующим ветеринаром, а в свободное время сочинял рассказы, которые сейчас надежно зарыты на заднем дворе. Итак, прежде всего я благодарю своих ближайших друзей-читателей – и в то же время первых редакторов. Это Салли Анн Барнс, Крис Кроу, Ли Гаррет, Джейн О’Рива, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Джуди Прей, Каролина Уильямс, Кристиан Райли, Тод Тодд и Эми Роджерс. А еще я, как всегда, хочу выразить особую благодарность Стиву Прею (за потрясающие карты), Дэвиду Сильвиану (он помогает не витать в облаках и в то же время вдохновляет на покорение новых вершин), Чери Маккартер (за множество интересных исторических и научных фактов, которые я использовал в этой книге), Хироаки Эндо (за помощь с переводами с японского – но все ошибки я беру на себя), Полине Шилькевич (за то, что разрешила воспользоваться картой ее отца) и Монике Щепе (за то, что познакомила нас). С сожалением приближаясь к концу этого списка, благодарю Стива Берри за исторические материалы, относящиеся к Смитсоновскому институту: по случайному совпадению, мы оба пишем об этом потрясающем месте. Конечно же, я очень благодарен команде издательства «Харпер Коллинз» за постоянную поддержку. Особенно мне помогали Майкл Моррисон, Лиат Штехлик, Даниэлла Бартлет, Кейтлин Харри, Джош Марвелл, Линн Грейди, Ричард Акван, Том Эйнер, Шон Николс и Ана Мария Аллесси. И наконец, моя особая благодарность людям, которые непосредственно участвовали в создании этой книги: моему замечательному редактору Лиссе Койч (мы работаем вместе с первой моей книги) и ее неутомимой коллеге Приянке Кришнан, моим трудолюбивым агентам Рассу Галену и Дэнни Барору (а также его дочери Хизер Барор).

Как всегда, официально заявляю, что за все фактические ошибки в

этом романе (надеюсь, их не очень много) ответственность несу только я.

Замечания исторического характера

Штаб отряда «Сигма» расположен в глубоком подземелье под главным зданием Смитсоновского института, то есть под замком с башнями, который возвели из красного камня в 1848 году на краю Национальной аллеи. Из этого почтенного здания берет свое начало огромный комплекс музеев, исследовательских центров и лабораторий. А в давние времена, в годы Гражданской войны, все коллекции Смитсоновского института хранились в одной-единственной постройке.

С чего же на самом деле началась величественная история о щедром пожертвовании в пользу науки?

Как ни странно, основатель Смитсоновского института был не американцем, а англичанином – эксцентричным химиком и минералогом Джеймсом Смитсоном. Он скончался в 1829 году, завещав Соединенным Штатам полмиллиона долларов (это примерно двенадцать миллионов по сегодняшним меркам, или шестьдесят шестая часть тогдашнего бюджета США), чтобы «основать учреждение, призванное умножать и распространять знания среди людей».

Личность этого человека до сих пор окутана тайной. Начать с того, что Джеймс Смитсон никогда не был в Америке – и все же завещал молодому государству свое состояние и внушительную коллекцию минералов. К тому же он даже ни разу не обмолвился о намерении проявить такую щедрость по отношению к Соединенным Штатам. Странно и то, что племянник похоронил его в итальянском городе Генуе, а не в Англии. О Смитсоне вообще мало что известно, в частности потому, что под конец Гражданской войны, в 1865 году, здание Замка охватил страшный пожар. Нижние этажи пострадали сравнительно мало – разве что от воды во время тушения, – а вот верхние сгорели дотла вместе со всеми бумагами Смитсона (в том числе дневниками и полевыми заметками). Работа длиной в жизнь вмиг погибла для истории.

После смерти Смитсона окружавшие его загадки непрестанно множились. Зимой 1903 года знаменитый американский изобретатель Александр Грэхем Белл вопреки ясно выраженной воле попечителей Смитсоновского института отправился в Геную и вскрыл могилу Смитсона. Останки ученого он сложил в цинковый гроб, вернулся в США и похоронил в Замке. Там они остаются и по сей день.

Почему же создатель телефона бросил вызов своим товарищам по совету попечителей и вознамерился перезахоронить Смитсона? Мнение большинства сводится к тому, что могила оказалась под угрозой: ее мог уничтожить расположенный рядом с кладбищем карьер. Но что если история эксцентричного Джеймса Смитсона скрывала некую тайну? Сначала он ни с того ни с сего завещал свои деньги Соединенным Штатам. Затем пожар, в котором сгорели все его документы. И наконец, странная поездка Александра Грэхема Белла...

Если хотите узнать ужасную правду о темной тайне Америки, читайте дальше.

Замечания научного характера

Palaeovespa florissantia, бумажная оса, жившая 34 миллиона лет назад. Изображение: National Park Service

Какое животное наиболее опасно для людей? Давайте посмотрим. Акулы убивают примерно шесть человек в год. На счету львов – около двадцати двух погибших. А нападения слонов забирают ежегодно пятьсот человеческих жизней – кто бы мог подумать! Змеи убивают вдвое больше людей: около тысячи в год. Конечно, мы сами в разы превосходим всех зверей, уничтожая по четыреста тысяч себе подобных ежегодно. Однако истинный убийца намного миниатюрнее и опаснее. Это ничтожный комар. Вот лишь несколько переносимых им болезней: малярия, желтая лихорадка, энцефалит Западного Нила, а теперь еще и вирус Зика. Одни лишь эти крылатые кровопийцы (не говоря о других насекомых) забирают более миллиона жизней в год. Последствия комариных укусов – главная причина смерти детей младше пяти лет.

Другие крошечные создания не желают уступать комарам статус главных палачей. Муха цеце убивает десять тысяч человек в год. *Reduviidae*, или клопы-хищнецы (какое меткое название!), могут похвастаться чуть более впечатляющими достижениями: двенадцать тысяч убитых в год. В общем, каждая шестидесятая смерть вызвана тем или иным насекомым.

Какое значение имеют все эти сведения? Они предостерегают нас, напоминая о том, что мы живем не в человеческую эпоху, а в эпоху насекомых, длящуюся более 400 миллионов лет. Люди обитают на планете Земля каких-то несчастных 300 000 лет, а насекомые существовали за целую вечность до динозавров. Они размножились и расширяли ареол обитания, заполняя все ниши. Существует предположение, что насекомые сыграли важную (если не главную) роль в вымирании динозавров. Как возникла эта гипотеза? Результаты недавних раскопок свидетельствуют о том, что крошечные хищники атаковали неуклюжих ящеров, ослабленных климатическими изменениями конца мелового периода, и сделали их намного более уязвимыми для нападений и болезней. В тот решающий доисторический момент насекомые воспользовались новой возможностью раз и навсегда оттеснить конкурентов, способных посягнуть на новые травы и цветы. Так они положили конец эпохе динозавров.

Неизбежно возникает вопрос о судьбе следующего соперника насекомых, ведь ресурсов на планете становится все меньше. *А вдруг их следующая жертва – мы?*

*Я никак не могу поверить, что всемогущий и милосердный Бог преднамеренно создал *Ichneumonidae* [паразитическая оса], дабы она добывала себе пропитание, заживо поедая изнутри тело гусеницы...*

*Из письма Чарльза Дарвина ботанику Эйсу
Грею от 22 мая 1860 года*

Их просто не понимают.

Дж. Роулинг «Гарри Поттер и кубок огня»

Пролог

31 декабря 1903 года, 11 часов 07 минут по средневропейскому времени

Генуя, Италия

Из заметенной снегом Генуи лихо выехал экипаж. На крутом повороте узкой улочки экипаж нещадно трянуло.

Александр Грэхем Белл застонал. Он простудился во время трансатлантического плавания и еще не совсем выздоровел. К тому же, с тех пор как они с женой две недели назад прибыли в Италию, все шло не очень гладко. Местные власти на каждом шагу препятствовали его плану завладеть останками Джеймса Смитсона, основателя одноименного института, и осуществить своего рода разграбление могилы. Беллу приходилось играть роль шпиона и одновременно дипломата, раздавая направо и налево взятки и лживые заверения. Ему было далеко за пятьдесят, а с этими играми лучше справился бы кто-то помоложе. Напряжение давало о себе знать.

– Алек, давай скажем, чтобы кучер ехал помедленнее, – вцепилась в него жена.

Он похлопал ее по руке.

– Нет, Мейбл. Погода вот-вот переменится, да и французы наступают на пятки. Другого шанса не будет.

Три дня назад, когда удалось собрать наконец все необходимые бумаги, объявились какие-то французы – дальние родственники Смитсона – и тоже начали претендовать на его останки, понятия не имея, что на самом деле поставлено на карту. Пытаясь обойти неожиданное препятствие, Белл доказывал итальянским властям, что, завещав Соединенным Штатам все имущество, Смитсон, несомненно, подразумевал и свое тело. В поддержку данной точки зрения Белл пачками раздавал лиры нужным людям, а кроме того, утверждал – безапелляционно и лживо, – что эту поездку благословил сам Теодор Рузвельт.

Авантюра удалась, но вряд ли эта маленькая победа останется за ним надолго.

Другого шанса действительно не будет.

Он коснулся нагрудного кармана, где лежал свернутый клочок бумаги с обгоревшими краями.

Мейбл заметила его жест.

– Думаешь, оно еще там? В могиле, рядом с телом?

– Судя по всему, да. Кто-то едва не уничтожил эту тайну полвека назад. Нельзя допустить, чтобы итальянцы довершили дело.

В 1829 году племянник похоронил Джеймса Смитсона в Генуе, на маленьком кладбище над морем. В то время холм с кладбищем принадлежал англичанам, но на участок у подножия претендовали итальянцы. Уже несколько лет в холм медленно вгрызалась каменоломня, а сейчас компания хотела и вовсе сровнять его с землей вместе с кладбищем.

Могиле Смитсона угрожала опасность. Перед попечительским советом музея встал вопрос, спасти ли останки, пока их не унесло в море. Именно в ту пору к Александру попало одно старое письмо. Его написал Джозеф Генри, первый секретарь Смитсоновского института, человек, который наблюдал за постройкой замка (главного здания музея) и в конце концов умер в его стенах.

– Генри понимал, что делает, – пробормотал Белл, поглаживая пышную бороду.

– Да, ты восхищался им и ценил его дружбу, – успокаивающе промолвила Мейбл.

Белл кивнул.

Достаточно, чтобы последовать его указаниям и приехать на итальянское кладбище.

За год до смерти Генри написал письмо, в котором рассказал историю, восходящую к эпохе Гражданской войны, когда наступил перелом в пользу Севера. В одном из старых дневников Смитсона Генри попала странная запись. Вообще-то он искал дополнительные сведения о завещании Смитсона, пытаясь выяснить, почему ученый проявил такую щедрость по отношению к стране, с которой его совершенно ничего не связывало. И нашел единственное исключение из завещания – кое-что, *не* переданное Соединенным Штатам. Коллекция минералов Смитсона – дело всей его жизни – хранилась в замке музейного комплекса, но один предмет туда не попал. Смитсон распорядился, чтобы племянник похоронил вместе с его телом *нечто*.

Генри заинтересовался этим настолько, что внимательно перечитал

дневники благотворителя. И в конце концов понял, что речь шла о так называемом *Венце демона*. В дневнике Смитсон писал, что обнаружил его в соляной шахте неподалеку от Балтийского моря. Он сожалел о своей находке и утверждал, что он может оказаться ключом к чему-то страшному.

– «...впустить в мир исчадия ада», – прошептал Александр, цитируя дневник Смитсона.

– Ты правда в это веришь? – спросила Мейбл.

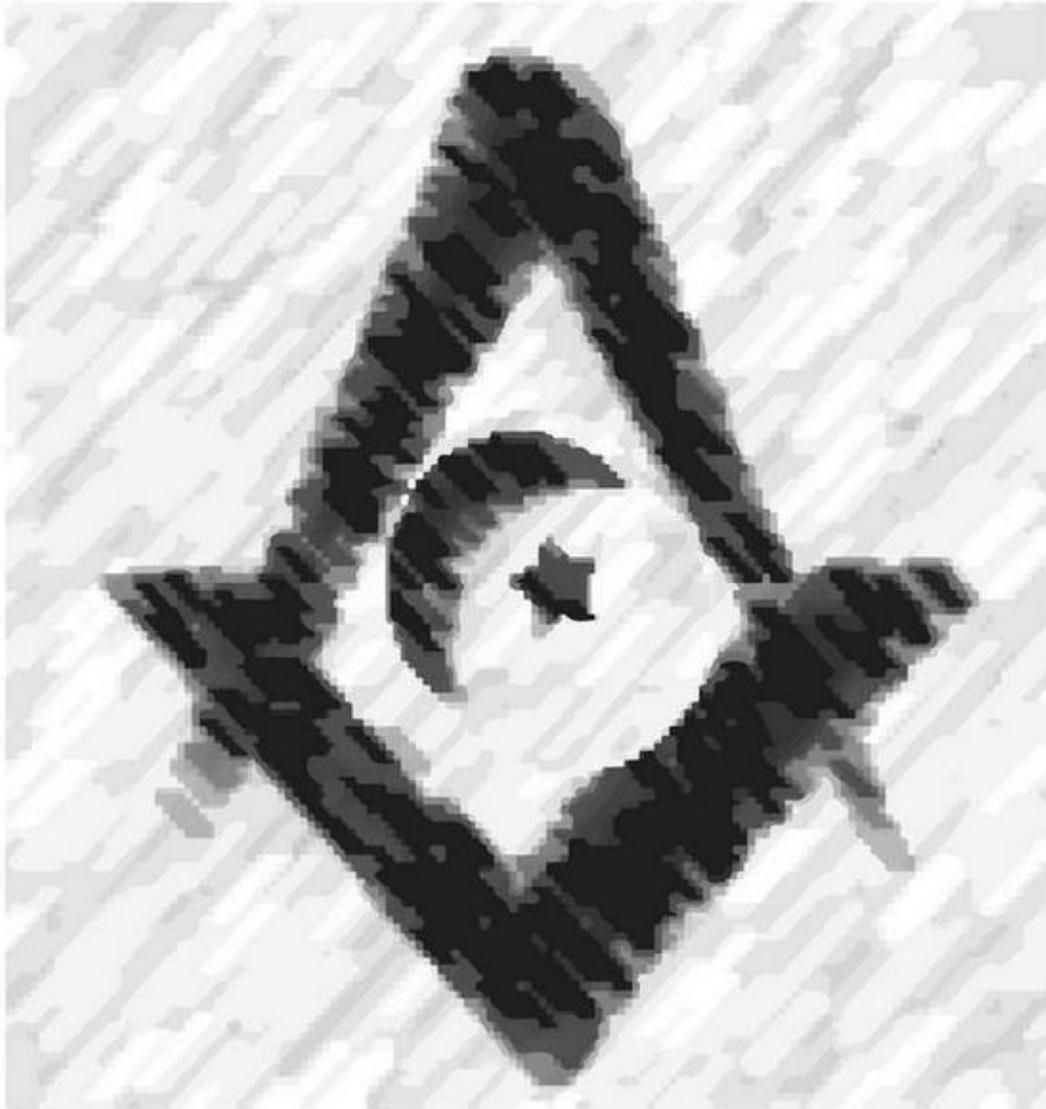
– Кто-то поверил до такой степени, что во время Гражданской войны пытался дотла сжечь музей.

По крайней мере, так думал Генри.

Узнав тайну Смитсона, Генри начал обсуждать ее с другими членами попечительского совета. Он даже размышлял вслух о том, что этот артефакт можно использовать в качестве оружия. А спустя три дня в замке случился пожар – похоже, хотели сжечь отдел, где хранились документы Смитсона и его коллекция минералов.

Генри заподозрил, что кто-то из коллег передает информацию конфедератам. К счастью, дневник Смитсона с непосредственным упоминанием артефакта находился в кабинете Генри, поэтому записи не очень пострадали от огня – сгорела лишь обложка. О своих подозрениях и факте спасения дневника Генри сообщил лишь нескольким проверенным единомышленникам. В последующие годы им открылись самые страшные тайны музея. Часто информацию утаивали даже от президента.

Взять, к примеру, загадочную татуировку на запястье мерзавца, виновного в поджоге. Допросить его не успели – он перерезал себе горло. В письме Генри сделал набросок, чтобы предостеречь будущие поколения.

Символ походил на масонский – и больше ничего о нем выяснить не удалось. Спустя несколько десятилетий, когда возникла угроза для могилы Смитсона, собранные Генри люди обратились к Александру Беллу, понимая, что проверить в Италии сомнительный план в состоянии лишь очень известный и уважаемый человек.

Александр не знал, какая находка ждет его в могиле Смитсона, но согласился участвовать и даже вложил в поездку собственные деньги. Он просто не мог отказаться.

Я должен сделать это ради Генри.

Подпрыгнув на ухабе, экипаж повернул еще раз и выехал на вершину холма. Отсюда открывался вид на Геную и бухту, набитую груженными углем баржами; те стояли так тесно, что казалось, можно перебраться через

бухту, прыгая с одной на другую. А рядом раскинулось кладбище, белые стены которого были утыканы сверху битым стеклом.

– Мы опоздали? – спросила Мейбл.

Белл тоже встревожился – часть кладбища уже поглотил мраморный карьер. Выйдя из экипажа на пронизывающий ветер, он заметил внизу разбросанные гробы и содрогнулся, но не от холода.

– Поспешим, – сказал Белл.

Кучка людей в теплых пальто, несколько мелких чиновников и трое рабочих собрались возле массивной гробницы с оградой из металлических прутьев. Александр ускорил шаг, сгибаясь от ветра и поддерживая жену.

Он приветствовал кивком Вильяма Бишопа, американского консула.

– Надо управиться поскорее, – сказал тот, постукивая пальцем по часам. – Я слышал, французский нотариус уже едет сюда из Парижа.

– Да, чем раньше поднимем на борт «Принцессы Ирены» останки нашего уважаемого коллеги и отправимся обратно в Америку, тем лучше.

Пошел снег.

Лаконичная надпись на сером мраморном постаменте гласила:

*Здесь
покоится
Джеймс Смитсон,
эквайр,
член Лондонского
королевского общества,
скончавшийся в Тенуе
26 июня 1829 года
в возрасте 75 лет*

Бишоп перекинулся несколькими словами с одним из итальянских чиновников; двое рабочих начали ломом поднимать крышку гробницы, третий готовил цинковый гроб: кости предстояло положить туда и запечатать для плавания через Атлантический океан.

Тем временем Александр снова посмотрел на постамент и нахмурился.

– Странно...

– Что именно? – переспросила Мейбл.

– Здесь сказано, что Смитсон умер в возрасте семидесяти пяти лет.

– И что?

Он покачал головой.

– Смитсон родился пятого июня тысяча семьсот шестьдесят пятого года. Когда он умер, ему было всего шестьдесят четыре года. Автор

надписи ошибся на одиннадцать лет.

– Это важно?

– Не уверен, – пожал плечами Александр. – Вообще-то племянник Смитсона должен знать его настоящий возраст. Тем более если взялся устанавливать надгробие.

Когда подняли крышку гробницы, Бишоп жестом подозвал Александра.

– Наверное, нужно воздать почести.

Сказал «а», *нужно говорить и «б»*. Белл подошел к Бишопу, и они склонились над открытой могилой. Деревянный гроб давно истлел, и теперь скелет окутало плотным саваном пыли. Благоговейно протянув руку, Белл раздвинул щепки и вынул череп, на удивление хорошо сохранившийся.

Отступив на шаг, он взглянул в пустые глазницы основателя Смитсоновского университета.

Автор надписи не ошибся относительно того, что Смитсон был уважаемым членом Лондонского королевского общества – одной из самых авторитетных научных организаций. По правде говоря, Смитсона упростили туда вступить, едва он окончил университет. Талант ученого был очевиден. Затем он в качестве химика и минералога провел большую часть своей жизни в экспедициях, собирая образцы руды и минералов.

И все же этого человека окружало множество тайн.

Почему, к примеру, он завещал свое состояние и коллекцию Соединенным Штатам?

– Мы бесконечно тебе обязаны, – пробормотал Александр, обращаясь к черепу. – Твоя душевная щедрость навсегда изменила нашу юную страну. Твое наследие показало величайшим умам Америки, что нужно отказаться от мелких устремлений и работать сообща ради всеобщего блага.

– Хорошо сказано, – одобрил Бишоп.

С каждой секундой мороз крепчал, и консул явно хотел как можно скорее покончить с этим делом.

Александр, тоже не собиравшийся мешкать, передал череп рабочему для погрузки в цинковый гроб, а сам вернулся к могиле. Раньше он уже заметил в уголке нечто треугольное.

Вновь свесившись над ямой и смахнув пыль, Белл достал маленький металлический контейнер.

Неужели это и есть вместилище кошмаров?

Контейнер оказался неожиданно тяжелым. Белл отнес его в сторону и поставил на ближайшее надгробие. Бишоп распорядился, чтобы рабочие

вынули остальные кости, а сам вместе с Мейбл снова подошел к Беллу.

– Ты нашел то, что искал? – спросила жена.

– Этот предмет не должен упоминаться нигде и никак, даже неофициально, – напомнил Александр Бишопу. – Ясно?

Кивнув, тот оглянулся на остальных.

– Вы щедро заплатили за молчание.

Удовлетворившись этим, Александр откинул крышку контейнера. Внутри на кучке песка покоилось нечто, размером и цветом напоминающее тыкву.

– Что это? – спросила Мейбл.

– Кажется... кусок янтаря.

– Янтарь? – переспросил Бишоп, и в его голосе прозвучала нотка алчности. – Ценный?

– Ничего особенного. Окаменевшая смола. – Нахмурившись, Белл склонился ниже. – Бишоп, вы не могли бы на минуту взять вон у того рабочего фонарь?

– Зачем?

– Просто сделайте, что я говорю. Время поджимает.

Бишоп кинулся исполнять поручение.

– Что думаешь, Алек? – спросила Мейбл, стоявшая рядом.

– Внутри что-то есть, просвечивает сквозь янтарь...

Вернулся Бишоп с фонарем.

Александр подкрутил пламя ярче и поднес фонарь к полупрозрачному куску янтаря. Тот вспыхнул ярким медово-желтым цветом, освещая свое содержимое.

– Там кости? – ахнула Мейбл.

– Судя по всему, да.

Очевидно, в могиле Смитсона тлели не только его останки.

– А что за кости? – спросил Бишоп.

– Понятия не имею. Несомненно, очень древние.

Склонившись еще ниже, он прищурился. В янтарной глубине покоился маленький, величиной с кулак, треугольный череп с широким рядом острых зубов. Он явно принадлежал рептилии, возможно, маленькому динозавру. В светящемся янтаре парили и несколько более мелких косточек. Александр представил себе, как живица древнего дерева стекает в предыдущую могилу этого существа, перемешивает косточки, а затем они навеки застывают...

Самые крошечные косточки поднялись над черепом, собравшись в жутковатый нимб.

Словно корона.

Он оглянулся на Мейбл. Та ахнула, когда узнала форму и поняла, что Смитсон писал именно об этом. О том, что он метко окрестил Венцом демона.

– Не может быть, – прошептала Мейбл.

Белл кивнул. В кармане у него лежала обгоревшая страница из дневника Смитсона, на которой покойный впечатляюще описал этот предмет. «Знайте, что Венец демона полон жизни...»

Александр содрогнулся от ужаса.

«...и готов впустить в мир исчадия ада».

3 ноября 1944 года, 20 часов 34 минуты по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

– Осторожно, там в темноте крысы, – предупредил Джеймс Рирдон у входа в туннель. – Очень агрессивные твари. Пару недель назад чуть палец не отхватили одному из рабочих.

Арчибальда Маклиша, снимавшего пиджак, едва не передернуло от отвращения. Толком подготовиться к спуску в подземелье не удалось: вечернее заседание в библиотеке Конгресса затянулось, и Арчибальд поздно сюда добрался.

Он посмотрел на пять ступенек, ведущих вниз, в старый подземный туннель, соединяющий замок Смитсоновского института с более новым соседним зданием по ту сторону аллеи. Музей естественной истории построили в 1910 году и на запряженных лошадьми экипажах перевезли туда десять миллионов экспонатов. Следующие двадцать лет здания соединяла общая система подземных коммуникаций протяженностью семьсот футов, но в ходе дальнейших перепланировок туннель в конце концов закрыли. Лишь время от времени туда спускалась бригада рабочих.

И, судя по всему, какой-то хищник-переросток.

Тем не менее, Арчибальд полагал, что заброшенный туннель еще послужит. В начале Второй мировой войны, будучи директором библиотеки Конгресса и главой Комитета по охране культурного наследия, он получил задание отправить в безопасное место главные достояния страны. Маклиш опасался бомбардировок, подобных лондонским, и лично проследил за тем, чтобы бесценные документы (Декларацию независимости, Конституцию и даже копию Библии Гуттенберга) отправили в безопасное место – в Форт-Нокс. Национальная художественная галерея перевезла драгоценные шедевры в Билтмор, в Северную Каролину, а Смитсоновский институт

закопал «Звездное знамя» в национальном парке Шенандоа.

Все эти шаги были чрезвычайно важными, но Арчибальда очень злило отсутствие по-настоящему масштабного подхода. Он ведь еще в 1940 году предлагал радикальное решение: построить бомбоубежище под центральной частью Вашингтона. К сожалению, в Конгрессе его проект зарубили на корню – он показался слишком дорогим.

Несмотря на неудачу, Арчибальд не оставил свою идею. И так в итоге попал в подвалы Смитсоновского замка, оборудованные под временные бомбоубежища. Три недели назад он нанял двоих инженеров, чтобы выяснить, нельзя ли тайно соорудить еще одно убежище, расширив туннель сбоку. Два дня назад инженеры во время своей вылазки нашли в туннеле на полпути под аллеей боковую дверь, скрытую трубами и заложенную кирпичной кладкой.

Арчибальд сразу же поставил в известность Джеймса Рирдона, заместителя секретаря Смитсоновского института. Они издавна дружили, поэтому Джеймс поддерживал попытки Арчибальда соорудить бомбоубежище. Появилась надежда, что новое открытие возродит интерес к проекту. Дополнительным аргументом служило имя человека, устроившего тайник: когда разобрали кирпичную кладку, на стальной двери обнаружили табличку с надписью «Александр Грэхем Белл». А еще там было предупреждение:

За этой дверью чудо – и в то же время величайшая опасность. Оно может навсегда изменить судьбу человечества, а попав в плохие руки – всех погубить. Мы, нижеподписавшиеся, считаем этот предмет слишком опасным, чтобы предавать огласке, однако и уничтожить его не осмеливаемся, потому что он может содержать ключ к жизни, побеждающей смерть.

Джемс выяснил, что никого из них уже нет в живых, и ничто не указывало на обстоятельства, которые заставили Белла спрятать некую загадку в туннеле.

Соблюдая такой же уровень секретности, Арчибальд рассказал об обнаруженной двери только своему другу Джеймсу. С инженеров взяли клятву молчать. Теперь они ждали внизу, в готовности сбить замок и собственными глазами увидеть, какую тайну так тщательно скрыли почти сорок лет назад.

– Пора, – сказал Джеймс, взглянув на карманные часы.

Арчибальд знал, что они и так на час отстают от графика.

– Показывай дорогу.

Джеймс нырнул в проход и спустился по ступенькам. Он шел энергично, а вот Арчибальду потребовалось больше времени, чтобы преодолеть узкую крутую лестницу. Впрочем, Джеймс на пятнадцать лет моложе, вел активный образ жизни и выезжал в геологические экспедиции. Арчибальд же был пятидесятичетырехлетним поэтом, которого Франклин Рузвельт уговорил заняться кабинетной работой. Позднее Маклиш описал свое назначение так: «Президент решил, что я хочу стать директором библиотеки Конгресса».

Путь освещали электрические лампочки в проволочных сетках, расположенные под низким потолком. Некоторые были выкручены или разбиты – в этих местах туннель погружался в темноту.

Джеймс включил мощный электрический фонарь. Арчибальд шел за ним. Он мог бы выпрямиться здесь во весь рост, но двигался, низко опустив голову, чтобы не удариться о темные трубы, свисающие с потолка, – особенно после того, как услышал там скрежет коготков и копошение.

Джеймс вдруг остановился, и Арчибальд чуть на него не налетел.

– Что слу...

Впереди послышался резкий звук.

Джеймс обернулся, встревоженно хмурясь.

– Стреляли.

Он выключил фонарь и достал из-под рабочей куртки «Смит-и-Вессон». Арчибальд не знал, что его друг вооружен, хотя, учитывая, какая огромная опасность таится внизу, револьвер мог оказаться не лишним.

Джеймс сунул ему фонарь, а сам вцепился в рукоять револьвера.

– Возвращайся и приведи подмогу.

– Откуда? Наверху сейчас ни души. Пока я подниму тревогу, будет уже поздно. – Арчибальд перехватил длинный фонарик, словно дубинку. – Я иду с тобой.

Спор закончился: впереди прозвучал приглушенный взрыв.

Поморщившись, Джеймс двинулся вперед, держась у стены и стараясь не выходить из тени. Арчибальд пробирався вслед за ним.

Через несколько шагов их накрыло облаком пыли от взрыва. Впрочем, воздух скоро очистился, чего нельзя было сказать о туннеле: пол и трубы накрыло копошащимся темным ковром.

Крысы... Полчища крыс.

Припав к стене, Арчибальд едва сдерживал крик. Что-то плюхнулось ему на плечо, а потом пискнуло и прыгнуло на пол. По его ботинкам

семенили крошечные лапки. Несколько крыс взбирались по штанинам, словно карабкаясь на дерево, стоящее посреди разливающейся реки.

Казалось, идущий впереди Джеймс ничего не замечает. Он шагал, не обращая внимания на копошение под ногами.

Стиснув зубы, Арчибальд бросился вдогонку за другом.

Они поравнялись с длинной полосой разбитых лампочек, и тут впереди замерцал свет. На полу стояли два фонаря, освещаая тело.

Это был один из инженеров.

Слева в круг света вошли темные силуэты.

Трое в масках.

Опустившись на одно колено, Джеймс нажал на спусковой крючок. От звука выстрела Арчибальд подпрыгнул и едва не оглох.

Один из чужаков дернулся и сполз по стене.

Вскочив на ноги, Джеймс побежал вперед и выстрелил еще раз. У Арчибальда перехватило дыхание, а потом он тоже бросился вперед. В дальнейшей неразберихе, освещаемой вспышками выстрелов, увидел, как один из людей в масках пытается поднять на ноги раненого товарища. Джеймс снова и снова нажимал на спусковой крючок. Пули с визгом отлетали от бетонных стен.

Третий чужак бросился бежать, стиснув в руке тяжелый мешок и стреляя через плечо. Он не целился: ему явно важнее было спастись. Сообщник наконец последовал за ним – выстрелы Джеймса заставили его забыть про лежащее на полу тело.

Когда Джеймс и Арчибальд подбежали ближе, обоих отбросило назад еще одним взрывом. Из открытого слева прохода в туннель вырвалось пламя.

Арчибальд вскинул руку, защищая лицо.

Потом Джеймс снова побежал вперед.

Оказавшись у двери, Маклиш быстро оценил ситуацию. Инженера, который, скрючившись, лежал у порога, убили выстрелом в затылок. Второй умер в помещении. Его одежду охватило пламя от взрыва. В глубине комнатки полыхал книжный шкаф и его содержимое. В наполненном дымом воздухе еще кружились горящие страницы.

Джеймс принялся обыскивать лежащий на полу труп, сбивая пламя с одежды.

В центре комнаты стояла колонна высотой примерно в половину человеческого роста. Под ней лежал опрокинутый и открытый контейнер – видимо, его смело с постамента взрывом. Казалось, в этом металлическом сундуке ничего нет, кроме кучки песка; от удара о пол песок высыпался.

Арчибальд вспомнил тяжелый мешок, с которым убегал вор, и у него упало сердце: что бы ни спрятал в этой комнате Белл и его единомышленники, теперь оно пропало. И все же, прикрывая рукой нос и рот, он нырнул в волну раскаленного воздуха. Его внимание привлекло нечто, лежащее в песке.

Обойдя труп инженера, Арчибальд наклонился и вытащил из песка свою находку: журнал для полевых заметок. Кожаная обложка почернела от намного более древнего огня, чем тот, который бушевал сейчас. Выйдя из комнаты и быстро пролистав страницы, Арчибальд увидел, что большинство страниц обуглены или вырваны – но не все. Воры, скорее всего, не заметили присыпанную песком старую тетрадь на дне сундучка.

– Взгляни сюда, – сказал Джеймс, сидевший на корточках в туннеле.

Арчибальд посмотрел на мертвое лицо, с которого сорвали тканевую маску, и ахнул.

– Господи, женщина!..

Странные открытия на этом не закончились.

У нее были черные волосы и широкие скулы, а слегка скошенные глаза не оставляли сомнений в ее происхождении.

– Японка, – пробормотал Арчибальд.

– Скорее всего, диверсантка, – кивнул Джеймс. – Но я вот что хотел показать...

Он приподнял безжизненную руку, чтобы продемонстрировать татуировку на внутренней стороне запястья.

– Что думаешь?

Арчибальд наклонился, внимательно вглядываясь.

– Что это может означать?

Он оглянулся на горящую комнату. Перекошенная дверь висела на петлях: ее, очевидно, снесло взрывной волной. Табличка с выгравированной надписью блестела, словно подсвечивая давнее предупреждение.

«...величайшая опасность».

– Понятия не имею, – ответил Арчибальд. – Но ради нашего народа и, возможно, всего мира мы должны это выяснить.

Часть первая
Колонизация

Глава 1

*Наши дни 8 марта, 15 часов 45 минут по бразильскому времени
Кеймада-Гранди, Бразилия*

Распластанное лицом вниз тело было наполовину скрыто песком и травой.

– Бедняга почти добрался до лодки, – заметил профессор Кен Мацуи.

Он отошел, чтобы врач – молодая женщина по имени Ана Луис Чавос – осмотрела тело. Каждого, кто официально ступал на Кеймада-Гранди (остров примерно в двадцати милях от берега Бразилии), обязаны были сопровождать врач и представитель военно-морского флота.

Их военный сопровождающий, старший лейтенант Рамон Диас, осмотрел моторную лодочку, спрятанную между скал в нескольких шагах отсюда.

– *Caçador furtivo... idiota*, – презрительно фыркнул он, сплюнув на песок.

– Говорит, что это, скорее всего, браконьер, – пояснил Кен своему аспиранту, с которым они приехали из Корнеллского университета.

У двадцатисемилетнего Оскара Хоффа была бритая голова, левое плечо рукавом охватывала полоса татуировок. С виду – крутой парень из уличной банды. Но этот образ мог ввести в заблуждение разве что какую-нибудь наивную студентку, легко поддающуюся первому впечатлению. Оскар – побледневший и скрививший губы – явно впервые в жизни видел труп. Хотя, конечно, от такого зрелища кому угодно могло стать не по себе. Над телом потрудились крабы и птицы, а песок вокруг почернел от широко разлившейся лужи крови.

Казалось, это все мало волнует доктора Чавос. Она осмотрела сначала одну руку покойника, затем другую, села на корточки и будничным тоном промолвила что-то на португальском, глядя сначала на Диаса, а потом на волны, над которыми низко нависало солнце. До заката оставалась буквально пара часов.

– Он умер минимум три дня назад, – объявила доктор по-английски, указывая на левую руку покойника.

Кожа от локтя до запястья почти полностью почернела. Сквозь отмершие ткани просвечивали белые кости.

– ...от укуса змеи.

– *Bothrops insularis*, – предположил Кен, взглянув на ближайшие скалы

и тропический лес, покрывавший этот небольшой – всего в сотню ярдов – остров. – Островной ботропс.

– Потому мы и называем этот остров Змеиным, – сказал Диас. – Они здесь хозяева, а кто этого не понимает – рискует поплатиться.

Остров кишел змеями – которые к тому же нигде больше не водились. Поэтому бразильские военные не могли использовать остров Кеймада-Гранди. Они лишь прибывали раз в два месяца для обслуживания местного маяка. И даже маяк пришлось перевести в автономный режим после того, как вся семья первого зрителя (муж, жена и трое детей) погибла однажды ночью, когда в открытое окно проскользнула змея.

С тех пор остров закрыли для посещения туристов. Время от времени сюда пускали исследовательские группы – в сопровождении военных и врача с сывороткой.

Именно такая группа прибыла сегодня.

Кен сумел организовать эту поездку благодаря весомой поддержке японских спонсоров. Завтра здесь ожидали бурю, и им с Хоффом пришлось поспешить. Они едва успели выехать из гостевого дома в поселке Итаньяэн и сесть на лодку.

– Нужно найти и поймать двух ваших особей, пока не стемнело, – заметила Ана Луис, поднимаясь на ноги. Надувная лодка «Зодиак» стояла в ближайшей песчаной бухточке. – После наступления темноты здесь ничего хорошего не происходит.

– Мы быстро, – пообещал Кен. Он достал крюк с долгой рукоятью и дал Оскару последние указания: – На каждый квадратный ярд этого острова приходится по змее. Поэтому держись позади, а я пойду первым. И помни, что смерть всегда в одном-двух шагах от тебя: она прячется под камнем или затаилась в ветвях.

Аспирант покосился на лежащий у воды труп – достаточно убедительное напоминание о том, как здесь опасно.

– Зачем?.. Зачем идти на такой риск и пробираться сюда в одиночку?

– За каждую местную гадюку на черном рынке дают минимум двадцать тысяч долларов, – ответила Ана Луис. – Иногда больше.

– Браконьерство – прибыльный бизнес, – объяснил Кен. – Мне в разных уголках света попадалось немало таких зоопиратов.

И я далеко не впервые вижу человека, погибшего из-за собственной жадности.

Кен был всего на десять лет старше своего аспиранта, но провел много времени в экспедициях. Он ездил в разные уголки света и защитил две диссертации: по энтомологии и токсикологии. Его интересовали яды

животного происхождения.

Объединение разных научных сфер выглядело довольно логичным, учитывая смешанное происхождение самого Кена. Его отец был чистокровным японцем. В детстве он попал в лагерь для интернированных в Калифорнии. Мать Кена, немка, почти ребенком иммигрировала в США после войны. Кен всю жизнь слышал расхожую шутку о том, что его семья – это мини-версия союза Оси ^[1] посреди американской глубинки.

Два года назад родителей не стало, умерли с разницей всего в месяц. Их наследие – смесь кровей – проявилось в бледной коже Кена, его густых темных волосах и слегка раскосых глазах. А еще смешанное происхождение (японцы называли таких полукровок «хафу») помогло Кену получить этот грант. Исследовательский визит на Кеймада-Гранди частично профинансировала японская фармацевтическая компания «Танака» в надежде открыть очередное чудо-лекарство на основе яда местных обитателей.

– Идем, – сказал Кен.

Оскар напряженно сглотнул и ответил кивком, перебирая набор щипцов для ловли змей. Эти приспособления гарантировали безопасность при ловле рептилий, но Кен предпочитал простые крючья: меньше стресса для животных. Если щипцами орудовали чересчур бесцеремонно, змея могла почувствовать угрозу и наброситься.

Двигаясь от берега в глубину острова, люди ступали бережно, каждый раз выбирая, куда ставить ноги, обутые в высокие, до колена, ботинки. Песок быстро перешел в полосу каменистой земли, поросшую низким кустарником. Дальше начиналась темная бахрома тропического леса.

Надеюсь, нам не придется искать змей в тех зарослях.

– Посмотри под кустами, – сказал Кен и крючком на кончике шеста приподнял склонившиеся к земле ветки. – Только не пытайся их там ловить – сначала пусть выползут на открытое пространство.

У Оскара тряслись руки, когда он, следуя примеру Кена, обшаривал ближайший куст.

– Вдохни поглубже. Ты умеешь их ловить, – подбодрил парня Кен. – Здесь все в точности так же, как в нашем зоопарке.

С перекошенным от страха лицом Оскар обыскал первый куст.

– Ни... ничего.

– Хорошо. Двигайся дальше. Постепенно.

Ступая впереди, Кен заговорил веселым тоном, чтобы разогнать страх Оскара:

– Когда-то считалось, что змей завезли на остров пираты, чтобы те

стерегли закопанные здесь сокровища.

Доктор Чавос фыркнула, а Диас лишь нахмурился.

– Судя по всему, это были не пираты, – сказал Оскар.

– Нет. Данная популяция гадюк появилась примерно одиннадцать тысяч лет назад, когда поднялся уровень океана и перешеек, соединявший остров с материком, затопило. У здешних гадюк не было естественных врагов, и они быстро расплодились. Но единственный источник пищи находился на деревьях.

– Птицы...

– Над этим островом пролегают миграционные пути, поэтому змеи каждый год собирали щедрый урожай. Однако птицы оказались более сложной добычей, нежели та, что прикована к земле. Змеи вползали на деревья, но если укушенная птица улетала, она была для них потеряна. Поэтому их яд в ходе эволюции стал в пять раз токсичнее, чем у материковых собратьев.

– Чтобы укушенная птица умирала как можно быстрее.

– Да. Яд местных тварей воистину уникален: самый настоящий коктейль из токсинов, и они не просто разъедают плоть! Под их действием отказывают сердце и легкие, начинаются мозговые и кишечные кровоизлияния. Вообще-то мы здесь именно ради этих гемотоксичных составляющих. Они очень перспективны для разработки лекарств от сердечно-сосудистых заболеваний.

– Так мы здесь пытаемся найти новый «Каптоприл»?.. – заметил Оскар.

– Ну, есть такие надежды у людей из «Танаки».

По правде говоря, эти надежды вполне могли оказаться обоснованными. «Каптоприл» – лекарство от повышенного давления, пользующееся большим спросом, – разработали в «Бристоль-Майерс Сквибб» на основе яда *Bothrops jararaca* (еще одной бразильской гадюки и близкого родственника местного вида).

– Кто знает, какие еще секреты скрывает этот яд? – продолжал Кен. – Вот, скажем, «Приалт» – мощное обезболивающее. «Илан фармасьютикалс» только что выпустили его на рынок. А ведь это разработка на основе токсина ядовитых моллюсков. Белок, обнаруженный в яде аризонского ядозуба, исследуют на предмет создания чудо-средства от болезни Альцгеймера. Компании по всему миру вкладывают немалые средства в программы по изучению ядов в надежде открыть новые лекарства.

– Похоже, наступило хорошее время для токсикологов,

специализирующихся на ядовитых тварях, – широко улыбнулся Оскар. – Может, нам и самим стоит открыть свое дело... Акционерное общество «Яды»!

Кен шутливо ткнул в аспиранта крюком для ловли змей.

– Ты сначала свою первую змею поймай, а потом поговорим о собственном бизнесе.

Улыбаясь, Оскар двинулся к следующему колючему кусту, наклонился и приподнял нижние ветки. Что-то вырвалось из-под них и поползло по камням. Оскар вскрикнул, попятился и наткнулся на Ану Луис. Оба упали на землю. Змея длиной два фута поползла прямо к ним.

Кен прыгнул вперед и прижал ее к земле посередине, а потом осторожно приподнял. Змеиное тело беспомощно обвисло, крошечная голова с высунутым языком болталась.

Оскар попытался отползти подальше.

– Не бойся. Это *Dipsis indica*, полностью безобидный вид. Питается улитками.

– Я... я думал, она набросится на меня, – сказал Оскар, покраснев от стыда.

– Обычно эти маленькие змеи не нападают. Действительно странно, что она поползла к тебе. – Кен прикинул направление. – Скорее она просто ползла к берегу.

Как и браконьер.

Эта мысль ему не понравилась. Он взглянул в противоположном направлении, на ряд скал впереди и лес за ними. Опустил змею на камни, и та поползла дальше к песчаной полоске пляжа.

– Идем, – скомандовал Кен, взбираясь по склону.

За гребнем находилась выстланная песком ложбина. Кен ошеломленно застыл на краю. Того, что он увидел, просто не могло быть.

Почти все камни и открытые полосы песка были покрыты золотисто-желтыми змеями. Сотни королев острова – *Bothrops insularis*.

– Боже, – выдохнул Оскар, содрогнувшись.

Ана Луис перекрестилась, Диас поднял ствол и сразу опустил – не было необходимости стрелять.

– Все мертвы, – пробормотал Кен.

Но почему?

Ни одно из тел в песчаной чаше не шевелилось. И там были не только змеи. На самом дне лицом вниз лежало еще одно неподвижное тело.

Диас что-то сказал Ане Луис на португальском, та кивнула. Кен достаточно хорошо знал язык, чтобы понять: скорее всего, это был

сообщник браконьера, найденного на берегу. Во всяком случае, эти люди были одинаково одеты.

Сейчас никому ничего не угрожало, но люди не могли сдвинуться с места, парализованные ужасом.

– Этот парень что, еще дышит? – подал голос Оскар.

Кен прищурился. Совершенно исключено!.. Впрочем, молодой аспирант оказался более зорким, чем остальные. У человека внизу действительно поднималась и опускалась грудь, хотя и неравномерно, рывками.

Ана Луис вполголоса выругалась и шагнула вперед, снимая с плеча сумку.

– Подождите, – остановил ее Кен. – Давайте сначала спущусь я. Возможно, некоторые змеи еще живы. И даже мертвые змеи могут кусать.

Ана Луис оглянулась, недоверчиво наморщив лоб.

– Существует немало рассказов о том, как человек отрубил голову кобре или гремучей змее, а его все равно укусили. У многих холоднокровных животных рефлекс работают даже после смерти.

Крючком отодвигая с пути тела, Кен медленно двинулся вниз по склону. Казалось, гадюки действительно мертвы. Они совершенно не реагировали на приближение людей – самый убедительный знак, учитывая их агрессивность.

Спускаясь ниже, он все яснее чувствовал непонятную вонь. Конечно, здесь ожидаемо стоял смрад плоти, разлагающейся на солнце. Но было нечто еще, более сильное. Тошнотворно-сладковатый запах, словно от гниющего цветка.

Почему-то сердце начало биться быстрее, словно включился какой-то древний рефлекс распознавания опасности.

Чувства обострились, и только сейчас Кен наконец заметил, что в ближнем тропическом лесу стоит жуткая тишина. Ни стрекота насекомых, ни щебета птиц – ничего, кроме шороха листьев. Остановившись, он взвел курок револьвера.

– Что там? – спросила Ана Луис.

– Возвращайтесь.

– А что...

Кен попятился, тесня ее вверх и не отводя глаз от лежащего на земле тела. Теперь он мог хорошо рассмотреть лицо.

Глаз не осталось. Ноздри забила запекшаяся кровь.

Несомненно, этот человек давно умер.

И все же грудь вздымалась. Только не от предсмертных вздохов.

Внутри что-то шевелилось. Что-то живое.

Кен попятился быстрее, по-прежнему боясь отвести взгляд.

Доктор поднялась на гребень к остальным, когда из тропического леса донесся еще один звук. Из тени поднимался тихий гул, от которого волосы встали дыбом. К нему добавилось какое-то странное сухое постукивание. Кену хотелось бы списать все на трение веток. Но ветра не было.

Это больше напоминало стук костей.

Он развернулся и несколькими прыжками выбрался на вершину.

– Нужно убираться с... – выпалил он, задыхаясь.

Взрыв не дал ему договорить. В небо взметнулся столб огня справа, из бухточки, где они оставили «Зодиак». Сквозь дымовую завесу пронесся маленький черный вертолет. Сверху застрекотали автоматные выстрелы, вспыхивая между скал и прошивая песок.

Первым упал Оскар – его шея превратилась в кровавый кусок мяса.

Диас попытался открыть огонь в ответ, но сразу же упал навзничь.

Ана Луис кинулась было бежать... Ее расстреляли в спину.

Бросившись обратно в ложбину, Кен опоздал всего на миг: плечо прошла боль. Выстрелом его сбilo с ног. Он упал и покатился вниз по холодным змеиным трупам. Оказавшись на дне, замер, почти скрытый змеиными телами.

Вертолет пронесся над головой, потом снизился и описал полукруг.

Кен затаил дыхание.

Вертолет наконец вернулся к пляжу – скорее всего, чтобы убедиться, что «Зодиак» действительно уничтожен. Рокот двигателя стих вдали.

Улетает?

Кен боялся шевельнуться, хотя рокот, ставший более громким, доносился теперь из джунглей. Он приподнял голову, чтобы видеть ближайшую полосу деревьев. Какой-то туман, более густой, чем сумерки, вился меж ветвей, поднимаясь из-под лесного полога. Жуткое щелканье становилось все громче.

Что сейчас будет...

Мир охватило пламя.

Из леса донеслись взрывы чудовищной силы, выталкивающие в небо спиралевидные огненные кляксы. Взрывы прокатились залпами по всем лесистым возвышенностям острова. Вокруг Кена градом сыпались раздробленные стволы деревьев. Едкий удушающий дым клубился над скалами, уничтожая то, что осталось от острова.

Кен пополз вперед. Его выворачивало от кашля. Язык жгло от вивавшего в воздухе едкого химического привкуса.

Напалм... Или еще какой-то горючий дефолиант.

Легкие разъедало. Кен перевалился через гребень и пополз на пляж. Он хотел добраться до воды, до лодочки, спрятанной между скал браконьерами, и молился, чтобы дымовая завеса его прикрыла. Он почти ничего не видел, но ощутил ладонями холодную воду, погрузился в нее и двинулся к лодке.

А позади огонь пожирал остров, выжигая его до основания.

Едва держась на ногах, Кен добрался до лодки, перевалил через борт и упал на спину. Он не собирался выходить в море, пока не сядет солнце. Хотел дождаться, когда покров дыма и темнота опустятся на воду и спрячут его, если к тому времени вертолет еще не улетит.

По крайней мере, он надеялся, что в темноте у него больше шансов.

А тем временем боль в плече помогала не потерять сознание и поддерживала стремление – такое же жгучее, как бушевавший за бортом огонь.

Кен прижал к груди тугую сумку. Он успел бросить туда тело одной из мертвых змей.

Я выясню, что здесь произошло.

Глава 2

4 мая, 08 часов 38 минут по японскому времени

Токио, Япония

В храмовом саду опустился на колени старик. Он сидел в традиционной японской позе сэйдза: спина прямая, ноги подогнуты. Девяностолетние кости пронзала боль – в них врезались булыжники храмовой дорожки, – но старик не обращал внимания. За спиной последние лепестки цветущей вишни осыпались на древнюю пагоду Канъэй-дзи. Пик знаменитого сезона закончился три недели назад – тогда в парки Токио хлынули туристы, которые жадно созерцали и фотографировали лучшие моменты цветения.

Что же касается Такаси Ито, ему больше нравились последние дни сезона: разлитая в воздухе меланхолия была созвучна его собственной грусти. Маленьким веером он смахнул иссохшие лепестки с невысокого, по пояс, камня, что стоял перед ним.

От колебаний воздуха над курильницей благовоний, стоящей у подножия камня, поднялись струйки дыма. То был аромат нескольких сортов древесины алойного дерева и экстракта коры магнолии. Такаси взмахами веера направил к себе дымок, надеясь обрести благословение и приобщиться к тайне.

И снова уже в который раз ему вспомнились строки Отагаки Ренгецу, буддистской монахини, жившей в XIX веке:

Один завиток
Ароматного дыма
С палочки тонкой
Без следа ускользает.
Что он уносит с собой?

Одинокая черная ленточка дыма растворилась в воздухе, оставив после себя лишь сладкий аромат.

Так исчезла и ты много лет назад, возлюбленная моя Миу.

Закрыв глаза, Ито молча молился. Каждый год он приезжал сюда в годовщину свадьбы. Когда они с Миу тайно поженились, им было по восемнадцать. Такие юные и полные надежд... Их объединяла не только

любовь, но и общее дело. Десять лет тренировались они вместе, оттачивая необходимые навыки. В те трудные времена они праздновали победы и залечивали раны: учителя наказывали строго. Ито и Миу работали вместе благодаря своим взаимодополняющим способностям. Он – твердый камень, она – текучая вода. Он – гром и напор, она – молчание и тень.

Они считали себя неуязвимыми, особенно когда были вместе.

Ито скривил губы. *Безрассудство юности!*

Открыв глаза, он вдохнул остатки дыма, поднимавшегося из курильницы. Ее содержимое к тому времени уже превратилось в пепел. Алойное дерево ценилось очень высоко, в буквальном смысле на вес золота и даже дороже. Старинное японское название этой древесины означало «драгоценная».

Каждый год он жег благовония в память о Миу.

Теперь настала особенная годовщина.

Ито опустил взгляд: в слюдяной курильнице тлели остатки вытяжки из магнолиевой коры. То был новый элемент ритуала. Воины-самураи веками жгли экстракт магнолиевой коры перед битвой, чтобы очистить разум и тело, а Ито сейчас возрождал давний обет.

Отплатить за смерть Миу.

Он смотрел на камень, покрытый древними письменами. То была не могила жены. Ее тело он давным-давно потерял навсегда, а эта гранитная глыба играла роль надгробия из-за слов, которые в 1821 году высек здесь ее прадед. Сэссай Мацуяма установил этот камень в буддийском саду, дабы успокоились духи его жертв. Сэссай внес огромный вклад в науку и оставил после себя много книг и текстов, в том числе «Чучи-дзё» – анатомический трактат о насекомых. Сейчас его считали национальным достоянием благодаря искусно выполненным изображениям бабочек, сверчков, кузнечиков и мух. Работа доказывала, что и самые крошечные создания наделены красотой. Ради этой великой цели во благо науки поймали, проткнули булавками и умертвили множество насекомых. Из чувства вины Сэссай Мацуяма поставил этот камень, воздавая им должное и, возможно, стараясь очистить свою карму.

Миу много раз приводила сюда Такаси, светясь от гордости. Она хотела когда-нибудь пойти по стопам своего предка. Миу вдохновляло его увлечение. Но эта простая мечта в один миг развеялась как дым от одного выстрела...

Ито закатал рукав, обнажая внутреннюю сторону запястья. С его истончившейся, словно бумага, кожи сошли чернила. Когда-то его поместили тем же знаком, которого была удостоена нежная кожа Миу:

инструменты вокруг полумесяца и черной звезды. Этот знак делал им честь и доказывал, что они прошли все испытания наставников в школе «Кагэ». Когда им сделали эти татуировки, он целовал запястье Миу, пытаясь пройти губами по нанесенным иглой линиям. Это сблизило их так же сильно, как тайный брак.

Но сейчас даже эта нить, связывавшая его с Миу, истончилась.

Опустив рукав, Ито вновь посмотрел на огонь, пожиравший остатки благовоний. Аромат развеивался в воздухе.

...куда исчезает?

Он не знал ответа, лишь понимал, что потерял Миу навсегда. Она погибла во время их первого задания: похитить сокровища из-под носа врага. Ито сгорал от стыда, вспоминая, как бежал по темному туннелю, бросив ее тело, подгоняемый выстрелами, а еще – стремлением сделать так, чтобы принесенная ею жертва не пропала впустую.

Миссия завершилась успешно. Позже, узнав наконец, что на самом деле извлекли из того проклятого туннеля, он подумал, что это знак. Взгляд скользнул по строкам на древнем памятнике. Миу не могла пойти по стопам своего предка; эстафету вместо нее принял Ито.

Легонько поклонившись, он поднялся на ноги. Двое слуг хотели было прийти на помощь, но он считал делом чести отстранить их и выпрямиться самостоятельно. Зато он принял у них трость, вцепившись костлявыми пальцами в набалдашник розового золота в форме огненной головы феникса.

Ито десятилетиями проводил исследования и вкладывал деньги; теперь в конце концов он мог осуществить свою месть и возродить былую славу Японии. А послужить этой цели должно было то самое сокровище, которое стоило Миу жизни.

Он развернулся и пошел по саду к пагоде. Трость стучала в такт гулким ударам сердца. Храм Канъэй-дзи был основан в XVII веке. Когда-то его земли простирались на всю территорию Уэно, где сейчас находились городской зоопарк и государственные музеи. Упадок храма начался в 1869 году, когда японский император напал на последних сёгунов Токугава, которые хотели захватить власть и прятались в храме. Со времен осады в деревянных стенах еще кое-где остались пули.

Ныне храм посещали только изредка. Его кровавое прошлое почти забылось.

Я сделаю так, чтобы униженный войной народ вспомнил свою былую славу.

Ито обошел пагоду и шагнул под большую вишню, с которой

посыпались последние лепестки. Они кружились вокруг, словно Миу благословляла его. Едва заметно улыбнувшись, Ито вышел на улицу и в ожидании лимузина потирал выцветшую татуировку на руке.

Осталось недолго.

Скоро он встретится с Миу. Но не сейчас. Не раньше, чем свершится месть и Японская империя займет надлежащее место мирового правителя.

Там, в саду, его мысли унеслись в прошлое. С каждым годом это происходило все чаще. Они с Миу были незаконнорожденными детьми богатых семей. Из-за чужих грехов стали изгоями и в конце концов оказались в «Кагэ».

В те времена люди мало знали о «Кагэ». Это слово означало попросту «тень». Ходило множество слухов. Некоторые полагали, что члены организации – потомки опозоренного рода ниндзя. Кое-кто считал их призраками. Однако Такаси в конце концов узнал правду. История организации заговорщиков уходила корнями в далекое прошлое. По всему миру они носили множество имен и масок. Но цель везде была одна: копить силу и наращивать влияние в разных странах, используя для своих целей тайные учения, а затем и науку. Они стояли за кулисами официальной власти.

Когда началась война, «Кагэ» ненадолго вышли из тени в Японии, воспользовавшись хаосом. Их особенно привлекала кровь и боль тайных японских лагерей, где не было места милосердию. Императорская армия создала тайные исследовательские центры на севере Китая: сначала в крепости Чжонгма, затем в Пинфане. Там занимались разработками биологического и химического оружия.

Для этого армия поставляла людей: жителей местных китайских деревень, пленных русских и союзников. Три тысячи японских ученых насильно проводили эксперименты на людях. Исследователи заражали их сибирской язвой и бубонной чумой, а затем проводили вскрытия без анестезии. Отмораживали им конечности, чтобы изучать воздействие холода. Насиловали женщин и заражали их сифилисом. Испытывали огнеметы на привязанных к столбам людях.

В тех местах под прикрытием работали и члены «Кагэ», делая вид, что помогают, а в реальности – стараясь извлечь любую возможную выгоду из знаний, добываемых ужасными методами. Именно тогда главы «Кагэ» услышали о том, что открыт секрет несравненного оружия, давно считавшийся потерянным. Они пытались завладеть им почти сто лет назад, но не смогли. А теперь из Соединенных Штатов пришло известие: можно попытаться еще раз. Под конец 1944 года туда отправили маленькую

группу захвата, свободно владеющую английским.

Миссия увенчалась успехом, но стоила жизни Миу.

К сожалению, война закончилась слишком быстро: на Японию сбросили две бомбы – одну в Хиросиме, другую в Нагасаки. Такаси много думал о том, нельзя ли объяснить невероятную жестокость американцев тем, что похитили из туннеля под их столицей.

Впрочем, это не имело значения.

После войны похищенным завладел Ито. Содержавшийся в куске янтаря секрет был слишком опасен, чтобы воспользоваться им в те времена. Понадобилось много десятилетий, чтобы наука достигла уровня, позволяющего извлечь выгоду из трофея. За это время даже «Кагэ» перестала существовать.

Несколько лет назад американцы открыли организацию заговорщиков и вытащили их на свет дня, где исчезают и гибнут тени. К тому времени Такаси достиг достаточно высокого уровня в иерархии организации, чтобы узнать другие ее названия, в том числе американское.

Гильдия.

В последовавшей чистке большинство ответвлений теневого заговора искоренили и уничтожили. Однако не все. Например, остался в живых девяностолетний старик, которого никто не опасался. Сохранившиеся остатки организации еще глубже ушли в подполье. С тех пор Ито и его внук тайно собирали эти семена, создавая собственный самурайский отряд и выжидая благоприятного момента.

Наконец, после долгого изучения в далеких лабораториях и секретных полевых испытаний в других странах они взлелеяли невероятно мощное и разрушительное оружие. А еще определили первую мишень, дабы заявить о себе миру и в то же время нанести удар той самой организации, которая уничтожила Гильдию.

В частности, двум агентам, которые сыграли в этом решающую роль...

К обочине подъехал лимузин. Ито улыбнулся. Даже само место, где затаилась эта парочка, имело важное символическое значение. Именно там Япония первым своим сокрушительным ударом застала врасплох спящего великана. Ито собирался сделать то же самое.

То, что постигло эти острова в прошлом, не шло ни в какое сравнение с тем, что им предстояло в будущем. Первый удар должен провозгласит смерть нынешнего мирового порядка и мучительное рождение нового, в котором Японская империя будет править вечно.

И все же Ито не мог не думать о первых двух мишенях.

Любовники, как мы с Миу...

Они тоже были обречены, хотя и не знали этого.

Глава 3

*6 мая, 17 часов 08 минут по гавайскому времени
Хана, остров Мауи*

Вот так жизнь...

Коммандер Грейсон Пирс нежился на прогретом солнцем красном песке в Кайхалулу-бэй. Сейчас был не сезон, к тому же близился вечер, поэтому весь этот укромный красно-черный пляжик находился в распоряжении Пирса. Да и вела сюда не самая удобная дорога.

И все же здешняя уединенность и девственная красота оправдывали все усилия.

За спиной у Пирса вздымалась вулканическая гора. Ее осенявший бухточку крутой склон покрывали густые заросли железного дерева. Богатые железом скалы веками дробились, превращаясь в красный песок и создавая уникальный пляж. Неподалеку от берега тяжелые валы накатывали на зазубренный черный волнолом. Высоко в небо взлетала мельчайшая водная пыль, которую подсвечивало заходящее солнце. И только здесь, в бухте, под прикрытием рифа, волны накатывали на песок мягко.

Из волн вышла обнаженная женщина с черной гривой ниспадающих до пояса волос. Она шла к берегу, постепенно открывая взгляду смугловатую кожу. Вода струйками стекала по голым грудям и гладкому животу. Когда взгляд женщины остановился на Грее, ее глаза засияли, словно изумруд, украшавший пупок. Она не стала приветствовать его лукавой улыбкой, а лишь слегка наклонила голову и совсем чуть-чуть приподняла правую бровь. В ее движениях Грей видел сладострастную грацию львицы, крадущейся к добыче.

Он приподнялся на локте. Его ноги еще грело солнце, но на остальные части обнаженного тела легли тени высящихся позади скал.

Сейхан ступила на горячий песок. Подойдя вплотную и широко расставив ноги, она оседлала мужчину и застыла, не пересекая границу тени.

– Не смей, – предостерег Грей.

Не обращая на него внимания, Сейхан тряхнула гривой мокрых волос, орошая его дождем холодных брызг. Его загорелое тело сразу покрылось гусиной кожей.

– Что, замерз?

Она села ему на живот, пробуждая своим теплом, и наклонилась, обхватив его голову руками.

– Попытаемся тебя разогреть, – промурлыкала Сейхан, прижимаясь к нему грудью.

Широко улыбнувшись, Грей обхватил ее, согнул колено и перекатился на живот, подмяв женщину под себя.

– Я так разогрет, что дальше некуда.

Спустя час тени полностью покрыли их тела и весь пляж. И все же яркий солнечный свет радугами прорывался сквозь водную пыль, вздымающуюся над зубцами волнолома.

...Грей и Сейхан лежали в обнимку под одеялом, измотанные и обессиленные. Их еще согревал жар недавней любовной схватки, а тела словно срослись воедино. Грей мог бы лежать так целую вечность...

Подняв голову, он взглянул на скалы, обрамляющие бухту.

– Нужно двигаться, пока дорогу видно. – Грей посмотрел на гидрокостюмы, сохнувшие на песке, и снаряжение: они обследовали местные рифы. – Еще тащить все это...

Сейхан что-то промурлыкала, явно не желая уходить.

Они арендовали домик к югу от Ханы – маленького городка на живописном восточном побережье острова Мауи, в краю роскошных тропических лесов, водопадов и уединенных пляжей. Сначала планировали остаться на пару недель, однако прошло уже три месяца.

Они путешествовали полгода, переезжая с места на место, без конкретного маршрута. Просто колесили по миру. Покинув округ Колумбия, жили некоторое время в отгороженной от мира средневековой французской деревне. Потом рванули в саванны Кении. Две недели кочевали из лагеря в лагерь в нескончаемом потоке миграций местных животных. И в конце концов оказались посреди человеческого муравейника в Мумбаи, где безудержным ключом была жизнь. А затем им снова захотелось уединения. В Перте они арендовали грузовик и исколесили австралийское захолустье. Пыль нескончаемых пустынных дорог смыли в горячих источниках новозеландского курорта, притаившегося далеко в горах, и, восстановив силы, отправились в неспешное путешествие по Тихому океану, перебираясь с одного острова на другой, из Микронезии в Полинезию, пока не попали сюда, в самый настоящий рай.

Время от времени Грей отправлял открытку своему лучшему другу, Монку Коккалису, – в основном для того, чтобы в округе Колумбия знали: он жив и не похищен врагами. Посылать весточку было важно, особенно

учитывая, что Грей уехал неожиданно, ничего никому не сообщая и не получив разрешения. Более десяти лет он работал на «Сигму», секретный отряд, связанный с УППОНИР – Управлением планирования перспективных оборонных научно-исследовательских работ Министерства обороны США. Грей и его товарищи по работе служили раньше в отрядах специального назначения и в силу тех или иных причин службу прекратили. «Сигма» тайно их завербовала. Обладая исключительными способностями, они прошли переподготовку по разным специализациям и стали агентами Управления, защищавшего США и всю планету от всевозможных опасностей.

Личное дело Грея гласило, что он специализируется на физике и биологии. На самом же деле Пирс получил более глубокую подготовку, проведя много времени с непальским монахом, который учил его искать во всем равновесие, даоистскую философию инь и ян.

Именно это в свое время помогло Грею примириться с собственным непростым детством. Его всегда разрывали противоположности. Мать, преподаватель католической гимназии, прививала Грею глубокую духовность. В то же время она была высококвалифицированным биологом и преданным адептом эволюции и научного подхода.

А отец... Уроженец Уэльса, живущий в Техасе, суровый нефтяник, ставший инвалидом в расцвете лет и вынужденный превратиться в домохозяйку... В отцовской жизни царили упрямство и гнев.

И эти злополучные черты унаследовал его бунтарь-сын.

Спустя долгое время Грей при помощи Пейнтера Кроу, возглавлявшего «Сигму», постепенно нащупал путь между этими крайностями. И еще не полностью его преодолел.

Несколько лет назад его мать погибла, когда во время борьбы «Сигмы» с террористической организацией, известной под названием «Гильдия», произошел взрыв.

Грей не имел оснований упрекать себя. И все же до сих пор боролся с чувством вины.

А вот со смертью отца дело обстояло совсем иначе. Грей напрямую приложил к ней руку. Отец не мог передвигаться самостоятельно, ему становилось все хуже, он томился в оцепляющем тумане болезни Альцгеймера и постепенно терял себя. В конце концов, повинаясь туманной просьбе отца («Дай мне слово...»), Грей вколол ему смертельную дозу морфия.

За эту смерть он не чувствовал вины, но и смириться с ней не мог.

Сейхан подсказала ему путь к спасению, уговорив на время оставить

свои обязанности и сбежать от всего и всех.

Раньше она была киллером и работала на Гильдию. После нескольких стычек Пейнтер Кроу перевербовал ее для «Сигмы». Сейхан сыграла решающую роль в разгроме Гильдии, однако из-за прошлых преступлений обречена была всю жизнь остаться в тени. Во многих странах она значилась в списках особо опасных преступников, а «Моссад» распорядился своим агентам убить ее на месте, не предпринимая попытки задержания.

«Сигма» до определенной степени обеспечивала ее безопасность, но полностью скрыться от своего прошлого Сейхан не могла.

Они сбежали вместе, исцеляя и открывая себя и друг друга. Никто не пытался связаться с ними, даже после того как Грей не явился на похороны отца. К его потребности исчезнуть отнеслись с уважением. Девять месяцев они путешествовали с поддельными паспортами, но Грей не питал иллюзий: он понимал, что «Сигма» следит за ними по причинам как профессионального, так и личного характера. Отряд во многих отношениях был семьей.

Грей испытывал благодарность за то, что ему дали передышку.

Я заслужил.

И все же в глубине души он знал: все это – иллюзия, краткая отсрочка перед неминуемой встречей с реальным миром. В последнее время Пирс все сильнее чувствовал какой-то неясный гнет, неведомое откуда идущее напряжение. Не предчувствие близкой опасности, а скорее ощущение, что передышка подходит к концу.

Сейхан чувствовала то же самое и становилась все мрачнее и беспокойнее. Будь она львицей – металась бы по клетке. И еще кое-что Грей точно знал: она не боялась конца этого путешествия, а с нетерпением ждала.

И я жду.

Пляжную идиллию нарушил рокот.

Грей сел и выпрямился. Дыхание участилось. Его научили реагировать мгновенно. Непосредственной угрозы вроде бы не было, но тело, натренированное долгой службой в терзаемых песчаными бурями пустынях, привычно фиксировало мельчайшие детали. Этот инстинкт впитался в его плоть и кровь. Напряглись крошечные глазные мышцы, расширились зрачки, чтобы видеть как можно больше и действовать моментально.

Три винтовых самолета – судя по всему, «Сессна Караван» – летели над Кайхалулу-бэй по направлению к берегу. Маленькие самолеты часто

летали между островами, однако Грея насторожило, что они держатся вместе, словно их пилотируют военные летчики.

– Это не туристы, – сказала Сейхан. Несомненно, она заметила, как напрягся Грей и что привлекло его внимание. – Догадки есть?

Троица приблизилась к острову. Самолетки по бокам рванули вправо и влево, а центральный по-прежнему двигался вперед к бухте. Грей заметил сразу несколько новых деталей. Самолеты оказались не «Караванами», а их ближайшими родственниками, тоже производства «Сесна» – легкомоторными поршневыми «ТТх», невероятно быстрыми. Каждый из этих дьяволов нес между шасси какой-то большой контейнер.

Грей не успел сообразить, что происходит – из контейнеров вытолкнуло черно-серые тучи, которые густым туманом легли на инверсионный след самолета. Сильный тропический ветер погнал эту плотную тяжелую пелену к берегу.

Центральный самолет сбросил остатки своего груза и, не сбавляя скорости, пронесся низко над бухтой. «Наверное, полетит над высотами Кай-юйки-хэд в глубину острова», – подумал Грей.

Вместо этого пилот направил самолет на красные скалы, поросшие лесом.

В воздух взлетели вывернутые взрывом деревья и булыжники. В небо взметнулся огонь, увенчанный столбом маслянистого дыма. Грей прижал к себе Сейхан, одеялом прикрываясь от града сыпавшихся камешков, песка и горящих кусков дерева.

Раскатилось эхо еще двух взрывов: значит, остальные самолеты постигла та же участь. Совсем рядом, у берега, в воду плюхнулся большой валун, взметнув высокую волну.

Грей не сводил глаз с плотной черной тучи, которую гнал к ним порывистый тропический ветер.

Над ближним лесом справа поднялась одинокая белая цапля, всполошенная взрывами. Она летела к бухте, спасаясь от дыма и огня, но, кажется, почувствовала, что от зловещей тучи исходит опасность, и быстрее забила крыльями, пытаясь проскочить сверху.

Умная птица.

Она сумела подняться над полосой тумана – но недостаточно высоко. Вверх взметнулось темно-серое щупальце, словно почуявшее близкую добычу, и цапля отчаянно задергалась из стороны в сторону. Она в ужасе била крыльями, тело содрогалось в конвульсиях, из горла вырвался крик. А потом цапля, крутясь в воздухе, полетела вниз, и ее тело исчезло в густом облаке.

– Ядовитый газ, – буднично промолвила Сейхан.

У Грея возникли сомнения – он обратил внимание на щупальце, потянувшееся к птице. Однако так или иначе они попали в переделку. Сброшенная из самолетов туча образовывала на восточном побережье полосу как минимум в милю шириной.

А мы в самом центре.

Темный туман приближался, и вскоре плеск волн начало заглушать негромкое жужжание.

Нахмурившись, Грей взгляделся в тучу и понял, что та колышется и клубится вне зависимости от порывов ветра...

Да это же рой!

Что делать? Рой накроет и проглотит их, как ту несчастную птицу.

Пришлось признать очевидное: они в ловушке.

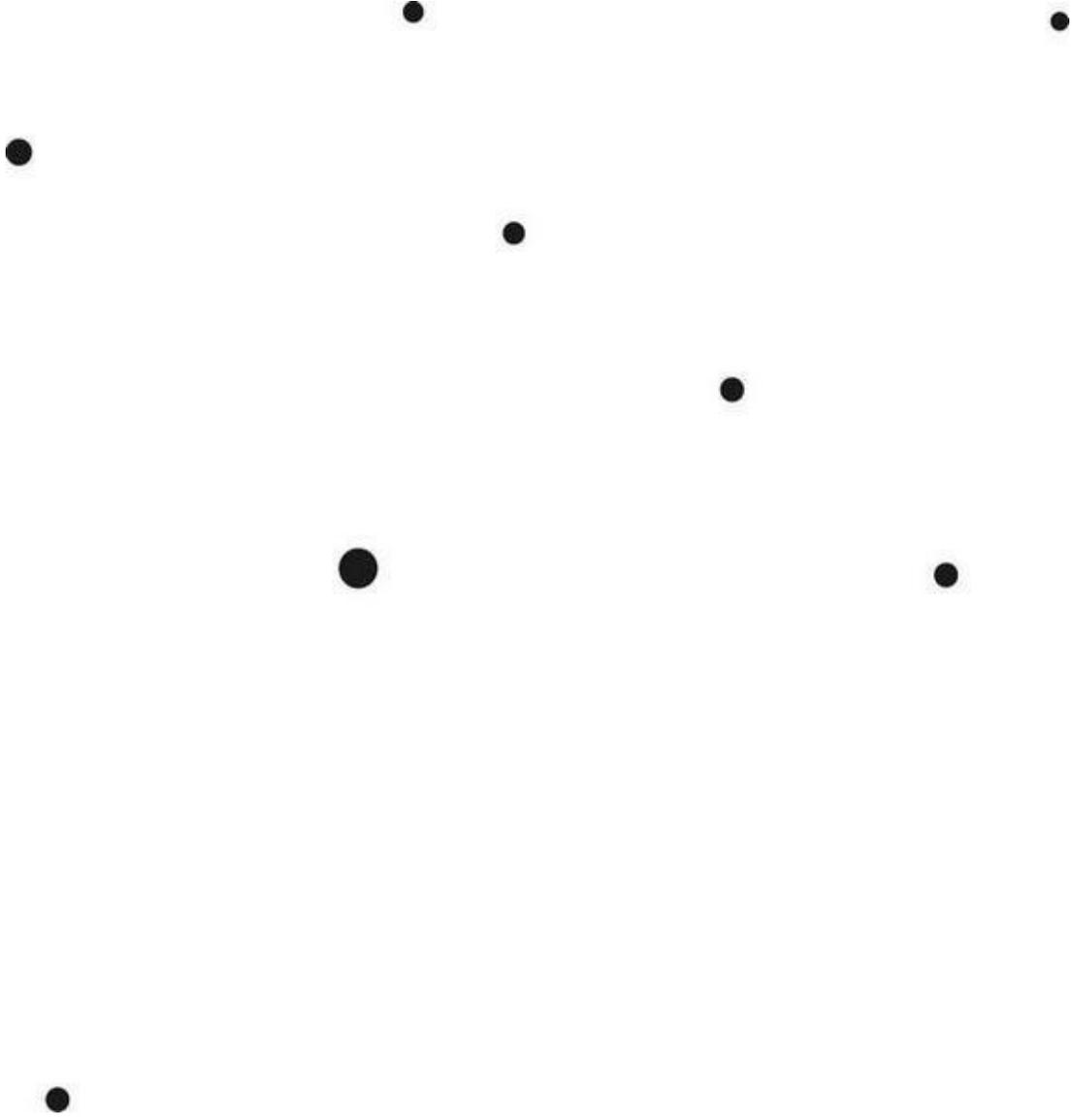
РАЗВЕДЧИК

Его стройное тело было создано для скорости. Он мчался впереди остальных к берегу, и крылышки лихорадочно трепетали в воздухе. Ведомый инстинктом, разведчик был слеп ко всему, кроме того, что было записано в генетическом коде много тысячелетий назад. Поэтому он летел на запах зеленой листвы и пресной воды.

Его телосложение отвечало жизненным задачам. На кончиках длинных усиков располагались тончайшие волоски, способные уловить малейшие вибрации. Занимающую большую часть головы фасеточные глаза не мигая смотрели вперед. Крылышки, возможно, были не очень длинными, зато большой и сильный торакс давал возможность быстро маневрировать. За тораксом находилось брюшко – меньше, чем у сородичей, оснащенное железами для выделения феромонов, но без жала. Разведчик – не воин.

Его короткая жизнь подчинялась одной цели: впитывать сенсорные импульсы. Все тело составляли особые органы чувств – сенсиллы. Он чрезвычайно хорошо улавливал температурные и химические колебания. Волоски даже помогали слышать, хотя с этой функцией лучше справлялись большие мембраны в углублениях по обе стороны головы. Дополнительные сенсиллы в ротовой полости поглощали запахи из воздуха, анализировали еду и воду, а также реюющие вокруг феромоны.

В полете разведчик отслеживал положение ближайших соседей, фиксируя его в мозгу.

Он впитывал все больше и больше информации, пока не был достигнут критический порог. Тело больше не могло удерживать информацию, и она вырвалась наружу, к ближайшим соседям, распространяясь выбросами феромонов. Разведчик мог уточнять сообщение, меняя ритм движения крыльев или шумно потирая задние лапки.

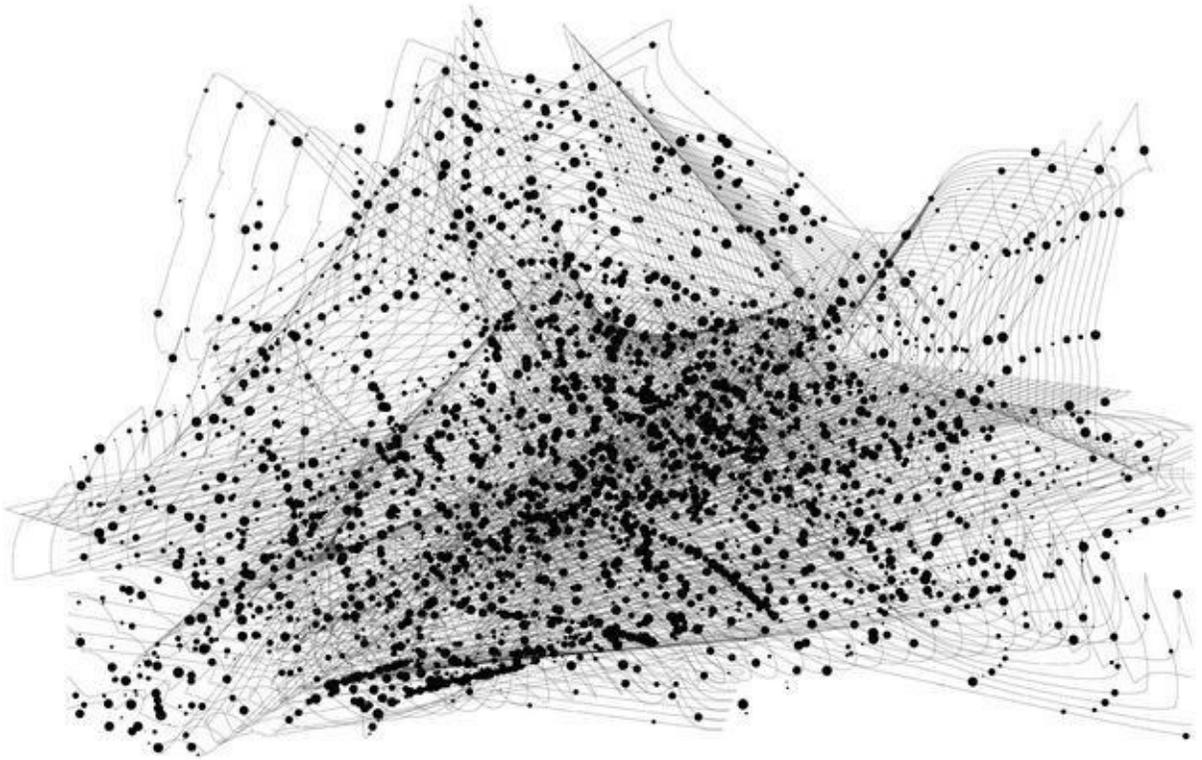

Волна быстро покати́лась назад. Информацию усвоили и распространили.

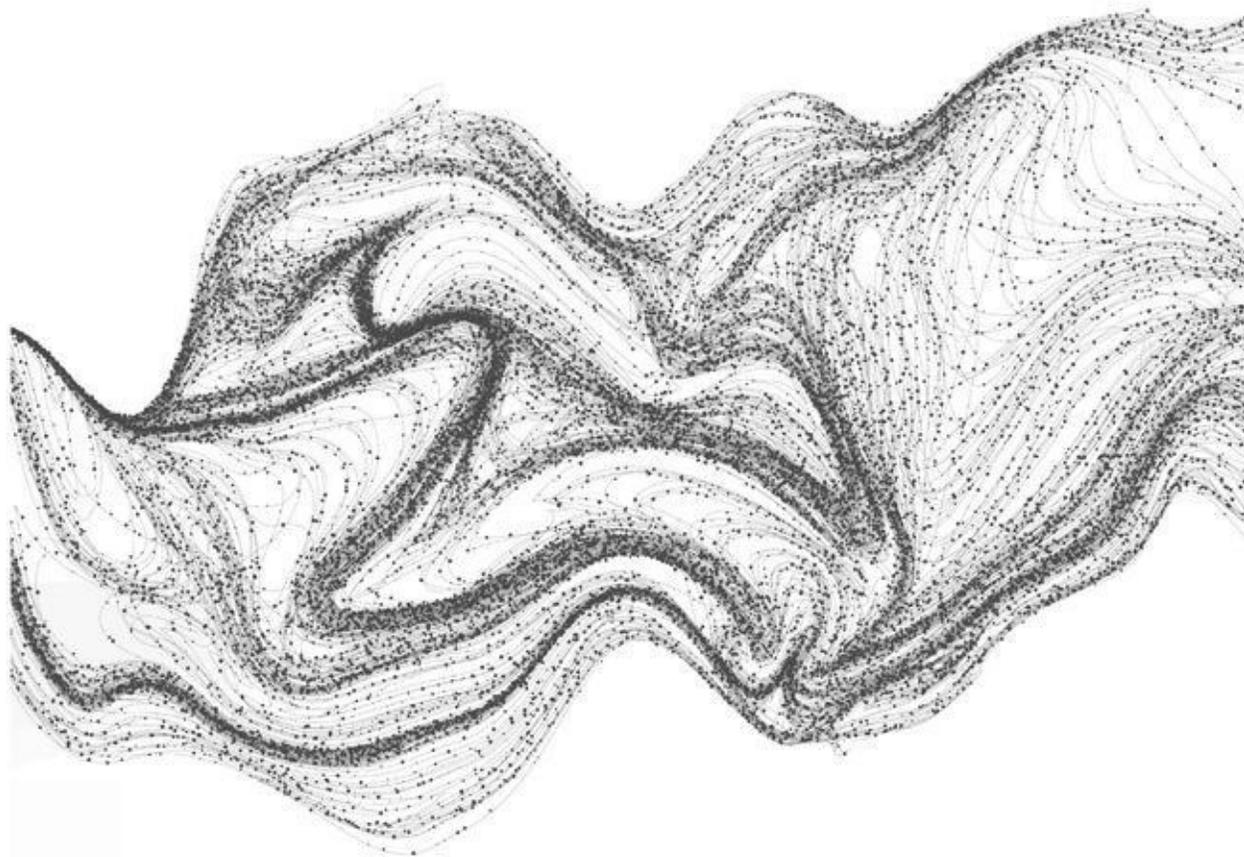

Скоро все знали то, что знал разведчик. А он получил награду за свои усилия, когда обратная волна докатилась до его тела, формируя новый уровень понимания.

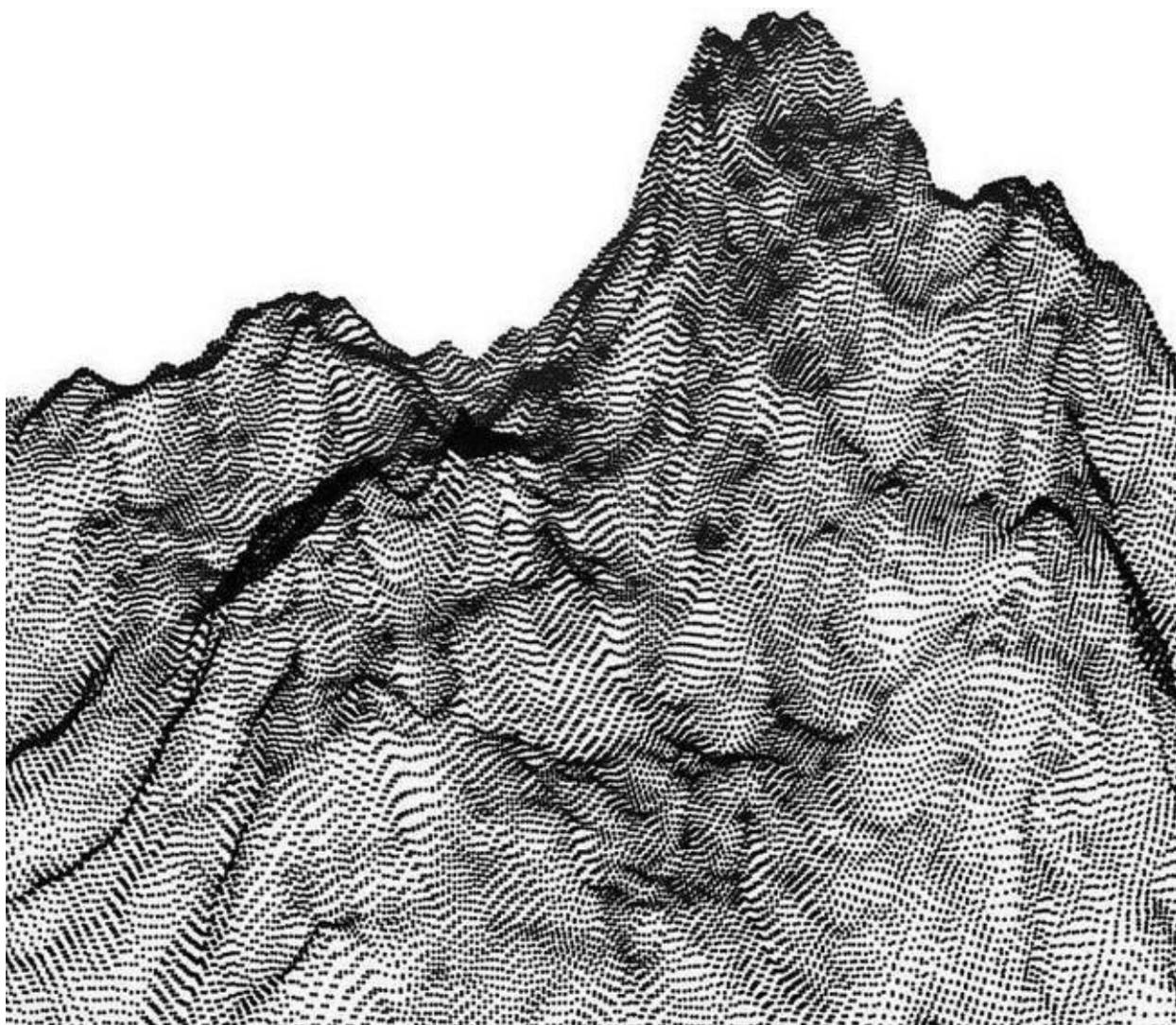
Разведчик утратил всякое чувство индивидуальности.

Он летел вперед. Отдача и реакция все больше усиливались. Теперь по рою гулял вихрь, связывая всех воедино, сплачивая в безупречной гармонии единого стремления.

Рой несся над водой, а впереди все яснее виднелась цель, обрастая новыми деталями. Сквозь фасетки тысяч глаз начала вырисовываться береговая линия. Над перекатывающимися волнами поднималась стена скал.

Рой снижался к месту основания нового гнезда. Запах листвы и гниения усиливался. Здесь уже нашла прибежище другая форма жизни – ощущались ее движения, голоса и даже дыхание. Впрочем, опасности она не представляла.

Роль и смысл жизни разведчика исчерпывались. Он снова влился в рой и теперь летел более медленно и неуверенно. Несколько более мелких собратьев, изнуренных своими обязанностями, поглотила соленая вода.

Они были уже не нужны.

По мере приближения к берегу вперед выдвигалась новая линия особей, формируя передовой отряд. Эта каста выполняла собственную генетически заложенную задачу: оценивать опасности и расчищать путь.

Мимо разведчика пронесся один из этих новых рабочих. Он был намного крупнее: брюшко угрожающе выгнуто, зазубренное жало и

наполненная ядом железа наготове.

Отныне за все отвечала каста охотниц. Или убийц.

Вперед вылетели воительницы.

Глава 4

6 мая, 18 часов 34 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Сейхан понимала, что на счету каждая секунда.

– Не до костюмов, – бросила она, завязывая верх купальника и не сводя глаз с клубящегося роя, который приближался к берегу.

Грей уже надел плавки. За несколько недель солнце покрыло его кожу густым загаром и слегка осветлило угольно-черные волосы. Они отросли и спадали почти до плеч. Голубые глаза теперь выглядели еще более яркими. Он несколько дней не брился, и щетина подчеркивала резкие черты лица.

Грей подхватил из песка баллон для дайвинга, уже прикрепленный к жилету, и перекинул его через плечо. Сейхан взяла маску и второй комплект снаряжения, влезла в жилет, врезавшись в голые плечи. Затем они вместе побежали по красному песку к воде.

Рой уже перелетел через волнолом. Черная туча растянулась на всю ширину бухты. Гудение превратилось в негромкий гул. Ветром на пляж несло непонятный запах, сладковатый и тошнотворный, словно от лаванды, растущей среди отбросов.

Сейхан передернуло от отвращения.

Грей вздрогнул, опустив голову и замахав перед собой руками.

Что-то с размаху ткнуло в плечо Сейхан. Она опустила взгляд. На бицепсе сидело похожее на осу насекомое. Крылышки гудели, трепеща в воздухе. Насекомое было огромным – величиной с ее большой палец. Черное лоснящееся брюшко пересекали ломаные полоски агрессивного алого цвета. На миг растерявшись от размеров насекомого, Сейхан замерла.

И оно ужалило.

Ее сразу обожгло болью, как будто кто-то сунул горящую спичку в открытую рану.

А потом стало еще хуже.

Задышавшись, Сейхан упала на одно колено. Под кожей свирепствовала пытка огнем. Казалось, мышцы отрываются от костей.

Грей попытался раздавить осу. Он сумел сломать ей крылышки, но крепкое тельце просто ввинтилось в песок. Упрямое насекомое сразу же выбралось, и Грей уже ногой отшвырнул осу в воду.

Укушенная рука онемела и беспомощно повисла. А боль усиливалась. По щекам текли слезы. Никогда Сейхан так не мучилась. Будь у нее топор,

она отсекла бы себе руку.

– Гре... Гре... – выдавила она.

Губы дрожали, дыхание прерывалось.

Он рывком поставил ее на ноги.

– Под воду!

Так они и хотели сделать с самого начала: выбраться из злосчастной бухты с помощью аквалангов.

Ноги не слушались. Сейхан шаталась, разум затуманивался, все вокруг плыло. Она полетела лицом вниз на песок, дергаясь от конвульсий.

Грей подхватил и толкнул ее в воду.

И тут черным градом вниз хлынули осы.

18 часов 37 минут

– Ну же, малышка, держись...

Снаряжение тянуло ко дну. Грей свободной рукой натянул маску на Сейхан, подхватил болтающийся регулятор, наклонил нижний край маски, вдул туда немного воздуха и снова пристроил маску на место.

Сейхан тряслась, но конвульсии, кажется, стихали. Грей внимательно посмотрел ей в лицо, вставляя мундштук между губ. Взяв ее за руку, он с облегчением почувствовал, что пальцы сжались в ответ.

Сейхан приходила в себя.

«Справишься сама?» – спросил он, преувеличенно высоко подняв брови.

Она поняла и кивнула. «Хорошо».

Пирс подхватил собственный регулятор и вставил мундштук в рот. Теперь можно дышать.

Он посмотрел вверх. Солнце почти скрылось, но под водой было достаточно светло, чтобы разглядеть множество черных точек, усеивающих поверхность.

Грей вырос среди холмов Техаса и слышал от соседей истории об африканизированных пчелах. Стоило потревожить гнездо этих убийц, как они открывали охоту. Даже если прыгнуть в пруд или озеро, это не помогало: пчелы висели над водой, выжидая, пока ты высунешь голову, а потом набрасывались снова.

Он посмотрел на рой. Похоже, этот вид придерживался той же тактики.

Нам, к счастью, не придется высовываться, чтобы глотнуть воздуха.

Грей наполнил воздухом отсеки своего жилета, чтобы лучше держаться в воде, затем помог с жилетом Сейхан. Оставаясь на глубине

шести футов, они двинулись в сторону открытого моря.

Ему случалось видеть, как Сейхан ранят пулями и ножом; однажды ее даже пронзили копьем. Если она упала на колени от укуса осы, значит, яд был чертовски сильный. Может быть, ужаль они ее еще несколько раз, остановилось бы сердце.

За скалами Каюйки-Хэд вода была светлее. Даже искаженная картинка ясно давала понять: рой еще там. Судя по всему, основная масса распределилась по береговой линии, не спеша идти вперед.

Грей и Сейхан продолжали двигаться прямо вперед, уходя из-под тени роя. Когда солнце закатилось окончательно, следить за поверхностью приходилось, подсвечивая себе светодиодом для подводного плавания. Но свет мог привлечь внимание насекомых. Поэтому плыли, ориентируясь по наручному компасу.

И все же без гидрокостюмов они скоро совсем лишатся сил в холодной воде. Особенно Сейхан. Она постоянно отставала, левая рука беспомощно болталась. Грей понимал, что нужно доставить ее в теплое место, и повернул на юг, к пляжу в миле отсюда. Там, на вулканической скале, стоял их домик.

Тьма сгущалась. Вскоре не стало видно собственных рук. Наконец Грей сдался, достал из нагрудного кармана фонарик и включил. Прорезавшая воду вспышка на миг ослепила.

Перед привыкающими к свету глазами постепенно открывался подводный мир. Внизу во все стороны простирались цепочки рифов. От течения трепетали ярко-желтые и красные морские анемоны, шевелились черные колючие спины ежей. Впереди с их пути бросилась врассыпную стайка гавайских кулий, огибая более медлительного ската. От стены кораллов вдруг могучим ударом хвоста оттолкнулась рифовая акула.

А дальше, там, куда не падал свет, двигались другие тени.

Скорее всего, это морские черепахи – их много водилось в окрестностях Мауи. Однако Грей держался настороже, чтобы не пропустить появления настоящих хищников, шнырявших в этих водах в поисках добычи. У берегов острова на купальщиков и ныряльщиков иногда нападали тигровые и бычьи акулы.

Сейхан сильно отстала. Грей остановился, поджидая, и поднятой рукой с выставленным большим пальцем спросил, всё ли в порядке. В ответ она слабо махнула укушенной рукой. Наверное, худшее миновало, но яд, как и долгий путь под водой, давал о себе знать.

Ее лицо исказилось – от злости, а не от боли: «Шевелись уже, черт возьми! Я догоню».

Грей развернулся и поплыл дальше, однако держась рядом с Сейхан. Упрямыство никогда не доводило до хорошего.

Спустя полчаса они наконец приблизились к пологому скату своего пляжа. Грей первым высунулся из воды – как раз когда датчик давления достиг критической отметки. Он убедился, что небо чистое, затем помог Сейхан выползти на узкий каменистый пляж. Оба с облегчением скинули акваланги.

Сейхан пришлось волочь к высящейся впереди скале. На вершине скалы примостился их домик. Там светилось окно.

Сейхан оттолкнула его руку и упала на колени.

– Иди... – еле вымолвила она.

– Я тебя не оставлю. Если понадобится, понесу.

Грей не был уверен, что действительно способен на это: у самого ноги подгибались.

– Нет. – Сейхан смотрела на него исподлобья, тяжело дыша. – Ста... стадион.

Она махнула рукой на север.

И тут до Грея дошло.

О нет!

Тело напряглось. Волна адреналина помогла твердо встать на ноги.

Утром они припарковали свой «Джип» на Уакеа-роуд, между клубом и спортивным комплексом Ханы: там расположились бейсбольный стадион с новеньким покрытием, футбольное поле, несколько теннисных кортов и баскетбольных площадок. Его спутница еще тогда заметила висящий у входа плакат: сегодня вечером играли команды Малой лиги.

Комплекс находился всего в четверти мили по прямой от красного пляжа в глубину острова.

Грей представил себе, сколько шума создаст игра. Музыка, крики, свет...

– Возьми один из байков, – сказала Сейхан. – Предупреди.

Они арендовали два мотоцикла, чтобы ездить по дорогам, недоступным для автомобилей.

Грей оглянулся на Сейхан. Наверное, его выдало обеспокоенное выражение лица.

– Я сама приползу домой, – скривилась она. – Может быть, нескоро... Но я предупрежу «Сигму», а они поднимут людей. Иди, пока не поздно!..

Пирс кивнул, признавая ее правоту.

Судя по его часам, до начала матча оставалось десять минут. Ни за что не успеть, но надо хотя бы попытаться. Стиснув зубы, Грей бросился вверх

по крутой тропе, ведущей к домику.

Оглянувшись, он увидел, что Сейхан встала на ноги. У нее дрожали колени, но на лице застыла маска решимости. Они встретились взглядами. Оба знали, что Грей спешит навстречу опасности.

Отпуск закончился.

Глава 5

7 мая, 01 час 55 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер Кроу много месяцев ожидал этого звонка.

Коммандер Грей Пирс всегда умел находить проблемы. Именно поэтому Пейнтер, глава отряда «Сигма», не выпускал блудного агента из поля своего зрения, пока тот кочевал по планете. И все же не мог предсказать, в каком виде придет беда.

Осиный рой?

Десять минут назад Пейнтер закончил разговор с Сейхан и предупредил власти на Гавайях и свое руководство в Управлении. Сев за стол, он на все лады обдумывал возникшую ситуацию, тщательно взвешивая последние слова Сейхан: «Это не случайная причуда матери-природы, а биологическое оружие».

В приоткрытую дверь постучали, прервав размышления. В комнату проскользнула стройная женщина – капитан Кэтрин Брайант, его заместитель. Несмотря на позднее время суток, темно-каштановые волосы были аккуратно уложены в прическу, столь же консервативную, как ее наряд (темно-синий костюм, белоснежная блузка, черные кожаные лодочки). Ярким пятном выделялась только золотая с эмалью брошь на лацкане пиджака: крошечная лягушка – подарок десантников. Кэтрин отправилась с ними на задание военно-морской разведки, и один из товарищей не вернулся. В память о нем Кэт и носила эту брошь.

Пейнтер взял Кэт в «Сигму» аналитиком. Скоро она стала столь же необходима, как высшее руководство. А может, и больше.

– У нас на тех островах проблемы посерьезнее, – начала Кэт, сразу переходя к делу.

– Ты о чем?

Она подошла к столу, включила планшет, который держала в руках. На одном из настенных мониторов возникла топографическая карта Гавайских островов. Кроу отодвинул кресло подальше, чтобы видеть всю картину. Три самых больших острова покрывали красные точки.

– У нас не только нападение на Мауи. – Кэт постучала указкой по красной зоне вдоль восточного побережья, где Сейхан зафиксировала рой. – Поступила информация об аналогичных атаках на Оаху и самый большой остров Гавайев.

Пейнтер вышел из-за стола. Он-то надеялся, что налицо единичный удар – возможно, акция экотеррористов.

Кэт указала на столицу штата, Гонолулу.

– Возле Даймонд-Хэд разбился самолет. Примерно в то же время, что и три других на Мауи. А вот здесь, в Хило, – она перешла к самому большому острову, – из центральной больницы направили запрос на получение неотложной медицинской помощи. Они не справляются с потоком пострадавших. Несколько человек уже умерли.

«Это не случайная причуда матери-природы», – прозвучало в голове у Пейнтера. Да, нападение спланировали.

– С Кауаи и других более мелких островов пока ничего не слышно, – продолжала Кэт, – но мне кажется, это дело времени. Я дала Джейсону задание мониторить все, что касается Гавайев: новости, социальные сети и сообщения о правонарушениях.

– Почему атаковали именно Гавайи? – подумал вслух Пейнтер.

– У нас пока слишком мало данных, чтобы выдвигать предположения. – Кэт внимательно смотрела на карту. – Одна из причин, возможно, отдаленное расположение. Внедрение агрессивного вида не просто несет прямую угрозу людям, а еще и может разрушить замкнутую островную экосистему.

От этой мысли мороз шел по коже. Впрочем, с прогнозами на будущее следовало повременить. Решения требовала более насущная проблема.

– С чем именно мы столкнулись? – спросил Пейнтер. – Что выбросили на острова?

– Я связалась с энтомологом Смитсоновского национального зоопарка, доктором Сэмюэлом Беннетом. Он специалист мирового уровня. Судя по описанию Сейхан, в мире мало видов такого размера.

– Хорошо. Важно поскорее выяснить, с чем мы имеем дело.

Одно из главных преимуществ расположения штаба «Сигмы» под главным зданием музейного комплекса заключалось именно в том, что отряд мог напрямую связаться со Смитсоновскими исследовательскими центрами и лабораториями. А еще отсюда «Сигма» легко могла обратиться в кабинеты власть имущих в Конгрессе или Белом доме. Пейнтер знал, что его непосредственный начальник, генерал Грегори Меткалф, уже оповестил облеченных властью и требует немедленных действий.

Но шестеренки вращались слишком медленно.

Именно поэтому возник отряд «Сигма»: чтобы действовать мобильно и точно. Они находились на передовой, отражая угрозы, непрерывно порождаемые развитием технологий. По всему миру появлялись все новые

научные достижения – так быстро и непредсказуемо, что Соединенным Штатам понадобилась команда, способная реагировать достаточно оперативно и гибко. Именно к этому сводилась задача «Сигмы»: быть первыми.

У Кэт зазвонил телефон.

– Наш энтомолог, доктор Беннет. Кажется, он работает допоздна.

– Включи громкую связь.

Она кивнула.

– Доктор Беннет, спасибо, что связались со мной так быстро.

– Мне позвонил ассистент и передал ваш срочный запрос, который меня очень заинтересовал. Я нечасто получаю экстренные вызовы из Управления.

– Мы очень благодарны за вашу помощь. Здесь со мной мой шеф, – она кивнула Пейнтеру.

– Вот как? Так что же это за дело?

– Вы получили мое описание осы?

– Конечно. Поэтому-то у меня и был готов ответ. Дело в том, что примерно месяц назад ко мне уже обращались с подобным запросом. Описывали точно такую же осу. Тело длиной более трех дюймов, черное, с алыми зигзагообразными полосами на брюшке.

– Откуда поступил запрос? – придвинулся к трубке Пейнтер.

– Из Японии. От какого-то сотрудника фармацевтической компании... Подождите, я доберусь до рабочего стола и найду его имя в электронной переписке.

Кэт посмотрела на Пейнтера, склонив голову.

Оказывается, «Сигма» не всегда первая.

– Как я сказал тому исследователю, – продолжал Беннет, просматривая почту, – среди *Hymenoptera* не существует вида, соответствующего этому описанию. Больше всего подходит *Vespa mandarinia* – гигантский шершень, достигающий трех дюймов. Но у него черно-желтый окрас. Еще один вероятный кандидат – наш, американский вид. Обитает в Нью-Мексико, охотится на тарантулов. Добрых два дюйма в длину, адское жало. Однако тело имеет однотонный иссиня-черный окрас, а крылья оранжевые.

Пейнтер поморщился от одной мысли, что его могло бы ужалить какое-нибудь из этих насекомых.

– Если б вы добыли мне экземпляр, я мог бы сказать точнее. Возможно, мы имеем дело с гетерохроматической мутацией. Иными словами, это близкий родственник одного из видов, просто с другим окрасом.

– К сожалению, скоро мы сможем предоставить вам для изучения множество экземпляров, – вздохнула Кэт.

– Я был бы очень рад получить... А, вот письмо! – Беннет прокашлялся. – Имя исследователя – Кен Мацуи. Судя по заголовку письма, он профессор кафедры токсикологии Корнеллского университета.

– Если не ошибаюсь, вы сказали, что запрос поступил из Японии, – Пейнтер нахмурился.

– Именно так. По-моему, он получил грант от фармацевтической компании «Танака»... Пишет из их центрального офиса в Киото. Могу переслать вам контактные данные.

– Если вас это не затруднит, – попросила Кэт.

Поблагодарив Беннета, она завершила вызов и повернулась к начальнику.

– Что скажете?

– Кто-то явно столкнулся с этим видом задолго до сегодняшнего нападения. – Пейнтер снова сел в кресло. – Нужно как можно скорее связаться с этим профессором.

– Я займусь. – У порога Кэт задержалась. – Что у Грея и Сейхан?

– Пока что они предоставлены сами себе. Службам спасения понадобится некоторое время, чтобы начать действовать.

– А наш человек на Гавайях?..

Пейнтер вздохнул. В течение последних девяти месяцев он не только держал в поле зрения поездки Грея, но и посменно рассылал сотрудников «Сигмы» по пути его следования. Сначала муж Кэт, Монк Коккалис, работал в Париже, завершая вместе с Интерполом дело о контрабандистах, торговавших животными. В случае необходимости он мог быстро добраться на юг Франции к Грею. Затем Пейнтер связался с Такером Уэйном, совладельцем сафари-парка в Южной Африке, и попросил быть наготове, если вдруг Грею понадобится помощь во время странствий по этому опасному континенту. И так далее. Возможно, Пейнтер впустую тратил человеческие ресурсы, но когда речь шла о Грее, можно было не сомневаться: рано или поздно он найдет себе проблемы.

Или они сами его найдут.

Никаких срочных дел у «Сигмы» на Гавайях не было, однако перспектива провести несколько недель на курорте привлекла многих. К несчастью, карты выпали неудачно.

– Ковальски на другой стороне Мауи, – промолвил Пейнтер. – Я ему сообщил, но пройдет час, пока он доберется до вертолета и прилетит на место.

- Что ж, тогда Грею и Сейхан пока делать нечего.
- Ну, Грей вряд ли будет бездействовать.
- То есть бросится грудью на амбразуру...
- В этом ему нет равных, – Пейнтер криво усмехнулся.

Глава 6

6 мая, 20 часов 02 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Припав к мотоциклу, Грей мчался на север по дороге к Хане, нимало не заботясь о том, что вдвое превышает допустимую скорость. Футболку полоскал ветер. Толком одеться Пирс не успел – так и остался в трусах, – а босые ноги сунул в старые походные ботинки, валявшиеся на веранде домика.

Подъехав к универмагу «Хасегава», он ударил по тормозам, заметив впереди длинную вереницу габаритных огней. Скоро стала ясна причина затора.

Сквозь шлем было слышно, как воют сирены. Сердце подпрыгивало и бешено колотилось.

Неужели опоздал?

Он срезал путь по примыкавшему к церкви газону и понесся на шум и мигалки. Бейсбольный стадион находился всего в паре сотен ярдов, где дорога упиралась в местный медицинский центр. На главной парковке выделялась пожарная машина, рядом стояли несколько автомобилей полиции и «скорой помощи». В небе промчался желтый вертолет.

Грей притормозил и прыгнул на землю, мотоцикл повалился на бок. На тротуарах толпились прохожие, глазающие на суету спасателей. Растерянные родители держали рядом детей, некоторые из которых были в форме играющих команд. На переполненных трибунах стадиона все стояли спиной к полю и смотрели на автомобили.

Окрестности превратили в импровизированную площадку для пикника. Рядом, на Хауоли-роуд, выстроилась вереница передвижных закусовых. Там продавали мороженое и хот-доги. В динамиках грохотала гавайская музыка, заглушая вой сирен.

Сквозь стоящую полукругом толпу Грей пробирался к парковке медицинского центра. Он искал кого-нибудь из представителей власти, но в то же время поглядывал на небо. Никаких следов роя. Да и люди поблизости выглядели не испуганными, а скорее заинтригованными.

Если рой не прилетел, зачем здесь пожарные, врачи и полиция?

Он проводил взглядом вертолет, который облетел лесок за клубом и направился в сторону Каюйки-Хэд. Луч света выхватил тонкую струйку дыма, поднимающуюся в темное небо.

Грей поморщился, вспомнив, как «ГТх» врезались в гору. Теперь он понял, что здесь делают бригады экстренных служб. Конечно же, все это волнение вызвали три разбившихся самолета.

И по этой же причине отменили бейсбольный матч, но пришедшие на него загодя болельщики остались и наблюдали теперь за развитием событий.

Идеальный сценарий катастрофы.

Грей побежал сквозь сутолоку, мимо намертво вставших в пробке автомобилей. Один из водителей пытался перекричать кого-то впереди и в качестве последнего довода начал сигналить, усиливая какофонию.

Привлечет вся эта суматоха рой или отпугнет?

В конце концов он добрался до парковки и направился к темнокожему сидящему крепышу в синих брюках и крахмальной рубашке с большой бляшкой. Через плечо у него была перекинута ярко-желтая куртка – такого же цвета, как стоящий рядом автомобиль. Наверное, начальник местной пожарной службы. Над ним нависал высокий гаваец в мешковатом пожарном снаряжении.

Сжимая в руке рацию, пожарный склонился к начальнику, и до Грея донесся обрывок разговора:

- ...опустился и осмотрел обломки. Говорит, что тела не обнаружил.
- Выходит, пилот катапультировался перед столкновением?
- Наверное, – пожал плечами пожарный.

Грей догадывался, что все произошло иначе: скорее всего, разбились беспилотники. Он знал, что у «ГТх» очень хороший автопилот – но недостаточно совершенный для такого маневра. Если только инженеры не поработали над самолетами дополнительно...

Пирс подошел поближе, привлекая внимание пожарных, и стащил с головы шлем.

– Там вообще не было пилота.

Его смерили пренебрежительным взглядом. Немудрено – небритый, взлохмаченный, в одной футболке, трусах и походных ботинках, подошедший мужчина не выглядел надежным источником информации. А еще Грей знал, как недоверчивы бывают местные, имея дело с хаули, чужаками.

– Я был на красном пляже, когда разбились те самолеты, – быстро заговорил он, пока от него не отвернулись. – Грей Пирс, бывший рейнджер, сейчас на внештатной службе в УППОНИР Минобороны.

Не совсем точно, но достаточно близко к правде.

Начальник, словно не замечая протянутой для пожатия руки,

продолжал смотреть на него скептически, однако во взгляде пожарного появилось уважение.

Грей опустил руку.

– Проблема посерьезнее самолетов. И опаснее любого пожара. Эти самолеты разбили преднамеренно – предварительно выпустив из них рой ос.

– Ос?

Начальник демонстративно закатил глаза.

Теперь оба собеседника пришли к выводу, что чужак обкурился травы – она была здесь чуть ли не основой местной экономики.

– Огромные осы, в жизни таких не видел! – Грей отчаянно искал слова, чтобы объяснить опасность. – Я был на пляже с женщиной, так ее оса укусила. И ее почти сразу парализовало! – Он махнул рукой на мальчиков в бейсбольной форме; они стояли через дорогу, болтая и смеясь. – Думаю, всего один-два укуса могут оказаться смертельными...

Терпение начальника лопнуло.

– Нам некогда слушать всякую чушь, – бросил он, выставив перед Греем ладонь. – Палу, убери отсюда этого придурка.

Подчиненный замялся и даже посмотрел на небо.

– Я понимаю, как это все звучит, но вы должны мне поверить. – Теперь Грей обращался только к пожарному, зная, что начальник уже не слушает. На военной службе Пирсу приходилось сталкиваться с упрямыми командирами, такими заносчивыми, что они отказывались смотреть дальше своего носа.

Казалось, Палу заколебался.

– Шеф, может, хотя бы проверим его слова?..

– У нас не так много людей, чтобы позволить себе гоняться за...

В руке Палу затрещала рация. Из крошечных динамиков доносились отчаянные крики.

– «Первый», «Первый», повторите, – сказал Палу и склонил голову, ожидая ответа.

Но ответ пришел с неба.

Над головами появился желтый вертолет с надписью «Пожарная служба». Он отчаянно дергался взад-вперед, а потом рухнул в лесок за клубом. Музыка и сирены перекрыл приглушенный взрыв. Толпа замерла. В небо взметнулся столб пламени.

И его свет на миг выхватил из темноты нависшую над лесом тучу – волну, готовую обрушиться на город.

Грею оставалось лишь констатировать очевидное:

– Поздно. Они уже здесь.

ВОИТЕЛЬНИЦА

Взмахивая двумя парами мощных крыльев, воительница парила в арьергарде роя. Настороженно жужжа, она оценивала лежащую впереди местность и потенциальные угрозы. Ряды спиралек – крошечных предназначенных для дыхания дырочек по всей длине брюшка и торакса – злобно вибрировали. Уроженкам ее касты этот свистящий сигнал служил боевым кличем.

Сестры-воительницы строились в авангарде роя, обмениваясь сигналами с помощью звуков и феромонов. Все усики указывали вперед, вращаясь у оснований, пробуя на вкус приносимые ветром запахи.

«Сладкий...»

«Соленый...»

«Запах плоти...»

Ожидая вместе с другими, воительница наклонила одиннадцать сочленений на кончиках усиков, вводя в свой мозг новую карту запахов. Перед ней вздымалась какая-то клубящаяся масса, обещающая рою много еды.

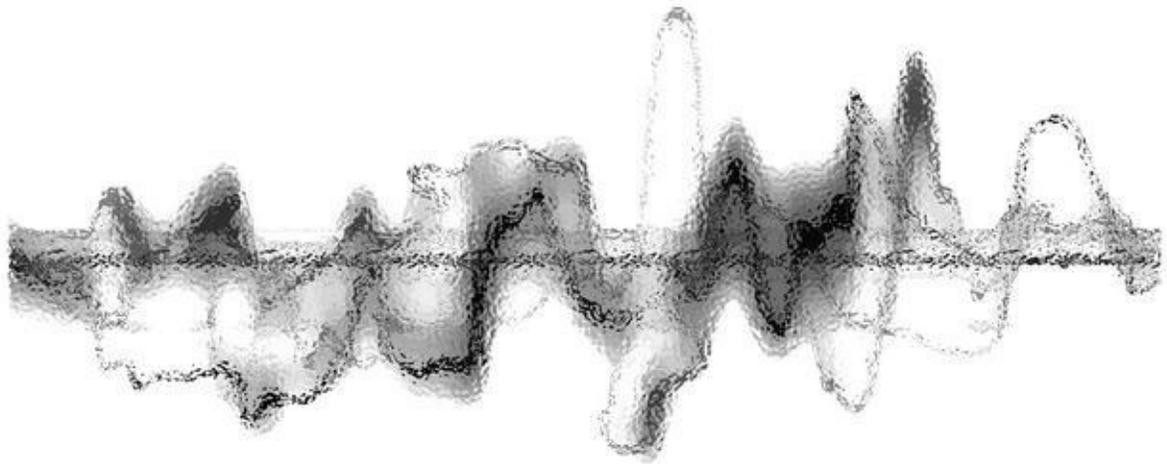
Смесь запахов дразнила ее аппетит, который, в свою очередь, запускал гормоны агрессии. Мышцы брюшка сжались, выдвигая острия из желобков по обе стороны жала.

В последний раз взмахнув антеннами, она сосредоточилась на источнике восхитительного аромата.

Инстинкт требовал: завладей! То же самое чувствовали и сестры.

Держа связь между собой, воительницы как одна отделились от роя. Устремившись вниз, они все больше сближались, превращаясь в черную стрелу, летящую к цели.

Вибрируя, широкие мембраны над впадинами по обе стороны головы улавливали бесчисленные звуки, пронзающие туман запахов. Грозный гул роя, в свою очередь, катился вперед и возвращался, принося еще больше информации о лежащей впереди местности. С каждым взмахом крыльев воительница узнавала все больше и делилась с другими, а они – с ней. Из звука и эха начали сплетаться объекты и формы.

Отдельная особь и одновременно армия, единая и многоликая, она приближалась к источнику всех этих запахов. Ничто не могло остановить движущий ею тысячелетний инстинкт к завоеванию территорий. Вплетенная в генетический код память предков не оставляла места для страха. В былые времена ее сестры повергали куда более грозных врагов, нежели те, что до сих пор встречались им на этой земле.

И все же, готовясь к битве, воительница задействовала еще больше органов чувств. Два больших черных глаза, разбитых на сотни шестиугольных фасеток, изучали лежащее впереди. Она воспринимала цвет и форму, хотя на самом деле глаза служили другой цели: улавливать движение.

Воительница неслась сквозь пелену запахов и ароматов, а взгляд различал все рывки и подергивания вокруг. Мозг находил в этом хаосе векторы и волны. Так она могла калибровать увиденное по степени угрозы.

Тех, кто убегал с дороги, она не принимала во внимание. Непосредственной опасности они не представляли.

Зато она знала, что должна убирать со своего пути все, что его преграждает. Всех, кто бросает вызов ее абсолютной власти.

Ее внимание привлекло движение впереди. Что-то ринулось ей навстречу.

Воительница сосредоточилась, готовясь к столкновению, подхлестывая свой гнев, закипая. Сквозь бурю движения, уловленную органами чувств, прорвался образ противника. Она все еще видела скорее тень, нежели форму.

Усики уловили вспышку тревоги, всплеск феромонов: слева раздавили одну из сестер. Привлеченные смертью, по феромонному следу ринулись другие, намереваясь удесятерить силу своего яда и уничтожить причину смерти соплеменницы.

Она не обратила на это внимания, сосредоточившись на надвигающейся опасности.

Образ стал более отчетливым.

Воительница оценивала силуэт, выбирая оптимальную зону для нападения, чувствуя соленый запах пота и крови. Инстинкт вел ее на углекислый газ, выделяемый легкими. Миллиарды лет опыта, вписанные в генетический код, научили направлять яд именно туда.

Согнув брюшко, она взяла жало на изготовку.

Угроза быстро приближалась.

Воительница опустила голову, выгнула крылья и устремилась вниз.

Глава 7

6 мая, 20 часов 22 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

На бегу Грей опустил щиток мотоциклетного шлема – и как раз вовремя: огромная оса врезалась в щиток на такой скорости, что поликарбонат зазвенел. Улетать она явно не собиралась: яростно взмахивая крылышками, прочно вцепилась в поверхность всеми своими шестью лапками в дюйме от его носа. Вооруженное жалом брюшко снова и снова тыкалось в щиток, да так сильно, что ясно слышалось постукивание. *Словно упрямый дятел на дереве.*

Грей скосил глаза, оценивая врага с близкого расстояния.

И сразу же его парализовал глубинный ужас, как будто эта угроза что-то всколыхнула в генетическом коде. Возможно, так оно и было. Грей когда-то читал, что страх может влиять на ДНК человека и путем эпигенетических изменений передаваться из поколения в поколение в качестве инстинкта защиты от смертельно опасных хищников.

Острое жало в добрую четверть дюйма длиной по-прежнему билось о щиток.

И тут на шлем тяжело опустилась рука в грубой перчатке. Осу смахнули. Обернувшись, Грей увидел Палу, который протягивал ему серебристое противопожарное одеяло.

– Закутайтесь и бегом в укрытие!

Грей накинул на плечи легкую материю, прихватив ее одной рукой возле горла. Одеяло доставало лишь до колен, лодыжки остались голыми. Что ж, и на том спасибо.

Палу облачился во всю свою амуницию. Кроме желтых штанов, куртки и каски он натянул балаклаву с респиратором и прозрачной маской, закрывающей лицо. Незащищенных участков кожи почти не осталось. Взвалив на плечо какой-то белый шланг, пожарный свободной рукой махнул на местный центр здравоохранения.

– Быстрее!

Грей посмотрел туда. На парковке в своей машине сидел начальник пожарной службы, поднеся ко рту портативный радиоприемник. Из-за дверцы звучал раскатистый голос:

– Укрывайтесь где можете! В машинах, домах, медицинском центре! Нельзя находиться вне помещений!..

Слишком поздно. Люди разбегались во все стороны. Повсюду царили хаос и ад в ритме гавайской музыки, надрывавшейся на стадионе. В какофонию вплетались крики, плач и ругань.

Неся на плече дочурку, мимо пробежал мужчина, отмахивавшийся от преследующего их отряда ос. Девочка рыдала, причем не только от страха: на щеке у нее вздулся большой красный волдырь. Отец налетел на дверцу автомобиля, и сидевший внутри добряк крикнул, чтобы они забирались внутрь.

Повсюду Грей видел одно и то же. Дома и машины наполнялись людьми, но все же слишком многие еще оставались в опасности на улицах и в парке. На тротуарах корчились тела. Родители накрывали собой детей от несущейся вниз тучи ос.

Горстка оказавшихся здесь спасателей пыталась помочь. Пока они тащили в убежище кого могли, их кусали. Впрочем, спасателей было слишком мало, а в помощи нуждались слишком многие.

И все же они не сдавались.

– Бегом! – скомандовал Палу, опуская носик шланга, тянувшегося к резервуару пожарной машины.

Дальше по улице другой пожарный подсоединил шланг к гидранту, а третий гаечным ключом пытался открыть вентиль.

Высоко взметнулся столб воды. Пожарный отчаянно повел шлангом, пытаясь распугать осиный рой, но с таким же успехом можно было тушить лесной пожар водяным пистолетом.

У Грея в душе крепла холодная решимость.

Надо выиграть для них время.

Схватив Палу за локоть, он прокричал, указывая на резервуар:

– Там у вас пена?

Палу кивнул.

Как и надеялся Грей, у пожарных была компрессионная пена – сокрушительное оружие, способное побороть огонь.

И, надеюсь, не только огонь.

– За мной! – крикнул Грей.

С его серебристого одеяла соскользнули несколько ос. Похоже, блестящая ткань пока защищала.

Грей перебежал через Уакеа-роуд к месту, где он оставил мотоцикл, молясь, чтобы шланг Палу оказался достаточно длинным. Великан-гаваец старался не отставать, изо всех сил упираясь ногами, чтобы тащить тяжелый белый шланг. Пирс прибавил ходу, надеясь, что Палу догонит, добежал до киосков, выстроившихся вдоль Хауоли-роуд, и свернул к тому,

где торговали фруктовым льдом. Сейчас внутрь киоска набились дети и взрослые.

– Здесь больше нет места! – прокричал хозяин сквозь сетчатую дверь.

Гигантские осы облепили ячейки, норовя перегрызть тонкую проволоку, чтобы пробраться внутрь.

– Мне и не нужно, – выдохнул Грей и перебежал к раздаточному окошку. – Дайте ваши бутылки с сиропом.

– Что?

– Делайте, что говорят!

Грей оглянулся на расплющенный стаканчик мороженого, валяющийся в нескольких шагах отсюда на траве и облепленный плотной массой ос.

Окошечко приоткрылось, и в руки ему сунули бутылку сиропа с черничным наполнителем. Коммандер взял ее и швырнул, как коктейль Молотова. Она перелетела через высокий забор и разбилась на асфальтовой дорожке пустого теннисного корта.

– Давайте еще! – крикнул он, обернувшись к киоску.

Ему передавали одну бутылку за другой, а Пирс швырял их на корт. Скоро его усилия увенчались успехом: осы полетели в том направлении, на запах сладкого.

Хитрость сработала. Грей с детства помнил, что надоедливые шершни, осы и пчелы часто кружат над семьями, выбравшимися на пикник. Отец Грея однажды чуть не проглотил шершня, который пробрался в банку с пивом. Наверное, эти создания не очень отличались от своих более мелких сородичей. Кто же не любит сладкое?

И даже небольшая помощь могла дать спасателям время доставить в укрытие больше людей.

– Закончились! – крикнул хозяин.

Кивнув, Грей отбежал на несколько шагов к Палу.

– Подождите, пока их больше слетится на теннисный корт. А потом врубайте пену.

– Ну ты и *лоло бугга!* – сказал Пол на местном наречии. Судя по широкой улыбке, действия Грея произвели на него впечатление. – А сейчас убирай свою *околе* куда-нибудь в безопасное место!

– Еще не время.

Высоко над головой пронесся вихрь ос.

Возможно, не все из этих тварей – сладкоежки...

Плотнее закутавшись в одеяло, Грей бросился к другому киоску с нарисованным на стенке танцующим хот-догом. Здесь он повторил свой маневр, на этот раз бросая разорванные упаковки с сосисками на

ближайшую баскетбольную площадку.

Коммандер расшвыривал последние упаковки, когда справа просвистела тугая струя пены. Палу, опустившись на одно колено, прицелился наконечником шланга в теннисный корт и поливал круживших там ос, прибивая их к земле вместе с копошившимся ковром из тех, кто пировал среди разбитых бутылок.

– Братуха, я с ними разберусь! – крикнул он, заметив Грея. – Вали отсюда!

Пирс хотел придумать что-то еще, когда на голую лодыжку опустилась оса и ужалила. За первой волной боли сразу накатила вторая – и заставила действовать. Походным ботинком он смахнул осу с ноги и попытался раздавить, но ее это, казалось, лишь раззадорило. Насекомое принялось карабкаться по ноге, чтобы наконец вступить в настоящую схватку.

А ужаленная нога тем временем превратилась в полыхающий столб.

Грей припустил, точнее, быстро захромал по улице. То ли осы почувствовали страх, то ли их привлек запах собрата, но они буквально набросились на него. Шлем звенел от столкновений, тела ос ударялись об одеяло.

Боль поднялась до самого бедра. Стиснув зубы, Грей с трудом дышал. Все расплывалось от слез. Океан боли. Хотелось упасть на землю и выть.

И все же он заставил себя идти дальше, не сводя глаз со стеклянной двери медицинского центра. Огромное расстояние...

Мне нипочем не добраться.

Правая нога перестала слушаться. Падая, Грей привалился к «Форду». Набившиеся внутрь люди смотрели на него с жалостью, но места в машине не было.

Все номера в отеле заняты.

Он оттолкнулся от машины и кое-как зашагал к медицинскому центру. Однако высовывать из-под одеяла руку было ошибкой. На запястье тут же опустилась оса. Грей стряхнул ее и, окончательно потеряв равновесие, повалился на обочину. Падение лишь привлекло новых ос.

Несколько мучительных секунд Пирс катался по дороге, охваченный страхом. Вдруг перед глазами все побелело. Понадобилось сделать глубокий вдох, чтобы понять, что шлем и почти все тело облеплены пеной. Кто-то рывком поставил его на ноги.

Грей вытер щиток шлема. Рядом стоял Палу.

– Убираемся отсюда!

Грей не видел причин спорить.

Поддерживая его, пожарник свободной рукой по-прежнему направлял

шланг на ос. Поравнявшись с баскетбольным полем, он выстрелил пеной по живому ковру, поглощающему груды сосисок.

И вдруг шланг поперхнулся, а тугая струя превратилась в капель.

Наверное, закончилась пена.

Палу бросил шланг и крепче обхватил Грея, готовясь сделать последний рывок к медицинскому центру. И тут послышался новый звук: громкий упрямый лай.

Слева на бейсбольном поле под домашнюю базу забился лохматый терьер. Проследив взглядом за красным поводком, мужчины увидели мальчугана, скрючившегося у заборчика. Голова мальчика беспомощно болталась, изо рта шла пена, руки и ноги подергивались.

Анафилактический шок...

Чтобы добраться до ребенка, нужно было описать круг – обойти забор. Эта попытка могла стоить жизни.

Сперва Палу хотел удержать Грея – наверное, он тоже понимал, что ничего не выйдет. И все же, выругавшись, последовал за товарищем по несчастью.

Нам не успеть.

У мальчика уже прекратились конвульсии. Собачий лай превратился в жалобный вой.

Грей хотел ускорить шаг, однако адреналин и отчаянная решимость не могли смягчить жгучую боль. На каждом шагу наперерез мужчинам бросались осы. Выставленные из-под одеяла ноги Грея почти полностью покрывала пена. И все же одна особенно упорная оса пробуравила толстый защитный слой и впиалась в тонкую кожу под левым коленом.

Пирс вскрикнул от новой вспышки боли.

А рядом Палу, в свою очередь, закричал и хлопнул себя по животу – должно быть, одна из тварей проползла под куртку. Растерявшись, Палу отпустил Грея, и тот упал. Гаваец рывком распахнул куртку и согнал насекомое, но боль нарастала. Он опустился на четвереньки.

Теперь оба они оказались на земле. У Пирса тряслись руки и ноги, отравленные осиным ядом. Командер бросил взгляд на мальчика и встретился глазами с терьером.

«Мне жаль, приятель, – сказал он в ответ на безмолвную мольбу в собачьем взгляде. – Мы ничего не...»

И вдруг дальше на стадионе возникло еще какое-то движение. Упавшая с неба густая тень, извиваясь, тянулась к возвышению для подающих.

Грей моргнул, пытаясь понять, что это такое.

Веревка!

А над ней нависало что-то широкое и темное. Вертолет, круживший над полем без огней – чтобы не привлекать внимание ос. Массивный силуэт скользнул по веревке и ступил на землю, топнув ногами в тяжелых ботинках. Великан выпрямился. Он был одет в гидрокостюм, шапочку и маску, а на спине болтался акваланг. Сквозь прозрачное окошечко маски на мир хмуро смотрела знакомая физиономия.

Грей не мог понять, откуда здесь взялся этот человек, но разбираться не стал. Набрав воздуха, он что есть сил заорал:

– Ковальски, ребенка хватай!

21 час 17 минут

Спустя двадцать минут Пирс стоял по ту сторону запертых стеклянных дверей медицинского центра и смотрел на побоище. На футбольном поле и дальше он насчитал больше десятка распластанных тел. Скорее всего, жертв было больше, просто он не всех видел.

Начали прибывать команды спасателей с защитным снаряжением, но ситуация по-прежнему оставалась ужасающей. Над парком и опустевшими улицам вихрями носились осы, а основная их масса кружила чуть выше.

Подошел Ковальски.

– Врач говорит, что мальчуган выкарабкается. Пес – тоже.

– Спасибо, что прилетел вовремя.

У Грея перед глазами до сих пор стоял похожий на гориллу человек, перекинувший ребенка через плечо и схвативший терьера за шкуру. Он помог Грею и Палу добраться до медицинского центра.

Ковальски уже объяснил свое появление на Гавайях. Судя по всему, Пейнтер отслеживал перемещения Грея. При обычных обстоятельствах тому не понравилось бы, что с ним нянчатся, но сейчас жаловаться не приходилось.

– Ты просто не можешь не влезть в какое-нибудь дерьмо, да? – спросил Ковальски.

Великан снял гидрокостюм. Теперь на нем были ботинки, бриджи до колена и цветастая рубашка.

– Собирался на ужин в «Фор сизонс», и тут мне звонят и говорят, что нужно спасти твою задницу...

Похоже, Ковальски воспользовался заданием проследить за неразумным ребенком и организовал себе оплаченный отпуск на Гавайях, захватив свою девушку, доктора Марию Крендол, генетика из Джорджии. Когда-то в прошлом она помогла «Сигме». Вместе эта пара смотрелась

странно. С другой стороны, Мария изучала неандертальцев – вот и получила одного из них...

– Хотя, может, оно и к лучшему, – продолжал Ковальски. – Мария тащила меня в какой-то сыроедческий ресторан... – Он покачал головой. – Вот скажи: какой смысл платить в заведении, где твою еду даже приготовить не могут? Бред!

– А мне кажется, ты отлично вписался бы.

– Ты на что намекаешь? – Ковальски нахмурился, почесывая низко нависающий лоб.

Ответить Грей не успел. Из кабинета вышли двое: Хани Палу и его командир Бенджамен Ренар.

Палу снял тяжелую куртку и остался в мешковатых желтых штанах на ярко-красных подтяжках. Гаваец хлопнул Ковальски по плечу. Эти двое могли бы быть единоутробными братьями: одинакового роста, оба намного выше шести футов, оба с темными волосами, выбритыми почти налысо. Но у гавайца было более круглое лицо. И явно меньше шрамов.

А еще эти двое различались выражениями лиц, как небо и земля.

Палу не скупился на широкую улыбку даже в эту мрачную минуту, а Ковальски всегда хмурился, словно в любой момент ожидал худшего.

Ренар шагнул вперед и протянул Грею мобильный.

– Вам звонок от директора Кроу.

– Спасибо. – Взяв телефон, командер отошел в сторонку и поднес телефон к уху. Он совсем не удивился, что Пейнтер его выследил. – Какая у нас ситуация?

– Я-то надеялся услышать ответ от тебя... Напали не только на Мауи. Были атаки в Гонолулу и Хило.

Грей повернулся к стеклянным дверям, представив себе, как ядовитый рой кружит над основными городами двух островов.

– Кэт подозревает, что удар мог быть направлен на Лихуэ в округе Кауаи, но внезапный ливень и ветер увели рой к морю.

– Если так, откуда вы знаете, что город Лихуэ вообще был мишенью?

– На берег вынесло самолет «Сесна». Пилота не нашли.

– «ГТх»?

– Именно.

Пейнтер не стал договаривать то, что само собой подразумевалось. Грею удивляло, как легко он спустя девять месяцев отсутствия сразу настроился на одну волну с директором. А еще Пирс чувствовал, что директор что-то скрывает, и уже начал понимать, что именно.

– Какие-нибудь города на Мауи подверглись нападению? – спросил

Грей.

– Только Хана.

Грей обдумал ответ. На Мауи были более крупные населенные пункты: к примеру, Кахулуи, где располагался международный аэропорт, туристическая зона в дальней части острова.

– Тогда почему они выбрали маленький городок?

– Хороший вопрос.

Перед глазами возникли три самолета, летящие к берегу, а один из них, посередине, нацелен прямо на красный песчаный пляж.

И вдруг Грей понял.

– Возможно, они пытались расправиться с нами.

Дуплетом.

– Мы рассматривали эту версию, – признался Пейнтер. – Если так, то кому-то известно, что вы там. Кому-то, кто знал, что вы конкретно на том пляже.

Мысленно Грей содрогнулся.

Если они узнают, что мы выжили...

Она там одна, совсем одна.

Сейхан...

Глава 8

6 мая, 21 час 33 минуты по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Сейхан наблюдала за чужаком с веранды. Перемахнув через забор, он крался к старому домику по садовой дорожке, двигаясь очень осторожно, держась в самой густой тени. Быстро, как молния, бросался вперед, а потом замирал. Хищник явно умел выслеживать добычу.

Весь вечер Сейхан ждала этого гостя. Чтобы не спугнуть его, она встала у двери и опустила на одно колено.

Чужак скользнул было на ступеньки, но сразу попятился.

Иди же сюда!

Словно услышав ее мысли, темный силуэт выскользнул из укрытия и легким прыжком приземлился на дощатый пол веранды. В его тусклых глазах отражался слабый свет, льющийся из-за занавески кухонного окна. И эти глаза внимательно смотрели на Сейхан.

– Ты почти вовремя, – сказала она.

Ответом ей было грустное мяуканье.

Сейхан поставила на пол мисочку мелко нарезанного тунца.

Кошка взглянула на угощение и отвела взгляд. Вытянув длинные лапы и выпустив когти, она изображала равнодушие.

– Больше ничего не получишь.

Еще немного поколебавшись, кошка выгнула хвост и подкралась чуть ближе. Она обнюхала миску, потом ее содержимое и лишь потом начала есть – сперва осторожно, потом от всей души.

Сейхан отважилась протянуть руку и легонько почесать кошке голову одним пальцем. Не переставая есть, та тихо заворчала. Явно дикое животное. Но за эти три месяца Сейхан все больше и больше завоевывала ее доверие. Судя по набухшим соскам, где-то неподалеку был припрятан выводок котят.

Грей ругал Сейхан за то, что она прикармливает бродяжку, и рассказывал, как опасны одичавшие кошки для местной островной фауны: они, дескать, ставят под угрозу многие виды птиц.

Она его не слушала – слишком хорошо помнила, как жила на улице после побега из лаосского детского дома. Девочка была такой же дикой, как эта бродячая кошка, и выживала как могла. В конце концов, ее нашла Гильдия и взяла на обучение – оттачивать приобретенные на улице навыки,

чтобы применять их для более опасных целей.

Не сводя с животного глаз, Сейхан думала о том, что хоть и свободна от Гильдии, однако полностью от прошлого не спрятаться. Вот она и кормила бродяжку, пытаясь скрыть от себя более глубокие мотивы.

Грею сейчас нелегко.

После смерти отца ему требовалось уйти от реального мира. Он взял на себя ответственность, избавив гордого человека от потери достоинства и лишних страданий. Но в глубине души Грей так и не примирился с этим. Сейхан часто подмечала, что он смотрит в пространство остановившимся взглядом, а ночью тревожно ворочается или просто встает с постели и уходит на веранду.

Кошка доедала ужин. Массируя руку, Сейхан пыталась разогнать остатки онемения. Хотя рука уже не горела, лоб по-прежнему сковывала тупая боль. Впрочем, это – последствия напряжения, а не действие яда.

Она смотрела на север, на источник своей тревоги.

Ну почему ты так долго?!

Грей звонил ей из медицинского центра в Хане, сообщил, что цел. С тех пор – ни единой весточки. Он велел ей не высовываться, потому что в городке творился суший хаос. Скорее всего, Грей связался со штабом «Сигмы». Наверное, именно поэтому прибыл Джо Ковальски.

И все же она не могла расслабиться, ожидая новостей.

Недавно смолкло далекое эхо сирен в Хане, однако наступившая затем тишина лишь усиливала недобрые предчувствия.

Сейхан босиком прошлась по веранде и прислонилась к балюстраде. Дерево скрипнуло. Присматривавший за домиком человек говорил, что его построили в середине сороковых, примерно во времена последних сахарных плантаций. На верхушке вулканической скалы уютилась крытая тростником ферма – деревянное сооружение на сваях, с мощными бамбуковыми подпорками. Вся мебель была изготовлена из местной акации коа. Старая патина почти сияла.

В полудреме последних нескольких недель Сейхан с Греем были единственными хозяевами окрестных земель. В этом уголке девственно чистых Гавайев почти не занимались земледелием, но ближе к дому между высокими пальмами разрослись папайи и бананы. В диких садах буйно цвели красный имбирь, желтая плюмерия и розовый гибискус. Блуждающий взгляд Сейхан остановился на качелях, свисающих с мангового дерева. Они с Греем провели много часов, сидя на этой доске, углубившись в свои мысли и наблюдая за тем, как закатные тени превращаются в ночные.

Сейхан глубоко вдохнула ароматный ночной воздух.

Это место напоминало ей родную деревеньку во Вьетнаме. Здесь были другие джунгли, но такое же ощущение, что время остановилось, и такое же единение с природой, как в детстве. Она сжала в руке подвеску в виде дракона – подарок, который сделала мать, прежде чем исчезнуть из ее жизни. Сейхан тогда любила, и любовь, наполняя лачугу, превращала ее в волшебные чертоги.

Может быть, именно поэтому домик на Гавайях стал настоящим домом.

Здесь, на качелях, переплетались их с Греем пальцы.

Он сделал это место домом.

Сейхан вновь прошлась по веранде, не в силах подавить тревогу и ощущение, что все непременно разрушится. Она сомневалась не в его любви, а в своей способности принимать ее. Месяцы в дороге прошли потрясающе, Сейхан и представить себе не могла, что с кем-то может быть настолько хорошо. И в то же время путешествие было словно сон, от которого она наконец проснулась.

И что теперь?

Сможет ли это чувство выстоять под давлением жестокого мира? И должно ли?

Урчание кошки вернуло Сейхан к реальности.

– Тихо. Больше ничего не получишь...

Кошка села спиной к миске, уставившись в пальмовый лес. Рычание замерло глубоко в горле и сменилось тихим вздохом. Животное припало к полу.

Сейхан тоже пригнулась, уходя от света из кухонного окна.

Я тут не одна.

21 час 38 минут

Грей в третий раз набрал номер. Засев в офисе медицинского центра, он пытался дозвониться до Сейхан по городскому телефону. Домик находился так далеко, что мобильного покрытия там не было.

Сигнал соединения, а затем мертвая тишина. Местные линии, наверное, уже не справлялись с потоком звонков в «скорую помощь».

Грей бросил трубку. Он ругал себя, что оставил спутниковый телефон в Вашингтоне. С другой стороны, это была собственность «Сигмы», а Пирс тогда хотел скрыться и боялся, что с помощью телефона его выследят.

Можно подумать, мне это помогло спрятаться...

Понимая, что дозвониться не удастся, он вышел в вестибюль.

Ковальски стоял, привалившись к стене, в уголке рта – огрызок сигары. Сидевшая за столом грузная медсестра сверлила его взглядом – мол, попробуй только закурить.

Грей прервал этот немой поединок.

– Не могу дозвониться. Постараюсь добежать до мотоцикла и поеду к ней.

– Зря ты переживаешь, – проворчал Ковальски. – Даже если у нее проблемы, ни капли не сомневаюсь, что она сама прекрасно справится.

Грей знал, что в целом это правда, но не хотел полагаться на случай. Если нападение действительно было направлено на них с Сейхан, он хотел быть рядом с ней, отражая следующий удар.

– Потусуйся здесь, а я проверю, всё ли в порядке. – У главного входа замаячил знакомый широкоплечий силуэт. – Палу, у кого-нибудь из твоих ребят найдется одежда на мой рост?

Гаваец сразу его понял.

– Хочешь снова выйти?

– Боюсь, моя подруга в беде.

– Тогда я с тобой.

– Спасибо, но на моем мотоцикле тебе места не хватит.

– А кто сказал, что мы едем на твоём маленьком мотоциклике? – Палу вскинул руку, и на пальце блеснула связка ключей. – У меня есть стальной конь получше.

Великан-гаваец кивнул на припаркованный в нескольких ярдах от входа ярко-желтый внедорожник, явно принадлежавший шефу. Впрочем, тот был занят – давал интервью.

– К тому же я тут все объездные дороги знаю. Домчу в два счета.

Предложение пришлось кстати.

– Едем, – кивнул Грей и вздрогнул: за спиной послышалось какое-то ворчание.

Их догнал Ковальски, двигаясь удивительно проворно для своих габаритов.

– Если он едет, то я тоже.

– Больше народу – веселее, – пожал плечами Палу.

– Хорошо, – махнул рукой Грей. – Поедем все вместе.

Ковальски задержался, чтобы раскурить сигару, сверля взглядом медсестру. А потом они выбежали в стеклянные двери и промчались сквозь облако, поднимающееся от поставленной у входа печи для барбекю. Едкий дым должен был отпугивать роившихся рядом ос.

В небе поблескивали звезды. Основная часть роя отправилась в густой

тропический лес на северо-восточном склоне горы Халеакала. Этот спящий вулкан занимал почти всю территорию острова. Непосредственная опасность миновала, но Грей чувствовал, что показалась лишь верхушка пресловутого айсберга.

Сели в автомобиль Ренара – внедорожник «Форд» с сиренами и мигалкой. Палу за руль, Грей рядом, а Ковальски развалился на заднем сиденье.

Заурчал двигатель, и они тронулись.

Совсем рядом Грей услышал знакомое жужжание. Втянув голову в плечи, он оглянулся: в окно пролезла большая оса.

Ковальски спокойно вынул изо рта сигару и ткнул тлеющим кончиком в насекомое.

Послышались шипение и хлопок – тельце взорвалось. Великан снова поднес сигару к губам.

Грей откинулся на сиденье.

«Что ж, этот парень нам пригодится».

21 час 44 минуты

Припав к земле, Сейхан смотрела вслед черной кошке. Та метнулась вниз по ступенькам и исчезла в цветущих зарослях. Сама она так легко сбежать не могла. По крайней мере, пока. Следовало иметь в виду, что кто бы за ней ни пришел, дом наверняка окружен.

«Тень или пламя?» – подумала она, прикидывая свои возможности.

Гильдия заставила ее твердо усвоить: когда тебя загоняют в угол, есть два варианта. «Тень» – ведешь себя тихо, используя хитрые уловки, чтобы вырваться из западни. «Огонь» – разжигаешь свой адреналин, чтобы открыто броситься в бой и силой прорвать окружение.

К сожалению, Сейхан не могла выстрелами расчистить себе дорогу. Они с Греем путешествовали из страны в страну, как перекасти-поле, и не возили с собой оружия. Пересекая границы в качестве гражданских лиц, никак не могли обойти таможенное законодательство. И нигде не задерживались подолгу, а значит, не видели нужды искать оружие на черном рынке.

И все же совсем безоружной Сейхан не осталась. У нее был набор кинжалов и метательных ножей, а еще прекрасно наточенный китайский кухонный секач, обернутый кожей. Лишь один раз ее коллекция вызвала вопросы на таможне. Сейхан сказала, что она – повар-путешественница, и продемонстрировала фальшивый диплом кулинарной школы «Кордон Блэ».

К несчастью, ножи сейчас лежали в спальне на другой стороне дома.

Оставалось следовать путем «тени».

На принятие решения ей потребовалась секунда. В следующую секунду она уже действовала.

Глава 9

6 мая, 21 час 45 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

– Кому-нибудь удалось ее засечь?

Стоя на скале над бьющимися волнами, Масахиро Ито слушал донесения своих людей, занявших позиции вокруг крытого тростником домика. Ударная группа прибыла четверть часа назад на надувной лодке. Причалив, бойцы бесшумно вскарабкались на скалы в пятидесяти ярдах к северу от цели, чтобы остаться неслышными и невидимыми.

Масахиро мысленно осыпал проклятиями того, кто спугнул мишень. Он приказал, чтобы остальные не показывались и ждали возвращения американца. Дед хотел, чтобы сегодня ночью казнили обоих.

Но ситуация изменилась. Мишень – азиатка-полукровка, предательница «Кагэ» – скрылась как раз в тот момент, когда группа заняла позицию. Она вроде бы кормила кошку, а затем просто исчезла с веранды. Оправившись от изумления, нападавшие поняли, что ждать больше нельзя: женщину следовало предать смерти до того, как она сообщит о засаде своему приспешнику.

– Нет, чунин Ито, – доложил по радиации старший помощник. – Никто ее не видел.

Масахиро стиснул зубы.

Все пятеро его людей были бывшими убийцами из «Кагэ», завербованными дедом после разгрома организации. Мало кто из Эшелона – высшего уровня управления «Кагэ» – избежал чистки. Насколько Масахиро знал, лишь его дед остался незамеченным.

Кто мог обратить внимание на девяностолетнего старика?

Это была ошибка.

Во время падения «Кагэ» Масахиро защитил дед. Но он не прятал внука, а выдвинул. Масахиро стал руководителем отдела исследований и разработок в «Феникссу лабораториз», компании, основанной его дедом несколько десятилетий назад. И даже вошел в совет директоров.

Дед дал ему и еще одно задание, неизвестное правлению: тайно собрать генинов, или низших членов «Кагэ», рассеявшихся после падения организации, взять их под крыло и создать менее многочисленную, но более смертоносную силу.

Под руководством деда он создал эту новую группу по образу и

подобию синоби, тайных воинов феодальной Японии, которые стали в конце концов известны как ниндзя. Его дед Такаси придерживался старинных обычаев тех времен, когда Япония была на вершине славы. Несмотря на преклонный возраст, Такаси стал новым джонином, или лидером группы. Масахиро получил звание чунина, или «среднего». Ему непосредственно подчинялись все генины.

У Масахиро за спиной был традиционный меч – катана, а на поясе – стальной серп с прикрепленным к нему цепью грузиком. К старинному оружию синоби Масахиро добавил современное снаряжение. Он и остальные носили темно-зеленый камуфляж, а под ним – легкие кевларовые доспехи. Оружием служили японские автоматические пистолеты «Минебеа РМ-9» с глушителями и прицелами ночного видения. В то же время каждый член группы носил тэнугуи – отрез ткани, используемый в качестве маски, но способный служить также поясом или даже веревкой, когда нужно было вскарабкаться на небольшую высоту.

Масахиро поднял свою маску выше, почти до самых глаз.

Где же эта женщина?

Он злился, понимая, что дальше ждать нельзя.

– Заходим в дом, – приказал Масахиро. – Огонь на поражение.

21 час 47 минут

Сейхан припала к стволу столетнего мангового дерева. Крона раскинулась на тридцать футов в ширину, отбрасывая густую тень. Женщина босиком балансировала на ветке не толще собственного бедра.

Несколько мгновений назад она стремглав перемахнула через старые деревянные перила. Предполагая, что противник мог заpastись инфракрасными прицелами ночного видения, перекатилась под крыльцо меж свай, на которых стояло здание, а затем бросилась в самые густые заросли, низко пригибаясь к земле, и вскарабкалась на дерево.

Она ожидала, что следить будут либо за домом, либо за прилегающей территорией.

Только бы не смотрели вверх.

Сейхан замерла; двигались только ее ноздри, вдыхая и выдыхая. А затем она услышала шорох сухих листьев. Более темная тень проскользнула под широкую беседку из ветвей. Выжидая момента, Сейхан осмотрелась: никого.

Она прикинула позиции захватчиков и количество людей, необходимое, чтобы окружить дом. По ее подсчетам выходило, что здесь от пяти до семи человек.

Не самый оптимистичный расклад, но в прошлом она справлялась и в худшей ситуации.

Впрочем, тогда у нее было оружие посильнее мангового дерева.

И это сойдет.

Она бросила влево спелый плод.

Силуэт внизу шевельнулся. Сейхан взялась за веревку – здесь висели старые качели, где они с Греем провели много праздных часов, – и аккуратно спрыгнула, набросив в полете петлю на шею мужчины и приземлившись обеими ногами на сиденье качелей. Под ее весом веревка туго затянулась на шее жертвы. Все еще балансируя на доске, она схватила голову мужчины и завершила то, что не удалось веревке.

Позвонки сломались, конечности обмякли.

Сейхан соскочила на землю и забрала оружие.

С тенью можно попроситься.

Она вскинула автомат на плечо.

Пришло время огня.

21 час 52 минуты

Масахиро услышал череду выстрелов возле домика. Значит, операция идет полным ходом. Он сошел со своего наблюдательного пункта на вершине скалы. Группа, наверное, выгнала женщину из укрытия.

Теперь это вопрос времени...

Он сделал еще два вдоха, вслушиваясь, как ночь затихает. Позади мягко шептались волны. А затем вновь послышалась череда залпов, только с новой точки, ближе к нему.

Вспыхнула искорка подозрения. Масахиро присел и коснулся микрофона, скрытого в складках тэнугуи возле губ.

– Ситуация?

Сердце колотилось. Что-то не так.

Еще один резкий выстрел лишь подтвердил это ощущение.

Отозвался Джиро, его правая рука:

– У нее есть оружие. Она вывела из строя троих.

Новые выстрелы прервали разговор, послышался резкий крик.

Уже четверых...

Джиро снова заговорил, теперь уже тише:

– Чунин Ито, вам лучше отступить к лодке.

Прежде чем Масахиро успел отказаться, по радио прозвучал новый голос, чувственный и спокойный.

– Или можешь подождать меня, – сказала женщина на безупречном

японском.

Он сжал оружие. Значит, враг отобрал у товарища по команде не только пистолет...

– Или ты *кошинуке*? – поддразнила она его.

Масахиро оцетинился. Трусом он не был, но в то же время понимал, что она побуждает его действовать опрометчиво. Ито глубоко вдохнул и спокойно сказал.

– Я буду ждать тебя возле лодки, генин Джиро.

– Понял. Я найду ее.

– Тогда поиграем, – насмешливо фыркнули в ответ.

21 час 56 минут

Когда разговор закончился, Сейхан стояла спиной к пальме, закрыв глаза и прижимая к губам усик захваченной рации. Откуда-то слева донеслись слова Джиро, звучавшие словно шепот.

Ее действия не смогли напугать противника, но ей удалось больше узнать о боевиках, рассеянных по лесу. Она уже поняла, что группа прибыла на лодке, причалившей, вероятно, где-то к северу от домика. Берега к югу были слишком скалистыми, и там бушевал прибой.

Сейхан взвесила шансы быстро добраться до лодки. Эффект неожиданности и знание местности помогли ей победить четырех мужчин. Но последний, преграждавший ей путь – тот, которого звали Джиро, – будет осторожнее. Что ж, раз главаря перехватить не удастся, надо бросить все силы на то, чтобы взять живым этого Джиро.

Он у меня заговорит.

Сейхан двинулась влево, не задевая ни единой ветки. Иногда останавливалась, чтобы заглянуть в прицел ночного видения; тогда окрестности окрашивались в темную палитру серого. Слух напрягался от каждого поскрипывания, шороха и щелчка.

Сейхан заранее изучила эти заросли. Так она поступала всегда, оказавшись в новом месте. И знала каждый куст, дерево и камень. Поэтому сразу все поняла, заметив что-то черное и неподвижное среди зарослей папайи в сорока ярдах слева.

Опустившись на одно колено за кустом гибискуса, она прицелилась и дважды выстрелила в середину тела – не в голову.

Пули, пройдя сквозь камуфляжную ткань, перевернули мишень: переплетение ветвей.

Приманка.

Сдержав проклятие, Сейхан прыгнула вправо. И тут же ближайший

куст гибискуса вывернуло из земли автоматными выстрелами. Сейхан упала на бок, перекатилась и вскочила, продолжая стрелять вслепую. Попасть не надеялась, хотела лишь отогнать врага.

Она сжала зубы. Недооценила! Нельзя и думать захватить дьявольски хитрого убийцу живым. При столкновении с таким противником оставалось лишь одно.

Убить или быть убитым.

Обежав вулканическую скалу, Сейхан обнаружила, что ее ожидают. Она угодила в ловушку, ее специально сюда заманили. Этот человек – не Джиро, а его командир.

Ублюдок все-таки не вернулся к лодке.

Она представила себе улыбку, промелькнувшую под маской в момент выстрела.

22 часа 02 минуты

Убивая, Масахиро всегда чувствовал наслаждение.

К сожалению, в этот раз он радовался преждевременно. Выбежав из-за скалы, женщина еще была в движении. И использовала инерцию, чтобы повернуться боком и вскинуть руки. Силуэт стал уже. Первая пуля прошла мимо ее живота, достаточно близко, чтобы разорвать рубашку.

Прежде чем японец успел прицелиться как следует, Сейхан ударила его по запястью рукояткой пистолета. Вспыхнула боль, и он выронил оружие.

К счастью, удар выбил оружие и из рук женщины.

Долю секунды они смотрели друг на друга, затем одновременно пришли в движение.

Женщина попыталась нанести удар ногой, в то же время наклоняясь, чтобы поднять пистолет. Масахиро отскочил, увернувшись, и выхватил из-за спины катану.

Она подняла пистолет, а он обнажил короткий меч. Лезвие свистнуло у самого ее лица.

Он не ранил ее, но все же сумел навредить.

Следуя обычаям синоби, Масахиро наполнил ножны специальной смесью. Раньше воины использовали перемолотый в пыль красный перец; Ито обновил формулу, добавив порошок из чили и высушенного отбеливателя.

Эффект был мгновенным.

Когда пыль ударила по глазам, Сейхан ахнула, рефлекторно втягивая порошок глубоко в нос и легкие. Отступая, она выстрелила вслепую,

захлебываясь кашлем и спотыкаясь.

Масахино укрылся за скалой и подождал, пока ее магазин опустеет. Когда выстрелы стихли, он достал пистолет, готовясь прикончить жертву.

В нескольких ярдах от него из леса кто-то выскочил.

Джиро.

Масахино указал на женщину, и они вместе бросились за ней, одержимые жаждой убийства.

Она ослепла и задыхалась. Надежды спастись не было.

22 часа 04 минуты

Сейхан бежала, вытянув руки перед собой. По щекам катились слезы. Каждый вдох опалял легкие. В глазницы словно вставили два раскаленных угля.

Ударившись плечом о дерево, она едва не повалилась на бок, но устояла на ногах. За спиной слышались шаги преследователей и треск веток.

Сквозь боль и слезы Сейхан отчаянно всматривалась в размытое сияние впереди. Освещенное окно домика – маяк в ночи. Нужно выиграть время, чтобы успеть в укрытие и взять ножи. И, может быть, мазь для глаз.

Выбора нет.

Ее царапали шипы и ветки. Осколки вулканической породы впивались в подошвы босых ног. И все же она старалась бежать еще быстрее, ведь ее настигали.

Каждую секунду Сейхан ожидала выстрела в спину.

Наконец, открытое пространство. Тело больше не путалось в кустах и ветвях. Должно быть, она выбежала из леса и оказалась в саду возле домика.

Свет из кухонного окна ударил по воспаленным глазам ярко, словно солнце.

Так близко...

И тут мир озарило взрывом.

Справа вспыхнули две сверхновые звезды и помчались прямо на нее, обогнув домик. Слепленная, она замерла, словно олень в свете фар. Фары...

Голос прозвучал совсем близко:

– Сейхан, ложись!

Она повиновалась, веря человеку, владевшему ее сердцем. Сверхновые метнулись вверх и мимо. Порванная рубашка взвилась от вихря, когда мимо пронеслась большая машина. Накатила волна выхлопных газов.

Позади слышалась стрельба. Затем – тяжелый удар металла о плоть.

Сейхан лежала на месте, не в силах пошевелиться от боли и усталости. Хлопнула дверца автомобиля, затем рядом с ней упали на колени.

– Ты в порядке? – спросил Грей.

– Теперь – да. – Она со стоном перекатилась. – Ты... ты обоих пристрелил?

– Одного. В последний момент ему удалось оттолкнуть второго парня в сторону.

Она поняла, что произошло. Джиро пожертвовал собой, чтобы спасти командира.

– Ковальски пошел было за этим ублюдком, но тот исчез в темноте. И вряд ли вернется.

Сейхан посмотрела на лес.

По крайней мере, пока.

22 часа 12 минут

Масахино на надувной лодке отчалил от берега и обогнул вулканический полуостров так, чтобы между ним и домиком оказалась скала. Он уже вызвал гидросамолет и готовился попрощаться с этими островами.

Глядя на берег, Ито вздохнул.

Биологическая атака прошла по плану. Единственное исключение – Кауаи, где операция сорвалась из-за погоды. На остальных островах процесс был запущен, и ничто не могло его остановить.

Масахино вышел в открытое море.

Несмотря на успех, он умирал от стыда.

Он потерпел неудачу с делом мести деда. Два человека, больше всего потрудившихся для уничтожения «Кагэ», остались в живых.

По моей вине.

Тем не менее он намеревался не повторять неудачу, а извлечь из нее опыт.

Пока же следовало довольствоваться тем, что эти острова сгорят. И огню их предадут сами американцы.

У них не останется выбора.

Этого потребует весь мир, как только станет известна истина.

Масахино улыбнулся под складками своего тэнугуи.

До тех пор терпеть страдания – героизм.

Часть вторая
Чрезвычайная ситуация

Глава 10

7 мая, 15 часов 05 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Прошло двенадцать часов после нападения на Гавайи. Кэт Брайант беспокойно расхаживала по штабу «Сигмы», грея руки о высокий стаканчик из «Старбакс». За всю ночь она лишь ненадолго сомкнула глаза.

Обычная ситуация для этой работы.

В большом круглом помещении за компьютерами сидели технические специалисты. На их лица падали отсветы мониторов. Штаб служил цифровыми глазами и ушами «Сигмы». Здесь отфильтровывали данные разных разведывательных служб, как внутренних, так и зарубежных. Кэт была хозяйкой этого места, паучихой в цифровой сети.

Услышав шаги, она взглянула на дверь, ведущую в вестибюль.

Торопливо вошел Пейнтер, только что вернувшийся со встречи с генералом Меткалфом из Управления.

– Что нового? – спросил он.

– Список жертв пополнился.

Кроу поморщился, явно пытаясь собраться с духом.

– Все очень плохо?

Кэт взяла планшет.

– На островах пятьдесят четыре человека погибли и более тысячи госпитализированы. Состояния разной степени тяжести, поэтому умерших явно станет больше.

– И неизвестно, сколько еще людей будут искусаны до смерти в ближайшие дни, если рой останется на островах, – Пейнтер покачал головой.

– Следует ожидать хаоса. Особенно учитывая, что у местных служб спасения не разработан план действий для таких случаев. Пока что идет отчаянный поиск вариантов.

– Кто-нибудь взял на себя ответственность за атаки?

– Пока нет. Думаю, что наши обычные подозреваемые тут же ухватятся за катастрофу, чтобы приписать «славу» себе.

И это лишь усложнит расследование.

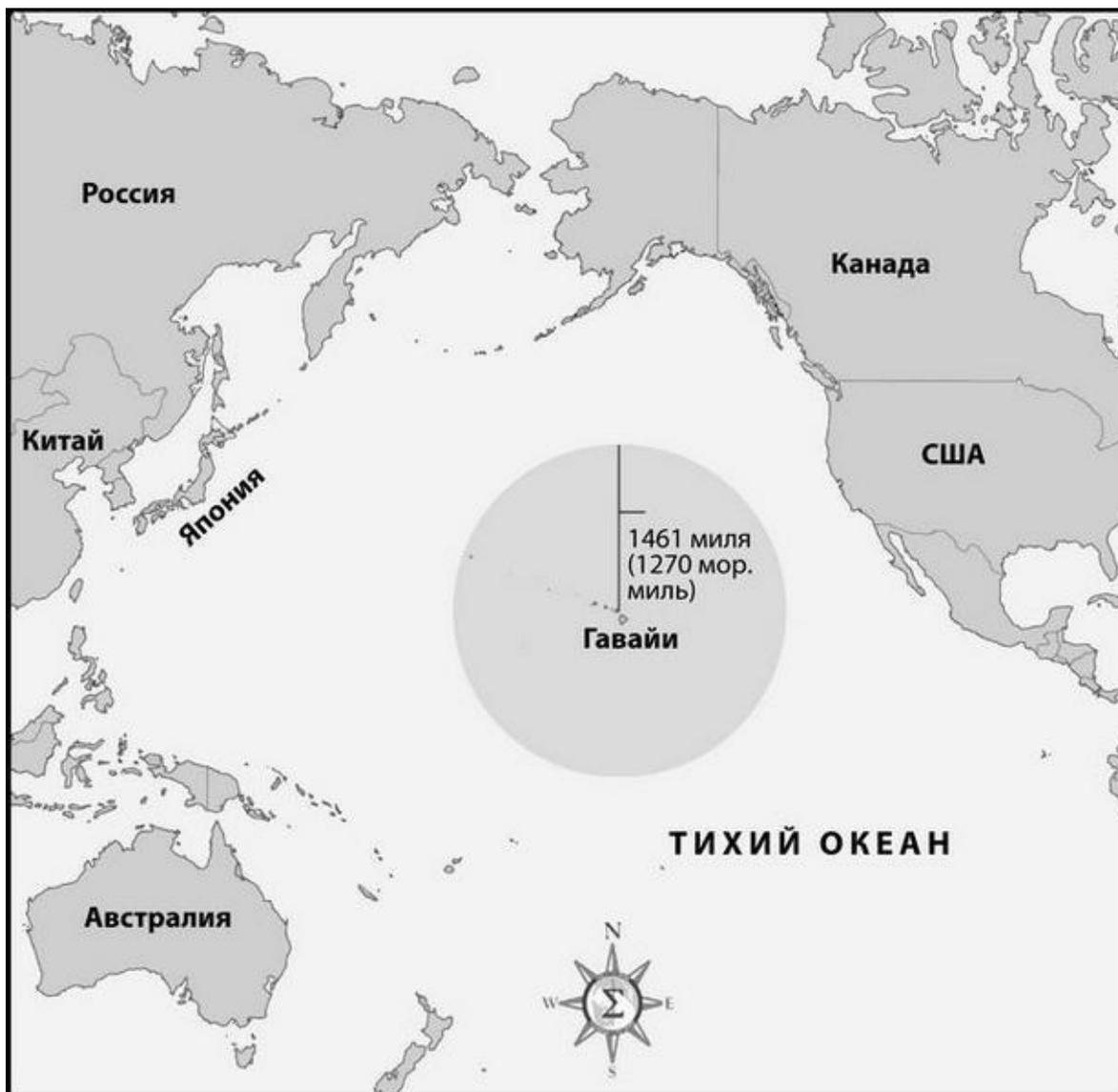
– Что показала экспертиза самолетов? – спросил Пейнтер.

– Все – беспилотники. И все – по крайней мере те, что не сгорели дотла, – числятся в угоне в разных уголках планеты.

– Значит, кто-то долго планировал удар...

– Похоже на то.

Кэт поставила стаканчик и вывела на монитор карту тихоокеанского региона. Береговую линию Гавайских островов и большой кусок близлежащих вод окружало полупрозрачное красное кольцо.

– Максимальная дальность полета для «ГТх» – всего тринадцать тысяч морских миль. – Она указала на круг. – Следовательно, их запустили где-то здесь.

Пейнтер придвинулся к карте.

– Или дальше, а по дороге дозаправили.

Кэт недоуменно вскинула брови.

– Думаю, эскадрилья беспилотников привлекла бы внимание... Нет, бьюсь об заклад, что база поблизости, – продолжала она, снова обернувшись к монитору.

– Зона большая...

– Почти семь миллионов квадратных миль. Вдвое больше, чем площадь сорока восьми штатов, которые находятся южнее нас.

Пейнтер нахмурился.

– В этом регионе сотни островов.

– Тысячи, если считать атоллы и отмели. Конечно, поиск следует ограничить точками, достаточно крупными, чтобы на них поместился самолет. И все равно таких мест остается очень много. – Кэт вздохнула.

– Гавайские радары дают ориентир?

– Увы, нет. Зона их действия – около двух сотен миль от берега. И когда самолеты входят в эту зону, невозможно вычислить, откуда они шли.

Один из технарей заерзал на стуле, поглядывая на Кэт и не решаясь перебивать.

– Что у вас? – спросила она.

– Вам звонят по защищенной линии.

– Кто?

– Он представился профессором Кеном Мацуи. Утверждает, что вы хотели с ним связаться.

– Токсиколог из Корнеллского университета, – вспомнила Кэт, оглянувшись на Пейнтера. – Тот, который направлял запрос доктору Беннету в Национальный зоопарк.

– Призрак? – Кроу вопросительно взглянул на нее.

– Похоже, восстал из мертвых.

Накануне она подготовила досье на ученого. Судя по отчету, полученному из Бразилии, профессор, а также его аспирант и двое местных жителей пропали без вести. Считалось, что они погибли во время шторма.

– Перенаправьте звонок в мой кабинет, – распорядилась Кэт.

Она взяла стаканчик с кофе и провела Пейнтера в соседнюю комнату. Ее кабинет был по-спартански рациональным, как и сама она; из личных вещей в глаза бросались только фотографии двух дочерей, Пенелопы и Харриет. А самое ценное фото изображало мужа, Монка, с двумя детишками на коленях. Коренастый мужчина, позируя, сделал вид, что изнывает под тяжестью девчушек пяти и семи лет. Но, глядя на его мускулистые руки и широкую грудь, обрисованную спецназовской рубашкой, любой понял бы, что он способен хоть жонглировать этими девчушками, если потребуется, – а требовалось это довольно часто,

учитывая их неистовый характер.

Монк отвез девочек в лагерь в Катскиллских горах. Кэт планировала присоединиться к ним, но чрезвычайная ситуация заставила ее остаться в Вашингтоне.

Может быть, в цифровой паутине я вовсе не паук, а муха...

Тем не менее она знала, что Монк отлично позаботится о Пенни и Харриет.

Хотя Кэт было больно в этом признаваться, ему в последнее время все чаще приходилось ее подменять. Причем с радостью. В душе она немного завидовала сбежавшим Грею и Сейхан. Ей тоже следовало бы выкроить время для Монка, для семьи...

Вот только как откажешься от дозы адреналина.

Кэт отхлебнула кофе.

Или кофеина...

– Я перевел звонок на вторую линию, – доложил инженер по внутреннему переговорному устройству.

Поставив стаканчик, Кэт включила громкую связь.

– Профессор Мацуи, спасибо, что перезвонили.

– У меня мало времени. Что вас интересует?

Несмотря на плохую международную связь, Кэт уловила в его голосе явное подозрение. Она оглянулась на Пейнтера, а тот махнул рукой: мол, действуй по ситуации.

Брайант не стала упоминать о том, что профессора считали погибшим, и продолжила:

– Нам посоветовал обратиться к вам энтомолог, работающий здесь, в Вашингтоне. Вы связывались с ним по поводу одного необычного вида ос.

Долгое молчание. На заднем фоне слышался какой-то шепот, как будто профессор с кем-то советовался.

Кэт переглянулась с Пейнтером.

Что там происходит?

– Да, – ответил наконец Мацуи, – но, думаю, все мы понимаем, что опоздали.

– О чем вы?

– Одокуро уже выпустили на волю.

– Одокуро?

– Так я назвал этот вид *Hymenoptera*. В честь японского демона. Можете мне поверить, наименование вполне подходящее. Я изучаю этот вид уже два месяца. Невероятный жизненный цикл!

– Постойте, вы его изучаете? Где, в Киото? – Кэт помнила, что

профессор в качестве контактного адреса указал исследовательский центр японской фармацевтической компании.

– Я уже не в Киото.

– А где же?

– Лечу на Гавайи на корпоративном самолете компании «Танака».

Посадка примерно через час.

– Зачем вы туда летите?

– Увидеть своими глазами процесс колонизации. Лишь так я смогу определить...

– Что определить? – спросила Кэт, а по спине пополз холодок.

– Придется ли вам сжечь острова дотла.

09 часов 28 минут по гавайскому времени

Самолет, летящий над северной частью Тихого океана

Кен Мацуи смотрел в иллюминатор корпоративного «Хонда Джет 420», ожидая, пока уляжется шок, вызванный его словами.

Два расположенных над крыльями двигателя гнали самолет к месту назначения – в Гонолулу. Это был самый быстрый реактивный самолет в своем классе, но пришлось заправляться на атолле Мидуэй. Во время недолгой задержки Кен беспокойно расхаживал по четырехместному салону.

Зря согласился молчать.

Он посмотрел на стройную женскую фигуру. Айко Хигаши утверждала, что работает на Агентство общественной безопасности Японии, но Кен подозревал, что за этой женщиной стоит нечто большее.

Держалась она как человек с военной подготовкой. Короткая стрижка прикрывала лоб и шею. Складки темно-синего костюма были жесткими, как линия ее губ. И за последние месяцы, пока за ним тенью следовала Айко, суровое выражение редко сходило с ее лица.

Наконец, Кэтрин Брайант вернулась к разговору. Что касается американки, Мацуи тоже сомневался, что она всего лишь сотрудница Управления. Особенно, когда Брайант попросила с ней связаться. Он хотел проигнорировать запрос, но Айко настояла на том, чтобы он перезвонил. И вот сейчас она слушала разговор, легонько подавшись вперед.

– Почему вы думаете, что потребуются столь радикальные меры? – спросила Брайант.

– Потому что я своими глазами видел, на что способен Одокуро.

– Где? Как?

Кен посмотрел на Айко. Та едва заметно кивнула. Она уже говорила,

чтобы он был откровенен с Брайант, как будто знала собеседницу и доверяла ей достаточно, чтобы поделиться информацией.

А вот Кен не знал, кому доверять. Родители внушили ему здоровое недоверие к правительству – они из собственного опыта усвоили, как легко власть может сожрать или раздавить. Отец рассказывал о суровых, бесчеловечных условиях в расположенных за колючей проволокой лагерях для интернированных. Он попал туда в детстве. Лагерь находился в идиллических предгорьях Сьерра-Невады, неподалеку от городка Индепенденс^[2]. Это название казалось отцу издевательством.

А его мать-немка многое пережила в своей родной стране во время войны. И именно она учила Кена подвергать сомнению авторитеты и быть на стороне угнетенных.

И все же он понимал, что такую историю следует рассказать.

Особенно сейчас.

– Два месяца назад... – начал Кен.

И запнулся.

Неужели прошло так мало времени?.. Вспомнилась широкая улыбка аспиранта Оскара. И снова зазвучали выстрелы. Кен закрыл глаза, пытаясь отвлечься от боли и ужаса.

– Два месяца назад... – напомнила Брайант.

Он сглотнул, а затем с трудом начал рассказывать, что произошло на Кеймада-Гранди, в проклятом месте, которое старший лейтенант Рамон Диас называл Змеиным островом. Излагая события, Кен заговорил быстрее: вернулась лихорадочная паника. Он описал трупы: тела браконьеров и клубки мертвых змей, а потом удар с воздуха.

– Остров забросали бомбами с зажигательной смесью, сожгли дотла. Но я спасся... И кое-что прихватил с собой. Экземпляр одной из змей. В темноте я пробрался к берегу, потом доплыл до бразильской деревеньки. Я боялся, как бы кто не узнал, что я выжил...

– Вас бы сразу убили, – спокойно промолвила собеседница.

Как ни странно, Кену стало легче, когда подозрение подтвердилось. Он понимал, что стыд и сожаления в значительной мере связаны не с гибелью Оскара, а с его собственным молчанием. Мучительный узел ослаб – совсем чуть-чуть.

– Я знал, что должен сохранить образец, вывезенный с острова. Должен понять, что там произошло. Поэтому связался с коллегой из «Танаки». С человеком, которому доверял. Лишь толстый кошелек корпорации мог вытащить меня из Бразилии, а потом переправить в безопасное место, причем быстро, пока никто не успел узнать, что я жив.

– «Танака» обеспечила вас фальшивыми документами?

Кен взглянул на Айко. Та кивнула. Он все больше убеждался, что обе эти женщины – не те, за кого себя выдают.

– Да. В Киото я закрылся в лаборатории, чтобы изучить свою находку. Оказалось, что тело змеи набито личинками. Это была ранняя возрастная стадия нового вида.

– Возрастная стадия?

– Этап развития насекомого, – пояснил Кен. – Личинки пожирали тело змеи изнутри.

Он вспомнил, как трясся от отвращения, когда вскрыл тело змеи в изолированной лаборатории. Из разреза потоком хлынули белые личинки. Но самым страшным было не это...

– Вернемся к острову, – подсказала Брайант. – Насколько я понимаю, это уединенное место было испытательным полигоном для тех, кто нанес удар по Гавайям.

– Наверное, вы правы, хотя я и представить себе не мог такой ужасный план. Я думал, что на острове просто какая-то секретная лаборатория, где произошла некая катастрофа, а потом они уничтожили следы, зачистив территорию.

– А вы туда попали случайно?

– Сначала я думал, что да.

Тогда совпадение не привлекло его внимания. Просто он оказался в неудачное время в неудачном месте.

Или я просто хотел себя успокоить?

– Теперь вы сомневаетесь?

Кен помолчал, раздумывая. Да, со временем у него появились подозрения. Им завладели одиночество и страх, особенно в чужой стране. Чувствуя, что попал в ловушку, он отважился написать коллеге, энтомологу из Смитсоновского национального зоопарка, и спросить, известно ли что-нибудь об этом виде. Выяснить ничего не удалось, но он хотя бы попытался.

– Вы сказали, что фармацевтическая компания «Танака» покрыла основную часть исследования своими грантами. А на остров за образцами яда вас тоже отправила компания?

– Да, – неуверенно сказал Мацуи и обернулся к Айко.

У той на лице не дрогнул ни один мускул.

– Или в компанию «Танака», – произнесла Брайант, – просочилась информация о том, что конкурент проводит на острове исследования. И вас отправили на разведку.

Женщина словно читала его собственные параноидальные мысли. Он ни с кем ими не делился, но сам часто думал, не оказался ли на том острове в качестве пешки в шпионских играх корпораций. Бизнес в Японии – дело кровавое, часто многое решается за кулисами. Может, кто-то в «Танаке» прослышал об экспериментах на Кеймада-Гранди?

Получается, они хладнокровно отправили меня на разведку?

От этой мысли стало еще страшнее.

Американка тем временем продолжала:

– Если мое предположение верно, то «Танака» командировала вас на остров на основе данных, перехваченных в другой компании. Скорее всего, японской.

– По... почему японской?

– На это указывает вчерашняя зона поражения.

Кен вдруг понял ее логику.

Как же я сам не догадался?..

Айко жестом попросила передать ей трубку. После короткого колебания он подчинился.

Японка наклонилась к телефону.

– Конничива́, капитан Брайант! Это Айко. Айко Хигаши. Простите, что не сразу вступила в разговор. Я хотела узнать, совпадут ли ваши выводы с версией моего агентства.

– Привет, Айко! – без запинки ответила американка. Она ничуть не удивилась, что на борту вместе с Кеном сотрудница спецслужбы. – Вывод напрашивался сам собой, тем более что я подозревала об этом с самого начала. – От ее дальнейших слов Кен окаменел. – Новый Перл-Харбор.

– Биологический, – согласилась Айко.

Кен повернулся к иллюминатору. Прямо впереди из океана вырастала гряда островов.

Если они правы, то я лечу в эпицентр боевых действий.

15 часов 55 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Кэт с директором вышли из кабинета. Разговор по спутниковой связи закончился – самолет заходил на посадку. Кэт посоветовала отклониться от курса и сесть не в Гонолулу, а в городе Кахулуи на Мауи. Оттуда их должны были перебросить в Хану, чтобы они вместе с Греем и компанией оценили ситуацию на острове.

Хотя на момент завершения разговора угроза оставалась мучительно неясной, Кэт разработала план действий и теперь хотела поделиться им с

шефом.

– Айко сказала, что организует исследовательскую работу профессора Мацуи, как только они приземлятся. Если вы не против, я бы хотела связаться с доктором Беннетом, энтомологом.

– Конечно. Его знания нам очень пригодятся. – У выхода Пейнтер коснулся ее руки. – Но доверяешь ли ты этой женщине, Айко Хигаши?

Кэт сделала глубокий вдох.

– Я знаю ее профессиональные качества, а в остальном мне мало что о ней известно. Мы примерно одновременно делали карьеру в наших ведомствах. Когда я служила в военно-морской разведке, она работала в Министерстве юстиции, а потом ее завербовало Агентство общественной безопасности Японии. Затем Айко примерно на два года пропала из виду – и вот снова появилась и по-прежнему служит в Агентстве.

– О чем, по-твоему, это говорит?

– За несколько месяцев до исчезновения Айко исламские повстанцы убили в Сирии двух японских заложников. Военные после этого оказывали сильное давление на премьер-министра. Их нынешняя конституция – ее написали после Второй мировой войны – ограничивает деятельность японской разведки в других странах. Но многие политики пытаются внести в конституцию поправки, чтобы расширить операции разведки.

– И ты думаешь, эта женщина может работать на какую-нибудь новую организацию?

– Не исключено. Потребовались бы годы, чтобы обучить оперативных агентов и кураторов для проведения операций за рубежом.

– Полагаешь, они уже начали эту работу тайно, в обход неповоротливой бюрократической машины?

– Я на их месте именно так и поступила бы, – пожалала плечами Кэт. – К тому же японцы известны своей скрытностью. Они даже более скрытны, чем англичане – а те лишь в 1994 году признали существование своей МИБ.

– Если Айко Хигаши – сотрудница тайной организации, можем ли мы доверять ей?

Кэт поманила Пейнтера к выходу.

– Безусловно. В критический момент интересы страны будут для нее превыше всего.

– Учтем, – Кроу кивнул.

Кэт хотела уже попрощаться с шефом, когда на нее страдальчески взглянул один из инженеров, помахивая трубкой.

– Что там?

– Снова звонят. Судя по всему, что-то срочное.

Кэт взглянула на часы. Самолет Айко никак не успел бы приземлиться.

– Это Саймон Райт, – продолжал инженер.

– Куратор музея? – переспросил Пейнтер.

Кэт нахмурилась. С чего бы Саймону звонить? Этот «хранитель Замка» был единственным из сотрудников музея, кто знал о размещенном в подземелье штабе «Сигмы».

– И что он говорит? – поинтересовалась Кэт.

Инженер перевел взгляд на Пейнтера.

– Приглашает директора на встречу в Регентской комнате от имени Элены Дельгадо, библиотекаря Конгресса.

Ошеломленный Пейнтер подошел и взял трубку.

– Саймон, что все это значит?

Кэт приблизилась и услышала ответ:

– Доктор Дельгадо сказала, что владеет информацией о событиях на Гавайях. Кажется, речь о каких-то давних обстоятельствах, восходящих к эпохе основания Института.

– Что это за информация? – еще больше удивился Пейнтер.

– Она утверждала, будто ей известно, что именно вырвалось на волю на Гавайях. Мол, ее давно предупреждали о надвигающейся опасности.

– Кто предупреждал?

– Александр Грэхем Белл.

Глава 11

7 мая, 11 часов 05 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Стоя на освещенной солнцем парковке, Грей наблюдал за маленькой вертолетной площадкой на близлежащем футбольном поле. А тем временем посреди бейсбольного поля приземлился другой вертолет – для эвакуации. Под резкими порывами утреннего ветра хлопал брезент палаток оказания экстренной помощи.

Вдоль улиц выстроились целые колонны автомобилей службы спасения. Они прибывали всю ночь, мучительно преодолевая извилистую дорогу, бегущую вдоль скалистого побережья. Из громкоговорителей, усиливая какофонию, постоянно неслись приказы. Тела погибших уже убрали, но живых пострадавших продолжали сортировать по степени тяжести. Тех, кому было хуже всего, отправили в больницы Мауи, а некоторых, в критическом состоянии, – даже на другие острова. Однако Гонолулу и Хило тоже подверглись атаке, поэтому койкоместа заканчивались.

На футбольном поле приземлился вертолет. Из него выбрались двое. Грей вскинул руку. Прибывшие направились к нему, пригнувшись под вращающимися лопастями.

Грей узнал этих людей по описанию директора Кроу.

Профессор Кен Мацуи сжимал в руках кожаный портфель. По-видимому, токсикологу было за тридцать. Морщинки вокруг глаз: наверное, часто приходилось щуриться на солнце. Лицо загорелое – судя по всему, часто выезжал в поле. Сейчас он тоже выглядел готовым к экспедиции: штаны хаки, ботинки и куртка поверх рубашки с длинными рукавами. За ним спешила агент японской разведки, Айко Хигаши, худая как жердь и безукоризненно одетая. Ее взгляд беспокойно скользнул по сторонам. Грей не сомневался, что она сразу в мельчайших подробностях запомнила обстановку.

Его работа заключалась в том, чтобы прибывшие могли оценить угрозу от распространения роя максимально быстро. Ему надлежало ограждать их от местного хаоса и волокиты.

Когда профессор Мацуи подошел к Грею, они пожали друг другу руки, но взгляд японца был устремлен к человеку, которого на носилках тащили к вертолету.

– Почему столько людей? Здесь должны были объявить карантин!

– Поздно, профессор, – сказала присоединившаяся к ним Айко. – На этом этапе местный карантин был бы пустой тратой ресурсов, особенно учитывая, что пострадали многие острова. Позже, если ваши мрачные прогнозы подтвердятся, ресурсы нам еще очень понадобятся. Впрочем, одними ресурсами здесь не обойтись.

– Вы о чем? – нахмурился Грей.

– Карантин придется объявить на всей территории Гавайев. И даже начать блокаду. Покидать острова запретят.

Ведя прилетевших к «Джипу», Грей обдумывал ужасную перспективу. Пейнтер уже говорил ему, что, по мнению профессора, единственный способ остановить заразу – сбросить атомную бомбу.

И если никого не будут выпускать...

Грей остановил ученого.

– Сколько времени вам понадобится на первичную оценку ситуации?

– Меньше дня. Если мои худшие опасения подтвердятся, у нас останется не больше трех суток до неизбежного исхода.

Профессор тяжелым взглядом посмотрел на Грея. Было совершенно очевидно, о каком исходе он говорит.

– Поверьте, если дойдет до того, о чем я думаю, оставшиеся на острове будут умолять, чтобы бомбы сбросили поскорее.

Проходивший мимо врач в голубом халате услышал конец фразы и вопросительно посмотрел на них.

Не желая сеять панику, Грей подтолкнул всех к автомобилю.

Палу уже сидел за рулем – без местного было не обойтись, и гаваец согласился, когда Пирс объяснил серьезность ситуации.

Как только все заняли свои места, Палу рванул напрямик к арендованному домику, в обход главной автомагистрали. Они летели по неасфальтированным дорогам и даже проехали через территорию местной кокосовой фермы. Профессор Мацуи вцепился в заднюю дверцу. Его нещадно трясло, но он не отводил глаз от зеленых лугов и обширных участков тропического леса, поднимающихся к объятый туманом вершине горы Халеакала.

– Господи, хоть бы я ошибался... – пробормотал он себе под нос.

«Джип» наконец подъехал к домику. Палу припарковался у веранды, где, закинув ноги на перила и зажав плечом телефон, сидел Ковальски. Он кивнул прибывшим, однако разговор прерывать не стал.

– Я немало денег отвалил. Объясни ублюдку, что развалюха возле бассейна – твоя. А если до него не дойдет, я возьму один из пляжных

зонтов и засуну ему туда, куда солнце ни в жисть не попадает...

Его подруга Мария предложила остановиться неподалеку, в Вайли. Опыт генетика мог бы пригодиться во время кризиса. Тогда идея казалась разумной; теперь, когда Грей узнал истинный масштаб бедствия, выходило, что он зря подверг ее жизнь опасности.

В дверях появилась Сейхан и прищурила опухшие веки, пристально рассматривая Айко Хигаши. Она явно оценивала ее в качестве потенциальной противницы. Зрение Сейхан восстановилось, а вот кожа напоминала мозаику из синяков, расчерченных царапинами и порезами.

Грей поднялся к ней по ступенькам.

– У нас там еда и напитки, – сообщил он остальным. – Подкрепитесь, а мы тем временем подведем промежуточные итоги. Где-то через час я хотел бы снова выехать.

– Чем раньше, тем лучше, – кивнул профессор.

Грей провел гостей внутрь.

– Зовите меня просто Кен, – представился профессор, пожимая руку Сейхан. – В нашей ситуации...

Он обращался ко всем присутствующим, но его взгляд снова упал на Сейхан. Так она действовала на всех мужчин – и на некоторых женщин.

Чтобы избежать недоразумений, Грей приобнял ее за талию, входя в дом, и подвел гостей к узкому обеденному столу из дерева коа. Вентилятор на потолке лениво гонял прогревающийся воздух. Когда все уселись, Пирс остался стоять, опираясь о спинку стула и внимательно глядя на профессора.

– С чем именно мы столкнулись? – спросил он.

11 часов 28 минут

Кен достал из портфеля ноутбук и какие-то папки. Затем немного полистал свои материалы, пытаясь выиграть время, чтобы собраться с мыслями. Сильно давило выжидающее молчание этих людей и собственное чувство ответственности.

С чего начать?

Наконец он выбрал одну из папок с фотографиями и заговорил:

– Я назвал новый вид *Odokuro horribilis*. То, что я сумел узнать про него, поистине ужасно.

Сейхан чуть нахмурилась.

– Мне знакомо слово «одокуро», – сказала она чуть хриплым после ночной битвы голосом. – Это одно из чудовищ японской мифологии.

– Древний дух, который появлялся на полях сражений, – подтвердил

профессор. – Гигантский скелет, состоящий из разрозненных останков. О его приближении можно было узнать по перестуку костей.

Кен посмотрел на папку, невольно вспомнив остров Кеймада-Гранди. Над тропическим лесом поднимался темный туман, и слышалось странное сухое постукивание... Ему еще почудилось, будто стучат кости.

Но не только поэтому он выбрал для чудовища такое имя.

– Стоит демону учуять ваш запах, и нет вам спасения. Одокуро вас выследит. Его кости ничем не соединены; распадаясь на более мелкие части, он способен просачиваться в щели, а на той стороне восстанавливать форму.

– Словно рой, – пробормотал Грей.

Профессор кивнул.

– А когда он вас настигнет, не помогут ни мольбы, ни сопротивление. Он сожрет вашу кожу и внутренности, выпьет кровь, а кости добавит к своим.

Великан по имени Ковальски с тяжелым вздохом откинулся на спинку стула.

– Что-то мне подсказывает, что продолжение вашей истории еще круче.

Вряд ли.

– Давайте перейдем от мифологии к нашим осам, – предложил Грей.

– Давайте, – кивнул Кен. – Прежде всего этот вид не был искусственно выведен в лаборатории. Я начал изучать его ДНК и могу сказать, что это не продукт генной инженерии, а древний хищник. Судя по всему, ископаемый. Ос находили в окаменелостях начиная с юрского периода. С тех пор появилось множество новых видов. Сейчас их насчитывается более тридцати тысяч. Вот, кстати, лишнее доказательство их потрясающих способностей к адаптации. Причем они часто берут на вооружение навыки и особенности других насекомых.

– Ну, а про наших-то что скажете? – нетерпеливо напомнил Грей.

– Фантастическая приспособляемость!.. Смотрите: большинство ос относятся либо к социальным видам, либо к охотникам-одиночкам. Социальные виды – например, шершни и обычные осы – строят гнездо. У них есть королева, которая откладывает яйца, – добавил профессор, заметив недоуменные взгляды. – А самцы прочесывают территорию в поисках пищи, оплодотворяют самку или защищают гнездо. Укусы их обычно носят оборонительный характер: они вызывают боль и заставляют отступить. Это скорее предупреждение.

– Да уж, – сказал гаваец, потирая живот. – Они выразились предельно

ясно.

– А если вы не обращаете внимания на предупреждение, вас будут жалить снова и снова, пока в вашей крови не окажется смертельная доза яда.

– Вчера мы это видели, – поморщился Грей.

– Социальные осы относительно безобидны по сравнению с одиночками, – продолжал Кен. Он поймал себя на том, что не может отвести взгляд от Сейхан; в ней чувствовалась какое-то сходство с этими хищницами. – Одиночки разработали уникальную, смертельно опасную стратегию. В отличие от социальных ос, у них нет роев и гнезд. Охотницы этих видов – всегда самки – используют жала для решения двух задач. Первая и более важная – то, для чего, собственно, предназначено жало.

– И для чего же? – спросила Сейхан.

Кену снова пришлось сделать небольшое отступление:

– Жало всех представителей *Hymenoptera* – будь то пчелы, шершни или осы – изначально было яйцекладом. Живой шприц протыкал твердые ткани и впрыскивал яйца. Однако со временем яйцеклад стал оружием.

– Каким образом? – спросил Палу, все еще потирая ужаленный живот.

– Когда королева стала единственным насекомым, откладывающим яйца в гнезде, для других женских особей исчезла необходимость в яйцевой камере у основания жала. И они использовали этот резервуар более рационально.

– Теперь у них там яд! – сообразил Грей.

– Именно! Кстати, по этой причине вам не следует опасаться самцов ос или пчел. Особи мужского пола не откладывают яйца – а значит, и жалить не могут.

– Что ж мне, под брюхо им заглядывать, чтобы узнать, мальчик это или девочка? – Ковальски повел медвежьими плечами. – Если на меня сядет какая-то хрень, я ее сразу прихлопну.

– Давайте поговорим про одиночек, – снова вмешался Грей. – Насколько я понимаю, если у них нет королевы, то все особи женского пола продолжают использовать жала, чтобы откладывать яйца.

– Верно. Как я уже сказал, жало выполняет две функции: откладывать яйца и впрыскивать яд, действующий на жертву. В этом случае укусы редко вызывает боль. По сути, речь идет о паразитах. В некоторых случаях они даже впрыскивают в тело хозяина вещества, вызывающие эйфорию. Бывают гусеницы, которые настолько одурманены, что позволяют замуровать себя живьем. Впрочем, действие токсина зависит от конкретного вида. Иногда жертву парализуют. Или вводят в заблуждение.

Тогда носитель личинок будет готов драться ради их защиты. Но во всех этих случаях использование яда имеет одну цель.

– Какую же? – спросила Сейхан.

– Сохранить жизнь хозяина. – Судя по выражениям лиц, все поняли, к чему клонит профессор, однако он решил договорить. – Когда из яйца вылупляется личинка, ее ждет свежее мясо.

Слушатели с трудом сдержали гримасу отвращения.

Лучше пусть узнают правду сейчас.

Перед глазами Мацуи стояла бурлящая масса личинок, хлынувшая из разреза, когда он вскрыл тело змеи.

– Ну, а осы, с которыми мы имеем дело? – спросил Грей. – Насколько я понимаю, это социальный вид – они ведь прилетели роем.

– Нет, – медленно покачал головой Кен. – Это универсальный вид.

– Разве такое возможно?

– Как я уже говорил, вид очень древний. Скорее всего, он появился еще до разделения, о котором я рассказывал. И совмещает в себе характеристики обоих эволюционных направлений. – Профессор сделал паузу, чтобы все усвоили его слова. – Вчера вы стали свидетелями катастрофы. Но это еще не худшее, на что способен одокуро.

– Вы о чем? – напрягся Грей.

– Эти осы роятся с одной-единственной целью.

– А именно?..

– Создать лек.

– «Лек»? – нахмурился Ковальски. – Это что еще, блин, такое?

– Территория для спаривания. И нельзя допустить, чтобы им это удалось, – сказал Кен, обводя взглядом собравшихся.

– Почему? – настороженно спросил Грей.

Кен немного выждал, чтобы все окончательно осознали опасность ситуации.

– Потому что здесь развернется ад.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ

Крошечный трутень был почти слеп и глух. Два черных глаза, не больше десятка фасеток на каждый, напряженно ловили визуальные сигналы, но мир оставался безжизненным пятном, окрашенным в серый. Лишь приблизившись к предмету, трутень мог разглядеть детали.

Зато над его головой возвышалась пара усиков, каждый длиннее, чем

все его тело, и опущенный на конце сенсиллами. Летя, трутень взмахивал этими чувствительными инструментами, которые использовал, чтобы разделить свой мир на тонкие запахи.

Он сел на лепесток, польстившись на сладкий нектар. Усики потянулись вперед в поисках источника запаха. У него не было сильных мандибул, как у сородичей, поэтому трутень вытянул длинный язык и набросился на залежи, скрытые в сердце цветка.

Наевшись, он почувствовал удовольствие. Опустошив цветок, поднялся на край лепестка, счистил пыльцу с лапок и отряхнул крылья.

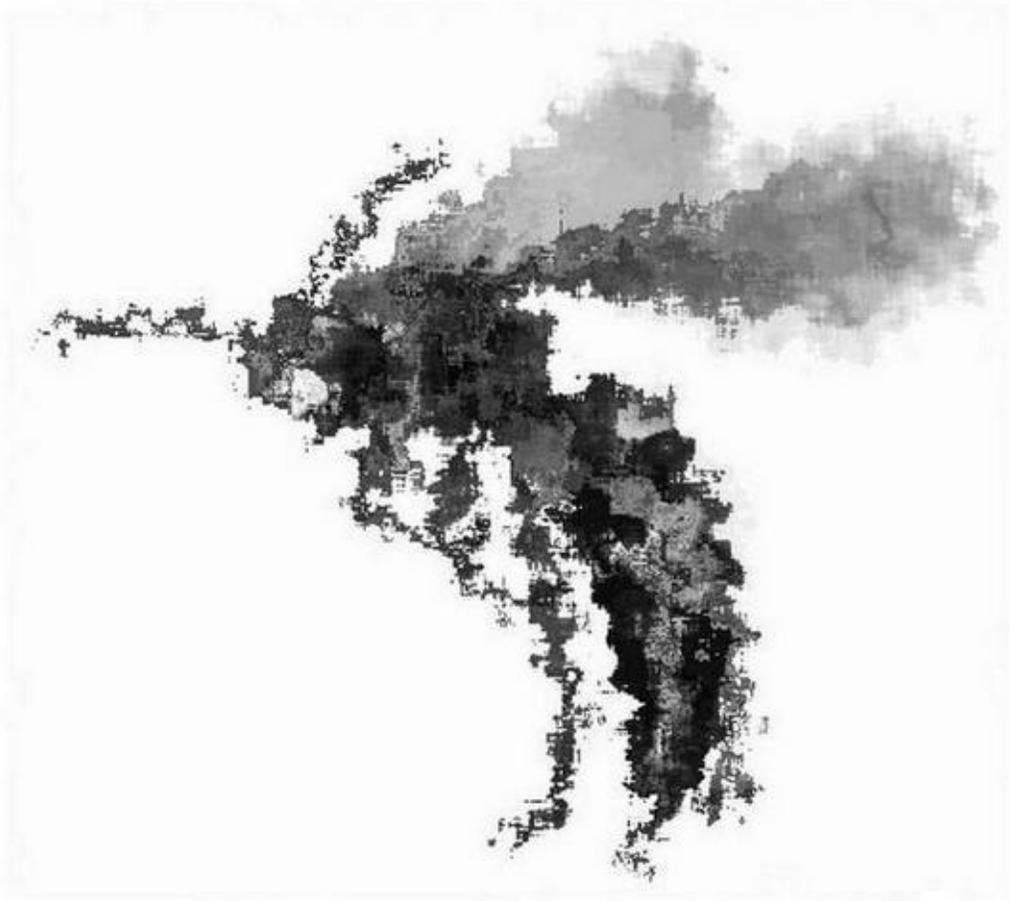
Затем он почувствовал сигнал: феромон, для обнаружения которого его сенсиллы прошли долгий эволюционный путь. Слепая голова повернулась вслед за усиками. Химические вещества бомбардировали крошечный нервный узел. Не в силах противиться, трутень рванулся вперед. Крылья свирепо жужжали, сжигая резервы нектара.

Кому сейчас нужен нектар! Его захлестнула кипящая смесь гормонов и запахов, наполняя серый мир, складываясь в туманный образ впереди.

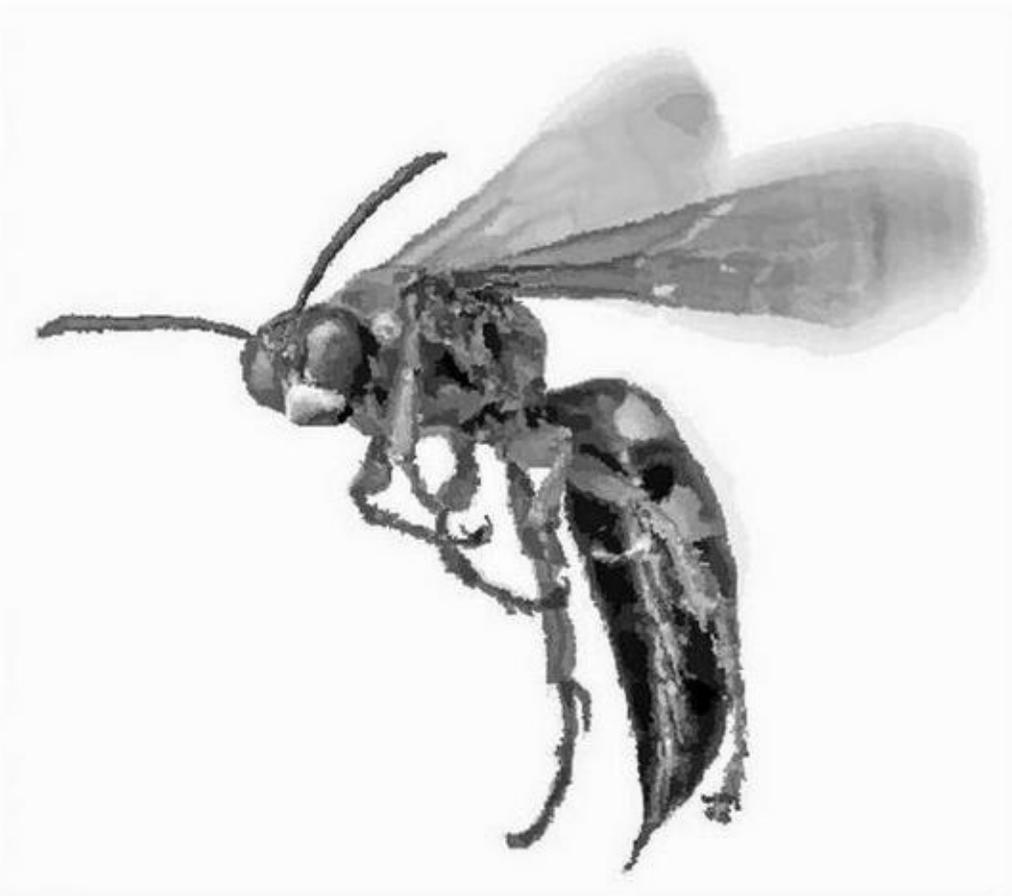

Он обгонял других, рвущихся к той же цели. Они сталкивались, отскакивали, пробивались к источнику. Каждый старался быть первым. Мышцы в грудном отделе горели.

Запах впереди начал принимать очертания.

Наконец, приблизившись достаточно, трутень увидел цель своими крошечными глазками – и силуэт стал плотью.

Превышая их размерами в сто раз, она зависла впереди, источая феромоны эволюционного призыва. Они слетались отовсюду, садились на нее, карабкались...

Он приземлился среди них и вцепился в ее плоть парой задних лапок, превращенных в колющие покровные пластинки. Другие рухнули сверху, ломая крылья и конечности. А он всадил свои пластинки глубоко в сочлененную броню ее живота и цепко держался.

В свою очередь, она сражалась с ними. Бросалась в разные стороны, корчилась. Наконец под их общим весом перевернулась и рухнула сквозь лиственный полог на мягкие устилающие землю отбросы.

Он и остальные толкались и бились за наиболее выгодное положение. Из множества мелких пор вдоль ее живота продолжали течь феромоны. Трутень рванулся ближе, опьяненный запахом.

Едва он оказался достаточно близко, как гормоны заставили его

собственный живот сжиматься, выталкивая эдеагус. Он ввел его через поры в один из ее бесчисленных яйцеводов – и начал извергаться, пока не превратился в оболочку.

Когда ничего внутри не осталось, трутень из последних сил оттолкнулся. Это усилие оторвало эдеагус от его тела; оно осталось воткнутым в яйцевод, словно вилка.

А он упал, разбитый и бескрылый.

Другие падали рядом, осыпаясь с ее огромного тела.

Хотя он опустел, но еще не выполнил свой долг.

Из тумана и мрака тень скользнула ближе, становясь более отчетливой для его крошечных глаз. Он понял, что видит перед собой.

Мандибулы.

Она хотела есть.

Глава 12

7 мая, 11 часов 49 минут, гавайское время

Хана, остров Мауи

Опираясь на обеденный стол, Грей смотрел, как профессор Мацуи извлекает из папки «Одокуро» пачку фотографий и раскладывает их на подернутой патиной деревянной поверхности. Каждая изображала осу. Были там и маленькие, и довольно большие.

– Все это – представители одного вида ос, – комментировал Кен. – У взрослых особей фантастический уровень дифференциации. Строение тела диктует функции. Каждая особь выполняет в рое собственную роль.

Кен только что объяснил, как ему удалось изучить этих ос, как он извлек личинок из змеи, обнаруженной на бразильском острове, и выращивал их в лаборатории в Киото. Там он наблюдал, как его подопытные проходили через серию личиночных стадий и возрастов, пока последние куколки не превратились во взрослых особей, изображенных на фото.

Кен придвинул ближе фото крошечной осы с удлинёнными усиками и покрытым тоненькими волосками телом.

– Возьмем, к примеру, крошечных разведчиков. Тело служит исключительно сбору сенсорных данных и распространению их в рое. Я предполагаю, что они – геодезисты группы, оценивающие территорию.

Грей осмотрел фотографию.

– Кажется, я видел такие трупики в воде, когда мы с Сейхан сбежали с пляжа.

– Правда? – Кен потер подбородок. – Возможно, они выполнили свою функцию, когда рой добрался до берега, а потом сразу умерли. Интересно...

Разве что тебе.

Тем не менее удивление профессора послужило напоминанием о том, как плохо они знали врага. У Мацуи было всего два месяца, чтобы изучить этот вид, и он добился значительных результатов, однако многое осталось неизвестным, особенно учитывая, что исследования проводились в лаборатории, а не в полевых условиях. Хотя, учитывая, какая ужасная судьба постигла бразильский остров, возможно, скрыть опыты за стенами лаборатории было как раз правильно.

Кен постучал пальцем по другой фотографии: большая оса,

пришпиленная к доске. Для наглядности рядом с ней лежала маленькая линейка. Бронированное тело размером три дюйма. В черную и алую полоску...

– Я знаю, что вы столкнулись с такой особью, – сказал Кен.

Грей вздрогнул и кивнул.

– Жало этой бесплодной самки – настоящий рог изобилия токсинов. К сожалению, я не успел исследовать все компоненты. Но цель этой работницы очевидна.

– Очистить путь для роя, – догадался Грей.

– И защищать лек, который образуется после.

– Вы уже предупреждали нас. – Пирс нахмурился. – О том, что рой стремится найти территорию для спаривания.

– Да. И вы должны понять, что поставлено на карту. – Кен полистал фотографии. – Два первых снимка иллюстрируют то, о чем я говорил раньше: вид действует как типичные общественные осы. Есть разведчики, созданные для того, чтобы искать новые объекты или обороняться. А еще есть те, кого я называю жнецами и садовниками. Все это типично для распределения обязанностей внутри роя. – Кен наконец нашел то, что искал, и придвинул к Грею две новые фотографии. – Но вот эта пара отличается. Оказывается, вместо единственной королевы, управляющей этим ульем, размножение осуществляет коллектив одиночных ос. И как только будет найден удовлетворительный лек, оно начнется.

Грей посмотрел на фотографии. На одной он увидел увеличенное изображение крошечной осы, едва ли больше обычного муравья.

– Самец, – объяснил Кен. – Он будет спариваться с самкой. Вот ее фотография.

– Рядом с этой мелкой козявкой она как самолет, – присвистнул Ковальски.

Меткая аналогия. Эта самка была даже больше, чем те, что нападали вчера вечером: более пяти дюймов.

Хорошо, что нас не ужалила эта тварь.

– Настоящая яичная фабрика, – объяснил Кен. – Никогда не видел ничего подобного. Спаривается одновременно с сотнями самцов, чтобы загрузить свою сперматеку. Впоследствии она потребляет опустошенных самцов.

– Она их ест? – Ковальски с отвращением покачал головой. – Не стоит мне жаловаться, когда Мария после этого самого хочет обнимашек...

– Аминь, братишка, – согласился Палу.

Профессор Мацуи не обратил внимания на их слова.

– Этот вид не тратит ресурсы без нужды. – Он указал на заднюю часть тела самки. – Посмотрите на жало. Почти полдюйма. А в брюшке у нее конвейерная лента с яйцами. Как только самка найдет хозяина, она будет втыкать это острие по всему его телу, впрыскивая тысячи яиц. И обратите внимание на ее толстые задние лапы: они очень мощные. Она может пощелкивать ими, как люди – пальцами. Когда несколько особей делают это вместе, возникает своеобразный звук. Громкий стрекот примерно на тех же децибелах, что у цикад.

– Зачем? – поинтересовалась Сейхан.

– Я... я думаю, это примитивная форма эхолокатора.

– Эхолокатора? – переспросила она, прищурив опухшие глаза.

– Даже современные осы сканируют таким образом потенциального хозяина на предмет присутствия личинок, оценивая, не заселила ли его паразитами другая самка.

– Стучится, чтобы узнать, есть ли кто-нибудь дома...

Кен сглотнул, его взгляд на миг стал пустым.

– Это тревожный шум. И он предвещает начало конца.

– Почему?

– Потому что я еще не рассказал худшего. Вы не задали самый очевидный вопрос об этом доисторическом организме.

– Какой вопрос? – нахмурилась Сейхан.

Грей догадался:

– Если этот вид настолько древний, откуда он взялся сейчас? Почему эти осы все еще живы?

К сожалению, Кен знал ответ:

– Потому что они не умирают.

11 часов 58 минут

А я чуть было не упустил эту деталь...

Если б он случайно не обнаружил ее, все они уже были бы обречены. Никто не знал бы истинной угрозы, связанной с колонизацией. Он должен был объяснить местным властям степень опасности. И начал с этой разношерстной группы, связанной с Управлением.

Кен Мацуи расхаживал вокруг стола, пытаясь разогнать тревогу.

– Я упоминал ранее о том, как эффективно осы развивались с момента своего появления во времена юрского периода. Как разные виды ос вырабатывали хитрые стратегии выживания, выгрызая собственную уникальную нишу у окружающей среды. Некоторые выбирают только

одного хозяина, в тело которого нужно откладывать яйца, другие всеядны и могут использовать любой организм. Многие современные осы способны даже размножаться без спаривания. На самом деле существует несколько видов ос, которые, насколько нам известно, не имеют самцов.

– А что, недурно, – пробормотала Сейхан.

– Одокуро используют разные стратегии для увеличения своей численности. Каждое из яиц производит несколько личинок – как и у некоторых наших современных ос. Личинки, очевидно, плурипотентны, то есть способны стать исполнителем любой функции. – Мацуи махнул рукой на фотографии. – Я до сих пор не понимаю, какие сигналы окружающей среды или факторы стресса заставляют личинку стать той или иной формой взрослой особи. Но метод очень эффективен, и рой быстро увеличивается. Путь от яйца до зрелого насекомого занимает около двух недель. По моим оценкам, рой увеличивается экспоненциально. Он ограничен лишь количеством пищи и жизнеспособных хозяев для своих яиц. – Кен попытался подчеркнуть эту деталь. – Обычно размер колонии ограничен одной-единственной королевой. Когда окружающая среда становится враждебной – например, во время зимних морозов, – колония вымирает. Выживает лишь королева. Она зарывается в нору и впадает в спячку на время холодов, а весной появляется снова, полная яиц и готовая создать новую колонию.

Лицо Грея помрачнело.

– Не наш случай?

Кен покачал головой.

– Рой будет расти и расти.

– Но раньше вы говорили о трех днях. Почему? Если этим осам для созревания нужно две недели, почему три дня – крайний срок?

– И вы сказали, что эта хрень не сдыхает, – фыркнул Ковальски, – а я кучу их подавил, и они выглядели мертвее некуда.

– Таков запасной способ, которым рой обеспечивает свое выживание. Подобно видам, о которых я рассказывал, «наши» осы могут размножаться и без самцов. Альтернативный процесс, который они постоянно осуществляют во время личиночной стадии третьего уровня развития.

– Насколько я понимаю, на третий день, – заметил Грей.

– Да, и я едва не пропустил этот момент. Позвольте объяснить. Личинка вылупляется практически сразу после того, как откладывается яйцо, и вступает в первый возраст. Она хищна и прожорлива. Ест без остановки в течение дня и вступает во второй возраст. Процесс повторяется, пока после второй линьки не наступает третья. Тогда личинки

делают нечто уникальное. На этом этапе они достаточно малы, чтобы просверлить кости хозяина и угнездиться в их костном мозге.

Ковальски содрогнулся от отвращения.

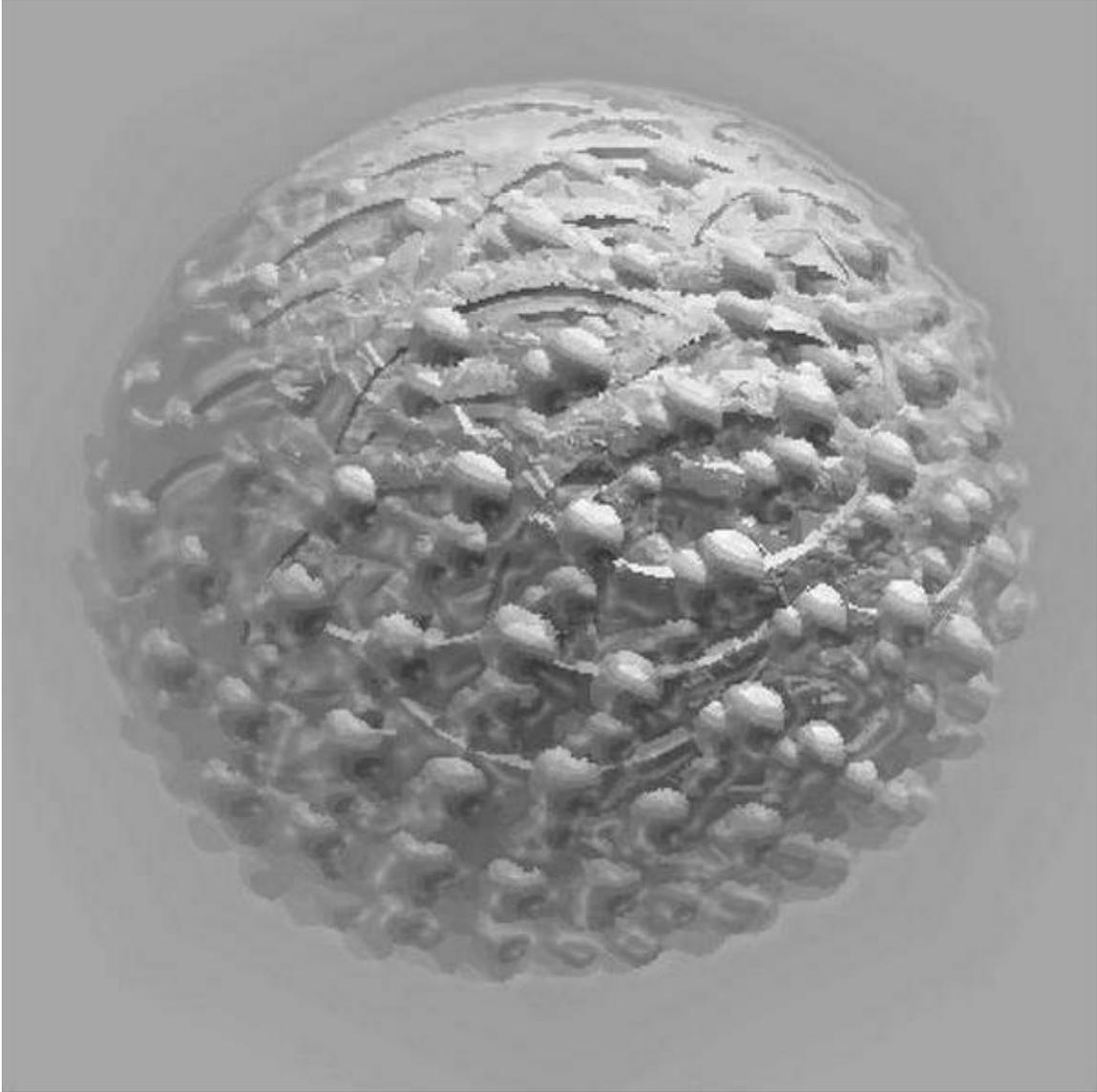
– История что надо!

– Вы должны понимать, что все осы очень разумно используют ресурсы хозяина, дабы замаскировать свою личинку. Они даже иногда позволяют хозяину передвигаться, не обращая внимания на свое заражение, пока не станет слишком поздно.

– Что происходит, когда личинки попадают внутрь кости? – спросил Грей.

– Сначала я думал, что они просто поедают питательный костный мозг, но когда исследовал ткань под микроскопом, обнаружил какие-то странные отходы. Я мог счесть их осколками или экскрементами, однако частицы появлялись слишком часто. Позвольте показать.

Кен листал фотографии, пока не нашел изображение, полученное с электронного микроскопа. Он пустил снимок по кругу.

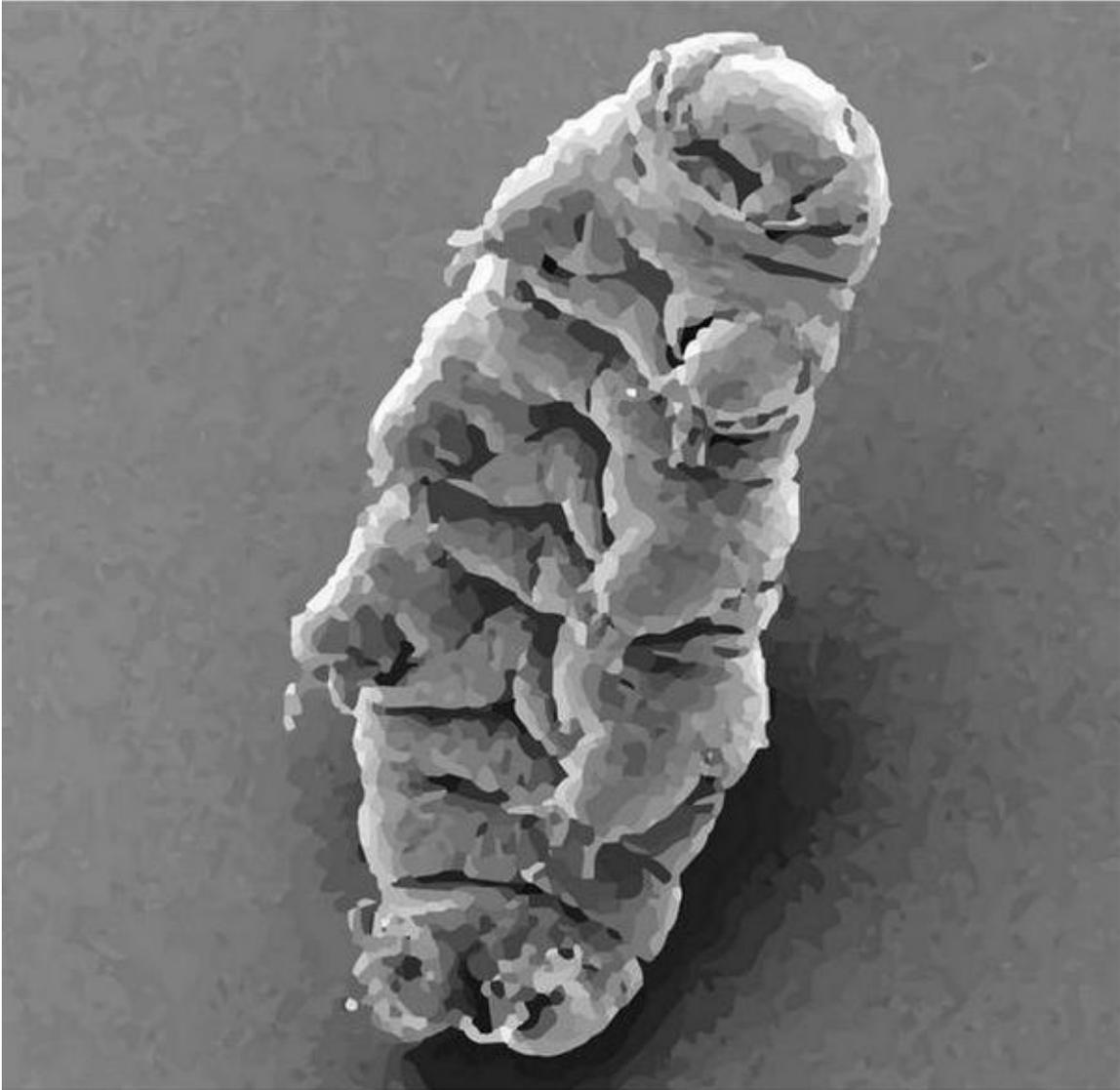

– Похоже на какое-то безумное яйцо, покрытое волдырями, – произнес Палу.

– Что это? – прищурился Грей.

– Палу в целом правильно описал. Это высушенная киста. Объем – примерно одна десятая часть рисового зерна. Она полна этих волдырей. Их более тысячи, и каждый содержит миниатюрный генетический клон третьего возраста, только с маленькими узловатыми коготочками.

Кен показал еще одно изображение, полученное с микроскопа.

– Помните, я говорил, что осы иногда используют стратегии других видов? – Он постучал пальцем по изображению. – Вот пример.

– Не понимаю, – сказал Грей. – Что же у них за стратегия?

– Вы знакомы с тихоходками?

Все покачали головами.

– Они очень похожи на то, что показано здесь. Их иногда называют водяными медведями, потому что они выглядят грузными. Но это крошечные животные размером чуть больше пяти сотых миллиметра.

– А при чем здесь осы? – спросил Грей.

– Тихоходки намного, почти в два раза, старше ос. Они появились приблизительно во время кембрийского периода. Но сегодня вы можете найти разные виды тихоходок в любой среде, потому что они обладают

потрясающими способностями к выживанию. Когда условия становятся суровыми, тихоходки впадают в подобную смерти спячку, называемую криптобиоз. Они скручиваются в высушенный шарик и в этом промежуточном состоянии способны выдерживать температуры от близких к абсолютному нулю до 300 градусов по Фаренгейту. Они могут оставаться живыми под давлением или в вакууме. И даже пережить огромные дозы радиации. Они практически бессмертны. – Кен указал на цисту на фото. – Еще в тысяча девятьсот сорок восьмом году японские ученые доказали, что тихоходки в состоянии вернуться к жизни после ста двадцати лет криптобиоза, а новейшие исследования показывают, что и это не предел. Они могут ждать хоть вечность, период ничем не ограничен.

– И вы считаете, что эти осы позаимствовали стратегию выживания у тихоходок? – спросил Грей, беря фотографию.

– Почему бы и нет? – Кен пожал плечами. – Даже тихоходки узнали этот трюк от других видов. Почти восемнадцать процентов их генома приходится на доисторические растения и грибы. В том числе то, что считалось темной материей жизни.

– Темной материей жизни?

Профессор кивнул.

– Термин относится к бактериям, существующим на границе между жизнью и смертью. Они были недавно идентифицированы и описаны как микроорганизмы Лазаря. А еще есть *Natronobacterium*, который вернулся к жизни после того, как в течение ста миллионов лет был заключен в кристалл. Или колонии *Virgibacillus*, ожившие после того, как пролежали в спячке двести пятьдесят миллионов лет. Скорее всего, есть и другие примеры.

– И вы полагаете, что в данном случае осы используют древние стратегии выживания... Зачем? С какой целью?

– Эволюционная защита. Они оставляют позади нерушимую генетическую тропу, оставаясь спрятанными и защищенными в костях мертвых хозяев. Может быть, ждут, пока кости развеются, превратившись в пыль, которую вдохнет ничего не подозревающее животное... Оказавшись внутри подходящего хозяина, они будут вылупляться и продолжат свой жизненный цикл до четвертого и пятого возраста, пока из тела хозяина не вырвутся взрослые особи, позволяя рою снова возродиться.

– Как феникс из пепла, – впервые заговорила Айко Хигаши.

Кен обратил внимание на ее задумчивый тон. Очевидно, эта деталь показалась ей очень важной. Тем не менее она не обратила внимания на его вопрошательный взгляд, поэтому он продолжил:

– На третий день рои на островах укоренятся в окружающей среде, проникнув до самых костей. Так глубоко, что их невозможно будет вытравить. И даже это еще не конец.

– Что вы имеете в виду?

– Как мы помним, эти осы удерживают своих хозяев живыми. Таким образом, птицы, зараженные личинками-паразитами, будут летать. Грызуны будут рыть норы. Животные – мигрировать.

– А люди – путешествовать, – грустно добавил Грей.

– Если мы не создадим огневой рубеж, – предупредила Айко, – они быстро распространятся по всему миру.

– Создавая экологический хаос. За тот короткий период, что работал с этими осаами, я задался вопросом, имеет ли для них значение выбор хозяина.

– И что? – подалась вперед Сейхан.

– Не имеет. – Профессор вытащил фотографию самки, наполненной яйцами. – Это жало развивалось во время юрского периода. Помимо того, что оно длиной в полдюйма, оно состоит из утолщенной ткани, почти такой же твердой, как сталь. Предназначалось для того, чтобы пробивать жесткие шкуры и даже проникать между бронированными пластинами динозавров. По сравнению с доисторической фауной местные формы жизни – легкая добыча. А хуже всего, что у нас нет естественной защиты.

– То есть мы просто сидим и ждем, пока нас сожрут, – подытожил Ковальски.

Грей задумчиво кивнул.

– Конечно, нам известны примеры ущерба, нанесенного инвазивными видами. Питоны в Эверглейдсе. Европейские кролики в Австралии. Азиатский карп в наших озерах. И это просто виды, перемещенные с одного континента на другой. А мы говорим о существе, которого мир не знал целую вечность. – Кен все больше боялся, что не сможет объяснить истинный масштаб угрозы. – Я видел, что осталось от Кеймада-Гранди. Там уничтожено все, что летает или ползает. Даже если одокуро полностью разрушат окружающую среду, их это не остановит.

– Объясните нам, что нужно делать, – попросил Грей.

Кен повернулся к окну. Полуденное солнце ярко освещало сады.

– Прежде всего нужно найти, где поселился рой.

Пирс вынул из комода топографическую карту острова.

– Вы знаете, откуда начинать?

– Судя по моему небольшому исследованию, одокуро не гнездятся как социальные осы. Я подозреваю, что и в этом отношении они больше

похожи на одиночек. Тогда они будут искать норы, чтобы скрыться под землей.

Палу склонился над картой.

– Пассаты дуют вот так. – Он провел линию от Ханы до лесов, поднимающихся по склону горы Халеакала. Долго всматривался в карту, затем постучал пальцем по какой-то точке и широко улыбнулся. – Думаю, я знаю, где могут быть эти норы.

Глава 13

7 мая, 18 часов 01 минута по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер прошел через восьмигранную ротонду на втором этаже Смитсоновского замка и направился к двери в знаменитый Регентский кабинет, из которого доносились голоса.

– Сейчас узнаем, зачем нас вызвали, – прошептал он Кэт.

Кроу шептал не ради секретности, а из уважения к истории старого здания. Здесь многое напоминало церковь: большие пространства, отдельные часовенки, длинные галереи, пропитанные духом эпохи... Поговаривали и о призраках. А в Регентском кабинете некогда провели спиритический сеанс при участии первого секретаря Джозефа Генри: Линкольн просил убедить его жену, Мэри Тодд, что спиритуалисты – мошенники.

Чтобы войти непосредственно в Замок, посетители поднялись из подземного штаба на секретном лифте. Музей закрылся полчаса назад, и в нижних залах остались разве что несколько экскурсоводов и вахтеров. Пейнтер всегда наслаждался моментами, когда музей закрывался и они оставались тут почти одни. Иногда после полуночи он блуждал по залам, пользуясь тишиной, чтобы упорядочить мысли. Это место увековечило в камне уважение к науке и уроки, преподаваемые историей. Оно не давало забыть о важном долге «Сигмы».

Кэт опустила телефон.

– Доктор Беннет подтвердил, что ему переслали заметки профессора Мацуи, и обещал ознакомиться с ними немедленно.

Пейнтер кивнул. Он коротко переговорил с Греем, прежде чем отправиться на эту встречу, и получил общее представление о том, что вырвалось на волю на Гавайских островах. Теперь он надеялся, что энтомолог из Национального зоопарка сможет пролить свет на эту угрозу.

Особенно учитывая крайний срок, установленный Греем.

Три дня.

Вызов на встречу пришелся очень некстати, ведь нельзя было терять ни секунды. Тем не менее Пейнтеру было любопытно, что может рассказать библиотекарь Конгресса обо всех этих событиях. Какая тут связь с основанием Замка? И уж тем более, при чем здесь Александр Грэхем Белл, изобретатель телефона?

Есть только один способ выяснить.

Пейнтер постучался и распахнул дверь, потом жестом предложил Кэт пройти вперед, а сам вошел следом.

Почти всю комнату занимал большой круглый стол с солнечной смитсоновской печатью по центру. Бархатные шторы обрамляли окна, выходящие на Национальную аллею. Здесь каждый квартал встречались восемнадцать членов попечительского совета. Однако сейчас Пейнтера и Кэт ожидали лишь двое.

Саймон Райт обошел стол, чтобы приветствовать гостей. Пятидесятилетний, рано поседевший, он носил длинные волосы до плеч и напоминал стареющую рок-звезду.

– Директор Кроу, спасибо, что пришли. Капитан Брайант, всегда рад вас видеть. Как ваши девочки?

Кэт пожала руку мужчине и улыбнулась его искреннему теплу. Все трое были знакомы больше десяти лет.

– Я отправила их в лагерь с Монком.

– Муж и дети уехали? Тогда должен извиниться, что потревожил вас. Вы словно увольнительную получили – а тут вас вызывают!..

– Я понимаю серьезность ситуации.

Саймон познакомил их с другой участницей собрания, Эленой Дельгадо, нынешним библиотекарем Конгресса. Теперь он вел себя более формально.

Ее назначили всего четыре месяца назад, и мало кто успел толком узнать первую латиноамериканку на этой должности. Ее биография внушала Пейнтеру уважение. Младшая из четырех дочерей, родившихся у родителей-иммигрантов, одинаково успешная в спорте и учебе, она получила две стипендии на обучение в Стэнфорде. В следующие годы защитила диссертацию по американской истории, а также выиграла серебро и золото по плаванию на Олимпиаде в Мюнхене. После этого интерес к истории удерживал ее в стенах библиотек, и в итоге Елена защитила вторую диссертацию – по библиотечному делу – в университете штата Мэриленд.

Пейнтер пожал ее крепкую руку. Елена Дельгадо и в шестьдесят четыре года сохранила форму олимпийской чемпионки. Единственной уступкой возрасту были очки для чтения на тонкой серебряной цепочке. Рядом на груди висели и два маленьких распятия.

– Я знаю, что у вас очень мало времени, – напрямик начала она, увлекая посетителей к столу, – но считаю свою информацию важной.

На столе лежали две книги. Одна – в толстом кожаном переплете,

обложка потрескалась и почернела, словно от огня. Другая книга сохранилась лучше, причем застежку и ремешок, похоже, изготовили вручную совсем недавно – всего несколько десятилетий назад.

Элена почти хозяйским жестом положила ладонь на одну из книг.

– Эти тома входят в особое собрание, получаемое каждым библиотекарем Конгресса. К сожалению, книги периодически исчезают из разных отделов музея, поэтому было решено составить специальную коллекцию текстов, важных для нашей страны. Это не обязательно бесценные фолианты вроде Библии Гуттенберга; тем не менее их следует сохранить.

– Элена права, – кивнул Саймон. – Как куратор я могу подтвердить, что мы теряем немалую часть Смитсоновской коллекции. Около десяти процентов наших артефактов и книг исчезли. И речь не о каких-нибудь там мелочах. Мы говорим о почти трех десятках экспонатов, и каждый стоит миллион долларов или больше.

– Их что, украли? – ошеломленно спросила Кэт.

– Некоторые украли, – Саймон пожал плечами. – А некоторые взяли на экспертизу из хранилища, да так и не вернули. Плюс немало экспонатов наверняка неправильно каталогизированы и затерялись в нашем хранилище в Сьютланде.

Центр обеспечения музеев в Сьютланде, штат Мэриленд. Пять зданий, каждое размером с футбольное поле, содержали сорок процентов коллекции Смитсоновского института – более пятидесяти миллионов предметов.

– И вот, – продолжала Элена, – как вы понимаете, возникла необходимость сохранить книги, на которые другие могут не обратить внимания. Книги, которые, казалось бы, не стоит держать под замком, но которые мы, тем не менее, не вправе потерять. Это наша версия ватиканских архивов.

– Экземпляры из той самой коллекции? – спросил Пейнтер, указывая на книги на столе.

Элена улыбнулась – она оказалась щедрой на улыбку.

– Вообще-то, автор этой книги основал наш архив, – объяснила она, подвигая к себе менее древнюю книгу. – Это Арчибальд Маклиш, девятый библиотекарь Конгресса. Он работал здесь во время Второй мировой войны. Ему тогда поручили сохранить наше национальное достояние, пряча самые важные артефакты в разных местах по всей стране. Подав в отставку с поста библиотекаря и заняв пост помощника госсекретаря, он счел необходимым продолжить этот проект и оставил Смитсоновской

библиотеке особое наследие – тайную коллекцию.

– И в первую очередь собственную книгу? – уточнил Пейнтер.

– И многие другие, – добавила Елена. – Лично я думаю, что он таким образом хотел скрыть их от людей.

Кэт сложила руки, словно сдерживая желание схватить книги и погрузиться в их изучение.

– Какое они имеют отношение к тому, что происходит сейчас?

– Непосредственное. А может быть, ни малейшего. Я не знаю. Но когда я рассказала об этих книгах Саймону, он подумал, что я должна поделиться с вами. – Елена недоверчиво взглянула на Пейнтера и Кэт. – Вы из Управления, насколько я понимаю?..

Саймон помалкивал о «Сигме», однако убедительно лгать не умел. Пейнтер пока что решил не касаться этой темы.

– Так в чем же суть?

– Прежде всего я должна объяснить, что не обнаружила бы этих материалов, если б не мои собственные интересы. Моя диссертация была посвящена периоду Гражданской войны, в частности кругу доверенных лиц Авраама Линкольна. В эту группу входил и Джозеф Генри, первый секретарь Смитсоновского института. Тогда все коллекции хранились в этом здании.

Пейнтер знал, что президент и Генри близко общались. Он снова представил себе сеанс, происходивший в этой самой комнате.

Елена уселась поудобнее.

– Все начинается с Джозефа Генри – и пожара, в котором Замок едва не сгорел во времена Гражданской войны.

А затем она рассказала фантастическую историю о Джеймсе Смитсоне, человеке, который оставил свое состояние молодому государству. На эти средства было основано учреждение, названное в его честь. Большая часть ее рассказа содержалась в записях Маклиша о том, как Джозеф Генри узнал о некоем артефакте, захороненном в могиле Смитсона в Генуе, так называемом Венце демона. Спустя несколько десятилетий Александр Грэхем Белл получил тайное задание завладеть останками Смитсона и венцом. По слухам, это было нечто опасное – возможно, оружие.

– Что он нашел? – спросила Кэт.

– По словам Маклиша, Белл обнаружил кусок янтаря, внутри которого застыли кости рептилии. Может быть, маленького динозавра. Подобно Смитсону, Белл оставил загадочную запись, предупредив, что находка может таить как чудо, так и опасность.

– Чудо? – Пейнтер нахмурился.

– Белл утверждал, что этот предмет может открыть тайну того, как жить, не умирая. Он не объяснил, каким образом пришел к столь безумному заключению.

Пейнтер взглянул на Кэт. Она также слышала рассказ Грея об опасности, которую несли древние осы, кружившие над Гавайями. И о том, как они могли приостанавливать жизнедеятельность. Это называлось криптобиозом. И о том, как кости жертв засевались спящими кистами, чтобы спустя века рой воскрес.

Элена, должно быть, заметила, как они безмолвно обмениваются взглядами.

– Вам это о чем-нибудь говорит?

– Возможно... Продолжайте, пожалуйста. Что стало с артефактом?

– Белл решил – вероятно, следуя примеру Смитсона, – снова захоронить этот объект. Но на американской земле.

– Где? – спросила Кэт.

– В боковой камере старого туннеля, который под Аллеей соединяет Замок и Музей естественной истории.

Несмотря на серьезность дела, Пейнтер не мог не оценить иронию судьбы.

Неужели все это началось буквально у нас во дворе?

– Маклиш хотел построить бомбоубежище, чтобы защитить наши национальные достояния во время Второй мировой войны.

– ...и нашел тайник Белла.

– К сожалению, его находка не осталась незамеченной. Позже он писал, что один из инженеров, привлеченных к проекту, мог допустить утечку информации. Новость дошла до противника, и он, конечно, обратил внимание на предупреждение Белла о погребенном объекте.

Кэт подалась вперед.

– Что же случилось?

– В туннеле произошла перестрелка. Янтарь украли японские шпионы. – Кажется, Элена тоже думала о том, не могло ли нападение на Гавайи быть отголоском Перл-Харбор. – Маклиш скопировал символ, вытатуированный на теле шпионки. Он утверждал, что символ каким-то образом связан с заговорщиком, который пытался поджечь Замок почти за сто лет до того. Очевидно, какая-то группировка пыталась стереть доказательства существования объекта.

– А что изображала татуировка? – спросил Пейнтер.

– Могу показать. – Элена потянулась за книгой. – Отдаленно

напоминает масонские знаки.

– Масонские?

Пейнтер сглотнул, а Кэт откинулась на спинку стула. Вид у нее был встревоженный.

– Там по центру, случайно, не солнце и луна?

Элена опустила очки и нахмурилась.

– Да. Откуда вы знаете?

– Проклятье! – прошептала Кэт, прикрыв глаза.

Пейнтер чувствовал то же самое.

Ничего удивительного, что они охотились на Грея и Сейхан.

Библиотекарь посмотрела на них.

– Может быть, пора нам послушать *вашу* историю?

18 часов 33 минуты

Элена ждала объяснений. В душе разгоралось знакомое упрямство. Вообще-то она почти всю жизнь терпимо относилась к большинству людей: от отца, который настаивал, чтобы она вышла замуж и завела полный дом *niños*^[3], до профессоров, считавших, что если б не политика продвижения этнических меньшинств, никогда бы ей не войти в академическую среду.

Однако, в одиночку воспитав дочь и победив рак груди, Элена не собиралась мириться с чужой глупостью и не хотела, чтобы ее водили за нос.

Что здесь происходит?

Первые подозрения возникли, еще когда куратор музея, Саймон Райт, настаивал, чтобы она встретилась с этими двоими из Управления в Регентской комнате замка.

Почему здесь?

Элена посмотрела на молодую женщину – капитана Кэт Брайант, по-военному строгую и подтянутую. Она почувствовала в ней союзника, особенно когда женщина сурово посмотрела на своего шефа, словно говоря: ну же, открой карты.

Но директор Кроу выглядел не менее упрямым, чем сама Элена. Он сидел с напряженной спиной, стиснув зубы. Дельгадо с первого взгляда ошеломила его внешность: пронизывающий взгляд синих глаз и темные волосы со снежно-белой прядью, заправленной за ухо. Он заинтриговал ее. Возможно, в его жилах текла кровь индейских предков.

Кэт, должно быть, почувствовала растущее напряжение и предложила компромисс:

– Прежде чем мы расскажем свою часть истории, может быть, вы закончите свою? – Она указала на лежащие на столе записи. – Очевидно, история Арчибальда Маклиша не закончилась на том, что янтарь украли. Книга довольно толстая.

Поколебавшись, Елена тяжело вздохнула, признавая, что готова уступить.

На данный момент.

– Вы правы насчет истории Маклиша, – сказала она. – Арчибальд нашел тайник в ноябре сорок четвертого года. И через неделю ушел в отставку. Как раз в середине войны. Расстановка сил была уже не в пользу немцев, но Япония по-прежнему представляла собой серьезную угрозу в Тихом океане. Маклиш боялся, что японцы воспользуются украденным, и пытался узнать, что это вообще было.

– Например, откуда находка у Смитсона? – предположила Кэт. – И почему он боялся этого предмета?

– Именно. Маклиш хотел в точности повторить путь Смитсона, однако маршрут оказался сложным. – Елена указала на обуглившуюся обложку. – Полусгоревший дневник не давал представления о происхождении находки, а большая часть личных документов Смитсона погибла в этом пожаре. Тем не менее Маклиш был настроен решительно. Он приехал в Европу, на континент, еще охваченный войной, и принялся искать друзей, коллег и родственников Смитсона. Из всех сил пытался нащупать нить.

– И что он нашел? – спросил Пейнтер.

– Лишь новые загадки. Здесь вы можете прочесть об этом подробно. След привел в Эстонию, в город Таллинн на Балтийском море.

Кэт помрачнела.

– Значит, Маклиш не смог выяснить происхождение артефакта?

– Он услышал рассказ одного геолога, старика, стоящего на пороге могилы. Тот в юности однажды оказался вместе со Смитсоном в таллиннской таверне. Смитсон достаточно выпил, чтобы рассказать байку, которая, по мнению геолога, была чистой выдумкой.

– И что он рассказал? – нахмурился Кроу.

– Жуткую историю о группе шахтеров, наткнувшихся на богатые залежи янтаря. – Елена коснулась обугленного журнала Смитсона, подчеркивая важность открытия. – И что-то вырвалось из этой шахты. Ужасное заболевание, вызванное жалящими насекомыми. Гигантскими осами. Говорили – я цитирую, – будто они рождались прямо из костей скалы. Чтобы твари не вырвались наружу, пришлось сжечь шахту – вместе с рабочими. И засыпать землей.

Кэт взглянула на шефа. Пейнтер откинулся на спинку стула.

– Вы сказали, что поиски Маклиша закончились в Эстонии. Наверное, он счел эту историю небылицей и прекратил расследование?

– Возможно, и так. Но в основном потому, что ему рассказали эту историю шестого августа тысяча девятьсот сорок пятого года.

Пейнтер на мгновение растерялся.

– В тот день на Хиросиму сбросили бомбу, – объяснила Кэт.

Элена кивнула.

– После этого события Маклиш стал меньше беспокоиться об угрозе со стороны японцев. Он решил, что уже не столь важно, что они там похитили.

– Судя по всему, он ошибся, – Пейнтер покачал головой.

– Значит, возвращаемся к теме нападения на Гавайи, – сказала Элена. – Если действительно существует связь между открытием Смитсона и террористической атакой на Гавайях, тогда кому-то нужно продолжить работу Маклиша и выяснить, откуда появился артефакт.

– Вы правы. – Кэт повернулась к своему шефу. – Если профессор Мацуи не ошибся в оценке опасности, которую представляет этот древний вид, то его происхождение может быть важным.

– Почему?

– Потому что эти осы когда-то вымерли. – Она заметила его недоумение и добавила: – Почему сейчас их нет повсюду? Почему они не захватили весь мир? Что помешало им победить в прошлом? Очевидно, некий фактор ввел этот агрессивный вид в состояние криптобиоза – то есть подавил.

Пейнтер посмотрел на книги на столе.

– Итак, если б нам удалось выяснить, что остановило их когда-то...

– Возможно, мы могли бы остановить их теперь.

Кажется, эти двое пришли к соглашению. Элена поняла, что пора воспользоваться своим козырем.

– Если вы намерены пойти этим путем – то есть искать разгадку в Эстонии, – вам потребуется узнать все о путешествии Маклиша. – Она прикрыла его книгу ладонью. – И куда бы вы ни взяли эту книгу, я должна находиться рядом с ней.

Пейнтер встал из-за стола.

– Нет необходимости рисковать историческими текстами. Мы обойдемся копией.

Дельгадо убрала обе книги со стола.

– Не обойдетесь, если надеетесь на успех. – Она посмотрела на него. –

Вам, скорее всего, понадобится больше, чем можно найти на этих страницах. Понадобится тот, кто многое знает об этих авторах, особенно о Смитсоне.

– Иными словами, вы? – скептически спросил Пейнтер.

– Не забывай, у нас всего три дня, – сказала Кэт, мягко прикоснувшись к его плечу.

В конце концов Саймон Райт сдвинул дело с мертвой точки. Иронично приподняв бровь, он обратился к Пейнтеру:

– Кажется, пора провести для нового библиотекаря Конгресса *настоящую* экскурсию по Замку.

19 часов 05 минут

Кэт открыла дверь секретного лифта, явно наслаждаясь удивлением и восторгом Элены Дельгадо, которая ступила в подземный комплекс, скрытый под Замком.

– Я и подумать не могла, что такое место существует, – пробормотала она, широко распахнув глаза. – Чарли на шоколадной фабрике...

Идущий впереди Пейнтер улыбнулся. Эта упрямая женщина явно сумела растопить его сердце.

– Тогда получается, что я – Вилли Вонка.

Элена покраснела.

– Простите. Слишком много времени с внучками – уже, наверное, наизусть фильм выучила.

Кэт слишком хорошо знала этот особый круг ада: снова и снова крутится один и тот же детский фильм, превращая жизнь в день сурка.

– Я проведу вас в свой кабинет, а Кэт организует поездку.

– Джейсон готовит самолет, – сказала Кэт. – В течение часа мы вылетаем.

– Так быстро?

Кэт кивнула. *Добро пожаловать в «Сигму».*

– Подойду через пару минут, – объяснила она. – Хочу убедиться, что Джейсон в курсе дел.

Джейсон Картер, ее заместитель – молодой человек с вечно топорщившимися соломенно-желтыми волосами – стоял между двумя инженерами.

– Ну что? – спросила она.

Ничего объяснять не требовалось. Он сразу заговорил, не оглядываясь на нее:

– Доктор Беннет согласился к вам присоединиться. Ему понадобится

сорок минут, чтобы собрать заметки профессора Мацуи и добраться до аэропорта.

– Прекрасно.

Следовало мобилизовать все ресурсы. Если у них вообще есть хоть малейшая надежда на успех... Почему не привлечь к делу собственного энтомолога? Следовало установить, что в прошлом укротило этих ос, и знания доктора Беннета могли оказаться бесценными.

– От Грея еще что-нибудь слышно? – спросила она.

– Пока нет. Судя по последним данным, он и остальные следят за роем. – Не поворачиваясь, Джейсон указал локтем на высокий стакан из «Старбакс». – Латте с ванилью. Двойной.

Кэт обхватила стаканчик обеими руками, наслаждаясь приятным теплом.

– Всего лишь двойной?

Он пристально посмотрел на нее.

– А что, мало?

Не обращая внимания на слова заместителя, Брайант сделала глоток, чтобы в голове прояснилось.

– Что насчет нападавшего, который устроил засаду на Сейхан и сбежал?

– Исчез. Я предупредил агентов по ту сторону Тихого океана.

Кэт стиснула зубы. В голове кружились сотни мыслей. Она очень не хотела уезжать – столько всего осталось невыясненным. И слишком много заданий для Джейсона. Он не только должен был координировать операции в двух частях света, но и постоянно держать директора в курсе дела, чтобы тот мог предпринять необходимые действия политического и, возможно, военного характера.

Будем надеяться, что до последнего не дойдет.

Джейсон повернулся к ней, словно читая мысли.

– Не волнуйтесь, шеф. Я все понял.

Она кивнула.

Конечно.

– Что ж, остаешься на хозяйстве. Только ничего тут не сломай.

– Господи! Однажды одну несчастную чашку разбил...

– Мою любимую, – пробормотала Кэт и вышла.

Идя по коридору, она обнимала ладонями горячий стакан. Ее не покидало чувство, что она что-то забыла.

В кабинет Пейнтера Кэт вошла без стука, затем остановилась.

Так вот что я забыла...

Коренастый мужчина у стола Пейнтера улыбался в ответ на какие-то слова Элены. Он показывал ей протез, демонстрируя новейшие технологии Управления: отделил руку от запястья, но пальцы продолжали шевелиться.

– Вы можете управлять протезом на расстоянии! – изумилась Элена.

– Причем под кончиком большого пальца есть встроенная камера, – похвастался владелец. – А в ладони даже небольшой запас взрывчатки для тех случаев, когда простого рукопожатия недостаточно.

– Монк? – Потрясенная, Кэт вошла в комнату. – Как... что ты здесь делаешь?

Мужчина, одетый в шорты и худи с изображением соснового дерева и словами «Лагерь „Вудчак”», смущенно выпрямился.

– У вас тут есть к чему приложить руку, – пошутил он, взмахнув протезом. Затем, под хмурым взглядом Кэт, вновь прикрепил протез к титановому ободку на запястье. – Тем более что это единственный способ провести немного времени с женой.

– Где девочки?

Монк провел ладонью по бритой голове.

– Терроризируют вожатых. Иными словами, всю отрываются.

Кэт повернулась к Пейнтеру, подозревая, что без него тут не обошлось.

– Я подумал, что не только ты должна сопровождать доктора Дельгадо и доктора Беннета в Эстонию, – признался тот.

Монк ухмыльнулся.

– Считай это полностью оплаченным отпуском в Европе.

Кэт закатила глаза.

Сейчас на карту поставлена судьба мира.

Глава 14

7 мая, 13 часов 05 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

С переднего пассажирского сиденья Палу указал вперед.

– Следующий поворот налево.

– Куда именно?

Грей склонился над рулем, всматриваясь в стену папоротников и железных деревьев. По бокам арендованного «Джипа» хлестали ветки.

Они ползли и подпрыгивали по веренице грунтовых дорог, пересекавших дикую часть заповедного леса Ханы. Примерно час назад пришлось съехать с шоссе и обогнуть Милл-Плейс возле универмага «Хасегава». Вокруг простирались поля таро. Грей хотел срезать путь, но Палу покачал головой, сказав, что это по'ино – дурной знак.

– Таро исходит из тела Отца Небо и первого сына Матери Земли. Оно дает жизнь.

И Грей послушался, не желая испытывать судьбу.

– Долго еще? – заныл Ковальски.

Он втиснулся на заднее сиденье рядом с профессором Мацуи. Вот и вся их группа.

Айко Хигаши с ними не поехала – осталась, чтобы обменяться с Кэт новостями о событиях времен Второй мировой войны и роли Гильдии.

Грей посмотрел в зеркало заднего вида. Сейхан следовала за ними на мотоцикле. Он подумал, что столь мобильное средство передвижения еще понадобится для лежащей впереди труднодоступной местности. Узнав о возможной причастности Гильдии ко всем этим событиям, Сейхан повела себя неожиданно спокойно. Впрочем, в последнее время она вообще стала более сдержанной. Что-то явно происходило, однако Грей знал ее достаточно хорошо, чтобы оставить в покое.

Взглянув на компас, Палу обернулся назад.

– Еще милю-две, братишка... Если дорогу не размыло последним дождем.

Ковальски застонал. Грей и сам беспокоился.

Палу вскинул руку над приборной панелью.

– Сюда!

Грей заметил поворот в последний момент. Внедорожник занесло, – а потом они въехали под полог леса.

Дальше вилась еще более узкая и едва заметная дорога.

Взглянув через плечо, Грей убедился, что его маневр повторили. Сейхан припала к рулю и уверенно держалась сзади.

Окна с обеих сторон хлестали ветки древовидных папоротников, известных как хапу'у. Прямо доисторическая автомойка. Лес выглядел нетронутым, отдельным громадным деревьям вполне могло быть по несколько тысяч лет.

Кружевной лист папоротника шлепнулся на лобовое стекло, словно предупреждая, что дальше ехать не стоит.

Палу ухмыльнулся.

– Ты не нравишься лесу, хаули. Место, которое я хочу тебе показать, знают лишь гавайцы.

Грей верил ему на слово. Основной источник дохода для Гавайских островов – туризм, но некоторые территории местные жители оставляли исключительно для себя. И стойко защищали их. Например, многомиллионное строительство нового телескопа на вершине Мауна-Кеа было приостановлено из-за поднявшихся протестов: это место считалось священным.

Грей понимал тревогу местного населения. За три месяца жизни здесь он ощутил глубокую связь между островом и его жителями. Их история была вписана в каждую скалу, животное или растение.

Словно читая его мысли, Палу сказал, глядя на заросли древовидных папоротников:

– «Золотыми волосами» – пулу хапу'у – мы набиваем подушки и матрасы. Листья и ядра можно даже есть. Правда, не очень вкусно, – он поморщился.

То ли Палу говорил о здешней жизни, потому что нервничал, то ли пытался поделиться тем, что поставлено на карту. Если не остановить обрушившуюся на острова кару, можно все потерять – не только землю, но и ее историю.

Углубляясь в лес, они поднимались по скалистому склону горы Халеакала. Иногда в просветах сзади мелькала береговая линия. С этой высоты была не так заметна суета вокруг Ханы. Расстояние и маячащая впереди гора смягчали оставшийся внизу хаос.

Еще выше окутывающий вершину туман стал таким густым и влажным, что приходилось вытираться салфетками. Лес вокруг обрел какую-то призрачность.

Заговорил профессор Мацуи – тихим голосом, возможно, из чувства почтения:

– Это деревья коа?

Он указал на высокую лиственную рощу. Ветви были усеяны желтыми цветами.

– Да. Когда-то весь Халеакала был покрыт лесом коа. Сейчас остались клочки. – Палу оглянулся на остальных. – Еще одна причина, по которой мы не рассказываем об этом месте.

Кен подался вперед.

– Скопление старых лавовых трубок, которые вы описали, – как раз то, что нужно одокуро. Идеально для создания лека. – Он выглянул в окно. – Им нужна глубокая центральная нора с куполом и хорошим источником воды поблизости. А взгляните, сколько здесь цветов, богатых нектаром.

– Не говоря уже о том, как много тут хозяев-носителей, – добавил Грей.

В тропическом лесу кипела жизнь: птицы, млекопитающие, насекомые.

Кен серьезно кивнул и уселся на свое место.

Грей думал о месте назначения. Три недели назад они с Сейхан посетили пещеру Каэлеку на северной окраине Ханы. Это была широкая лавовая труба, украшенная сталактитами и коричневыми наростами. Просветы голубого неба – обвалившиеся участки потолка – помогали освещать длинный туннель. Популярная туристическая достопримечательность напоминала посетителям об огненном прошлом Халеакалы, когда потоки базальтовой лавы пахэхохэ как на поверхности, так и под землей формировали остров Мауи.

На склонах вулкана Халеакала было множество других лавовых трубок, и знали о них, скрытых густым лесом, местные жители. Палу вел отряд туда, где сплетение труб давно провалилось, обнажив лабиринт туннелей, шахт и пещер. Именно в это место острова отправился вчера рой, несомый ветром.

По дороге Грей высматривал ос, но не видел ни одной. Казалось, всех поглотило море.

«На такое везение рассчитывать не приходится...»

Палу указал вперед.

– Приехали. Дальше только пешком.

Между извилистыми колеями посреди дороги раскинулось баньяновое дерево. Его крона достигала семидесяти футов в высоту и раскинулась на пятьдесят ярдов. Великана окутывали и подпирали сотни воздушных корней, образуя деревянный занавес под лиственной беседкой.

– Ничего хорошего, – буркнул Ковальски.

Грей был согласен.

Возле дерева стоял старый фургон «Фольксваген».

– Кто-то уже поднялся туда, – пробормотал Грей.

– Машина Эммета Ллойда, – нахмурился Палу. – У него туристическая компания в Макавао. Водит туристов в походы с ночевкой. Зачем этот сукин сын потащил сюда людей?

Грей смотрел на окутанный туманом лес за баньяновым деревом.

Особенно сейчас.

13 часов 31 минута

– Помедленнее! – крикнул Эммет троице своих подопечных.

Снявшись с лагеря выше по склону Халеакала, они буквально ползли по скользкой вулканической породе. Чтобы устоять на ногах, приходилось хвататься за нависающие с обеих сторон бамбуковые стебли.

Всю ночь над вершиной горы кружили вертолеты. Что-то там происходило – явно нечто более серьезное, чем обычная поисково-спасательная операция.

По крайней мере, мы недалеко от того места, где я припарковался. Может, еще с милю.

Эммет повел группу в настоящие дебри – не то что жалкий лесок на юго-востоке, где бродили орды туристов. Те места, конечно, не соответствовали девизу турфирмы: «Когда сходишь с проторенного пути, начинается настоящее путешествие».

Вот только тяжело уже... Эммет поскользнулся в жидкой грязи и едва сохранил равновесие – все-таки не зря в молодости был серфером, даже чемпионом. Увы, те золотые денечки остались в прошлой жизни. Тем не менее в пятьдесят два года он не хотел отказываться от своей страсти и зарабатывал себе на жизнь,водя туристов – тех, кто не стремился к комфорту, – в джунгли вокруг Халеакала.

Нынешняя группа – муж, жена и их одиннадцатилетний сын Бенджамин – провела в пути трое суток.

– Не спеши, Бенджи! – попросил Пол Симмонс, тяжело дыша и изо всех сил стараясь не отставать от прыткого, как козленок, мальчишки.

Симмонсы владели технологическим стартапом в Сан-Рафаэле. Родители были в очень хорошей форме. Муж страстно любил кроссфит, а жена, Рейчел, каждый день занималась йогой. Эммет с удовольствием смотрел, как она выполняет асаны в первую ночь на берегу освещенного луной озерца, в который спадали струи водопада. Длинные каштановые волосы, завязанные в хвост, при каждом движении рассекали воздух. А

когда она стала на мостик, упираясь руками и ногами, у нее высоко поднялась грудь...

Вспоминая, Эммет улыбался. Еще один маленький плюс его работы.

Едва он догнал родителей, как парнишка с неумемной энергией рванулся вперед и исчез в бамбуковом лесу. Эммет встревожился. Здесь было полно прикрытых мхом и папоротниками ям и обрывов.

– Вы бы лучше попридержали ребенка.

Пол вдруг вскрикнул и шлепнул себя по шее.

Жена обернулась и спросила – скорее устало, нежели обеспокоенно:

– Господи, Пол, что там у тебя?

Тот дернул плечом, словно что-то стряхивая, – а потом вдруг закричал и упал на колени, обеими руками сжимая шею.

– Пол! – вцепилась в его руку Рейчел.

Эммет шагнул вперед и огляделся. Обычно здешние окрестности напоминали волшебную картинку: бесконечные колонны толстых зеленых стволов, зонтики листвы, повсюду змеятся нити тяжелого тумана... Теперь это место неожиданно показалось жутким, а они здесь были чужаками.

Чувство страха усиливалось от негромкого гула, которого он не заметил раньше из-за собственного пыхтения.

Что это?

Когда Рейчел помогла мужу встать, Эммет развернулся.

Ключья тумана шевелились, словно в них вселилась какая-то невидимая сила. Волосы встали дыбом от адского гула. Совершенно дикий звук!.. А затем Эммет разглядел маленькие черные тельца. Это их гудение доносилось сквозь туман, и они неслись к ним со всех сторон.

– Бегите! – крикнул он.

Рейчел смотрела лишь на мужа, который едва держался на ногах.

– Ч-что?

Эммет промчался мимо них и бросился вперед по тропе. Что-то врезалось в его руку и вцепилось в длинный рукав рубашки. Он опустил глаза и остолбенел. Там сидела гигантская оса, вибрируя крыльшками. Эммет ударил рукой о бамбуковый ствол и сбил тварь на землю.

Черт!

– Подождите! – окликнула его Рейчел. – Помогите мне!

Затем Пол снова вскрикнул, а мгновение спустя Эммет услышал вопль Рейчел.

На самом деле он вовсе не бросил их. Взрослые, знают дорогу вниз. Пусть выпутываются в меру своих сил.

Сейчас надо позаботиться о другом человеке.

Бенджи.

Его занесло на повороте, и Эммет едва не сорвался со скалы. Восстановил равновесие – мышцы еще не забыли, как балансировать на доске, – и ринулся вперед еще быстрее.

Где, черт возьми, этот мальчишка?

Он приложил руку ко рту.

– Бенджи!

Затем заметил мальчика – не на тропе, а в лесу слева. Либо ребенок заблудился, либо что-то заставило его сойти.

– Вернись! – закричал Эммет.

Бенджи испуганно застыл на месте. Должно быть, слышал крики родителей. Он уставился на Эммета, явно не решаясь довериться почти незнакомому человеку.

– Ну же, малыш! Нам нужно спуститься с этой горы! – Эммет старался, чтобы голос не сорвался от страха. – Мама и папа прямо за мной. Возвращайся на тропу.

Взгляд Бенджи забегал по сторонам. Наконец мальчик поник и заспешил к тропе.

Хорошо, малыш.

Но, не сделав и двух шагов, мальчик исчез. Его поглотила земля.

Эммет изумленно вскрикнул, и такой же крик, только на октаву выше, сорвался с губ мальчика.

Эммет в ужасе бросился вперед, ломаясь сквозь покачивающиеся бамбуковые стебли. Они бились друг о друга и сухо постукивали.

Словно множество костей.

ПЛЕМЕННАЯ САМКА

Попировав самцами, она ждала в прохладной темноте, почти не двигаясь после спаривания. Все ее существо сосредоточилось на наполненном брюшке. Усики свернулись на голове, четыре крыла легли на спину.

От сытости чувства притупились. Большие глаза не мигали.

Рой нашел убежище и привел ее сюда дорогой из феромонов. Она поселилась в приятной темноте с себе подобными. Готовясь, самка пробовала ногами воду, сочащуюся из каменной стены. Иногда всасывала влагу.

Это все, что ей было сейчас нужно.

Ганглии за ее глазами ответили на перемену освещения – от яркого света до полной темноты. Всплеск гормонов сообщил, что она в безопасности. И самка отозвалась, оплодотворяя каждое из тысяч яиц легкими сокращениями яйцевода. Клетки внутри делились снова и снова, и каждый раз образовывалось яйцо.

Когда самка закончила, в животе раздалось требовательное урчание.

На кончике жала образовалась капелька яда.

Вдруг с дальнего края их территории пришел сигнал тревоги.

Угроза... И возможность.

Когда был устроен лек, воительницы на границах подавляли свое естественное желание атаковать все, что движется. Их агрессию смягчали общие потребности роя. Они позволяли войти на территорию лека тем, кто мог оказаться полезным, и давали приблизиться, кусая лишь тогда, когда жертву следовало подхлестнуть болью.

Самка вытянула усик и просканировала звуки и запахи.

Живот скручивался и разворачивался, проталкивая яйца к острому яйцекладу. Тем не менее она ждала. Другие за стенами тоже ждали. Одни взмахивали крыльями, выражая желание, другие щелкали толстыми, затвердевшими задними лапками. Каждый щелчок гулко разносился в туннеле. Эхо помогало уточнить форму прохода.

Затем в тональности гула появилась новая нота.

Самка услышала, взобралась на стену и, повинувшись инстинкту, тоже начала щелкать задними лапками.

Наконец, ее усики уловили два аромата: феромон завоевания и углерод дыхания.

Всё!

Она поднялась в воздух, изо всех сил работая крыльями, чтобы поднять тяжелое тело, и направилась к выделениям газа. Повсюду подобные ей, щелкая лапками, поднимались в воздух. Эхо позволяло легко обходить препятствия в темноте.

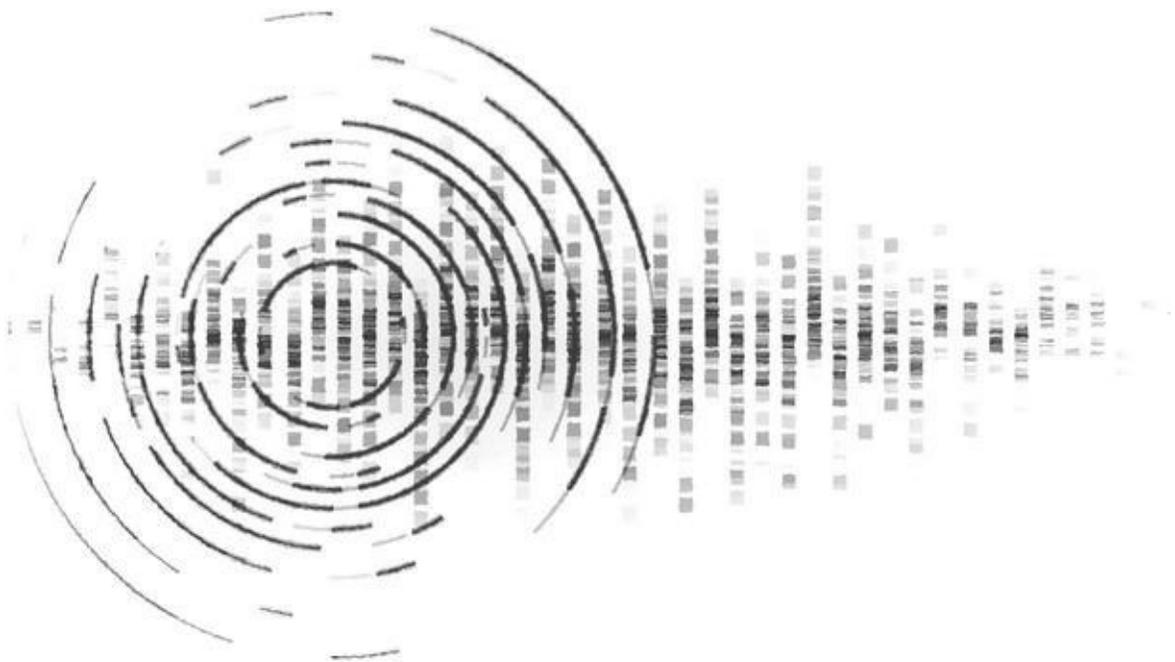
Хотя глаза самки все еще были слепы, мембраны над полостями по обе стороны головы натянулись и вбирали каждую вибрацию. Хитиновые ланцеты отшлифовали ее жало, уже смазанное ядом.

Наконец впереди что-то послышалось – вибрация, перед которой она не могла устоять.

Вибрация отдавалась эхом, заставляя двигаться быстрее. Надо добраться первой. Впереди становилось светлее, но самка не обращала внимания на освещение и сосредоточилась на вибрации воздуха.

Та становилась более явной. Превращалась в ритмичную быструю пульсацию.

В светлеющем туннеле раздавалось все больше резких щелчков, заставляя и ее щелкать лапками.

Впереди появились смутные очертания.

Эхолокация роя проникала в плоть добычи. Сквозь клетку из костей самка видела, как бьется комок мышц. И ринулась сквозь облако углекислого газа, выдыхаемого жертвой.

Она опустилась на мягкую кожу, гораздо более нежную, чем говорили древние воспоминания в генетическом коде. Когда-то она охотилась на более крупную добычу, закованную в броню.

Жало легко вошло в нежную плоть. Мышцы у основания живота содрогнулись, вводя яд.

Жертва не реагировала. Яд самки не вызывал боль, а гасил сознание, усыплял.

Опустошившись, она отпрыгнула и выпустила сетку феромонов, отметив добычу как свою.

Другие нагруженные яйцами самки вырвались на свет, ища иных хозяев для будущих личинок.

Самка зависла на месте. Она постоянно потирала лапками, оценивая добычу, чтобы убедиться, что плоть не нарушена предыдущим вторжением. Ее живот содержал тысячи яиц. В свою очередь, каждое яйцо содержало множество личинок. Их голод был ее голодом. Им нужно было много мяса, крови, костей.

Чтобы обеспечить все это, она ждала, пока ее яд полностью вступит в силу.

Он действовал и на более крупную добычу, так что много времени не понадобилось.

Глухие удары замедлились, потом еще и еще. Теперь они стали едва различимыми.

Внизу, в клетке из костей, трепетал и слабо корчился комочек плоти.
Пора!

Она снова пролетела через облако углекислого газа и приземлилась на нежную кожу. Выгнула брюшко. Яйца были готовы к выходу.

Каждый укус – дополнительный шанс на выживание потомства.

А жертва была обездвижена, поэтому кусать самка могла снова и снова.

И не собиралась останавливаться.

Столько мяса!

Глава 15

7 мая, 13 часов 49 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Несомненно, они нашли то самое место.

Пять минут назад Грей припарковал «Джип» рядом с баньяновым деревом – и сразу же услышал слабые крики, эхом отражавшиеся от лесистого склона горы. Опасаясь худшего, он оставил команду собирать снаряжение, а сам прыгнул к Сейхан на мотоцикл.

Шины и подвеска «Ямахи» подвергались тяжелому испытанию. Путь лежал круто вверх по узкой тропе.

Одной рукой Сейхан обхватила Грея за талию, а другой придерживала большую перекинутую через плечо сумку с противопожарными одеялами и аптечкой, где были в том числе и средства против анафилаксии.

Добраться бы до туристов вовремя...

Крик оборвался. Слишком внезапно.

Грей стиснул зубы и попытался выжать из четырехтактного двигателя больше скорости. Он умело направлял мотоцикл по скалистому склону, почти перепрыгивая с камня на камень. Двигатель жалобно рычал, из-под колес летела грязь.

Палу дал им общие указания о том, где искать старые лавовые трубки: «Не сходите с тропы. Смотрите, где лес превращается в бамбуковую рощу».

Гаваец также предупредил о том, как коварна эта земля. В лабиринте старых туннелей часто происходят обвалы. Склоны прорезаны незаметными с первого взгляда трещинами и пропастями.

Главный вход, самое большое отверстие – то, что Палу называл пукой, – было рядом с небольшим озерцом, в которое впадал ручей.

Там команде предстояло встретиться.

За байком пешком шли Палу и Ковальски, неся баллоны с пропаном, оснащенные искровыми воспламенителями и таймерами – все это пожарный раздобыл благодаря своим связям.

Тем не менее план действий разработал профессор Мацуи. Надо было сбросить баллоны в туннель сквозь проломы в потолке. Цель двойная: нанести как можно больше урона рою, а уцелевших изгнать. Кен надеялся, что, если потревожить ос, они откажутся от создания лека.

Иного – лучшего – плана не было.

Они могли выиграть для острова еще немного времени.

Если не слишком поздно.

Грей гнал мотоцикл все выше по склону горы. За очередным резким поворотом лес чудесным образом изменился. Лиственные породы и папоротники исчезли, сменившись бесконечными зарослями зеленого бамбука. Повсюду к небу вздымались толстые стволы. Меж трепещущих изумрудных листочков висел туман.

Изумленный переменной Пирс не сразу заметил, как справа из леса нетвердым шагом вышел мужчина и упал на тропу. Его тело скорчилось на земле.

Чтобы не наехать на мужчину, командер дернул мотоцикл и съехал с тропы в высокую чащу папоротников. Байк опрокинулся и выбросил седоков. Грей покатился по земле, запутавшись в сетке – их тех, что носят пчеловоды. Так одеться посоветовал профессор, и Грей с Сейхан успели накинуть защитное снаряжение.

Пирс вскочил и поправил забранный сеткой капюшон.

Сейхан подняла сумку, улетевшую в пышный подлесок.

Затем они бросились к лежащему на тропе человеку.

Мужчине было за пятьдесят. Усы, лысина. Вероятно, туроператор, Эммет Ллойд. Голова беспомощно перекатывалась. С губ свисали ниточки слюны.

Грей схватил его за щеки.

– Мистер Ллойд, где остальные?

Эммет, казалось, слышал его, но едва мог сфокусировать взгляд. Его зрачки были огромны.

Интоксикация или черепно-мозговая травма...

Сейхан подбежала к ним, достала из аптечки шприц и вонзила его в шею мужчины, впрыскивая эпинефрин.

Профессор Мацуи предупредил их об особенностях яда больших племенных самок.

Сильный нейротоксин.

– Мистер Ллойд, – повторил Грей.

Зрачки дрогнули, но мужчина все еще не мог ответить.

– Грей, – промолвила Сейхан.

Что-то в ее тоне заставило обернуться. Она встала и указала на окутанный туманом лес. Из папоротников, покрывающих землю, сквозь туман вились струйки черного дыма. В подлеске гудело.

Рой.

Осы выползали из подземного логова. Вероятно, их привлек шум

двигателя. Грей представил себе лабиринт лавовых трубок под землей.

Он посмотрел направо.

В белом тумане вились новые черные тени.

Времени не оставалось.

Он повернулся к Эммету и дал ему пощечину.

Потом еще две.

Наконец губы мужчины недовольно скривились.

– Где остальные? – с нажимом спросил Грей.

После долгого молчания Эммет поднял дрожащую руку и махнул на тропу впереди. Невнятные слова выскользнули из непослушных губ.

– Наверху...

– Сколько их?

Казалось, он собирает все силы, чтобы ответить.

– Двое. Муж с женой.

– Нам не до поисков, – сухо сказала Сейхан.

Она была права, но как их бросить?

Позади раздался треск, Грей с Сейхан обернулись.

Появился Палу в защитной одежде пчеловода, в каждой руке – баллон с пропаном. Он нес их легко, словно подушки. Только пот, поблескивающий на загорелом лице, выдавал напряжение.

Несмотря ни на что, пожарный широко улыбался.

– Вот ты где, братуха.

Его догнал задыхающийся багроволицый Ковальски. Бросив баллоны, он упал на колени. Последовал поток фирменных проклятий:

– Господи-боже-мой-мать-вашу...

Грей указал на рой, поднимающийся из всех ям и трещин.

– Выставьте таймеры на пять минут. Нельзя допустить, чтобы они улизнули.

План во многом заключался в том, чтобы захватить рой врасплох, пока большинство ос под землей.

По словам профессора, ос притягивал сладковатый запах пропана. Хотя сам по себе газ не имел запаха, компании-производители добавляли отдушку, чтобы домовладельцы могли заметить утечку. План заключался в том, чтобы открыть баллоны, бросить их в лабиринт туннелей и подождать, пока тяжелый газ зальет все лавовые трубы – а потом поджечь. Запах, по идее, должен подманить рой ближе – может быть, достаточно близко, чтобы их уничтожило взрывом.

Ковальски со стоном поднял баллоны.

– Сделаем.

Но Палу колебался.

– Где туристы?

– Там, – указал вверх Грей. – Муж и жена.

– Я знаю эту тропу. Побросаем всё в туннели, а потом пойдем их искать.

Грей представил себе, как здесь будет бушевать огонь.

– Пять минут, – напомнил он великанам. – Через пять отрываете задницы от этого склона и убираетесь, потому что рванет не по-детски.

Когда они ушли, Грей обхватил рукой Эммета и перекинул безвольное тело через плечо. Ковальски подобрался к одной из колонн «дыма», отмахиваясь от ос, и бросил баллон в яму.

Палу последовал его примеру. Двое мужчин двинулись дальше в поисках подходящих мест.

Грей поднял свою ношу и пошел по тропе.

Сейхан направилась к мотоциклу.

Но едва Пирс сделал пару шагов, Эммет шевельнулся.

– Нет, подождите...

Грей остановился.

– Что?

– Там... еще... мальчик... Бенджи. – Эммет махнул рукой туда, где выскочил из леса. – Провалился в яму.

– Что ж, пойду поищу его, – Сейхан раздраженно вздохнула.

Грей колебался.

– Ступай. – Она нахмурилась и постучала пальцем по часам. – Я в курсе.

Пять минут... И отсчет начался.

14 часов 07 минут

Сейхан пробиралась через плотный подлесок. Тело держали папоротники, шипы попытались сорвать жесткую синтетическую одежду, грязь засасывала резиновые сапоги.

Сейхан злилась. Ее терзало желание сорвать все это с себя, но она шла не по болоту, а вокруг жужжали не комары.

Ос с сетки на лице она смахивала, а более крупных, садящихся на руки и грудь, прихлопывала. У каждой ткани есть предел прочности. А еще Сейхан помнила, что добычу этих ос в прежние времена не спасала даже броня.

Достаточно было бросить взгляд через плечо, чтобы напомнить себе об опасности. Землю усеивали тела птичек; у некоторых еще дергались

крылья. Справа над подлеском высились рога: та же судьба постигла пятнистого оленя. А то, что сперва показалось ей замшелым камнем, на самом деле было телом кабана; сверкнули желтые изгибы клыков.

Без дела осы не сидели.

Должным образом оценив опасность, Сейхан вытащила из кармана рюкзака фонарик. Она изо всех сил старалась как можно быстрее переходить от одного кольца «дыма» к другому.

Черт возьми, где ты, малыш? Осталось три минуты.

Не хотелось бы здесь быть, когда все взорвется. Но Сейхан представляла себе ребенка, попавшего в ловушку огненных туннелей, и грудь сжималась. Чертовы родители, подвергли его опасности. Хотя, конечно, они не могли предвидеть эту ситуацию.

И все же...

Она бросилась к следующей трещине, разгоняя нависающий над ней гудящий темный столб. Ткнула фонариком в щель. Луч высветил большое отверстие. Сейхан просунула фонарик дальше в туннель. Дно мелькнуло двенадцатью футами ниже.

Нигде никого, только осы.

Сейхан отвернулась, но когда луч метнулся по дальнему краю дыры, заметила небольшой отпечаток в грязи. Похоже, от кроссовки.

Вполголоса выругавшись, Сейхан вернулась к туннелю. С этой точки она видела лишь непосредственно то, что было внизу. Мальчик, испугавшись и запаниковав, мог пойти дальше. Стоило ему отодвинуться всего на несколько ярдов, и он уже исчезал из зоны видимости.

Есть лишь один способ выяснить...

Прыгнуть вниз она могла хоть сейчас, но сперва следовало убедиться, что удастся выбраться. У Сейхан была с собой веревка, однако закреплять ее было слишком долго. Вместо этого она потянулась к поясу. Вчера вечером ее застали безоружной; сегодня Сейхан подготовилась как следует. Под одеждой в ножнах на запястьях скрывались кинжалы и метательные ножи. Для нынешней задачи она отцепила от пояса большой китайский секач. Выбрала бамбуковый стебель толщиной с запястье и с силой ударила. Поймала подрубленный стебель, затем опустила в отверстие.

Две минуты.

Сейхан схватила гибкий зеленый шест и скользнула вниз. Ноги утонули в ковре из насекомых. Потревоженный рой энергично отреагировал на ее появление: осы отрывались от стен, из глубины туннеля летели новые.

Сейхан присела, водя фонариком по сторонам. И сквозь бурлящее

облако увидела кусочек белой кожи и красную кроссовку.

Бенджи.

Рукой в резиновой перчатке она схватила мальчика за лодыжку и потянула к себе. Некогда было проверять, жив ли он; она просто подняла маленькое тело, перекинула через плечо, ухватилась руками за шест и стала подниматься. Все было бы хорошо, но свежесрезанный побег бамбука качался и дергался. Сейхан ударила боком о стену.

Внутренний таймер не останавливался. *Меньше минуты.*

Она снова начала восхождение.

Еще четыре фута.

А затем в боку огненным взрывом вспыхнула боль, и Сейхан скользнула вниз. Прежде чем снова достичь дна, она сжала пальцы, остановив падение. Стараясь не уронить мальчика, посмотрела на свой бок. И увидела треугольный разрыв.

Должно быть, наткнулась на острый камень.

Из разрыва, жужжа, выползала одна из больших рабочих ос.

Сейхан пронзила боль, взгляд заволокло слезами.

Она во все глаза смотрела вверх.

Так далеко...

Она могла спастись, лишь оставив мальчика.

Прости...

14 часов 11 минут

Из-под баньянового дерева Грей смотрел на лес, покрывающий склоны Халеакала. С каждой секундой сердце его билось все сильнее.

Кен опустился на колени рядом с оглушенным Эмметом, которого усадили, привалив к дереву. Профессор приложил два пальца к его шее, проверяя пульс.

Из зарослей впереди раздался треск.

Пирс напрягся, когда увидел двух великанов, ломившихся напрямик через лес, в обход тропы. Ковальски и Палу.

Каждый нес переброшенное через плечо тело.

– Нашли! – пропыхтел Ковальски, дыша, как бык.

– Несите их сюда! – помахал рукой профессор.

Ковальски то ли не обратил внимания на его слова, то ли слишком устал. Он опустил женщину на землю и плюхнулся рядом.

– Сами сюда идите.

Палу сгрузил свою ношу рядом.

Грей подошел к ним, по-прежнему глядя в сторону леса.

– Где Сейхан?

Ковальски сел прямо.

– В смысле?

Пирс понял, что они ушли прежде, чем Сейхан отправилась искать мальчика.

Под его напряженным взглядом Палу наморщил лоб.

– Мы никого не видели. Но мы шли викивики – очень быстро.

Грей шагнул к лесу.

Черт возьми, тогда где же...

Раскаты взрыва оборвали его немой вопрос.

14 часов 12 минут

Сейхан каталась по ложу влажных папоротников, специально стараясь намочить одежду. Позади в двух ярдах от нее в небо выстрелила спираль оранжево-голубого пламени.

Она припала к земле, а вокруг бушевал адский водоворот – взрывались воронки. Огонь охватил сеть туннелей внизу и прорывался через многочисленные провалы и трещины.

Уши заложило, глаза резало. Земля содрогалась последними толчками. Вулканическая порода склона напоминала соты, пронизанная туннелями и кавернами. А сила запертого под землей взрыва еще больше расшатала их.

Сейхан побежала – а вокруг разверзались новые пропасти, из которых хлестали языки пламени. Со свистом падали бамбуковые стволы. В какой-то момент с головы слетел капюшон с защитной сеткой, однако дым и жар, казалось, отпугивали рой. Наконец она добралась до тропы, защищая мальчика собственным телом.

Ведь она даже не думала бросать ребенка.

Прошептав «прости», Сейхан обращалась к Грею. Она просила прощения за то, что рискует всем, в том числе их жизнью вместе, ради мальчика.

И все же она рисковала намного большим – и чувствовала вину.

Земля вновь содрогнулась, напоминая, что до безопасности далеко.

Сейхан крепче обняла Бенджи и побежала дальше.

Впереди она заметила блеск металла и черную резиновую шину.

Мотоцикл.

Сейхан оставила мальчика на тропе, подняла мотоцикл и прислонила его к дереву, затем снова взяла ребенка. Спустя несколько секунд она села, положив мальчика на колени, и потянулась к рулю.

Потерпи, Бенджи. Еще немного.

Лишь с третьей попытки Сейхан сумела завести двигатель и едва не заплакала от облегчения, когда он наконец заурчал. Прежде чем она успела тронуться с места, гора содрогнулась, едва не опрокинув мотоцикл. Сейхан взглянула направо и увидела, как обрушивается часть склона.

Бездна быстро росла, приближаясь к ней.

Склонившись над мальчиком, Сейхан рванулась вперед.

И тут вдруг окружающий мир сделался туманным и одновременно каким-то слишком ярким.

Она тряхнула головой, но стало только хуже: перед глазами все поплыло, окрасилось кровью. Тропа и лес разлетелись на фрагменты, крутящиеся в калейдоскопе, – то попадали в поле зрения, то исчезали.

Сейхан больше не знала, едет вверх или вниз. Не знала, двигается ли вообще.

А потом мир окончательно лишился смысла.

Прости.

На этот раз она извинялась перед мальчиком. Подвела.

14 часов 24 минуты

Не успел отгреметь взрыв, как Грей с Ковальски и Палу бросились вверх по склону горы. Густой дым прибывало к земле, он клубился в подлеске и почти ничего не давал разглядеть. Земля продолжала дрожать под ногами, вулканические породы трескались, как будто гора сама разрывала себя изнутри.

В груди отчаянно колотилось сердце, в ушах шумела кровь.

А затем послышался знакомый рокот.

Грей застыл на тропе.

Из-под полога леса вырвался мотоцикл.

Грею показалось было, что Сейхан припала к рулю с обычной своей ожесточенной решимостью. Затем он увидел, как ее неестественно сгорбленное тело подпрыгивает на сиденье. Одной рукой она обнимала мальчика, другая лежала на руле.

Казалось, Сейхан в почти бессознательном состоянии. Наверное, она сохраняла вертикальное положение лишь благодаря инстинкту.

Расстояние между ними сокращалось, но она не реагировала на друзей, даже когда Ковальски окликнул ее и помахал рукой. Байк продолжал лететь вниз, разгоняясь на склоне.

Сознание и удача вот-вот должны были покинуть ее.

Хуже того, Грей и остальные, поднимаясь, только что вскарабкались на крутой уступ. И теперь мотоцикл летел прямо туда.

– С дороги! – закричал Грей.

Ковальски и Палу отскочили.

Пирс сделал шаг в сторону, но остался у тропы, весь напряженившись. Будет только один шанс.

Когда мотоцикл поравнялся с ним, он бросился вперед, обхватив рукой Сейхан и мальчика, и сдернул обоих с мотоцикла. Все упали, покотившись по одеялу из папоротников. Неуправляемый мотоцикл полетел дальше по тропе, затем перевалил через гребень и долго подпрыгивал, прежде чем исчезнуть в лесу.

Грей быстро осмотрел Сейхан и мальчика. Повреждений не нашел, однако и в сознание они не приходили.

Подбежали Ковальски и Палу – с одинаково озабоченными лицами.

– Помогите погрузить их в «Джип», – сказал Грей, махнув рукой вниз.

Палу взял мальчика, а Пирс и Ковальски понесли Сейхан. Спустя несколько минут все снова собрались под баньяновым деревом. К ним бросился Кен.

– Слава богу, они целы!

Грей опустил Сейхан на землю.

– Профессор, что с ними? – Он обвел жестом лежащих на земле людей.

Кен оглянулся и снова посмотрел на Сейхан.

– Вне всякого сомнения, это нейротоксин. Ее ужалила племенная самка. Через некоторое время они очнутся.

Грей чувствовал, что ему не говорят всю правду.

– Что-нибудь еще выяснили?

– Пока вас не было... я... я осмотрел кожу мистера Ллойда в увеличительное стекло. Очень много следов от укусов. Но типичной красной каймы вокруг них нет – в отличие от болезненных укусов воительниц.

Грей понял. Он вспомнил описание профессора: самки много раз кусают жертву, чтобы впрыснуть как можно больше яиц.

– Думаете, ее заразили яйцами?

– Возможно, других тоже.

Грей взглянул на Сейхан.

Кен, должно быть, прочитал его мысли.

– Остальные уже долгое время были в таком состоянии. Самка осы ждет, пока хозяин станет полностью беспомощным.

Может, ее не успели укусить?

Грей опустился на колени рядом с Сейхан – и тут из прорехи в ее

костюме выползла чудовищно крупная оса, бешено трепеща крыльшками.

Грей узнал ее по фотографии, которую показывал профессор.
Племенная самка.

Сбив насекомое на землю, Ковальски растер его в темную маслянистую жижу.

Отчаянное выражение лица профессора говорило яснее слов.

Надежды не было.

Глава 16

7 мая, 15 часов 38 минут по гавайскому времени

Хана, остров Мауи

Кен вернулся в домик Грея и Сейхан и теперь стоял на веранде, обеспокоенно скрестив руки на груди. Океанский бриз принес аромат садов и обещание вечернего дождя. Эта идиллия контрастировала с темной тучей, нависшей над склоном Халеакалы.

Земля перестала содрогаться, пламя задохнулось в тропическом лесу, но Кен знал, что истинная угроза для острова не исчезла. Впрочем, пока требовалось решать другие, более срочные вопросы.

Машина скорой помощи выехала с грунтовой дороги на шоссе: Симмонсов и туроператора везли в город. Эффект нейротоксина начал сглаживаться, однако пострадавшим нужна была дальнейшая помощь.

Палу договорился, что группу поместят в закрытую палату местного медицинского центра. Кен сжал руки, вспоминая перепуганное лицо мальчика, залитое слезами. Мать, отец и ребенок, даже не понимая, что на самом деле произошло, отчаянно цеплялись друг за друга. Кен утаил правду об их состоянии, пока с этим можно было подождать. И все же он ясно сознавал, что его молчание объясняется не столько сочувствием, сколько трусостью – и немалой долей вины.

Если б я поднял тревогу раньше...

Приоткрылась сетчатая дверь, выглянул Грей.

– Сейхан достаточно пришла в себя, чтобы ответить на вопросы, если вы готовы.

– Я... я готов.

Сейхан сидела за обеденным столом, обхватив руками кружку. Ее кожа выглядела смертельно бледной, глаза остекленели.

С ней Кен был честен. Она сама потребовала этого, подозревая худшее, еще когда продиралась сквозь ядовитый туман.

Кен настаивал, чтобы Сейхан поехала с остальными в машине скорой помощи. Его беспокоило ее состояние – и угроза, которую она могла представлять.

Три дня.

Она отказалась.

Грей сел на стул.

– Расскажи Кену то, что рассказала мне.

Сейхан бесстрастно глядела на пар, поднимающийся над кофе.

– Когда я пошла искать мальчика, то видела много животных, лежавших на земле. Олень, дикий кабан, сотни птиц...

– Мертвые или живые?

– Точно сказать не могу. Некоторые шевелились.

– Ничего удивительного. – Кен сел, обдумывая полученную информацию. – Как я и говорил, одокуро всеядны, им подходит любой хозяин. Судя по вашему описанию, значительная часть фауны инфицирована.

– Что нам делать? – спросил Грей.

– Нужно немедленно отправить туда людей. – Кен нахмурился. – И сжечь все тела. Только не знаю, поможет ли это. Большинство зараженных животных наверняка уже справились с действием нейротоксина и ушли. Что еще хуже, выжившие члены роя будут искать новых носителей.

– И что из этого следует? – спросил Грей.

Ответ пришел от Айко Хигаши. Сотрудница японской разведки безукоризненно прямо сидела по другую сторону стола. Ее лицо было непроницаемо.

– Из этого следует, что уже слишком поздно. Если осы размножаются, пора начинать обратный отсчет. Через три дня нам останется лишь одно: превратить острова в огненный котел. Этому виду нельзя позволить распространиться.

Кен вспомнил бразильский остров, охваченный пламенем.

Лицо Грея окаменело.

– Профессор, есть какой-нибудь способ борьбы с личинками? – спросил он, не желая сдаваться. – Использовать их слабые места, чтобы выиграть хоть немного времени?

Кен заметил, что рука Пирса лежит на бедре Сейхан. Вопрос, несомненно, интересовал его и по личным причинам.

– У меня не было времени серьезно исследовать этот вид. Я пробовал обычные препараты, такие как ивермектин, эффективный против большинства внутренних паразитов. – Он покачал головой. – Никакого эффекта. Ничего не помогало.

Сейхан внимательно посмотрела на Кена.

– Что со мной будет?

Мацуи отвел взгляд. Он хотел бы смягчить свои слова, но знал, что эта женщина хочет услышать правду.

– Пока вы были без сознания, я осмотрел вашу кожу и обнаружил более ста укусов. По моим оценкам, количество отложенных яиц может

достигать нескольких тысяч. – Он виновато посмотрел на Сейхан.

– Продолжайте, – велела она.

– Через несколько минут после введения из яйца вылупились особи первой стадии. Они микроскопические, поэтому вы, скорее всего, не испытаете никаких клинических признаков в течение большей части дня, пока они продвигаются глубже.

– А завтра?

– Вторая стадия. Личинки достигнут размеров рисового зерна и начнут наносить реальный урон. К счастью, они, похоже, избегают жизненно важных органов, обходят центральную нервную систему и сердце. – Кен посмотрел ей в глаза. – Тем не менее будет больно. Хотя и не так мучительно, как на третий день.

– Когда они начнут прогрызать мне кости, – бесстрастно продолжила Сейхан.

Кен вспомнил лабораторных крыс, которых использовал в Киото для экспериментального заражения. На этой стадии они корчились от боли, кусали себя; некоторые даже вспарывали себе животы, словно пытаясь выцарапать источник боли.

– Дальше будет все хуже и хуже, – сказал он Сейхан.

– А в самом конце?

Кен покачал головой. На такую прямоту он не был способен. Профессор закрыл глаза, но продолжал видеть крыс, которые, наконец, сдались. Личинки четвертой и пятой стадий буквально перемалывали тела своих хозяев. В течение нескольких дней взрослые особи вылуплялись из коконов и выедали себе путь наружу. Забыть это зрелище он не мог. Тела крыс подергивались, словно живые. Воспоминание даже сейчас заставило его содрогнуться.

– Нельзя допустить, чтобы до этого дошло, – сказал Грей.

Кен сглотнул.

– Повторяю, ничего из того, что я пробовал, не помогало. Даже будь у меня больше времени, я не уверен, что мог бы добиться успеха. Как только личинки попадают в тело, лекарства бесполезны – так часто бывает и с другими насекомыми. – Чтобы объяснить это, он спросил: – Кто-нибудь из вас знаком с *Cochliomyia hominivorax*?

– С чем? – нахмурился Палу.

– Мясные мухи. Они откладывают яйца в рану, и личинки прокладывают себе путь, поедая плоть. Без лечения можно умереть.

– А в чем заключается лечение? – спросил Грей.

– Единственный способ – операция. Их просто механически удаляют –

выковыривают из тела. Никакие препараты их не берут.

– Тогда, может быть, операция... – начал было Грей, глядя на Сейхан.
Кен разбил его надежду.

– Личинки мясных мух залегают неглубоко под кожей. В отличие от личинок одокуро, которые расползаются далеко и глубоко, так что их не достанет ни один скальпель.

В комнате воцарилась тишина.

И тут заговорила Айко, словно ждавшая этого момента.

– Как сказал профессор Мацуи, он работал с одокуро лишь два месяца. Но если информация из Вашингтона верна – об артефакте, украденном во время Второй мировой войны, – тогда кто-то владел этим оружием на протяжении многих десятилетий. Возникает вопрос: почему им воспользовались только сейчас?

Никто не ответил.

– Потому что нечто изменилось, – сказала она. – Должно быть, нашли способ контролировать жизненный цикл этого монстра. Возможно, даже разработали лекарство.

– Но если вы правы, то откуда нам хотя бы начинать поиски? – нахмурился Кен.

Айко слегка улыбнулась.

– Есть одна мысль.

– Какая? – спросил Грей.

– Позвольте мне для начала подчеркнуть: все, что я собираюсь рассказать вам, основано на предположениях, которые могут оказаться ошибочными.

– Иными словами, это проверенная точная инфа, – сострил Ковальски.

– Я говорила с капитаном Брайант, пока вас не было... – продолжала Айко, не обратив на него внимания.

– Вы говорили с Кэт? – переспросил Грей.

– Да, – кивнула она. – Мы знаем, что ос выбрасывали из самолетов «Сессна». А еще мы подозреваем, что за всем этим может стоять японская организация. Поэтому я составила базу данных всех японских компаний, которые арендовали территории на островах в пределах дальности полета «Сессны».

– И что? – спросил Грей.

– Подозреваемых оказалось на удивление много. Азия очень активно инвестирует в Полинезию. При этом Китай и Япония отчаянно конкурируют. Но одно место меня особенно насторожило. Фармацевтическая компания купила небольшой остров. Атолл, если быть

точной.

Она вытащила из кармана карту и развернула ее на столе. Подпись гласила: «Северо-западные Гавайские острова». Длинная цепочка крошечных островов тянулась по тысячемильной дуге через Тихий океан до самого острова Мидуэй и дальше.

– Атолл слишком мал и здесь не отмечен, – объяснила Айко, – но он расположен недалеко от острова Лайсан. – Она постучала пальцем по пятнышку на карте.

Палу придвинулся ближе.

– Мы с братухой там иногда плаваем. Душевные места. Малолюдные.

– Большинство островов необитаемы, – подтвердила Айко.

Грей вместе с гавайцем склонился над картой.

– А почему это вызвало подозрения?

– Во-первых, та компания конкурирует с «Танакой», которая профинансировала работу профессора Мацуи.

Айко посмотрела на него, но Кену не требовалось напоминать о вероятной зловещей подоплеке его поездки на Кеймада-Гранди.

– Во-вторых, – продолжала Айко, – на атолле когда-то находилась станция радионавигационной системы «Лоран», принадлежавшая пограничной службе США. Теперь там лишь заброшенная взлетно-посадочная полоса и несколько покинутых зданий.

– Если все это модернизировать, получится удобный перевалочный пункт, – признал Грей.

– Какую компанию вы имеете в виду? – спросил Кен.

– Она в течение нескольких лет попадала в поле нашего зрения – по причинам, которые, похоже, не связаны с этим: черные рынки, финансовые махинации... – Айко покачала головой. – Мы не можем выдвинуть убедительные обвинения. В основном из-за того, что японский закон потворствует корпорациям.

– Итак, что же это за компания?

Айко подняла бровь.

– «Фениккусу лабораториз».

Кен откинулся на спинку стула. Он узнал название. Сейчас оно приобрело для него больше смысла.

– В чем дело? – спросил Грей.

– «Фениккусу» на японском означает «феникс».

– Бессмертное существо, возрождающееся из пепла, – кивнула Айко.

– Интересно, откуда только они взяли такое название, – фыркнул Ковальски.

Айко пожала плечами.

– Как я уже сказала, не исключено совпадение. На этом основании мы вряд ли сможем ворваться на объекты, принадлежащие «Фениккусу лабораториз».

– Без дополнительных доказательств не сможем, – согласился Грей.

Айко уставилась на карту.

– Как раз на островке посреди Тихого океана мы могли бы их найти.

– Тогда отправляемся туда, – решил Грей.

Кен так и видел, что в голове у него уже готовится план.

– Я с тобой, – заявил Палу. – Я знаю эти острова. У меня даже есть двоюродные братья на Мидуэе. Они нам лодку дадут. Будет хорошее прикрытие.

Грей задумчиво кивнул.

Сейхан встала.

– Я тоже еду.

Взгляд Пирса стал напряженным.

– Может быть, лучше...

– Я еду.

Кен попытался вмешаться, зная из первых рук, что будет дальше:

– Вы должны находиться в карантине. Если не в медицинском центре, то, по крайней мере, здесь.

Сейхан обожгла его взглядом.

– Док, я сейчас что, заразна?

– Ну... нет, – сник он.

– Тогда у меня есть три дня.

Она вышла из комнаты.

Когда за ней захлопнулась сетчатая дверь на веранду, Ковальски поднял обе ладони.

– Просто чтобы вы все знали: я не против, пусть едет.

16 часов 44 минуты

Грей осторожно выглянул на веранду. Он ждал, пока Сейхан перестанет расхаживать по веранде. Ей потребовалось полчаса, чтобы наконец успокоиться и сесть на верхнюю ступеньку.

– Эй...

Она сидела спиной к нему, не оборачиваясь.

Плохо дело.

Грей медленно приблизился, боясь ее спугнуть. И осторожно предложил ей свою версию трубки мира:

– Я нарезал тунца. – Он посмотрел в сад. – Примерно через час мы отправляемся. Ты, наверное, захочешь еще раз покормить свою бродячую кошку.

Сейхан тяжело вздохнула и взяла тарелку.

Грей присел рядом, оставив между ними несколько дюймов в качестве буферной зоны.

– А как насчет твоих нотаций, что не надо кормить бродяг? – пробормотала она.

– Сейчас не время беспокоиться, какой вред приносит биосфере острова одна кошка.

– Это, конечно, правда...

Тем не менее она не смотрела на него.

– Сейхан...

– Ты меня тут не оставишь.

– Да, но...

– Я умру, сражаясь.

– Мы найдем лекарство. – Он протянул руку. – Вместе.

Она выдохнула, чуть расслабившись. Их пальцы сплелись.

Сжав ее руку, Грей почувствовал дрожь.

– С тобой все будет в порядке, – пообещал он ей.

– Я не за себя боюсь. – Сейхан наконец повернулась к нему. По щекам катились слезы. – Надо было сообщить тебе раньше...

– О чем? – встревоженно спросил Пирс. Он уже примерно месяц чувствовал, что ее что-то тревожит.

– Я беременна.

Часть третья
Янтарный путь

Глава 17

8 мая, 17 часов 03 минуты по японскому времени

Фудзикавагутико, Япония

Не обращая внимания на безмолвного посетителя, Такаси Ито опустился на колени перед традиционным котацу – низеньким деревянным столиком, покрытым старинным одеялом; под ним стояла жаровня с углями.

Жар углей согревал худые, терзаемые артритом колени Такаси. Хотя давно настала весна, воздух в курортном городке на берегу озера Кавагути был прохладным. Озеро находилось на высоте восьмисот метров на северном склоне Фудзи.

Кавагучи – самое известное из пяти озер, окружающих священную гору. Отсюда открывался потрясающий вид. Веками на эти берега приходили художники, чтобы передать красоту высокой заметенной снегом вершины, отражающейся в спокойных, как зеркало, водах.

И всегда тщетно.

Сквозь стеклянную стену Такаси смотрел на вершину горы. Он сам выбрал это место в нескольких километрах от отелей, ресторанов и городской суеты, чтобы построить новейший исследовательский комплекс «Фениккусу лабораториз».

Сияющая вершина Фудзи – идеально симметричный конус – напоминала подвеску, безмятежно висящую в небе. Ее краски постоянно менялись с движением солнца: от сверкающего бриллианта до багровой, как рана, тени. Синтоистская мифология гласила, что там обитает бессмертный бог Куни-но токотати-но микото. Даже название горы, «Фудзи», было синонимом слова «бессмертный».

А еще Такаси нравилась неоднозначность Фудзи – горы спокойной и в то же время мятежной. Фудзи был активным стратовулканом, который несколько раз сжигал дотла близлежащие дома и храмы. Во время последнего извержения, в 1701 году, над огромными пространствами летал горячий пепел. Токио засыпало золой, десять лет длился голод.

Однако эта же вершина была источником воды для большей части окрестных территорий: отсюда орошались рисовые поля и фермы.

Гремучая смесь темпераментов делала Фудзи душой Японии. Здесь проявлялась способность народа к глубочайшей мудрости и спокойствию – и в то же время готовность уничтожить все вокруг в моменты волнения или

угрозы.

Древние самураи размещали на горе великолепные тренировочные центры. Земля, на которой построили исследовательский комплекс, когда-то была вотчиной сёгунов Токугава – тех самых воинов, которые погибли в храме Канъэй-дзи в Токио. Такаси вспомнил камень за храмом: там он каждый год жег благовония в память о своей возлюбленной Миу.

Разве мог я выбрать другое место для лаборатории?

Имелась причина и более практического характера. Городок Фудзикавагутико лежал всего в ста километрах от Токио, где была расположена штаб-квартира. Близко и при этом уединенно.

Именно то, что нужно.

Сотрудников комплекса отбирали на основании их лояльности, осмотрительности и научных знаний. Средняя зарплата составляла более шестидесяти миллионов иен; деньги, а также изощренные меры безопасности обеспечивали молчание.

Конечно, неизбежно расползались слухи – и от конкурентов, и от всех, кому случалось заглянуть за ворота объекта.

Возможно, мне следовало выбрать более консервативный дизайн.

Среди множества хозяйственных построек выделялось архитектурное чудо из стекла и стали, выполненное в форме пятиэтажной пагоды. Прозвище, данное строению, произносили иногда с насмешкой, а иногда с уважением: «Кори-но-сиро» – Ледяной замок.

Название пришлось Такаси по душе. Оно звучало особенно уместно посреди зимы, когда снег покрывал не только вершину горы, но и окружающие земли. В стеклянном здании отражался мерзлый пейзаж, оно становилось неотъемлемой частью окрестностей, ледяным призраком из прошлого Японии.

Дизайн объекта служил и практическим целям. Стекло и сталь не горели – на случай если горе Фудзи суждено когда-либо разразиться дождем из пылающей золы. Кроме того – и об этом мало кто знал, – вниз уходили пять подземных уровней. Лабораторный бункер внизу скрывал величайшую тайну корпорации, причем самый нижний этаж мог выдержать ядерный взрыв.

Сейчас его мечта близилась к воплощению. Грядущий кошмар должен был послужить мстостью за убийство Миу, возлюбленной жены, чтобы весь мир страдал так же, как он. И из этого же храма возродится вечная японская империя.

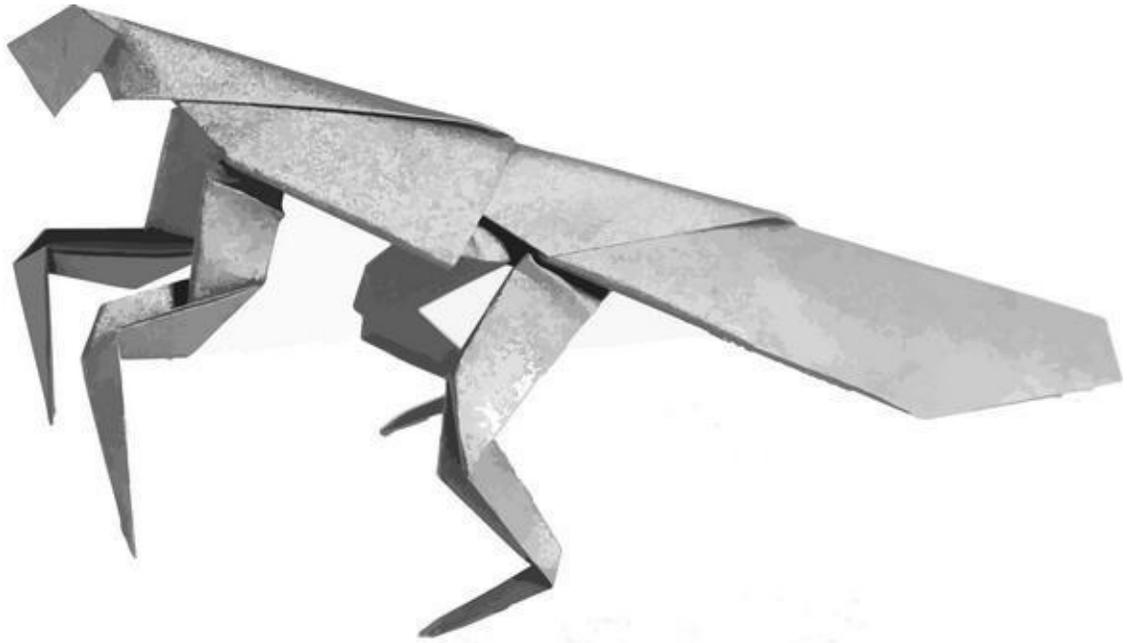
Сидя вместе с безмолвным гостем в своих апартаментах на верхнем уровне стеклянной пагоды, Такаси занимался хобби, которое любил с

юности. На стеганой поверхности котацу лежал лист стекла, служивший рабочим столом. Ноутбук был раскрыт в ожидании видеозвонка от внука, но Такаси сосредоточился на сложенном листе бумаги. Оригами он увлекся еще в детстве, прежде чем его изгнали из семьи. Оно было связано как с его личным прошлым, так и с культурным наследием, и восходило к тем временам, когда оригами практиковали в судах японской империи. Миу поощряла тягу мужа к искусству. Такаси сложил для нее зверинец и сад бумажных цветов, просто чтобы вызвать редкую улыбку.

Теперь он продолжил практику ради успокаивающего эффекта, ради возможности упражнять терзаемые артритом пальцы, а еще ради решения математических задач, чтобы ум оставался таким же острым, как складки бумаги. Десятилетиями он сидел у ног мастеров оригами, оттачивая свои навыки. Несколько лет назад умер Акира Ёсидзава, один из его учителей.

Ему было девяносто четыре. Я достигну этого возраста в конце года.

Остались последние черты. Такаси погрузил кончики пальцев в увлажненную губку – он использовал технику мокрого складывания, разработанную Ёсидзавой – и поставил фигурку на задние лапки.

Получился богомол.

Как всегда, у него не было изначального плана. Такаси покорялся пальцам, которые диктовали направление и форму.

Но теперь он понял, почему выбрал эту фигуру.

Напротив, в традиционной позе сэйдза, сидела женщина в соломенных

сандалиях, носках-таби и белом кимоно, заправленном в красные штаны-хакама. Ее темные волосы были заплетены и уложены в высокую прическу, подколотую декоративными шпильками. Типичное убранство мико, девицы из синтоистского храма.

Такаси знал, что она исповедует религию крови и смерти.

Глядя на молящегося богомола, он понял, что его вдохновило – женщина, опустившаяся на колени по ту сторону стола. В «Кагэ» ее, как и самого Такаси, обучали убивать. В течение последних нескольких лет Такаси с внуком тайно разыскивали тех, кто выжил после чистки «Кагэ», собирая и тренируя маленькую армию – современную версию нинздя, тайных воинов феодальной Японии.

Эта женщина, однако, нашла его сама и уже доказала свою полезность. Она предоставила информацию, которую подтвердили его люди в японской разведке: американцы отправились в Эстонию. Они хотели выяснить происхождение янтарного артефакта, который стоил Миу жизни. Необычный поворот событий насторожил Такаси, и он отправил команду на перехват. Следовало узнать причину этой странной поездки и устранить любую возможную угрозу.

Ожил ноутбук, сообщая о входящем вызове.

Такаси нажал на иконку телефона и принял вызов от Масахиросы. Пристыженное лицо внука появилось в новом окне.

Операция на Мауи в целом шла по плану, но ее запятнал один провал. Агенты «Сигмы», сыгравшие ключевую роль в падении «Кагэ», все еще живы.

– Конничива́, софу, – хрипло произнес Масахиросы. Потом, очевидно, заметил разгневанное выражение лица собеседника и сменил тон. Масахиросы должен был вернуть уважение Такаси, прежде чем снова называть его дедушкой. – Джонин Ито, – поправился Масахиросы, подчеркнуто низко склонив голову.

– Ситуация на базе?

С Мауи внук отправился на остров Икикауо. Их база располагалась на небольшом атолле, недалеко от Мидуэя, где японский флот потерпел унижительное поражение во время Второй мировой войны. Было очень логично нанести удар именно оттуда.

– Хай, – Масахиросы вскинул голову. – Данные в надежном месте. Секции для спаривания разбирают. К ночи все будет чисто.

Такаси заметил, что женщина едва заметно покачала головой.

– Вы уверены, что они отправятся туда? – спросил он ее.

Она склонила голову, не сомневаясь, что американцы – в частности,

двое оперативников, которые пережили покушение, – попытаются выследить Масахирос на Икикауо. Невероятно!.. Но Такаси уже начал доверять получаемой от нее информации.

Масахирос, наверное, заметил их краткое совещание и взволнованно заговорил:

– Джонин Ито, все идет по плану. Мы можем...

Такаси поднял ладонь, призывая его к молчанию.

– Ты потерял хорошего солдата. Генина Джиро. Я посылаю замену.

Его взгляд скользнул к стоящей на коленях женщине.

– Но у нас нет времени, – нахмурился Масахирос.

Такаси глубоко вздохнул.

Что такой молодой человек может знать о времени?

– Операция продолжается, как планировалось, – отчеканил он. – Однако тебе предстоит новая миссия в Икикауо. Шанс восстановить честь.

Пока Такаси излагал подробности, женщина ждала. Ее пальцы покоились на рукоятке кинжала, спрятанного на поясе хакамы. Она сказала, что это аутэм, клинок для темных целей. У нее были свои причины, чтобы заманить американцев в ловушку.

Проинструктивровав внука, Такаси заметил маленькую картинку в уголке монитора. Еще одно лицо женщины – но не темноволосой красавицы с безупречным цветом лица. На фотографии был призрак. Смертельно бледная женщина с ледяными голубыми глазами и волосами цвета свежего снега. Альбиноска. Словно бросая вызов отсутствию пигментации, на правой стороне лица было вытатуировано колесо, сейчас полустертое и припудренное. Вводить в заблуждение она умела – за десятилетия в «Кагэ» научилась делать из этого пустого холста какие угодно лица, мастерски преображаясь и скрываясь.

Ничего удивительного, что она пережила чистку.

Тем не менее Такаси узнал о ней все.

Он прочитал русское имя внизу фотографии: Валя Михайлова.

Однако имя не могло поведать, кто она такая.

Такаси коснулся молящегося богомола на стекле, сознавая, что интуитивно уловил ее суть.

Вот кто ты на самом деле.

Глава 18

*8 мая, 12 часов 09 минут по восточноевропейскому летнему времени
Таллинн, Эстония*

– Мы словно в сказку попали! – воскликнул Монк.

Кэт разделяла чувства мужа. Таллинн был одной из старых европейских столиц, его основали в тринадцатом веке. Несмотря на бурную историю – город видел, как страну завоевывают многочисленные соседи, – почти все средневековое наследие чудесным образом сохранилось.

Особенно здесь, в центре.

Монк вел машину, а Кэт смотрела на мощные улочки и хитросплетения переулков, обрамленные причудливыми пастельными домами с красными черепичными крышами – в основном средневековой постройки. Над городом высился шпиль церкви Святого Олафа – в течение большей части XVI века она оставалась самым высоким зданием в мире.

И в то же время по другую сторону «БМВ» из окон открывался совсем другой вид: сверкал современный мегаполис из стеклянных небоскребов и угловатых зданий. В третьем тысячелетии появился новый Таллинн. Там, где когда-то был лишь порт на берегу Балтийского моря, с бумажными и спичечными фабриками, теперь раскинулась Кремниевая долина Европы. В Таллинне было больше технологических стартапов на душу населения, чем где-либо еще. Даже «Скайп» был создан именно здесь.

Тем не менее, люди гордились своей историей и воздавали ей должное. Сейчас, когда отмечали дни Старого города, на средневековых улочках толпились мужчины и женщины в старинных костюмах. Некоторые вышагивали над толпой на ходулях. Повсюду стояли торгующие лакомствами и поделками ларьки.

Идущий рядом с медленно движущимся автомобилем мальчик постучал в окошко и показал корзину шоколадных батончиков и сладостей «Калев», изготовленных в Эстонии. Мальчик был одет в брюки, которые, как и свободную льняную рубашку, покрывала яркая вышивка.

– Надо девочкам взять конфет, – сказал Монк.

– Хочешь, чтобы они ели еще больше сладкого? – Кэт подняла бровь.

Она подозревала, что он сам не прочь полакомиться.

– Вообще-то я тоже не отказался бы от шоколада, – сказал доктор Беннет с заднего сиденья.

– И я, – улыбнулась Елена.

Кэт кивнула, покоряясь большинству, и опустила окно. Запахи сладкой выпечки и жареного мяса пробудили аппетит. Кэт купила несколько шоколадных батончиков и пакет карамели, который придержала для себя – конечно, исключительно в исследовательских целях, чтобы оценить работу эстонской кондитерской промышленности.

Когда они выехали из Старого города, на дорогах стало свободнее. Несмотря на задержки, добраться из аэропорта до места назначения удалось меньше чем за полчаса.

– Впечатляет, – промолвила Элена, глядя на массивное здание Национальной библиотеки Эстонии.

Восьмиэтажная кирпичная постройка раскинулась на целый квартал. Фасад напоминал могилу сталинской эпохи, безликую сероватую известняковую плиту, украшенную единственным окном-розеткой, а над всем этим нависала треугольная пирамидальная крыша. Утилитарный дизайн объяснялся просто: строительство библиотеки началось, когда Эстония еще находилась под железной пятой Советского Союза, а завершилось после того, как страна объявила о своей независимости в 1988 году.

Впрочем, независимо от архитектуры, для их маленькой группы библиотека была прежде всего зданием, где они собирались воссоздать маршрут Арчибальда Маклиша.

Во время восьмичасового перелета Кэт читала дневник бывшего библиотекаря Конгресса. Маклиш прибыл в Таллинн в напряженное и горькое время, когда Советы заняли город, изгнав нацистов жестокими бомбардировками. Погибло множество гражданских лиц и детей. Маклиш записал слова, нацарапанные местными на руинах уничтоженного бомбой эстонского театра: «*Varemeist tõuseb kättemaks!*» («Мечь восстанет из руин!»). В то время Маклиш был поражен стойкостью эстонцев. И даже сейчас эти люди сохраняли яростный национализм; они более не позволят себе стать жертвами оккупации, особенно русской.

Именно здесь Маклиш закончил свое исследование происхождения артефакта, найденного Джеймсом Смитсоном. В тот самый день, когда на Хиросиму сбросили «Мальша», Маклиш отказался от поисков, потому что с японцами, казалось, было покончено.

И вот сейчас мы должны начинать снова.

Пока Монк парковал машину, Кэт смотрела на огромное здание, вдруг осознав, какая непосильная задача им предстоит. Как они могли выяснить, где Смитсон нашел кусок янтаря? Да еще менее чем за три дня?

Элена, вероятно, почувствовала ее отчаяние и попыталась успокоить.

– Это самая большая библиотека в Прибалтике. Для самых ценных книг есть еще два уровня подземных хранилищ. В общей сложности более пяти миллионов томов в тщательно кондиционируемых помещениях. Если Смитсон оставил какие-то подсказки, они будут найдены здесь.

Выйдя из машины, доктор Сэм Беннет вытянул шею, глядя на фасад, и потер щетину на подбородке.

– Где хоть нам начинать?

Энтомологу было за шестьдесят, однако благодаря волосам цвета сена, внимательным голубым глазам и румянному лицу он выглядел значительно моложе. Беннет держал семейное ранчо в Монтане и в своем облике сохранил несомненное сходство с ковбоем. В поездку ученый надел джинсы, сапоги и пиджак поверх клетчатой рубашки.

Кэт заметила, что Елена поглядывает на мужчину с интересом. Библиотекарь коснулась его локтя и указала на вход.

– Директор библиотеки, Грегор Тамм, должен нас ждать. Он проявил большую любезность: велел своим сотрудникам собрать любую информацию касательно Смитсона. В частности, все, что касается времени, проведенного им здесь. Надеюсь, у нас появится подсказка, где искать дальше.

– Неплохо, – улыбнулся Сэм. – Если хочешь ускорить ход событий, дерни за ниточки.

– Одна из немногих привилегий библиотекаря Конгресса, – пожалала плечами Елена, слегка покраснев.

Кэт подтолкнула всех к ступеням. Монк догнал жену и взял за руку.

– Любо-дорого смотреть... – прошептал он, кивая на парочку впереди.

– Тихо! – прошипела она, но не смогла сдержать улыбку.

Едва они вошли во внушительные двери, как навстречу поспешил элегантный немолодой мужчина в черном костюме. Казалось, его тонкие усы и темные волосы приглажены гелем. Он легко мог бы сойти за уважаемого дворецкого в каком-нибудь аристократическом доме.

– *Тере тулеммаст*, доктор Дельгадо, добро пожаловать, – сказал он, протягивая руку Элене. – Я директор Тамм, мы разговаривали по телефону.

Пожимая ему руку, Елена выпрямилась еще сильнее.

– Да, благодарю вас. Простите, что позвонила посреди ночи, да еще и взвалила на ваших сотрудников такую работу.

– Всё в порядке, не беспокойтесь. Мы с радостью выполнили вашу просьбу. Прошу следовать за мной. Мы зарезервировали для вас отдельный читальный зал.

После того как все коротко представились, директор двинулся мимо

выставки редких книг к лифту. Когда кабина поднялась на седьмой этаж, Тамм провел посетителей через длинный зал, уставленный книжными полками. Внутренние пространства – с глубокими галереями, высокими арками и кирпичными сводами – напоминали средневековый замок. Пьедесталы и ниши были украшены статуями мифических зверей.

Кэт обратила внимание на статую человека с крысиным телом, но, прежде чем успела задать вопрос, директор Тамм оглянулся.

– Насколько я понимаю, сотрудники Смитсоновского института хотят узнать больше о своем благодетеле к предстоящему дню рождения музея?

– Именно так, – быстро сказала Елена. Она явно не хотела лгать коллеге.

– Смитсон был страстным коллекционером, – помогла ей Кэт. – Он объездил всю Европу, собирая необычные образцы минералов. К сожалению, в девятнадцатом веке его коллекция при пожаре погибла. Мы надеемся воссоздать ее для юбилейной выставки.

По крайней мере, такова была их легенда.

– Очень масштабный проект, – признал Тамм. – И потрясающий способ почтить заслуги. Насколько я понял, слава Смитсона как химика и минералога несколько забылась, померкнув в свете его жертвования.

– Именно это мы пытаемся исправить, – сказала Елена, словно сама начала верить в этот рассказ. – Открыть миру не только благодетеля, но и большого ученого.

Тамм кивнул и провел их в арочный дверной проем, напоминающий ворота старого эстонского замка.

– В этом читальном зале обычно работают ученые из наших таллиннских университетов. Я буду рад показать вам, что мы нашли. Или, раз уж я взял на себя смелость курировать работу по сбору информации, я мог бы посодействовать вам.

– Мы были бы очень благодарны вам за помощь, – сказала Кэт.

– Сочту за честь.

Тамм поманил гостей в помещение, похожее на средневековую залу. В углу даже стояли потемневшие от времени латы, охранявшие высокие книжные полки вдоль всех четырех стен. Единственный деревянный стол разделял комнату на две части. Перед каждым сиденьем на столе стояла лампа и наклонная подставка для книг.

Кэт ожидала увидеть сгорбленного монаха, кропотливо работающего над рукописью. Вместо этого у компьютера возле единственного окна стояла молодая женщина с заплетенными в хвост белокурыми волосами.

– Это Лара, – представил ее Тамм. – Одна из наших новых

сотрудниц. – Он улыбнулся ей. – И моя дочь.

– Пошла по стопам отца, – усмехнулся Монк.

– Чему я очень рад.

Кэт заметила, что Тамм сияет от гордости, а дочь слегка смутилась. Похоже, Лара не в восторге от похвалы. А может быть, это обычное смущение, которое молодая девушка чувствует рядом со своим ослепленным любовью отцом. Кэт невольно подумала, что скоро ее собственные дочери могут стать такими же раздражительными.

Монка же беспокоило другое, и когда они вошли внутрь, он прошептал Кэт:

– Будем надеяться, что девочки не пойдут по нашим стопам. Пора потихоньку направлять их к более безопасной карьере. К примеру, пусть бы набивали подушки...

– Ты ведь знаешь их темперамент; в конечном итоге они просто задушат друг друга.

– Что ж, ты права, – серьезно сказал Коккалис. – Тогда, может быть, бухгалтерский учет...

Так и не определившись с будущим дочерей, Кэт и Монк вслед за Таммом подошли к столу. По всей его длине были аккуратно разложены сотни книг, периодических изданий и газет.

У Кэт упало сердце при виде этого объема.

– Как видите, мы с дочерью проделали немалую работу. Возможно, более конкретно понимая направление ваших поисков, я мог бы что-то вам подсказать.

– Очень важно отследить перемещения Джеймса Смитсона по Европе, – объяснила Кэт, – и выяснить, где и как он пополнял свою коллекцию. Мы надеялись узнать, почему он приехал в Таллинн.

– Вот как... – Тамм жестом подозвал дочь. – Значит, вы приехали сюда, чтобы больше узнать о *меревайгуколлане*, или о янтаре.

Кэт была рада, что директор стоял к ней спиной и не увидел ее ошеломленного выражения лица.

– Видите ли, – продолжал Тамм, ничего не заметив, и обернулся, – я точно знаю, зачем Джеймс Смитсон приезжал в Таллинн. Ради некой тайны, связанной с янтарем.

13 часов 03 минуты

Откуда он мог это узнать?

Озадаченная и потрясенная, Елена отступила на шаг и столкнулась с

доктором Беннетом. Сэм поймал ее за локоть и удержал.

– Что вы имеете в виду?

Тамм поднял со стола желтоватый томик веленовой бумаги.

– Это одна из научных работ мистера Смитсона. Тема весьма загадочна, однако явно относится к истории нашего региона.

Элена осторожно взяла манускрипт и прочла вслух написанное от руки название:

– «Описание опытов с духом янтаря». – Она знала, что Джеймс Смитсон проводил и описывал многочисленные химические эксперименты, но это было выше ее понимания. – Чего он пытался добиться?

– Я взял на себя смелость исследовать эту тему, – смущенно начал Тамм. – Дух янтаря также был известен в то время как «янтарная кислота». Даже сам мистер Смитсон, – продолжал директор, указывая на пожелтевший томик, – называет это вещество в своих заметках именно так. Он объясняет, что создал собственную технологию, нагревая необработанный янтарь, а затем подвергая его перегонке и превращая в белый порошок. Это и есть янтарная кислота.

Монк прокашлялся, и Элена обернулась, зная, что он получил хорошее медицинское образование во время работы на «Сигму».

– Что-то важное? – спросила Кэт мужа.

Коккалис протянул руку, и Элена отдала трактат ему.

– Определенно, стоило бы прочитать. Но мне и так кое-что известно о янтарной кислоте. Она производится митохондриями в наших клетках как часть энергогенерирующей системы организма. Это то, что сохраняет нам жизнь.

– А зачем Смитсон экспериментировал с «духом янтаря»? – спросила Элена.

Кэт обеспокоенно повернулась к директору Тамму.

– Он проводил эти эксперименты здесь, в Таллинне?

– Да. Боюсь, прочитав его заметки, вы увидите, что ничего особенного Смитсон не обнаружил. Возможно, именно поэтому он оставил рукопись здесь и не стал ее публиковать.

Элена знала, что именно эту тайну Смитсон унес с собой в могилу. Тем не менее, она задавалась вопросом, не оставил ли ученый подсказку в своих записях, которые были уничтожены при пожаре во время Гражданской войны.

Если да, то не мог ли он оставить ключи и в другом месте?

Прежде чем она успела это обдумать, Монк повернулся к жене.

– Кэт, мне кажется, у тебя есть соображения.

Она тихо заговорила, отвернувшись от Тамма и его дочери:

– Судя по записи Маклиша, Смитсон рассказал геологу свою историю о постигшей шахтеров катастрофе здесь, в Таллинне. Вероятно, он завладел артефактом еще до приезда в город.

– Звучит логично, – кивнул Монк. – Но зачем он проводил эти эксперименты?

– Пытался понять, как нечто, пойманное в янтарную ловушку, может вернуться к жизни?.. Нетрудно предположить, что он верил в какие-то не известные ранее свойства самого янтаря – например, в способность поддерживать жизнь.

– И, конечно, потерпел неудачу, – вмешался Сэм. – Физические свойства янтаря не имеют никакого отношения к поддержанию криптобиозных кист. Это чудо встроено в гены.

– Тем не менее он не мог этого знать, – довольно резко сказала Елена, чувствуя желание защитить Смитсона. – И, несмотря на неудачу, был достаточно мудрым, чтобы признать опасность артефакта. Поэтому не завещал его Соединенным Штатам. В то же время находка была слишком удивительна, чтобы ее уничтожить.

– Он действовал как настоящий ученый, – кивнула Кэт. – Осмотрительно сохранял знания для будущих поколений.

– И эту же цель – только в больших масштабах – он ставил перед собой, финансируя создание Смитсоновского института, – кивнула Елена.

– Только почему в Америке? – нахмурился Сэм. – Никогда не мог понять...

– Остается лишь сделать предположение, – пожала плечами Елена. – Смитсон родился в аристократической семье, однако у родителей начались финансовые проблемы, поэтому сверстники так и не приняли его по-настоящему. Думаю, он столкнулся с жесткой кастовой системой Европы и понял, что истинные надежды на грядущую эпоху просвещения связаны с Новым Светом, где ограничения статуса и класса не душат развитие идей.

Елена сама воспользовалась дарами свободного общества: она родилась в семье рабочих-иммигрантов и стала библиотекарем Конгресса.

Мог ли Смитсон вообразить себе такой мир?

Монк вернул разговор к делу:

– Все это замечательно, но если Смитсон уже нашел артефакт до приезда в этот город, то где он его взял?

Тамм с дочкой явно пытались не вмешиваться в обсуждение; тем не менее, услышав вопрос Монка, директор снова подошел к ним. Очевидно, он начинал понимать, что истинная цель гостей отличается от заявленной.

– Простите, если отвлекаю, – осторожно начал он. – Но, как я уже говорил, мне известно, почему мистер Смитсон приехал в Таллинн. Возможно, эта информация поможет вам в поисках.

Элена взглянула на Кэт. Кажется, директор хотел оказать услугу библиотекарю Конгресса США.

Кэт кивнула Элене, явно желая, чтобы та воспользовалась своим авторитетом.

– Директор Тамм, буду с вами откровенна, – начала Элена. – Мы пытаемся установить происхождение некоей находки Смитсона. Речь идет о большом куске янтаря, весом примерно в семнадцать фунтов.

Она развела руки, показывая размер.

Тамм широко раскрыл глаза.

– Такой огромный?.. Неудивительно, что вы намерены включить такой экспонат в юбилейную выставку.

– В идеале, – добавила Кэт, – мы хотели бы получить янтарь из того же места, где Смитсон обнаружил свой... Для подлинности.

– Конечно. Балтийский янтарь – самый лучший, – с гордостью заявил Тамм. – В доисторические времена эти земли, и даже соседнее море, были покрыты обширными сосновыми лесами. Именно из смолы этих гигантских деревьев образовались богатые янтарные отложения. С тех пор куски янтаря постоянно вымывает с морского дна и выбрасывает на берег. Но самые старые и богатые жилы находятся глубоко под землей. Некоторые из них – шириной в несколько метров. Только представьте!

Элена поймала себя на том, что смотрит под ноги, словно ожидая увидеть там широкие золотистые реки.

– Итак, понятно, – продолжал Тамм, – почему мистер Смитсон прибыл сюда в поисках идеального янтаря. Он считался драгоценным камнем, наделенным к тому же магическими свойствами.

– Магическими? – нахмурилась Элена.

– Янтарь ценили за целебные свойства. А еще он защищал от сил зла и не подпускал к людям зверей и чудовищ.

Элена и Кэт переглянулись. Смитсон ставил эксперименты, чтобы проверить эти невероятные рассказы. Значит, он не просто искал средство, поддерживающее жизнь, но и пытался выяснить, способен ли янтарь стать защитой от зла.

Или искал спасение от того, что скрыто внутри?

– Хотя мне неизвестно, где именно мистер Смитсон нашел такую глыбу, – вновь заговорил Тамм, – я знаю, каким путем он шел. Позвольте вам показать.

13 часов 27 минут

Кэт вслед за директором подошла к компьютеру Лары.

Будем надеяться, мы узнаем что-нибудь новое.

– Вы слышали про Великий шелковый путь?

– Про древнюю дорогу между Европой и Китаем? – нахмурилась Кэт, не понимая, к чему клонит директор. – По ней перевозили товары...

– Именно. Но существует и другой торговый путь, намного более древний. Ему пять тысяч лет.

Тамм обернулся к дочери и быстро о чем-то заговорил по-эстонски. Лара кивнула, ее пальцы забегали по клавиатуре. На мониторе появилась карта восточной части Европы.

Все подошли ближе.

– Вот это – Великий янтарный путь, – сказал Тамм, указывая на идущую сверху вниз пунктирную линию. – Так драгоценный янтарь перевозили отсюда в Венецию. Оттуда корабли переправляли сокровище через Средиземное море. – Он посмотрел на собравшихся. – А знаете ли вы, что нагрудное украшение Тутанхамона декорировано балтийским янтарем? – Директор сиял от гордости. – Даже древние греки ценили балтийский янтарь, особенно за его мистические свойства. Примерно две

тысячи пятьсот лет назад Фалес Милетский потерял тканью кусок янтаря – и засверкали искорки. Он назвал эту новую неизведанную силу электричеством, от греческого слова «электрон», которое, в свою очередь, обозначало у них «янтарь».

– Очень интересно, – сказал Монк. – Но какое отношение все это имеет к Джеймсу Смитсону?

– Непосредственное, – Тамм сверкнул глазами, кивая на карту. – Мистер Смитсон начал свое путешествие в Венеции и отправился на север по Янтарному пути. Он намеревался пройти весь путь до Санкт-Петербурга, однако прервал его здесь, в Таллинне. Хотя я не могу сказать, почему он остановился.

Кэт догадывалась. Эксперименты не показали ожидаемого результата, и он отказался от исследования.

Тамм постучал по Таллинну на карте и провел пальцем вниз.

– Мистер Смитсон мог найти свой янтарь в любом из этих мест.

Элена взглянула на Кэт. *Скорее всего, он прав.*

Она вглядывалась в карту, изучая весь Янтарный путь.

Как же мы найдем месторождение менее чем за три дня?

Подсказка пришла от Лары:

– Мой отец не совсем прав. – Она посмотрела на директора, словно извиняясь. – Мистер Смитсон двигался из Венеции на север. Достигнув Балтийского моря, он сел на парусник и вдоль берега отправился в Таллинн.

– Откуда ты знаешь? – удивленно спросил Тамм.

Девушка снова коснулась клавиатуры.

– Утром я взяла на себя смелость просмотреть оцифрованные бортовые журналы за период, когда мистер Смитсон был в нашем городе. И нашла его имя в списке пассажиров торгового судна, прибывшего из Гданьска.

Кэт придвинулась к монитору и проследила путь до польского города на берегу Балтийского моря.

Монк склонился рядом.

– Если он действительно прибыл оттуда, зона наших поисков значительно сужается.

– Остается лишь половина Янтарного пути, – тяжело вздохнула Кэт. – Все равно очень большая территория.

Монк легонько подтолкнул ее плечом.

– Нам немало удавалось и при худших раскладах.

Что ж, это правда.

Кэт выпрямилась и обернулась к Ларе.

– А вы смогли узнать что-нибудь еще о путешествиях Смитсона?

– Боюсь, что нет. – Лара скрестила руки на груди. – Но Гданьск веками был центром мировой торговли янтарем. Несколько лет назад там основали большой музей янтаря. Они хранят архивные материалы с момента основания первой гильдии янтарных мастеров в тысяча четыреста семьдесят седьмом году. Может встретиться и упоминание о мистере Смитсоне.

– Почти безнадежно, – произнес Монк.

Кэт пожала плечами.

– Как ты говорил, нам немало удавалось и при худших раскладах.

14 часов 01 минута

Пока все готовились к отъезду, Елена расхаживала вдоль стола и смотрела на кипы документов, отражавших жизненный путь основателя Смитсоновского института. Ей казалось, что здесь лежат не бумаги, а его тело.

Неужели это все, что от нас остается?

Смитсон не женился, не завел детей. И хотя его имя запечатлели в камне, почти никто не знал его как личность. Елена взяла со стола пожелтевшую рукопись, пытаясь понять этого человека, пытавшегося при помощи науки сделать мир лучше.

И положила рукопись на стол.

Ты заслуживал большего.

– Всё в порядке? – спросил Сэм, подойдя к ней.

Она повернулась. Энтомолог был на голову выше и стоял чуть ближе, чем следовало бы.

– Просто устала. И в то же время немного взвинчена.

– Сам чувствую то же самое. – Беннет бросил взгляд на товарищей по команде. – А вот наши друзья не позволяют себе зарости мхом.

Она улыбнулась.

В сторонке Монк наконец закончил разговор с пилотом своего самолета и обратился к жене:

– Если поторопимся, то через час сможем вылететь.

– Тогда в путь, – кивнула Кэт. – Надеюсь, городской фестиваль нас не задержит.

– Я покажу вам, как проехать в аэропорт, минуя главные заторы, – предложил директор, заметив ее беспокойство. Он энергично двинулся к массивной двери. – В вестибюле есть карта.

Монк с Кэт пошли за ним, Сэм и Элена двинулись следом.

– Понимаете, что я имею в виду? – спросил у нее энтомолог, приподняв бровь.

Тамм распахнул дверь.

– Праздничный парад запланирован на...

Резкий хлопок оборвал его слова.

Шею Тамма разорвало сбоку. На Кэт хлынула кровь.

Время остановилось.

Лара закричала, но словно бы издалека, – Элена едва ее слышала.

Кэт припала к полу и оттащила тело директора, а Монк налег на окованные железом доски и захлопнул дверь. На нее сразу посыпались удары.

Сэм схватил Элену за талию и не отпускал.

Держа дверь, Монк крикнул:

– Лара, отсюда есть другой выход?

Дочь директора стояла неестественно прямо, будто окаменев.

Кэт голыми руками сжимала края раны Тамма, пытаясь остановить кровь.

– Лара!

Девушка широко раскрытыми глазами смотрела на растекающуюся лужу крови.

Ответ прозвучал, словно тихий стон:

– Нет...

Глава 19

*8 мая, 12 часов 02 минуты по самоанскому времени
Северо-Западные Гавайские острова*

Тусклый серпик месяца низко висел над полуночными водами. Грей, в одиночестве стоявший в рулевой рубке темного катамарана, посмотрел на свои стальные часы для дайвинга, «Ролекс Субмаринер».

Еще немного.

Команде понадобилось почти семь часов, чтобы добраться до пункта назначения. Прибыли за несколько минут до полуночи. Из Мауи вызвали корпоративный «Хонда Джет», принадлежащий компании «Танака», и пролетели над архипелагом Северо-Западных Гавайских островов к Мидуэю. Там они встретились с кузенами Палу, у которых был рыболовецкий катамаран, «Калькутта 390», оснащенный парой дизельных двигателей «550 Камминс», и со скоростью в сорок узлов помчались на юго-восток.

Грей поднес к глазам бинокль. С расстояния двух миль остров Икикауо выглядел как лесистая возвышенность, вздымающаяся из воды. Несколько огней мигали на западной оконечности: там располагались выведенные из эксплуатации здания пограничной службы США. Они стояли вдоль маленькой взлетно-посадочной полосы, усыпанной осколками кораллов. Приближаясь к острову, команда увидела, как зашел на посадку самолетик.

Кто-то явно дома.

Держались на почтительном расстоянии от острова, люди Грея делали вид, что ловят рыбу. Палу и двое его кузенов (точные копии великана, разве что ниже и грузнее) закрепили на бортах удилица, чтобы создать иллюзию невинной ночной рыбалки. План заключался в том, чтобы в темноте опуститься за борт в аквалангах и добраться до берега. Предстояло найти доказательства того, что этот остров был перевалочным пунктом при подготовке нападения. И выяснить, кто за этим стоит.

Тяжелая задача... Особенно на вражеской территории.

Грей опустил бинокль и повернулся к спутниковой карте острова, прикрепленной возле руля. Остров на тысячу акров действительно был атоллом, почти круглым, окаймленным рифами. Самой необычной его деталью было продолговатое озеро в окружении пологих холмов, поросших густым тропическим лесом. Судя по записям береговой охраны, глубина озера местами достигала тридцати метров. Оно было очень соленым, а

значит, возможно, сообщалось с океаном.

Грей оглянулся на шлепанье босых ног.

В крошечную рулевую рубку протиснулся Палу. Великан-гаваец, должно быть, заметил, куда смотрит Грей.

– Поэтому мы и называем этот остров Икикауо, «маленькое яйцо». – Он ткнул пальцем в озеро. – Вот желток.

– Понял.

– А еще потому, что здесь кипит жизнь. Вьюрки, утки, крачки, альбатросы... А в воде что творится! Ведро за борт брось – и вытащишь его полным рыбы. – Он широко улыбнулся. – Ладно, пусть я преувеличиваю, но рыбы тут полно.

Гаваец задумчиво смотрел в воду.

– В наших мифах рассказывается, что эти острова защищает Кане Милохай, брат нашей богини Пеле. – Он взглянул на Грея. – Но и богам иногда нужно подсобить.

– Мы сделаем все возможное, – пообещал Пирс.

– Знаю-знаю. – Палу снова взглянул на карту. – Впрочем, здешние места и без того под угрозой. Все эти острова... – он широким жестом обвел Икикауо и махнул рукой на юго-запад, – на краю Тихоокеанского мусорного пятна.

Грей читал о гигантском скоплении мусора, который сгоняют сюда течения. Пятно занимало площадь величиной с два Техаса. Оно состояло из миллионов мусорных островков, возвышающихся над мешаниной кусков резины, разлагающегося пластика, старых рыболовных сетей и других отходов.

– Нашу землю медленно отравляют, – Палу покачал головой. – На пляжи выносит все больше и больше мусора. Птицы улетают, морские черепахи гибнут. И всем плевать. – Он пожал плечами. – Хорошо, что есть Папаханаумокуакеа, хотя, конечно, его недостаточно.

Грей узнал название охраняемой заповедной территории, занимающей часть Северо-Западных Гавайских островов.

– К сожалению, этот островок, – кивнул Палу на карту, – и многие другие не входят в заповедную зону.

– Наверное, поэтому корпорация его и арендовала. Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных сюда не доберется, поэтому у корпорации развязаны руки: можно творить что угодно.

– Даже если и так, для моего народа этот остров все равно важен. – Палу ткнул большим пальцем в своих двоюродных братьев. – Макайо и Туа говорят, что на восточной стороне острова есть старые, наполовину

скрытые под землей пещеры с наскальными рисунками и даже развалины хейау.

Грей был тронут упоминанием о древнем гавайском храме, но у Палу на уме было другое. Он указал на восточный берег атолла.

– Может, этим сукиным детям плевать на рыбу и природу, но им должно было хватить ума не лезть на ту сторону. – Он многозначительно посмотрел на Грея. – Значит, там чисто.

Вот оно что...

Теперь Грей понял.

– Так ты говоришь, выйти на берег нужно там?

– Мы застанем их врасплох и схватим за задницу! – широко улыбнулся Палу, хлопнув Пирса пониже спины.

Тот потер ушиб и посмотрел на месяц.

Почти скрылся.

Пора.

– Идем будить остальных, – сказал Грей, двинувшись в каюту.

12 часов 12 минут

Лежа на узенькой койке, Сейхан делала вид, что спит.

А вот Ковальски в дальнем углу каюты храпел так, словно его душат. Из-за этого она едва слышала, как за столиком крохотной кухоньки шепчутся Кен и Айко.

Но Сейхан не подслушивала. Она приложила ладонь к своему плоскому животу, пытаясь понять, что происходит внутри.

Перед закрытыми глазами стояли крошечные личинки. Вот они прогрызают ее, словно черви яблоко...

Пока что ни малейшей боли она не чувствовала. По словам профессора, это скоро изменится.

Впрочем, ее ладонь искала внутри признаки другой жизни.

Сколько ты уже успел прожить?

По пути сюда Грей попытался расспросить Сейхан о беременности, но она отвечала резко.

Шесть недель...

Судя по тому, что она прочитала, ребенок был размером с гранатовое зернышко. Уже должно биться сердечко – слишком тихо, чтобы уловить стетоскопом, однако ультразвук показал бы его трепет. Возможно, прямо сейчас мозг делится на полушария и начинает испускать электрические импульсы...

«Почему ты не сказала мне?» Сейхан видела, с какой болью Грей

спросил об этом, но лишь покачала головой. Она сама не знала. Или боялась правды.

Тогда Грей попытался задать другой вопрос: «Хочешь ли ты сохранить?..»

Она полоснула его взглядом: «Сейчас не имеет значения, чего я хочу».

Сейчас в ней крепла убежденность. Лежащие на животе пальцы сжались в кулак.

Надежда не могла спасти ее ребенка. Лучше было идти знакомым путем.

Мстить.

Если существовала хоть малейшая возможность исцелиться – и спасти ребенка, – Сейхан не собиралась останавливаться, пока не найдет это средство. И пока виновники не будут взяты в плен или убиты.

Лучше второе.

От этой мысли пальцы расслабились. Она погладила живот, словно успокаивая того, кто вряд ли мог там уснуть.

Мой ребенок...

Открылась дверь. Сейхан не глядя поняла, кто вошел. Она узнала его по дыханию, по запаху. Ладонь замерла внизу живота. Сейхан на единственный миг позволила себе надеяться.

Наш ребенок...

12 часов 32 минуты

Грей прыгнул спиной вперед с правого борта. Он ушел под воду последним, подождал, пока акваланг утащит его поглубже на дно. Чтобы замаскировать спуск, они погружались с борта, противоположного острову.

Датчик на запястье показал двадцать футов. Грей сбалансировал компенсатор плавучести и опустил поверх маски систему подводного ночного видения DVS-110. Пейнтер позаботился о том, чтобы на Мауи доставили необходимое для миссии оборудование. Подводное снаряжение было отправлено со станции морской пограничной службы в Вайлуку; их обеспечили всем, включая оружие.

Пятеро спутников, зависших во тьме, казались тусклыми силуэтами. Грей посигналил им карманным ультрафиолетовым фонариком, указывая на запад, по направлению к острову.

Все подняли большие пальцы.

Он предпочел бы плыть в полной темноте, но с ним были гражданские, поэтому Грей счел луч ультрафиолетового света приемлемым риском. Он бросил взгляд направо и налево, убедившись, что Кен и Айко не

паникуют. Для этой миссии могли потребоваться энтомологические знания профессора, а агент японской спецслужбы отказалась остаться на борту лодки, настаивая, что ей лично необходимо собирать доказательства.

Грей неохотно согласился – сейчас не правила определяли исход. Оставалось надеяться, что они с Сейхан и Ковальски сумеют в случае чего защитить этих двоих. Палу – единственный из всех, кто когда-либо ступал на Икикауо, – предстояло быть проводником.

К жилету был прикреплен «Скуба Джет» – похожий на торпеду аппарат, способный придать дайверу хорошую скорость. Грей запустил двигатель и скользнул вперед – поначалу медленно, пока остальные не скоординировались и не превратились в подводную эскадру; потом он увеличил обороты двигателя и пошел со скоростью скромных шесть миль в час. Таким образом две мили, отделяющие их от берега, они преодолели за двадцать минут.

Тем временем двоюродные братья Палу на катамаране медленно отплыли, чтобы снять любые подозрения.

Рифы в свете ультрафиолетового луча вспыхивали электрическим калейдоскопом флуоресцентных красок. Казалось, все под водой вдруг начало светиться. Окаменевшие кораллы сияли разными оттенками алого. Анемоны сияли желтым и лаймово-зеленым. Малиновые ручейки струились по черным спинам морских ежей, омар пятился, сияя, словно лампа, а впереди, на грани света и тьмы, скользила манта, оставляя за собой мерцающий след.

Не обращая внимания на все эти чудеса, Грей двигался вперед.

Иногда появлялись другие, посторонние объекты: якорь корабля, наполовину поглощенный кораллами, новый риф, выросший из остатков самолета Второй мировой войны, и даже торчащее из песка дуло орудия. Призраки давно отгремевших сражений.

Вскоре дно начало подниматься, и стало возможно идти.

Они достигли отмелей вокруг острова.

Грей выключил фонарик и «Скуба Джет», и мир вокруг потемнел, растворившись в монохромной палитре серого. Ориентируясь по компасу и GPS, чтобы в конце пути выйти на правильные координаты, Пирс жестом велел остальным остаться под водой, а сам поднялся и перемахнул через хрупкую стену скалы над тонкой полосой пляжа. Вблизи темнела густая тень – пещера, о которой говорил Палу; здесь далекие предки гавайца укрывались от непогоды во время охоты и рыбалки. Убедившись, что все спокойно, Грей поманил за собой остальных. Оборудование внесли под низкий свод пещеры, акваланги и жилеты сбросили. Гидрокостюмы не

снимали: черный цвет делал их менее заметными.

– Потрясающе... – задыхаясь вымолвил Кен, все еще глядя на воду.

– Теперь самое трудное, – предупредил Грей, собрав команду вокруг себя. – Старая станция береговой охраны в миле отсюда на запад. Логично предположить, что они наблюдают за прилегающей территорией. Лучше всего пронести снаряжение по тем холмам, чтобы выйти на восточный берег внутреннего озера.

– Мы называем его Мейк Луавай, – прошептал Палу, обращаясь к группе. – «Колодец смерти».

– Не сильно приятно, – пробормотал Ковальски.

– Это просто означает, что вода очень соленая, пить нельзя, – Палу пожал плечами.

Гаваец стоял в задней части пещеры. С разрешения Грея он щелкнул зажигалкой, защищая крошечный огонек ладонью. Мягкое свечение озарило россыпь наскальных рисунков. В камне были вырезаны схематичные фигурки с большими треугольными туловищами. Некоторые сидели в грубо начерченных каноэ, другие бежали с копьями в руке. Между фигурками были разбросаны какие-то концентрические круги, а также рыбы и морские черепахи.

Палу грустно сгорбился.

Ковальски, стоявший рядом с великаном, вдруг ткнул пальцем в одну из фигурок и воскликнул:

– Смотри, кит!

– Кохола, братишка, – с улыбкой поправил Палу, стряхнув с себя меланхолию. – Так мы их называем. Ты поуважительнее. Это аюмакуа моей семьи. – Он ударил ладонью по выпяченной груди. – Поэтому все наши кейкиканеаре вырастают такими большими.

Ковальски выпрямился и стукнулся макушкой о потолок.

– Пожалуй, и мне надо сделать колу своим богом, – промолвил он, потирая голову.

– Кохола, – повторил Палу.

– Ага. Кохла.

– Ну, почти, братишка.

Грей закончил объяснять план:

– Как только доберемся до озера, снова уйдем под воду. Но плыть будем в темноте.

Он посмотрел на Кена и Айко. Оба кивнули, хотя Мацуи выглядел испуганным.

Что ж, я его понимаю.

– Надеюсь, мы подберемся достаточно близко, чтобы узнать, что здесь происходит.

Стоящая рядом Сейхан выпрямилась во весь рост и вдруг вцепилась в левый бок.

Он схватил ее за локоть.

– Что с тобой?

– Просто судорога, – сказала она, вырывая руку.

Грей обеспокоенно посмотрел на Кена. Теперь тот выглядел еще более напуганным.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ

Личинка кремового цвета неспешно вгрызалась в мышцы. Десять снабженных шипами сегментов позволяли протискиваться сквозь сухожилия и жир; личинка объедалась кровью и тканями. Острые части ротовой полости благодаря мускульным сокращениям глотки выдвигались вперед, откусывали куски и проталкивали их в среднюю кишку. Всего через несколько часов после появления из яйца – которое содержало нескольких личинок – она выросла в десять раз и достигла полумиллиметра в длину. Бушевавшие в теле гормоны формировали новый слой кожи под старым, давая возможность вырасти еще в десять раз.

Однако требовалось больше ресурсов: сахар, для энергии грызть, белок, чтобы увеличивать тело, жир как запас на будущее.

Шипы ненасытной личинки вскрыли капилляр. Хлынула кровь. Дыхальца по бокам вытягивали кислород из гемоглобина, предоставляя новую энергию. Подзаправившись, личинка рванулась вперед, слепо, но не бессмысленно.

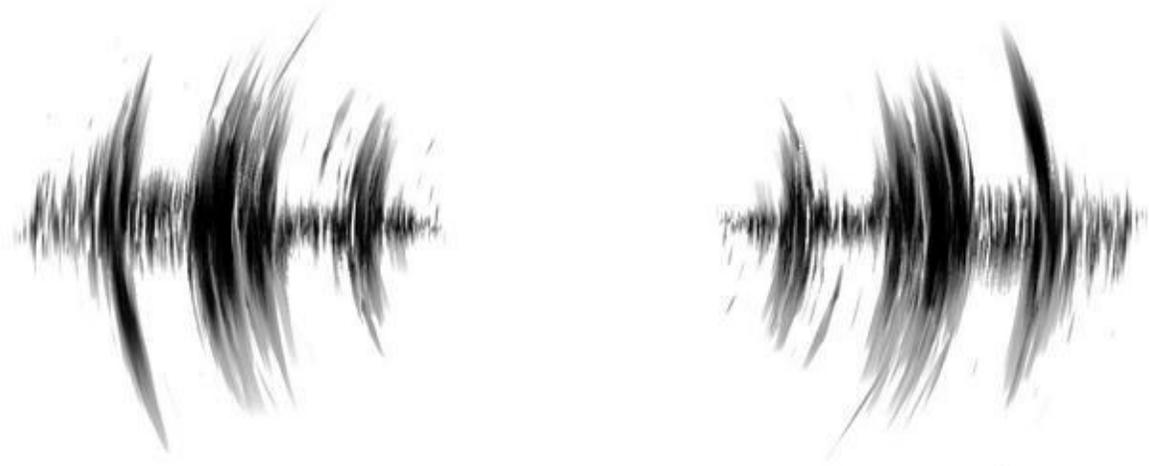
Она отмечала свой путь капельками, выделениями химических веществ. Некоторые из них обладали противомикробным действием, чтобы в разъедаемую плоть не попала инфекция.

Мясо должно оставаться живым.

А еще эти капельки, используя сеть сосудов, передавали в кровотоку хозяина информацию. Личинки общались между собой, чтобы согласовать время линьки и заявить о правах на территорию.

Но главное, это общение позволяло избегать запретных зон.

Нервы на коже, которую скоро предстояло сбросить, реагировали на звук – на сильные подергивания большой мышцы, поддерживавшей жизнь их хозяина. Этот настойчивый ритмичный звук отдавался во всех тканях.

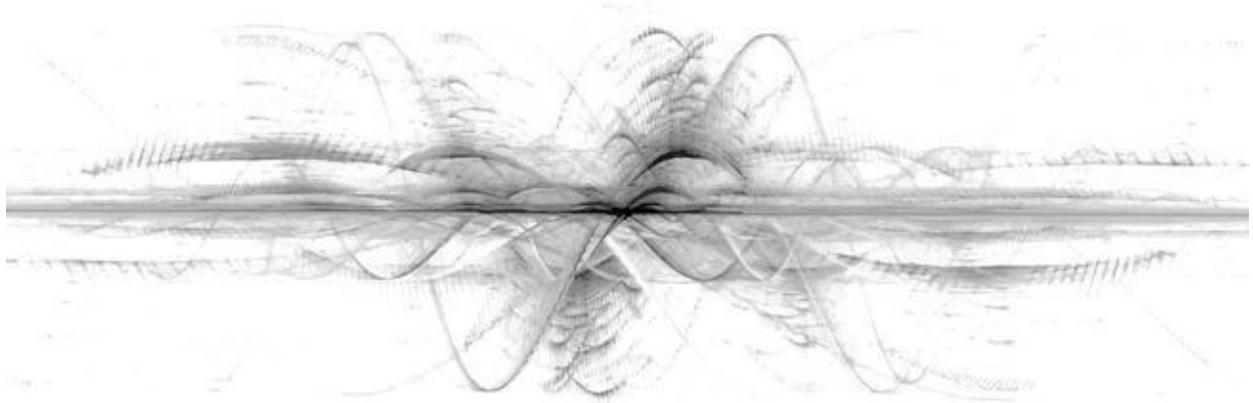

Четыре тысячи личинок, повинаясь древнему инстинкту, держались подальше от источника звука.

Мясо должно оставаться живым.

Личинка отреагировала на сигнал и сменила направление. Ввинчиваясь в плоть, она задела тонкий нерв. Мышцы на той стороне дернулись от электрического разряда. Извиваясь, личинка отползла, а ее тело тем временем реагировало на похожий стимул, только намного более мощный.

Электрический разряд прокатился по телу хозяина сверху вниз.

И снова личинка уклонилась от источника волны – по самой простой

причине:

мясо должно оставаться живым.

Когда все утихло, она продолжила путь, вгрызаясь еще глубже.

Затем поступило новое биохимическое предупреждение. Другие личинки обнаружили в хозяине еще один источник мышечного движения, отличающийся от источника громкого стука. Оттуда же расходились крошечные волны неврологической активности.

Личинка и ее сестры приняли информацию и покинули зону; они выполняли простые и древние инструкции, заложенные в генетической памяти.

Ешь и расти.

И еще:

Мясо должно оставаться живым.

Но второе – лишь до поры до времени.

Глава 20

*8 мая, 14 часов 08 минут по восточноевропейскому летнему времени
Таллинн, Эстония*

Кэт склонилась над телом директора Тамма. Горячая кровь текла между пальцами, хотя она делала все возможное, чтобы зажать рану на шее. Он потерял сознание, ударившись головой о каменный пол, но пока дышал.

Сколько он еще продержится?

Лара по-прежнему была в шоке.

Сэм стоял перед Эленой, защищая ее от ужасного зрелища, и пытался вызвать подмогу. В толстую дверь били пули, отлетая от железной обшивки. Выстрелов слышно не было: значит, оружие нападающих было снабжено глушителями.

– Связи нет, – сказал Сэм, поднимая телефон выше.

Кэт подумала, что дело в толстых каменных стенах.

Или кто-то блокирует сигнал.

Она посмотрела на дверь. В любом случае это не простые грабители.

Стрельба внезапно прекратилась, и стало еще больше не по себе. Кэт опасалась, что дверь выломают.

Лоб Монка прорезала глубокая морщина. Он по-прежнему налегал на дверь – поспешно задвинутая защелка напоминала скорее декоративный элемент общего средневекового стиля и вряд ли могла кого-то удержать.

Кэт подумала, нельзя ли зафиксировать дверь, придвинув тяжелый стол, и продержаться до прибытия помощи. Однако отбросила эту мысль – тем временем директор Тамм наверняка погибнет. А возможно, и не только он.

Должен быть другой способ.

И у Кэт, и у Монка под пиджаками было оружие – пистолеты «ЗИГ-Зауэр Р226», – но стрельба посреди библиотеки ничего хорошего не сулила.

Единственное окно в помещении выходило на парковку для сотрудников. Семь этажей до земли. Но стена была сложена из известняка, и между камнями оставались достаточно глубокие промежутки, чтобы крепко ухватиться пальцами. А двумя этажами ниже стену огибал тонкий декоративный карниз.

Кэт прикинула шансы.

Пожалуй, вместе с Монком мы...

Муж проследил за ее взглядом и на лету понял план.
– Чистой воды безумие, – сказал он, – но я потому на тебе и женился.

14 часов 10 минут

Элена с Ларой забились под стол. Сэм, сменив Кэт, склонился над телом Тамма и прижимал к ране носовой платок, уже полностью пропитавшийся кровью.

Времени в обрез.

Кэт приложила ухо к запертой двери.

– Там что-то затевают.

– Боюсь, сейчас пойдут... – предупредил Монк. Он возился в углу с древними доспехами.

Кэт быстро отступила вдоль стола в глубину комнаты. Коккалис наконец взвалил на плечо доспехи и метнулся к единственному окну. Там супруги остановились. Монк громко закричал.

Затем раздался звон и грохот.

Из-под стола Элена мало что видела, но могла представить, как латы разбивают стекло и, описав дугу, летят вниз на парковку. В комнату ворвалась веселая музыка фестивальных гуляний в Старом городе.

– Быстрее! – крикнула Кэт.

От двух почти одновременных взрывов Элену развернуло так, что между ножками стульев она видела дверь. Воздух заволокло дымом, по столешнице застучало, кусок скрученного металла со звоном запрыгал на каменном полу, словно пущенная над водой галька.

Как и предвидел Монк, сорванная с петель дверь рухнула в комнату. Послышался топот ног. Ворвались четверо мужчин.

Элена, по-прежнему лежа на животе, оглянулась на окно.

Рука Монка вцепилась в подоконник. Пальцы двигались, пытаясь нащупать точку опоры.

И это заметила не она одна.

Раздались крики – на японском и, может быть, на арабском. Двое людей в масках подбежали к подоконнику, обогнув стол с обеих сторон, и выглянули наружу.

Элена прикрыла голову, зная, что сейчас будет. Она представила себе их недоуменные лица – ведь в подоконник вцепилась рука, лишенная тела.

Хотя она успела подготовиться – Монк рассказывал о встроенном именно для таких случаев в протез запасе С4, – от взрыва перехватило дыхание. Тела мужчин швырнуло через всю комнату. Стол отбросило, стулья упали, книги и документы подкинуло в воздух.

Не дожидаясь, пока осядет пыль, Монк и Кэт, скорчившись на книжных шкафах, открыли огонь. Они планировали, что разбитое окно и взрыв отвлекут нападающих, – и расчет оправдался.

Попав под перекрестный огонь, двое оставшихся врагов мешками осели на усыпанный осколками пол.

Монк и Кэт спрыгнули вниз, одновременно коснувшись пола. Двигаясь слаженно, словно в танце, промчались сквозь хаос к двери, на миг замерли на пороге и синхронно выкатились в коридор, прикрывая подступы к комнате и друг друга.

Потом танец закончился, и Кэт снова появилась в поле зрения.

– Все чисто. Уходим.

Сэм передал свой платок дочери Тамма.

– Простите, – шепнул он.

Элена коснулась руки Лары.

– Мы немедленно вызовем сюда «Скорую».

Душа разрывалась от того, что девушка остается наедине с умирающим отцом.

Однако следовало уходить – только не через входную дверь.

Бейджик Лары давал доступ к грузовому лифту для книг в другом конце коридора. План заключался в том, чтобы спуститься на цокольный этаж и выйти со стороны парковки. Оставалось надеяться, что там нет засады.

Выбегая из уничтоженной комнаты, Элен обернулась. Скользнув по лужам крови и телам, взгляд остановился на россыпи тлеющих страниц, порхающих в воздухе.

Остатки местного наследия Смитсона.

Все погибло.

А затем Элена побежала за Кэт, которая вместе с мужем вела их вперед. Зажав в руке два распятия, висящие на цепочке, по одному на каждую из внучек, она молилась, чтобы следующие шаги по пути Смитсона были не такими кровавыми. Понимая, что надежды на это мало.

14 часов 44 минуты

При свете дня Кэт вела свою группу через толпы гуляющих в центре Старого города. Гремела музыка, кричали торговцы, зазывая посетителей в лавчонки, танцевали дети. Смех и гомон голосов буквально оглушали.

Кровь и хаос библиотеки казались не более чем ночным кошмаром. На фестивале никто ничего не заметил – вероятно, из-за того, что взрывы и стрельба разразились в глубине огромного здания. О случившемся

свидетельствовали только далекие сирены спецтранспорта, спешившего к Национальной библиотеке.

Добравшись до цокольного этажа, Кэт связалась со спасательными службами – телефоны снова работали. Она также сообщила нескольким сотрудникам о беде с директором и попросила помочь Ларе. В глазах сотрудников светилось подозрение: они явно не доверяли этим внезапно прибывшим чужакам, но оружие Кэт избавило ее от неудобных вопросов.

Едва оказавшись на улице, Брайант бросилась в толпу, понимая, что к припаркованной машине возвращаться нельзя – за ней могли следить. К тому же толчея на узких улочках могла помешать преследователям.

Задачей номер один было как можно дальше убраться от библиотеки. Затем – договориться, чтобы их забрал самолет.

Кэт взглянула на GPS-карту в телефоне, желая убедиться, что не заблудилась в лабиринте средневековых переулков, и указала на следующий поворот налево.

– Сюда!

Сэм и Элена, оба бледнее, чем обычно, в унисон кивнули.

Монк заметил их состояние и взглядом предупредил, что оба ученых на пределе.

Кэт кивнула.

Пора выбираться из толчеи, ловить такси и ехать в аэропорт.

Брайант разволновалась и отвлеклась, а тем временем вокруг толпы кружил какой-то мотоцикл. На первый взгляд ничего особенного – лишь велосипеды, «Веспы» и европейские двухместные автомобильчики могли пробраться по узким мощеным улочкам Старого города. И все же, когда мотоцикл приблизился, крошечные волоски на затылке у Кэт поднялись дыбом. Она издавна привыкла полагаться на этот сигнал. Сейчас тело почувствовало угрозу прежде, чем разум ее зарегистрировал и успел о ней сообщить.

На мотоцикле сидели двое, оба в шлемах, лица неразличимы. Но они приехали не на фестиваль. С первого взгляда было видно, что мужчины держатся по-военному.

К сожалению, она слишком пристально на них смотрела.

Идиотка!

Двигатель взревел, мотоцикл прыгнул вперед. Кэт потянулась к кобуре. Заметив ее жест, Монк отпрянул, схватившись за собственное оружие.

Они опоздали.

Мотоцикл был совсем рядом. Водитель ударил Монка, впечатав его в

стену. Кэт выхватила оружие, однако не успела им воспользоваться. Мотоцикл пронесся мимо, не сбавляя скорости, а пассажир, схватив Элену за талию, перекинул ее через колено и всадил в шею шприц.

Кэт прицелилась, но мотоцикл уже затерялся в толпе. Оставалось только бежать за ним по тротуару.

Мотоцикл лавировал между покупателей, уличных музыкантов и летних площадок. А еще хуже было то, что по одну сторону улочки расположились магазины и все их покрывали навесы от солнца. Сплошной темный туннель.

Кэт сразу же потеряла похитителей из виду.

Подбежал Монк.

– Подними меня, – велела она.

Он беспрекословно опустил на одно колено и подставил ей другое. Кэт впрыгнула на колено, и Монк рукой подтолкнул ее выше. Она упала животом на ближайший тент и, подтянувшись, вскочила на ноги, балансируя на туго натянутой ткани.

А потом бросилась бежать.

Она бежала по веренице тентов, перепрыгивая немногочисленные промежутки. Теперь Кэт двигалась над толпой, и ее не останавливало скопление людей внизу. Она молилась, чтобы толпа пешеходов достаточно задержала мотоцикл, и прислушивалась, пытаясь уловить шум двигателя.

А потом услышала. Буквально в двадцати ярдах.

И побежала быстрее.

К сожалению, впереди замаячил конец переулка. Две стороны улицы соединял крытый черепицей мостик. Когда-то здесь были ворота, ведущие сквозь средневековую стену. Как только похитители вырвутся из Старого города, они скроются навсегда.

Кэт рванулась вперед еще быстрее – и сразу увидела препятствие.

У подножия ворот раскинулась небольшая площадь. Ряд навесов заканчивался, не доходя до нее, а похитители вот-вот могли проскользнуть в ворота.

Мотоцикл вылетел на площадь, и пешеходы бросились врассыпную. Один из многочисленных взгромоздившихся на ходули участников фестиваля – парень в шутовском костюме – не успел отпрыгнуть. Его сбили, одна ходуля отломилась.

Кэт поблагодарила судьбу за эту маленькую удачу и сунула пистолет за пояс. Она спрыгнула с последнего навеса и использовала инерцию, чтобы подхватить на лету падающую ходулю и превратить ее в шест для прыжков. А затем перемахнула через площадь.

Мотоциклист притормозил в узких воротах, и Кэт пролетела над ним. Ошарашенные люди разбежались, освободив место. Брайант приземлилась на корточки, лицом к мотоциклу, погасив удар ногами.

А мотоцикл летел прямо на нее.

Она вытянула руку и выстрелила.

Мотоцикл накренился, боком скользнув по мостовой. Пассажир в последний момент спрыгнул, перекатившись, вскочил и нырнул в ошеломленную толпу.

Кэт бросилась вперед.

Элену сбросило с мотоцикла, когда похититель спрыгнул с заднего сиденья. Она попыталась было сесть, но не смогла: сказывалось то ли падение, то ли содержимое шприца.

Наверное, вкололи снотворное.

Кэт помогла ей сесть.

– Вы как?

Элена взглянула на свои дрожащие руки, потом на глазающих зевак.

– Вро... вроде нормально.

Раздался громкий гудок. Из переулка на площадь протиснулся маленький ярко-зеленый «Мини Купер». И без того перепуганные люди разбежались с дороги.

Кэт закрыла Элену собой и подняла пистолет – а потом сразу опустила, заметив за рулем Монка. Поравнявшись с ними, он притормозил и, еще не остановившись полностью, закричал в открытое окно:

– Живо садитесь!

Сэм распахнул заднюю дверь.

Кэт втащила Элену на заднее сиденье, влезла сама и захлопнула дверь.

– Поехали!

Машина рванула с места, спустя несколько секунд промчалась под мостиком и вылетела из Старого города.

Кэт перебралась на переднее сиденье, оставив Сэма с Эленой. Монк повернул голову и задал вопрос, который и самой ей не давай покоя с первой секунды нападения:

– Как они выяснили, что мы здесь?

Кэт уже думала об этом и пришла лишь к одному выводу. Кроме горстки людей в «Сигме», об их поездке знали только японские спецслужбы. Айко Хигаши.

Она потянулась к карману пиджака за телефоном.

– Нужно связаться с Пейнтером.

– Зачем?

– Чтобы он предупредил Грея.

– О чем?

Кэт обеспокоенно посмотрела на Монка.

– Думаю, им приготовили ловушку.

Глава 21

8 мая, 01 час 34 минуты по самоанскому времени

Атолл Икикауо

Группе понадобилось двадцать минут, чтобы пройти по густо поросшим лесом холмам и добраться до восточного берега центрального озера. Двигаться приходилось медленно, используя очки ночного видения, чтобы не потревожить стаи гнездящихся птиц. Над головой под покровом темноты носились летучие мыши.

Мейк Луавай растянулся на четверть мили в ширину и вдвое больше – в длину. Над темным зеркалом озера висел смрадный запах рассола и клубящаяся пелена жалящих мошек и гудящих комаров. И все же основная жизнь кипела под поверхностью: в облако насекомых то и дело врезалась выпрыгнувшая из воды рыба.

– Осторожно, – предупредил Грей, первым ступивший в озеро. – Дно резко уходит вниз.

Сам он оказался по шею в воде, едва пройдя два метра. Температура воды была намного выше, чем в океане, – все равно что барахтаться в теплом супе. Странное ощущение усиливалось от того, что тело в соленой озерной воде становилось неестественно легким.

Грей в последний раз взглянул на противоположный берег. Очки ночного видения отметили туманное свечение за холмами – бывшую базу береговой охраны. Там царил тишина.

Немного отплыв, все включили «Скуба Джет». На глубине около десяти футов под воду проникало достаточно звездного света для очков ночного видения.

Пирс не нуждался даже в скудном освещении – он мог бы плыть в полной темноте с одним лишь компасом, измеряя расстояние взмахами рук. Однако следовало учитывать, что в группе гражданские; подсветка помогала им видеть друг друга и бороться с подступающей паникой.

Грей, плывший первым, поглядывал через плечо назад. Пока они шли через холмы, Сейхан старалась скрывать боль, но лицо у нее поблескивало от пота, а твердая раньше походка стала неуверенной. А еще она начала тяжелее дышать. Причем ей становилось все хуже. Когда они дошли до озера, Сейхан стиснула зубы, сопротивляясь грызущей изнутри боли. Она и Палу значительно отстали.

Не следовало брать ее с собой.

С другой стороны, Сейхан все равно настояла бы на своем. Еще в Хане с ее лица не сходило хорошо знакомое непроницаемо-упрямое выражение. А сейчас ее решимость была совершенно непоколебима – ведь она оказалась в ответе за еще одну жизнь.

Не сомневаясь, что Сейхан будет бороться до последнего вздоха, Грей посмотрел вперед – и едва успел уклониться. Прямо перед ним высилась какая-то преграда. Направленное вверх крыло старого самолета!.. Скользя мимо обломков, командер задел их своим «Скуба Джет», содрал немного старых водорослей.

Другие заметили, что он едва не налетел на преграду. Кен и Айко, описав широкий полукруг, начали огибать самолет с двух сторон – и сразу исчезли в сумраке.

Шепотом выругавшись, Грей махнул Ковальски рукой, указав на Айко, а сам поплыл за Кеном, включив ультрафиолетовый фонарик, чтобы использовать его как лампочку в темноте. По счастью, Кену хватило смекалки выключить «Скуба Джет» и подплыть на луч света. Грей жестом спросил, все ли в порядке, и увидел поднятый большой палец. И все же под маской глаза у Кена были расширены от страха.

Они вместе осторожно направились туда, где исчезли Айко и Ковальски. Фонарь осветил самое настоящее кладбище. Луч нащупал обломки четырех или пяти самолетов, их куски были разбросаны повсюду. Торчащий из песка пропеллер слишком сильно напоминал могильный крест. Разбитые фюзеляжи и обломки затаило ковром водорослей, и все же Грей узнал эти самолеты – в основном по нанесенному на одно из крыльев кругу, а еще – по черной торпедке внизу. Это были остатки японской эскадры торпедоносцев времен Второй мировой войны. «Накаджима В5N» обычно запускались с судов.

Должно быть, над островом состоялось воздушное сражение, часть четырехдневной битвы за Мидуэй, от которой императорский флот так и не смог оправиться.

Грей невольно застыл перед кладбищем, а тем временем из мрака возникли какие-то силуэты.

Большой и маленький. Айко и Ковальски.

Когда они приблизились, Грей посветил вокруг.

Сейхан и Палу нигде не было.

Отвлекаясь, он не заметил, куда поплыли эти двое. Они все еще отставали? Или, наоборот, обогнали всех и ушли вперед?

На случай если кто-то потеряется, существовал план: ждать друг друга на заранее условленных координатах на западном берегу – или в крайнем

случае в пещере. Оставалось лишь вести группу дальше. Тем не менее в качестве дополнительной меры предосторожности Грей теперь заставил всех держаться вместе.

Вскоре дно озера снова резко ушло вниз. Даже фонарь был бессилен. Группа плыла, словно в огромной бездне.

Пирс чувствовал, что они слишком уязвимы в этой пустоте, поэтому приглушил фонарик, но лишь после того, как в последний раз посветил назад – вдруг Сейхан и Палу заметят?

Если они вообще где-то здесь...

Он наконец сдался и выключил фонарь.

Внезапно темноту внизу разорвала яркая вспышка. Ошеломленный Грей сорвал с маски очки ночного видения, но истерзанная сетчатка оставалась слепой. Понадобилось два вдоха и выдоха, чтобы свет перестал резать глаза. И тогда Грей увидел...

Далеко внизу, на дне озера, сияло огнями огромное сооружение. Оно напоминало гигантскую монтажную плату, которая внезапно ожила.

Нагромождение стеклянных купольных камер связывали прозрачные туннели. Более темные пятна были помещениями со стальными стенами.

Подводная лаборатория.

И ясно, для чего она предназначена: разве можно придумать лучший способ изолировать и сохранить в тайне работу над опасным видом насекомых?

Тем не менее не лаборатория была основным источником слепящего света. Яркий широкий луч исходил от батискафа, плывущего прямо к захваченной в ловушку группе.

Обогнать подводный аппарат Грей не мог, поэтому просто собрал остальных. Они были растеряны и напуганы – все, кроме Ковальски, который подплыл угрюмо и безропотно.

Грей жестом показал, что нужно подниматься на поверхность.

Но и там зажглись огни, постепенно приближаясь с западного берега. Под водой разнесся приглушенный рокот двигателей.

Лодки.

Поднявшись на поверхность, Грей снял маску, остальные последовали его примеру. Борта трех понтонных лодок оцетинились штурмовыми винтовками, внутри виднелись какие-то тени. Что ж, раз не пристрелили сразу, значит, хозяева острова сперва намерены узнать, кто к ним вторгся.

Однако для допроса, похоже, понадобились не все.

С северо-запада донесся громкий взрыв. В темное небо поднялся огненный столб. Ковальски хмуро смотрел на вспышку; подобно Грею, он

хорошо знал, что взорвалось.

Катамаран.

Радуюсь, что Палу этого не видит, Грей смотрел на темное озеро, гадая, куда могли подеваться Сейхан и гаваец. Раньше его тревожило их исчезновение; теперь оно внушало надежду.

Они хотя бы не угодили в ловушку.

Его внимание привлекло движение вниз.

Источник света на глубине сместился, пошел в сторону: батискаф отплывал. Но, вместо того чтобы вернуться на свое ложе, он двинулся к кладбищу японских самолетов, беря то вправо, то влево, как будто высматривая что-то.

Грей отчаянно надеялся, что Сейхан и Палу хорошо спрятались – ведь темные воды теперь рассекала светящаяся акула.

01 час 52 минуты

Японский бомбардировщик при падении развалился на две части. Прижав руки и ноги к фюзеляжу, Сейхан держалась спиной к кабине, где на сгнивших ремнях повис скелет пилота.

Название озера – «колодец смерти» – оказалось для пилота вполне справедливым. *Будем надеяться, что не для нас.*

В двухметровый зазор открытой воды, отделявший ее от хвостовой части самолета, с трудом втиснулась темная масса – Палу. В темноте можно было лишь догадываться, какое у него напряженное выражение лица.

Отстав от группы, они вошли в зону подводного кладбища. Точнее, Сейхан отстала, а гаваец остался, держался рядом, вероятно, по приказу Грея.

«Скуба Джет» Сейхан никак не желал переходить на высокую передачу, и ей приходилось грести самой, чтобы не отставать от других. В обычной ситуации это не представляло бы трудностей. Увы, ее ситуация была далеко не обычной. Даже сейчас мышцы кромсало острыми ножами. Прижимая ладони к фюзеляжу, она чувствовала, как дрожат руки. Каждая клеточка на спине горела.

Вспомнив обучение в Гильдии, Сейхан успокоила разум, запирая боль меж холодных стен. Ей объясняли, что боль – это система раннего оповещения, а не обязательно травма или выход из строя. Все болело и горело, но она чувствовала, что силы еще есть.

Пока есть.

И только это имело значение, потому что Грей и остальные попали в беду.

Когда они с Палу пересекали кладбище, мир впереди безмолвно взорвался похожим на гриб облаком света. Очки усилили пламя, и Сейхан на миг ослепла. Однако она не стала снимать очки и инстинктивно двинулась в тень, где провела большую часть жизни. Она искала укрытие и тянула Палу за собой, пока не наткнулась на расколотый самолет на дне озера.

Им очень повезло вовремя его найти. Едва Сейхан припала к фюзеляжу, как из глубин поднялся двухместный батискаф. И в его ярком свете она увидела темные пятнышки, ринувшиеся вверх.

Грей и остальные.

А на крыше этого водного мира сразу появились яркие лодки. Убедившись, что добыча в ловушке, батискаф развернулся к подводному кладбищу и начал шарить лучом прожектора.

Они знают, что мы здесь, или ищут просто на всякий случай?

Так или иначе, им не убежать.

Когда противник вошел на кладбище, Сейхан его рассмотрела. Да, действительно батискаф, так называемого открытого типа: люди в нем были в полном подводном снаряжении. Лексановый козырек закрывал переднюю часть аппарата; под ним за штурвалом сидел оператор управления, а позади – скрестивший ноги пассажир. Он вцепился в ручки на дне этих подводных саней, низко опустив голову.

Многие военные использовали такие батискафы, чтобы переправлять диверсантов на территорию противника. Очевидно, этот был предназначен для аналогичной цели, особенно учитывая, что Сейхан разглядела ружье для подводной охоты за спиной у пассажира.

А еще большие опасения внушали два стальных наконечника, поблескивающих справа и слева от прожектора на носу. Похоже, у батискафа было собственное вооружение.

На территории подводного кладбища пассажир скользнул в воду и ушел вниз, а батискаф взметнулся вверх. Судя по всему, водолаз хотел обыскать кладбище и уничтожить или выгнать из укрытия всех, кто мог там прятаться.

К сожалению, в озеро упали только четыре или пять самолетов, поэтому количество укрытий было ограничено. Водолаз, несомненно, хорошо знавший эти места, двинулся к ближайшим обломкам и посветил прикрепленным к ружью фонариком в разбитое окно кабины. Фюзеляж вспыхнул изнутри, лучи хлынули сквозь трещины. Убедившись, что внутри никого нет, водолаз подплыл к самолету, где прятались Палу и Сейхан. Луч фонаря скользил по разлому между двумя половинами. Сейхан увидела

лицо гавайца и попыталась знаками изобразить медвежье объятие.

Палу прищурился из-под маски, недоуменно наморщив нос.

Оставалось лишь надеяться, что он поймет.

Когда близлежащая полоса воды осветилась ярче, Сейхан подготовила свое оружие и напрягла ноги. Наконец, черная сталь ружья появилась в поле зрения – и она бросила снаряд.

Белый череп пилота ударил в маску врага.

Тот отреагировал предсказуемо: отшатнулся, испугавшись и неожиданного нападения, и пустых глазниц черепа. Затем направил ружье к той части самолета, где пряталась Сейхан, а к противоположной повернулся спиной.

Но, прежде чем он успел выстрелить, могучие руки схватили его и втащили в хвостовую часть. Все это напоминало охоту засевшего в норе паука.

Палу все-таки понял, что требовалось сделать.

Оттолкнувшись от сиденья, Сейхан бросилась к разлому, быстро взглянув вверх. Луч прожектора обшаривал обломки слева.

Хорошо.

Спустившись ниже, к Палу, она приставила свой «ЗИГ-Зауэр» к груди пленника и выстрелила, надеясь, что звук будет заглушен гулом двигателя. Стрелять под водой было проблематично. Почти все огнестрельное оружие после первого же использования выходило из строя. И в любом случае оно действовало на расстоянии не дальше двух футов. Сейхан рассчитывала, что благодаря этому пуля останется в теле.

В ближнем подводном бою нож был бы эффективнее, но разведчик наверху мог заметить след крови из большой зияющей раны. Поэтому Сейхан отдернула ствол и зажала рукой дырку в костюме. Когда тело обмякло, она сорвала со стены клок водорослей и заткнула пулевое отверстие. Затем сдернула фонарик с ружья, вручила его Палу и указала на рыкающий неподалеку аппарат.

Она хотела, чтобы он притворился водолазом.

Гаваец понимающе кивнул, протиснулся мимо нее и низко наклонился над песком, обшаривая его лучом фонаря. Оставалось надеяться, что подмену заметят не слишком скоро.

Когда Палу отдалился, Сейхан сорвала с трупа маску, покрывавшую лицо и рацию. К тому времени, когда она продула чужую маску, на обломки самолета легла тьма: исчезли и батискаф, и подложный ныряльщик.

Сейхан наконец выбралась из укрытия и поднялась в черную воду. Тело грызла боль, но теперь она чувствовала себя спокойнее, оказавшись в

привычной среде, – тень во тьме.

В ухе послышался тихий голос человека, управлявшего батискафом.

– Цель видна? – спросил он по-японски.

Сейхан понимала, что молчать нельзя. Покойный ныряльщик, судя по всему, был японцем, поэтому и она ответила по-японски, но более грубым голосом:

– Орукурия.

Чисто.

Теперь следовало догнать медленно удаляющийся батискаф. От каждого движения вспыхивала боль, но Сейхан сосредоточенно гребла, неуклонно сокращая расстояние. Ниже Палу продолжал свой спектакль, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреть затонувшие обломки.

Сидевший в подводном аппарате человек выделялся темным силуэтом на фоне света. Не жалея горевшие огнем мышцы пресса и ног, Сейхан почти настигла батискаф и проговорила на освоенном в юности японском:

– Движение впереди. Что-нибудь видно?

– Отсюда ничего.

Рассчитывая, что враг наклонится, она поднялась над кормой батискафа, прицелилась из позаимствованного у врага ружья и выстрелила. Стальной наконечник прошил мужчине шею, едва не оторвав голову. Кабина быстро наполнилась кровью. Неуправляемый аппарат пошел вниз, оставляя за собой алый след. Сейхан догнала его, стащила труп с сиденья и выбросила. Жилет сдулся, и тяжелая экипировка утащила тело на дно.

Сейхан схватилась за рычаги и, быстро освоившись, направила аппарат вниз к Палу. Гаваец последовал за тонущим телом и теперь ждал неподалеку.

Вероятно, хотел убедиться, что это не я.

Палу занял место сзади и указал на поверхность.

Она покачала головой и указала вниз.

Пора навестить местных жителей.

Сейхан прикинула, с чем отправляется в путь. По всему телу – ножи в ножнах. Намокший «ЗИГ-Зауэр», высохнув, вновь способен стрелять. Не самое мощное оружие, но хоть что-то. Она собиралась воспользоваться не навыками, усвоенными в Гильдии, а уроками другого человека – отца ее нерожденного ребенка, мастера нестандартного мышления и ловких импровизаций.

Если я намереваюсь спасти Грея, нужно действовать, как он.

Но едва она повернула руль, как конечности пронзила резкая боль. В глазах потемнело. Она невольно скорчилась, прижав руку к животу и

отгоняя боль – не от своего тела, а от того, что было внутри.

Время на исходе.

Сейхан выпрямилась, понимая, что эта мысль касается их всех.

И особенно одного человека.

Направляя батискаф вниз, она мысленно пообещала Грею, себе и своему нерожденному ребенку: «Я вас не подведу».

Глава 22

*8 мая, 08 часов 55 минут по восточному летнему времени
Вашингтон, округ Колумбия*

И что теперь?

Пейнтер на служебном лифте поднимался из штаба «Сигмы» на первый этаж Смитсоновского замка. Его вызвал куратор музея Саймон Райт. Идти не хотелось, но куратор настаивал – мол, что-то важное, нужно увидеть.

Ладно, по крайней мере ноги разомну.

Всю ночь он просидел в подвале – вел переговоры с разными спецслужбами со всего мира – и лишь около пяти утра на час забылся коротким сном. Стоило потушить один пожар, как сразу разгорался другой.

Когда двери лифта открылись в вестибюле, где за письменным столом сидел вооруженный охранник, в руке у Пейнтера запищал телефон. Он бросил взгляд на дисплей и кивнул охраннику. Тот молча встал навытяжку, приветствуя директора. Помещение было буквально напичкано электронными средствами наблюдения и защиты, даже дверь не открывалась без черной карточки с голографическим тиснением буквы Σ.

Пейнтер сразу узнал номер и шагнул в сторону, задержавшись на выходе из вестибюля.

– Кэт, что там с Дельгадо?

– Действие успокоительного заканчивается. Надеюсь, худшее позади.

Итак, в Таллинне библиотекаря Конгресса пытались похитить. Ее спасли, но штурм Национальной библиотеки Эстонии заставлял о многом задуматься.

– Спасибо, что оперативно вызвали медиков, – продолжала Кэт. – Впрочем, она, кажется, оправилась от того, что ей вкололи. Настаивает на том, чтобы двигаться дальше.

– Ничего удивительного. На увядающую фиалку Дельгадо не очень похожа.

– Ну, цвет лица у нее как раз фиалковый. Вероятно, от злости – я разобрала несколько испанских ругательств. – Кэт вздохнула. – А вот директор Тамм в отделении хирургии. И состояние у него по-прежнему критическое. Если б не он и не помощь его дочери...

Она запнулась. Чувство вины не давало говорить. Пейнтер слишком

хорошо знал, что переживает Брайант.

– Тогда давайте позаботимся о том, чтобы их жертва не пропала зря. Когда вы отправляетесь в Гданьск?

– Через пять минут взлетаем. Джейсону удалось выяснить, кто напал на нас и откуда они знали, что мы в Таллинне?

– Джейсон продолжает проверять подозреваемых. А вы сосредоточьтесь на Гданьске. Выясните как можно больше о том, откуда Джеймс Смитсон получил артефакт. Ответы нужны срочно. Гавайи все больше охватывает хаос.

– Ситуация?

– На данный момент – более двухсот смертей. Но в больницы и медицинские центры ломится все больше и больше людей, которые доставляют пострадавших в полукомадном состоянии.

– В таком же, как те четверо, которых Грей спустил с горы?

– Судя по всему, да. Количество зараженных растет с каждым часом. Медики делают все возможное. Подруга Ковальски, Мария, вошла в оперативную группу в Хане, она ведь генетик.

– Разве ее не эвакуировали?

– Отказалась. Хотя знала, как опасно попасть в ловушку на острове, где объявлен карантин. Сказала, мол, не сомневается, что мы потушим этот пожар.

– Похоже, Ковальски нужно побыстрее ее окольцевать, пока она не сообразила, с кем имеет дело.

– Это точно, – улыбнулся Пейнтер.

– А как проходит карантин?

– На данном этапе – лишь усиливает панику и хаос. В Гонолулу, когда мобилизовали национальную гвардию, начались беспорядки. Мы пытаемся оцепить участки гнездования, но это все равно что ловить бабочку дырявым сачком.

– Я слышала, испытывали разные инсектициды...

– Пока эти средства только рассеивают рой. Что еще хуже, поступают сообщения об осах на Молокаи и Ланаи.

– Значит, они уже перемещаются между островами?

– Очевидно. В любом случае невозможно определить, сколько зараженных птиц и зверей оправилась от действия нейротоксина и начали двигаться. – Пейнтер полностью осознал чудовищную опасность, угрожающую островам и миру в целом. – Уже отменили все авиарейсы. Флот начинает блокаду островов.

– Этого может быть недостаточно, – предупредила Кэт. – Такую

большую площадь невозможно контролировать. В конце концов кто-то или что-то нас подведет, и бедствие хлынет на материк.

Она была права. Вспомнилось предупреждение Кена Мацуи о том, какие меры могут потребоваться.

Вам придется сбросить на острова атомную бомбу.

В разных инстанциях уже оценивали и взвешивали этот вариант. Активно разрабатывали идею эвакуировать население с помощью воздушного транспорта и авианосцев на заброшенную военную базу на атолле Джонстон, примерно в восьмистах милях к западу. А потом зачистить Гавайские острова тактическими ядерными ударами.

Однако возникало множество проблем. Атолл Джонстон занимал площадь всего три тысячи акров: слишком мало, чтобы вместить население Гавайев. К тому же некоторые могли отказаться от эвакуации. А после зачистки – что делать с перемещенным населением? Если хоть кто-то был заражен личинками, весь цикл мог начаться снова.

– Надо придумать что-то другое, – пробормотал про себя Пейнтер, но Кэт услышала.

– Мы сделаем все возможное, чтобы увидеть, есть ли ответы в конце пути Смитсона, – пообещала она. – А что с Греем и его командой?

Кроу знал: она боится, что друзья попадут в ловушку, расставленную, вероятно, Айко Хигаши. После таллиннского нападения Кэт не сомневалась, что утечка данных об их миссии произошла со стороны японских спецслужб.

– Пока что от них ничего не слышно, – вздохнул Пейнтер. – Но Грей перестал выходить на связь еще до того, как отправился на остров.

– Я очень надеюсь, что он цел. А еще больше надеюсь, что он что-то обнаружит.

Мы все на это надеемся.

– Мне пора, – сказал Пейнтер, взглянув на часы. – Саймон Райт ждет. Когда сядете в Гданьске, свяжись с Джейсоном.

– А что нужно куратору?

– Я тоже хотел бы знать это.

Пейнтер нажал отбой, спрятал телефон в карман и вышел из вестибюля.

Музей открылся меньше часа назад. Возле экспонатов толпились кучки людей. Никто не обратил внимания на человека, вышедшего из неприметной двери.

Саймон попросил встретиться с ним в маленьком, похожем на часовенку помещении слева от входа, где располагались памятник

Смитсону и склеп. Пейнтер частенько там бывал – отдавал дань уважения человеку, основавшему это учреждение ради науки, истории и знаний.

Саймон в безупречном костюме ожидал у порога часовни. Зачесанные назад длинные седые волосы открывали изборожденный тревогой лоб. Заметив Пейнтера, он поднял руку.

– Спасибо, что уделили мне время. Думаю, что я покажу вам нечто важное.

– Что именно?

Саймон жестом пригласил его внутрь и остановился перед высокой гробницей. Гигантская белая урна из камня покоилась на разукрашенном мраморном саркофаге, который, в свою очередь, стоял на платформе, где ныне хранились останки Смитсона.

– Я много раз проходил мимо этого склепа, – начал Саймон, – но лишь сейчас задумался: а не пытался ли Смитсон что-то сообщить нам? Возможно, что-то сохранилось в камне – а не сгорело, в отличие от бумаг.

– И что он мог нам сообщить?

– Может быть, хотел предупредить о том, что спрятал в могиле, – сказал Саймон, оглянувшись на Пейнтера.

– Не понимаю, – нахмурился тот.

– Александр Грэхем Белл привез сюда останки Джеймса Смитсона, а спустя примерно год из Италии прислали надгробие, изначально установленное на кладбище Сан-Бениньо под Генуей.

Кроу знал эту историю.

– Памятник для могилы заказал племянник Смитсона, Генри Джеймс Хангерфорд, однако некоторые полагают, что орнамент здесь выполнен по эскизам самого Смитсона, не зря он увлекался древностью. Посмотрите на львиные лапы, которые поддерживают урну. Такие декоративные элементы были распространены в Древнем мире: в Греции, Риме, даже Египте. Считается, что лапы символизируют силу. – Саймон указал на другие элементы резьбы. – Лавровая ветвь – древо жизни. Птица – это душа, возносящаяся к небесам. Раковина-гребешок, отсылающая к морской стихии, означает вечность и возрождение.

Подняв брови, куратор посмотрел на Пейнтера.

Тот понял его мысль.

– Полагаете, изображением раковины он хотел показать, что в склепе находится нечто, способное возродиться? Нечто бессмертное? Смелое допущение, Саймон.

– Возможно. – Куратор указал на верхнюю часть урны. – Видите вон ту сосновую шишечку? Это символ возрождения. Мне кажется, здесь присутствует некий постоянный мотив.

Пейнтер скрестил руки на груди. Все это его не убеждало.

Заметив недоверчивый жест, Саймон улыбнулся и перешел к орнаменту на крышке урны.

– Обратите внимание на изображения справа от центральной раковины.

Кроу подошел ближе, всматриваясь в три расположенных рядом элемента. По спине его пробежал холодок.

Как же я раньше не заметил?

Возле раковины он увидел резные изображения змеи, камня и крылатого насекомого. Протянув руку, Пейнтер коснулся камня по центру.

– Думаете, перед нами янтарь и кости динозавров, запертые в ловушке окаменевшей смолы? Тогда крылатое насекомое...

– Большинство считают, что это мотылек, – сказал Саймон. – Он выходит из кокона и олицетворяет жизнь после смерти. Но, возможно, символ имеет двойное значение, указывая не только на возрождение, но и на существ, способных возродиться.

Пейнтер провел рукой по резьбе, словно читая послание, написанное шрифтом Брайля.

– Осы, рожденные из янтаря и костей рептилии.

Саймон отступил, уперев руки в бока.

– Если он вырезал на могиле это предупреждение, то возникает вопрос...

– ...что еще зашифровано в гробнице?

Взгляд Кроу метнулся на причудливый орнамент. Можно ли в самом деле обнаружить здесь какие-нибудь ответы? Найти если не лекарство, то хоть намек на то, откуда у Смитсона янтарь?

– Да, Саймон... Пожалуй, мне следует вас завербовать, – сказал он, хлопнув куратора по плечу.

– Спасибо, но мне нравится моя работа. По крайней мере, в музее в меня не стреляют.

Кроу грустно улыбнулся и указал на склеп.

– Кто-нибудь из ваших сотрудников мог бы сфотографировать гробницу – сверху донизу со всех сторон – и отправить мне снимки?

– Я сам сфотографирую, сейчас же.

– Спасибо.

Пейнтер направился к выходу. Надо, чтобы снимки как можно скорее увидели Кэт и Грей. Особенно Грей – тот обладал потрясающей способностью замечать то, чего не замечают другие.

К сожалению, была одна большая проблема.

Где, черт возьми, Грей?

Глава 23

8 мая, 02 часа 22 минуты по самоанскому времени

Атолл Икикакуо

Подъемник опустил клеть на землю, и Кен вздрогнул. Дрожь пробирала не от холода, а от вида штурмовых винтовок четырех японцев-охранников. Рядом с Кеном стояла Айко в закрытом купальнике и Грей с Ковальски.

Захватив их в плен, отряд двинулся на западную часть острова, где в холмах расположились бетонные сооружения с ржавыми железными крышами, когда-то принадлежавшие береговой охране. Вдоль линии побережья тянулась взлетно-посадочная полоса из обломков коралла; на ближнем конце полосы стоял реактивный самолет. Сверху открывался вид на бухту, в которую входил белый сверкающий катер. Судно скользило по волнам, высоко поднимаясь на подводных крыльях. Приблизившись к пирсу, оно сбросило ход и осело.

Кен понял, откуда пришел катер. На юге, застилая звезды, поднимался столб дыма, отмечая место гибели катамарана.

Пленников завели в похожий на пещеру бетонный барак и заставили снять все снаряжение, включая гидрокостюмы. Затем подвели к шахте, выдолбленной в бетонном фундаменте. В стволе шахты висела огромная клеть. Верхняя часть, обрамленная прутьями, была открыта.

Не в силах больше смотреть в черные дула винтовок, Кен перевел взгляд на каменные стены, уходящие вверх по мере спуска подъемника. Верхние слои острова состояли из спрессованного коралла, но теперь подъемник проходил сквозь ядро из черного вулканического базальта. Много тысячелетий назад эти острова возникли в результате извержения вулкана и с тех пор медленно дрейфовали на северо-запад, влекомые тектоническими силами.

Подъемник резко остановился. Оступившись, Кен чуть не упал на Грея, и тот придержал его за локоть. Железная хватка Пирса помогла сохранить равновесие.

Охранник, несущий вахту по ту сторону подъемника, открыл решетчатую дверь. Под дулами винтовок Кен и остальные двинулись по туннелю, пробитому в толще острова.

Не сбавляя хода, Айко изучала шахту.

– Похоже, они использовали здания береговой охраны как прикрытие,

чтобы утаить подземные работы.

Японка говорила спокойно, почти с уважением.

Сердце у Кена колотилось как бешеное. Он вытер пот со лба. Ему пришло в голову, что он совершенно не вписывается в эту команду храбрецов.

В конце туннеля оказалась круглая стальная дверь – массивная, как в банковском хранилище. Дверь была полуоткрыта. Мацуи вошел внутрь последним. Несмотря на страх, при виде открывшегося зрелища у него захватило дух.

Дно темного озера освещалось светодиодными лентами, бегущими под сводчатым потолком. Залитый искусственным светом комплекс представлял собой целый замкнутый мир. Трехуровневый лабиринт перекрещивающихся туннелей и помещений выглядел как космическая станция, затерянная где-то в беззвездном вакууме.

Впрочем, у одного члена отряда было особое мнение.

– Похоже на «Хабитрейл»^[4], – сухо прокомментировал Ковальски. – А мы – запертые в нем глупые хомяки.

– Шевелитесь! – раздался окрик сзади.

Продвигаясь по комплексу, Кен отметил, что в лабиринте имеется свой порядок. Они шли по среднему уровню, а верхний и нижний этажи были разделены на секции, каждая из которых представляла собой помещение со стеклянным куполом.

Планировка как нельзя лучше подходит для поддержания карантина.

Причина для таких предосторожностей тут же стала очевидной. Они миновали боковой туннель, ведущий в одну из увенчанных куполом комнат на этом уровне. Вход в нее предваряла воздушная разделительная камера, однако сквозь стеклянные стены была видна темная масса, покрывающая все поверхности. Масса ходила волнами и бурлила черными вихрями.

Скосив глаза, Кен замедлил шаг, чтобы приглядеться получше, но тычок в спину заставил его идти дальше.

Айко повернула к нему голову, озабоченно наморщив лоб.

– Я думаю... там внутри осы-воительницы. Большие, черно-алые. – Мацуи прищурился, пытаясь разглядеть, что в других комнатах. – Видимо, рой разделили и изучают каждый из видов по отдельности.

По стеклянным туннелям деловито ходили лаборанты в белых халатах. Группа рабочих в голубых комбинезонах толкали поезд из тяжело груженных тележек, и отряду пришлось прижаться к стене, чтобы их пропустить.

– Готовятся свалить?.. – задумчиво пробормотал Грей.

Кену страшно было подумать, что тот имеет в виду.

Наконец их довели до конца туннеля, где все три уровня сходились в центральное ядро. Вверх и вниз отходило множество лестниц, но пленников направили к помещению, находящемуся в самом сердце комплекса. Охранник, идущий во главе отряда, нажал на кнопку рядом с раздвижными дверями, склонился к переговорному устройству и заговорил по-японски – слишком быстро, чтобы Кен разобрал слова.

Двери открылись. Посреди округлого помещения стоял стол из полированного тика. За столом сидел мужчина лет тридцати.

Незнакомец поднялся. Деловой костюм подчеркивал мускулистое телосложение. Глаза, такие же черные, как и волосы, сузились при виде вошедших. Хотя его лицо было бесстрастным, в морщинках между бровей и жестких складках у губ угадывался гнев.

Как ни странно, первой заговорила Айко.

– *Конничива*, Масахиро Ито, – сказала она, чуть склонив голову.

Губы незнакомца хмуро сжались, складки стали глубже. После некоторой паузы он взял себя в руки и неохотно произнес:

– Мисс Хигаши.

– Вы знакомы? – спросил Грей, бросив быстрый взгляд на Айко.

Та глубже поклонилась незнакомцу, затем подняла руку.

– Позвольте представить вам Масахиро Ито, вице-президента по исследованиям и разработкам «Фениккусу лабораториз».

Кен уже заметил золотой логотип компании, висящий на стене над столом, – пламенный круг, в котором была заключена стилизованная птица с огненными крыльями. В глазу феникса – символа фармацевтической компании – сиял рубин размером с ноготь большого пальца.

– Как здоровье вашего дедушки? – спросила Айко у Масахиро по-японски.

Масахиро медленно сел, в своем роде отвечая на вежливое признание старшинства и преемственности, сделанное равным равному, – формальный танец, принятый у японских бизнесменов.

– Он здоров.

– Приятно слышать. – Айко вновь слегка поклонилась и, завершив ритуал, перешла на английский. – Может, объясните нам, по какой причине ваша семья совершила нападение на Гавайские острова? – спросила она, не сводя с Масахиро сурового взгляда.

Кен вздрогнул от резкой смены темы.

Но Ито даже не шевельнулся.

– Полагаю, учитывая обстоятельства, в объяснениях нет нужды. Все

идет по плану моего деда. За исключением одной детали. – Прищурившись, он перевел взгляд на Грея. – Где ваш напарник?

Пирс кивнул в сторону Ковальски, изображая замешательство.

– Да вот же он.

Масахино встал и подался вперед.

– Женщина... *ваша* женщина. Предательница, уничтожившая «Кагэ».

– Похоже, он говорит о Сейхан, – пробормотал Ковальски, склонившись к Грею.

Пирс слегка тряхнул головой и выпрямился, сбросив с себя напускную покорность. Он встретился с немигающим холодным взглядом Масахино и ответил, добавив голосу гнева, чтобы придать веса своей лжи:

– Она на Мауи, в карантине. Ее укусила одна из тварей, которых вы выпустили на остров.

Масахино не сводил глаз с Грея, словно пытаясь вычислить, правду ли тот говорит.

Пусть команда и не смогла избежать засады, зато полночный заплыв и высадка на темную сторону острова помогли скрыть их истинную численность.

Кен почувствовал проблеск надежды.

Масахино опустил в кресло.

– Значит, мои действия на Мауи не окончились провалом. Пусть и косвенным образом, но я обрек вашу женщину на мучительную смерть.

При этих словах Грею даже не пришлось притворяться подавленным.

– Пленник лжет, – внезапно раздался холодный голос у него за спиной.

Обернувшись, Кен увидел, как в помещение входит ослепительная женщина, окруженная вооруженными мужчинами. У нее были белоснежные волосы, на тон светлее бледной кожи. На щеке ярко выделялась черная татуировка в виде сломанной половины колеса.

Взгляд пронзительных льдисто-голубых глаз скользнул по комнате и остановился на Грее.

Тот весь напрягся.

Он узнал ее.

02 часа 34 минуты

Валя Михайлова...

Из событий, произошедших в прошлом году в Африке, эта убийца-призрак вышла живой. Ей хватило наглости положить белую розу с одним черным лепестком на могилу брата-близнеца.

Грей рассматривал черное колесо на ее щеке – коловрат, славянский языческий символ. Татуировка показывала лишь половину колеса; вторая половина была на щеке у брата. В прошлом году Антон погиб в Арктике, вдали от сестры. И судя по ее глазам, полным ярости, нет сомнений, кого она винит в смерти брата.

– Женщины не было на борту. Мы всё обыскали. – Валя обращалась к Масахиру, однако не сводила взгляда с Грея.

В дверях стояли две знакомые фигуры. Плечи мужчин поникли, оба смотрели исподлобья. Это были двоюродные братья Палу: Макайо и Туа.

Грей с облегчением вздохнул. Пусть братья и не в безопасности, но по крайней мере живы. Видимо, Валя сначала захватила их в плен, а потом обыскала и взорвала катамаран.

Масахиру смерил женщину презрительным взглядом.

– Тогда, возможно, она все-таки вернулась на Мауи.

– Нет, – твердо ответила Михайлова. – Сейхан где-то здесь, на острове.

– Откуда такая...

– Она здесь, – злобно отрезала Валя, – а он расскажет нам, где именно, – добавила она, указав на Грея.

Масахиру и не пытался скрыть неприязнь к русской.

– Какая разница, где она? Через сорок минут мы должны покинуть остров и сжечь все здесь дотла.

– Твой дед – джонин Ито – захочет убедиться, что она мертва. Особенно после твоего последнего провала. – Убедившись, что стрела попала в цель, Валя перевела взгляд на Грея. – Кроме того, сорока минут мне вполне хватит, чтобы сломить его.

Грей выпрямился.

Попробуй.

Приняв молчаливый вызов, Михайлова повернулась к охранникам и указала на двоюродных братьев Палу.

– Отведете их, куда я скажу. Но нам нужен еще один человек. Кто-то, кто заставит его быть более сговорчивым. – Ее взгляд задержался на Айко. – Может быть, женщина...

Масахиру встал.

– Нет. Мой дед приказал, чтобы мисс Хигаши не причиняли вреда. Она была полезна раньше и, возможно, будет полезна в будущем.

Грей взглянул на Айко.

Что он имеет в виду?

Японка осталась безучастной к угрозам Вали и намекам Масахиру.

– Тогда гражданский, – сказала Валя, кивнув в сторону Кена, –

человек, непричастный к тому, что происходит.

– И снова нет. – Масахиро вышел из-за стола и подошел к ней вплотную. – За время своей непродолжительной работы с осами профессор Мацуи добился заметно больших результатов, чем другие исследователи. Мой дед считает, что «одокуро» – название, которое профессор дал этому виду, – подходит как нельзя лучше, ведь оно отражает нашу мифологию и наследие. – Он повернулся к Кену. – Джонин Ито полагает, что правильно подобранные аргументы убедят профессора Мацуи, это было маловероятно.

– Что ж, тогда у меня нет выбора. – Валя повернулась к последнему оставшемуся члену команды. – Взять его.

Тычок стволом винтовки под ребра заставил Ковальски неохотно двинуться к двери.

Грей шагнул вперед.

– Куда ты их ведешь?

Валя поджала губы, показав зубы в подобии улыбки.

– Проверим, насколько сильная у тебя воля. – Она отвернулась и направилась к выходу. – И крепкий желудок.

02 часа 58 минут

Кен, Айко и Грей поднимались по лестнице. Два охранника, идущие позади, целились им в спину. Впереди, среди вооруженных мужчин, двигалась альбиноска. Рядом с ней шел Масахиро Ито, и каждый его жест выдавал напряжение. Пока они поднимались на третий уровень, он дважды посмотрел на часы.

Два лаборанта в белых халатах, заметив приближение группы, поспешно свернули в боковой туннель. Оба смотрели в пол, но один все же бросил украдкой взгляд в сторону прозрачных стен секции, куда отвели Ковальски и двоюродных братьев Палу, и Кен заметил в его лице страх.

Скверное дело.

По хитросплетению туннелей Кена, Айко и Грея привели к стеклянной стене, за которой находилось маленькое помещение. Внутри уже стояли трое пленников. Охранники надели на них наручники, крепко привязав руки к бокам.

На лицах Макайо и Туа застыло выражение неприкрытого ужаса. Ковальски мрачно глядел исподлобья с таким видом, будто мечтает кому-то хорошенько вломить. К несчастью, он смотрел прямо в то место, где за стеклянной стеной находился Грей, словно обвиняя напарника в своих злоключениях.

– Я дам тебе три шанса рассказать, где скрывается твоя женщина, – сказала Валя, глядя Грею в глаза. – Это первый. Дальше будет хуже. Если окажешь нам содействие, твоих друзей ждет быстрая и милосердная смерть.

На лице Грея не дрогнул ни один мускул, но в глазах полыхнула еле сдерживаемая ярость.

Валя пожала плечами.

– Ну, как хочешь.

Она постучала костяшками пальцев о стекло. Охранники поспешно вышли из отсека в коридор и заперли дверь, повернув колесо затвора, какой бывает на подводных лодках.

Кен заметил, что металлический пол под босыми ногами пленников покрыт мелкими отверстиями, и представил, как медленно поднимается морская вода...

Неужели их утопят?

Внимание Кена привлекло движение у дальней стены отсека. Рядом с низким люком без окна находился ряд железных выдвигаемых ящиков. Передние стенки ящиков откинулись на петлях, образуя полки.

Оттуда хлынул темный поток, заполняя запертое помещение.

Пленникам угрожала не вода.

Кен догадался, что камера соединяется с одним из лабораторных отсеков. Только в том отсеке содержат не ос-воительниц, вооруженных ядовитыми жалами...

У насекомых, наводнивших камеру, не было крыльев. Маленькие, величиной с орех пекан, они компенсировали свой размер огромной численностью – а еще силой крепких мандибул.

В своей киотской лаборатории Кен уже видел, что эти осы способны сделать с крысой.

Не могу смотреть...

Заметив его беспокойство, к нему повернулся Грей.

Мацуи будто онемел. Полчища насекомых выползали из соседнего отсека и кишели на полу, заполняя все углы камеры – осы окружали добычу, чтобы перекрыть пути к отступлению.

Стоящая рядом Валя показала Грею два пальца.

– Твой второй шанс.

Пирс не обратил на нее внимания.

– Что это? – спросил он у Кена.

– Жнецы, – судорожно сглотнув, ответил тот.

ЖНЕЦ

Маленький трутень стучался панцирем о панцири соседей. Длинные усики-антенны перекрещивались. Бесчисленные ножки терлись друг о друга, и невозможно было сказать, где заканчивается отдельная особь и начинается рой.

Чтобы еще более укрепить взаимную связь, тела трутней покрыты тончайшими волосками. Многим осам из большого роя ворсинки нужны лишь для того, чтобы собирать нектар, но у жнецов волоски давным-давно превратились в средство общения. Через соприкосновение волосков трутни непрерывно обмениваются химическими веществами и феромонами, сливаясь в единое целое.

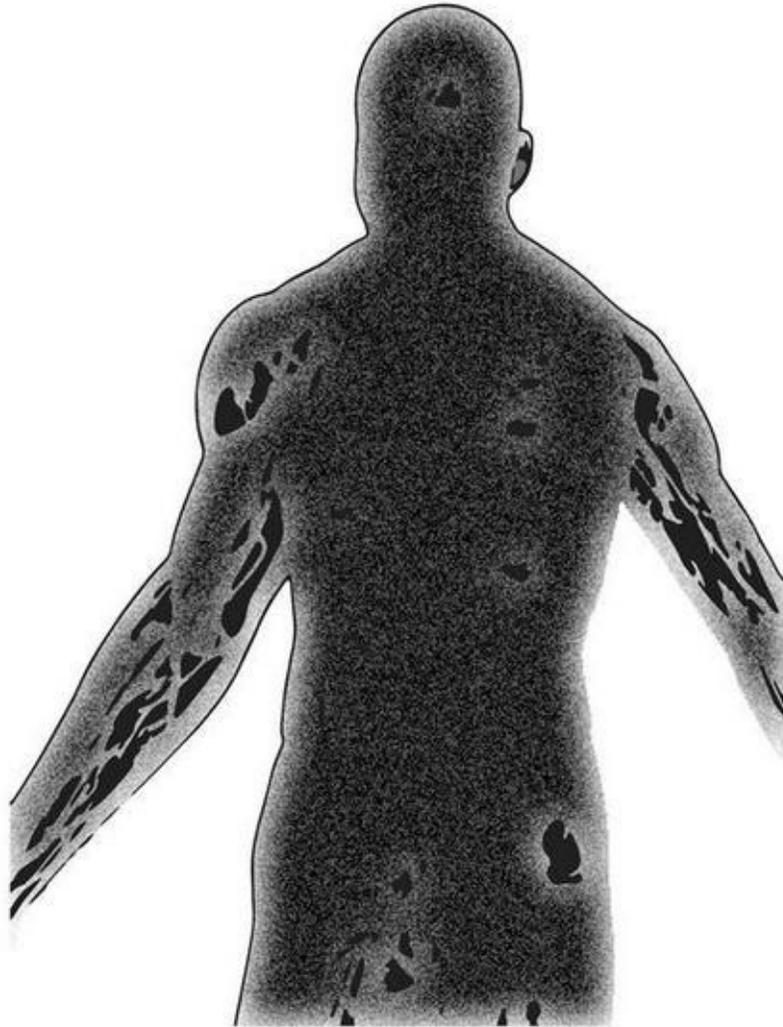
Когда отряд трутней попал в новую местность, их тонко настроенные органы чувств тут же принялись определять присутствие добычи. Приумноженный ощущениями целого роя, поиск стал в тысячу раз эффективнее. Гормоны ответили на сигнал, заставив сокращаться мощные мускулы острых мандибул. Одновременно железа, расположенная между глаз, выделила в рот каждого трутня капельку секрета, содержащего 2-гептанон, агент нервно-паралитического действия. Яд одной такой капли способен обездвижить гусеницу или другое насекомое сходного размера, однако, действуя совместно, рой в состоянии парализовать и более крупную добычу.

Вдобавок в слюне трутней содержится мощный раствор пищеварительных ферментов, способных размягчить самые твердые ткани. Эта особенность развилась у них с тех времен, когда пища была покрыта крепкой чешуей.

Повинуясь инстинкту, заложенному в генетическом коде, трутни берут добычу в «клещи». Все это время они продолжают собирать информацию, в основном измеряя уровень угрозы. Тем не менее трутням нечего бояться. Их тела покрыты твердыми панцирями, с незапамятных времен приспособленными к тому, чтобы противостоять огромной силе – например, выдержать вес лапы доисторического гиганта.

Когда согласие достигнуто, расчеты превращаются в указания. Несколько отрядов внутри роя начинают щелкать задними ногами, издавая громкие резкие звуки; остальные присоединяются к хору. Эхо от щелчков возвращается с дополнительной информацией.

Сперва – форма и размер.

Какофония щелчков становится все громче, усиленная тысячами особей; созданные ими звуки проникают сквозь верхние слои тела добычи, сообщая подробности грядущего пира.

Ясно: вокруг сердцевины из твердых тканей шевелится мясо, переливается кровь, извиваются внутренности. Все тело добычи пронизывают электрические разряды, особенно активные внутри черепа.

При виде столь щедрого подарка рой охватывает чувство голода, вызывающее неутолимое желание обглодать добычу до костей. Осы направляются к жертве.

Ничто их не остановит.

Ничто не способно их остановить.

Часть четвертая
Быстрина

Глава 24

8 мая, 16 часов 00 минут по центральноевропейскому летнему времени

Гданьск, Польша

Во внутреннем дворе на цепях висел человек.

– Дурной знак, – сухо прокомментировал Монк, проходя мимо заключенного.

Кэт не доверяла знакам и предзнаменованиям, но, помня о событиях в Таллинне, держалась настороже.

Человек на цепях расхохотался, когда его товарищ сделал фото, – они оба были посетителями Исторического музея Гданьска, посвященного средневековой истории города. Музей занимал несколько готических зданий XIV века. Когда-то здесь располагались тюрьма и лобное место. В одной из башен музея до сих пор в первозданном виде демонстрируют тюремные камеры, где на всеобщее обозрение выставлены старинные орудия пыток.

Впрочем, команда направлялась не туда.

Большая часть пятиэтажного музейного комплекса была посвящена тому, что здесь называли «золотом Балтики». Над стрельчатой готической аркой висела вывеска: «*MUZEUM BURSZTYNU*».

– Музей янтаря, – перевела Елена. Проходя под аркой, она споткнулась о булыжник; Сэм едва успел подхватить ее под руку.

С момента прилета в Гданьск энтомолог постоянно держался рядом с Эленой. Она уже почти оправилась от эффекта, вызванного успокоительным, которое ей вколол похититель, однако Сэм все равно не отходил от нее ни на шаг, особенно когда они шли по Длуге – живописной пешеходной улице, пролегающей мимо высоких средневековых зданий.

Кэт тоже смотрела в оба – но не на Элену, а по сторонам. По улице бродили толпы туристов, и Кэт чувствовала себя неуютно. Старинные дома были приспособлены под бутики и отели, рестораны и кафе. В многочисленных подвалах располагались ювелирные магазины и галереи, специализирующиеся на «балтийском золоте» – напоминании о прежней славе Гданьска как янтарной столицы мира.

Заплатив за входные билеты, Кэт повела группу вверх по крутой лестнице во внутреннюю часть музея. На первом этаже в подсвеченных стеклянных витринах были выставлены произведения искусства из янтаря.

Кэт бдительно оглядывала залы в поисках возможной угрозы, порой невольно любуясь шедеврами, расположенными под стеклом. Дерево с листьями из янтаря среди цветов с янтарными лепестками, средневековый корабль из застывшей смолы с янтарными парусами, лампы с полированными янтарными абажурами, источающими золотистое сияние...

В большой витрине на вращающейся подставке лежало янтарное яйцо Фаберже, покрытое золотой сеткой. Его верхняя часть была открыта – внутри находился полированный шар, тоже из янтаря.

– Как красиво, – выдохнула Елена, доставая очки, чтобы лучше рассмотреть яйцо.

Сэм склонился над витриной.

– Настоящий королевский подарок.

– Даже не представляете, насколько вы правы, – сказала Елена, толкнув его плечом. – Держу пари, что это яйцо – подарок царей и символизирует связь с Россией. Именно там добывалась большая часть янтаря.

– И именно туда направлялся Смитсон, предприняв свое путешествие, – со значением произнес Сэм.

«Пока не прервал его», – подумала Кэт.

Елена кивнула.

– В России янтарь добывают в Калининградской области. Прежде это место называлось Кенигсберг, что означает «королевская гора».

Сэм разогнулся, потер затекшую поясницу.

– Значит, у этого яйца действительно королевская история.

– Причем ее корни уходят в эпоху более древнюю, чем времена русских царей. – Елена, прищурившись, указала на крохотную точку внутри яйца. – Если приглядеться, можно заметить в янтаре маленькую мушку. – Она выпрямилась и обвела взглядом спутников. – Можно сказать, янтарь хранит в себе историю страны. Культурную, политическую и даже биологическую.

– К несчастью для Гавайев, – заметил Монк, – похоже, янтарь сохранил слишком много.

Вспомнив, зачем они здесь, Кэт взглянула на часы.

– Нам пора. – Она направилась к узкой лестнице, ведущей на второй этаж. – Сюда.

Перед отъездом из Таллинна Кэт связалась с директором музея и изложила ему прежнюю легенду: ее команда пытается восстановить утерянную коллекцию минералов Смитсона и, в частности, ищет большой кусок янтаря, добытый в этом регионе. Директор с радостью предложил

свою помощь, особенно после того, как узнал, что в составе команды исследователей приедет библиотекарь Конгресса США. Оставалось только надеяться, что для этого человека все не закончится так же трагически, как для директора Тамма. По последним сведениям, тот перенес операцию, но его жизнь по-прежнему висела на волоске. Лара не отходила от постели отца.

Поднимаясь по ступеням, Кэт мучилась угрызениями совести. Она не хотела подвергать посторонних людей риску, но ситуация на Гавайях ухудшалась с каждым часом, миллионы жизней находились под угрозой, поэтому у нее не было другого выхода.

Они вошли на второй этаж, посвященный истории янтаря. Справа на кирпичной стене висела средневековая карта, похожая на ту, которую показывала Лара. На карте был проложен старинный торговый путь, идущий от Санкт-Петербурга вдоль балтийского побережья в Гданьск, затем поворачивающий на юг через Польшу и заканчивающийся в Италии.

Янтарный путь.

Где-то на этом пути Смитсон и раздобыл свой артефакт.

Где?

– Дорогая, – сказал Монк, прервав ее размышления, – по-моему, вон тот человек пытается привлечь твоё внимание.

На противоположной стороне зала, за бархатным шнуром, преграждающим выход в соседнее помещение, стоял невысокий мужчина в костюме, слишком тесном для выпирающего брюшка, и оживленно махал им рукой. Это и был директор музея. По-видимому, он узнал Элену, потому что обратился сразу к ней:

– Доктор Дельгадо, какая честь!

Между директором и группой по залу ходили многочисленные туристы.

Кэт подавила стон. Она просила директора сохранить их визит в тайне, но тот, по-видимому, пропустил ее просьбу мимо ушей. Убрав бархатный шнур, он пропустил их в отгороженное помещение.

– Какое счастье, – воскликнул директор, – какая честь для меня принимать библиотекаря Конгресса в нашем скромном музее!

Элена приняла это выражение профессионального восхищения как должное.

– Благодарю вас, господин Боско, – с приветливой улыбкой сказала она, пожимая ему руку, – мы чрезвычайно ценим вашу помощь... и вашу осторожность.

Она особенно подчеркнула последнее слово, бросив на Кэт

извиняющийся взгляд.

Директор закивал.

– Разумеется! Прошу за мной, обсудим все за закрытыми дверями.

Кэт последовала за Боско в соседний зал. В разделенном перегородками помещении стояло несколько пустых витрин – очевидно, здесь готовилась новая экспозиция. Директор повел гостей в глубь зала. Конечно, лучше, чем разговаривать у всех на виду, но вряд ли «за закрытыми дверями»...

На столе в беспорядке лежало несколько предметов из янтаря.

– Я тут кое-что собрал. Возможно, это поможет вашему исследованию, – сказал Боско. – Надеюсь, вы не сочтете меня слишком самонадеянным.

– Вовсе нет, – заверила его Елена.

Кэт внимательно осмотрела коллекцию: ни документов, ни журналов, ни книг.

– Вам удалось найти свидетельства, подтверждающие, что Джеймс Смитсон бывал в вашем городе?

Боско покачал головой, поджав губы.

– Увы, нет. Мы проверили все записи вплоть до даты, когда мистер Смитсон сел на торговый корабль и отправился в Таллинн. – Печаль, омрачившая его лицо, быстро растаяла, сменившись выражением кипучего оптимизма. – Но я уверен, рано или поздно мы обязательно что-нибудь найдем!

Кэт стало ясно, что они попусту тратят время.

– Взгляните, – сказал Сэм, указывая на один из предметов, лежащих на столе. – Поразительно!

Все подошли ближе. Под увеличительным стеклом лежал кусок янтаря размером с кулак. Он был подсвечен сзади, чтобы лучше показать то, что находилось внутри.

– Ящерица... – произнесла Елена, взглянув в увеличительное стекло.

– Одна из наших достопримечательностей, – заявил Боско, раздуваясь от гордости. – Это очень большая редкость, когда животное прекрасно сохранилось в янтаре, причем целиком, от кончика носа до кончика хвоста.

Кэт тоже оценила значение экспоната – он напомнил ей о том, что именно они ищут. Очевидно, это не укрылось и от директора.

– Когда вы описали артефакт, найденный мистером Смитсоном – большой кусок янтаря, содержащий кости древней рептилии, – я, разумеется, сразу вспомнил о нашем образце. Надеюсь, он поможет вам в поисках.

– И каким же образом? – осведомилась Кэт.

– Этой малышке тридцать два миллиона лет, – сказал Боско, указывая на ящерицу. – Таков типичный возраст янтаря, добываемого в нашем регионе. Залежи янтаря вдоль побережья Балтики относительно молоды, они формировались во время третичного периода, то есть от тридцати до пятидесяти миллионов лет назад. Этот кусок янтаря кажется твердым, но на самом деле он застыл не до конца.

– Вы хотите сказать, что эта штука еще твердеет? – спросил Монк, разглядывая экспонаты, разложенные на столе.

– Именно так, – Боско широко улыбнулся, его щеки порозовели. – Поэтому я полагаю, что артефакт мистера Смитсона происходит не с берегов Балтики.

На Кэт тяжким грузом обрушилось отчаяние. *Значит, все это время мы шли по ложному следу?*

– Если вам нужен по-настоящему древний янтарь, ищите не здесь, – продолжил Боско. – Месторождения янтаря разбросаны по всему миру. Например, у вас в стране или в Испании... Вас должен интересовать янтарь возрастом около двухсот миллионов лет.

– Почему? – резко спросила Кэт, теряя терпение.

Директор уловил ее настрой и несколько умерил свой энтузиазм.

– Когда вы звонили мне, вы упомянули, что кости, застывшие в артефакте, предположительно принадлежат маленькому *динозавру*...

– Да, так.

– Значит, образец мистера Смитсона происходит из очень древних залежей. Если предположить, что животное жило, самое позднее, в меловом периоде – именно тогда динозавры начали вымирать, – возраст янтаря должен быть от восьмидесяти до ста миллионов лет. То есть вдвое старше балтийского янтаря.

– Получается, что артефакт найден где-то за пределами Янтарного пути? – спросила Кэт, указывая на карту, висящую в соседнем зале.

– Я не это имел в виду, – назидательно произнес Боско, – я хотел сказать, что артефакт добыт не на нашем побережье. Однако в незапамятные времена доисторический океан Тетис покрывал территорию нынешнего юга Польши. А леса, росшие вдоль побережья Тетиса, источали густую смолу, которая впоследствии превратилась в янтарь.

Теперь до Кэт начало доходить.

– Значит, чем южнее, – она снова указала на карту, – тем старше янтарь.

– Да, южный янтарь достаточно стар, чтобы сохранить кости

динозавров, – подтвердил директор, вновь просияв.

Но где именно?

– Должно быть, вы гадаете, где же искать, – добавил Боско, словно прочитав мысли Кэт. Он был определенно умнее, чем казался из-за клоунского энтузиазма. – Вот здесь представлены экспонаты от самого молодого до самого старого. Обратите внимание: чем старше янтарь, тем темнее – вплоть до красно-коричневого цвета. Самые старые образцы найдены в голубой земле.

– Что за голубая земля? – переспросил Монк.

– Научное название – «глауконито-слюдисто-кварцевые пески». По сути дела, это соленый песчаник, который формировался на краю отступающего моря.

– То есть на берегу высыхающего Тетиса, – кивнул Монк.

– Вот именно. Поэтому самые древние и глубокие залежи голубой земли находятся на юге Польши.

– Как раз там, где проходил Янтарный путь, – сказала Кэт.

Внезапно ей захотелось повнимательнее взглянуть на карту. Что-то не давало ей покоя, но она не могла точно сказать, что именно.

Боско заговорщически улыбнулся.

– Поэтому я взял на себя смелость...

Рядом раздался грохот. Все вздрогнули и посмотрели на вход в зал. Металлическая стойка, к которой был прикреплен бархатный шнур, упала на пол. Послышались приближающиеся шаги.

Кэт потянулась к пистолету, спрятанному под курткой.

16 часов 20 минут

Элена отступила за стол, а Монк и Кэт одновременно достали пистолеты и нацелили их на вход. Сэм встал рядом с Эленой.

Директор с ужасом уставился на оружие, но тут же взял себя в руки и успокаивающе поднял ладонь.

– Не стреляйте. Я хотел вам рассказать...

Из-за перегородки быстрым шагом вышел высокий сутулый человек. Длинный плащ на его костлявых плечах развевался словно парус. К груди мужчина крепко прижимал потертый портфель. Незнакомцу было не больше сорока, хотя из-за болезненной худобы он казался старше и мрачнее. Заметив оружие, мужчина не испугался, лишь помрачнел еще больше, словно заранее ожидал засады.

– Это доктор Дамиан Сласки, – представил Боско новоприбывшего, встав между ним и пистолетами. – Мой коллега работает в Музее янтаря,

который недавно открылся в Кракове. Когда вы позвонили, он как раз приехал к нам, чтобы взять несколько экспонатов для выставки, посвященной добыче янтаря в восемнадцатом веке.

– А много еще таких музеев янтаря? – вполголоса пробормотал Монк. Боско услышал его и принял вопрос всерьез.

– В Копенгагене, в Доминиканской Республике и, конечно, на севере отсюда, в Калининграде.

– Не забудь про Палангский музей янтаря в Литве, – мрачно заметил доктор Сласки, пренебрежительно пожав плечами. – Правда, он считается филиалом Литовского художественного музея.

Кэт метнула на Монка уничтожающий взгляд за вопрос не по теме и постаралась вернуть разговор в нужное русло.

– Директор Боско, я так поняла, вы попросили доктора Сласки помочь нам?

– Да-да, именно. Если вас интересуют залежи по-настоящему древнего янтаря, тогда мой дорогой друг Дамиан – именно тот, кто вам нужен.

Боско хлопнул Сласки по плечу; тот молча вздохнул. Эти двое представляли из себя странную пару: один низенький и толстый, другой высокий и тощий. Да что там внешность – их характеры были полной противоположностью друг другу. Неудержимый оптимист Боско, казалось, просто не умел хмуриться, в то время как на лице Сласки навсегда застыло недовольное выражение.

И тем не менее Елена почувствовала, что эти мужчины состоят не просто в профессиональных отношениях – они настоящие друзья.

– У себя в музее Дамиан заведует исследовательской лабораторией, – восторженно продолжал Боско. – У него единственный в Кракове спектрометр для оценки янтарных изделий. Он – крупный специалист по установлению возраста янтаря. Самый главный эксперт в этой области.

Боско с улыбкой взглянул на коллегу, однако тот лишь пожал плечами, словно признавая, что комплимент заслуженный, но ему все равно.

– Краков расположен недалеко от южной границы Польши, – пояснил Боско. – Там очень старые слои голубой земли, пласты морского песчаника, оставшегося после ухода Тетиса, и именно там находятся немногочисленные месторождения древнего янтаря.

– Насколько немногочисленные? – спросила Кэт.

Елена понимала важность вопроса. Если залежи действительно немногочисленны, это сильно сузит область их поисков.

– Я собрал данные о всех месторождениях, как давно известных, так и недавно открытых, – ответил доктор Сласки. – Мне удалось сделать это

благодаря историческому музею под Краковом, где собрана большая коллекция карт. На некоторых из них, в том числе датированных четырнадцатым веком, отмечены залежи древнего янтаря.

– Если б вы могли поделиться своими изысканиями, – терпеливо сказала Кэт, – вы оказали бы нам неоценимую помощь. Тогда мы сможем определить место, откуда Джеймс Смитсон добыл свой артефакт.

– Или хотя бы сузить область поиска, – добавила Елена.

– Вероятность этого невысока, – покачал головой Сласки. – Я отметил на карте более трехсот месторождений на территории южной Польши.

Кэт поморщилась, однако решила не сдаваться.

– Может быть, если сузить параметры поиска до того периода времени, когда Смитсон предпринял путешествие по Янтарному пути...

Угрюмый ученый покачал головой.

– Не стоит. Я спешил сюда, потому что мне кажется, я знаю, где Смитсон раздобыл свой образец.

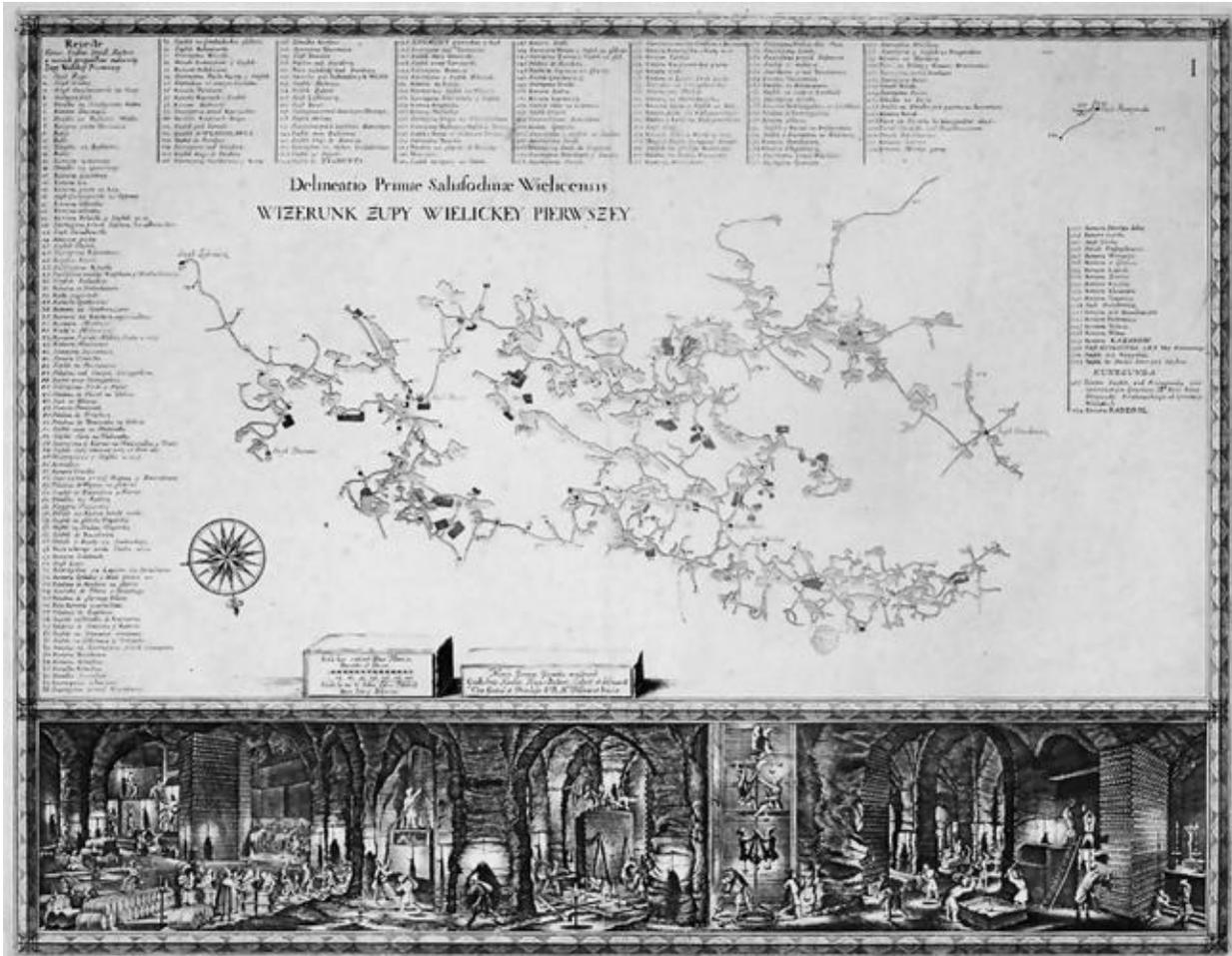
– Неужели? – удивленно спросила Кэт.

– Я же говорил, Дамиан – тот, кто вам нужен! – воскликнул Боско, радостно хлопнув в ладоши.

16 часов 32 минуты

– И что это такое? – спросила Кэт.

Они собрались вокруг ноутбука, который доктор Сласки достал из портфеля и поставил на стол. На экране монитора появилось изображение старинной карты.

– Это карта из коллекции исторического музея. Ее нарисовал Вильгельм Гондиус в тысяча шестьсот сорок пятом году, но есть предположения, что при составлении карты он основывался на более ранней работе Марциана Германа.

– Хорошо, – с нажимом произнесла Кэт, чувствуя, как тает время, – но в чем значение этой карты?

– Она, в частности, фигурировала в моем исследовании среди других карт. Здесь отмечены два месторождения янтаря. Но я не поэтому хотел показать вам ее, – Сласки в упор посмотрел на Кэт. – Вы должны понять, что залежи янтаря на юге Польши весьма редки, относительно невелики и хаотично разбросаны по местности. Поэтому никто специально не разрабатывал янтарные месторождения. Янтарь находили случайно, попутно.

– То есть вы хотите сказать, что на залежи натыкались во время добычи других ископаемых? – спросил Монк.

– Это перекликается с записью в дневнике Арчибальда Макклиша, –

добавила Кэт. – Смитсон, выпив в таверне, сообщил геологу, что какие-то шахтеры наткнулись на богатую янтарную жилу.

Она не стала рассказывать историю до конца, о том, как нечто вырвалось на свободу – ужасное заболевание, переносимое жалящими насекомыми.

Очевидно, шахтеры разрубили застывшие в янтаре доисторические кости, наполненные криптобиозными кистами одокуро. В результате они вдохнули или проглотили попавшие в воздух споры и превратились в ходячих мертвецов: вылупившиеся из кист личинки сожрали их изнутри, а из трупов вылетели взрослые осы.

Неудивительно, что шахту взорвали вместе с людьми, а потом засыпали землей.

– Как я говорил, залежи янтара находили случайно. Во времена мистера Смитсона в Польше было много действующих шахт. Там добывали медь, серу, серебро. А в Южной Польше добывали в основном каменную соль. – Доктор Сласки указал на карту. – Вот одно из месторождений, указанное на карте Гондиуса. Он даже выгравировал внизу карты виньетки, изображающие процесс добычи. Здесь видно, как много ископаемых добыто из данной конкретной шахты.

– И что это за шахта? – спросила Елена, разглядывая сквозь очки рисунки, идущие по краю карты.

– Одна из самых знаменитых в Польше – Соляная шахта в Величке. Она была основана в тринадцатом веке и действовала вплоть до две тысячи седьмого года. Признана объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

– За что какая-то старая шахта удостоилась такой чести? – недоверчиво спросил Монк.

– О, вам обязательно следует посетить ее! – вклинился Боско, сияя от восторга. – Поразительное место! В течение долгих веков целые поколения шахтеров украшали подземные залы рельефами и скульптурами, в основном на религиозные темы. Таким образом они искали милости божьей в надежде, что господь спасет их от гибели в шахте.

– Эти произведения искусства издавна привлекают в Величку множество посетителей, – не без гордости продолжил Сласки. – В шестнадцатом веке шахту посетил знаменитый астроном Николай Коперник. А в наше время там побывали несколько президентов Соединенных Штатов и нынешний папа римский.

Кэт начала понимать.

– Такая слава определенно должна была привлечь геолога, путешествующего по Янтарному пути...

– Разве он мог туда не заехать? – с еле заметной улыбкой произнес ученый. – Поэтому я позвонил в музей шахты и попросил их поднять реестр посетителей за тот период, когда ваш мистер Смитсон был в Польше.

– И вы нашли там его имя? – спросил Монк.

Сласки кивнул.

Кэт изучала старинную карту на экране монитора.

– Судя по карте, янтарь в этой шахте находили с давних времен.

– Верно. В соляных пластах часто попадаются залежи янтаря.

Кэт почувствовала, что они подобрались совсем близко.

Сэм кашлянул. Как энтомолог он не мог внести весомый вклад в этот исторический экскурс, однако было заметно, что и у него есть свои соображения.

– Вы хотите что-то добавить? – спросила Кэт.

– Я вспомнил одну деталь, которую обнаружил в заметках профессора Мацуи, касательно... – Сэм осекся и выразительно взглянул на двух поляков, сомневаясь, стоит ли говорить в их присутствии.

Кэт была бы рада отбросить предосторожности, ведь время на исходе, но все же отвела Сэма в сторону.

– Касательно чего? – спросила она, понизив голос.

– Профессор Мацуи приписывал фактическое бессмертие ос генетическим особенностям, заимствованным ими у других насекомых и у так называемой «темной материи жизни» – микроорганизмов Лазаря, которые могут находиться в спячке в течение сотен миллионов лет, а потом возродиться.

Кэт припомнила – да, было что-то такое.

– И?..

– Профессор Мацуи составил список микроорганизмов Лазаря: *Natronobacterium*, *Virgibacillus*, *Halorubacterium*, *Oceanobacillus*. Все они были найдены в кристаллах. И не просто в каких-то кристаллах, а в кристаллах одного типа.

Кэт догадалась.

– Соль.

Сэм кивнул.

– Возможно, из-за того, что осы оказались рядом с этими любителями соли, микробы проникли в их организм. Со временем геном микробов внедрился в геном ос, наделив их способностью к криптобиозу.

То есть к жизни после смерти.

– Если вы правы, то мы на правильном пути. – Кэт посмотрела на

часы. – Есть только один способ проверить нашу догадку.

Они вернулись к группе.

– Завтра я возвращаюсь в Краков, – сказал Сласки. – И могу поехать с вами.

Кэт вспомнила, как сочилась кровь между ее пальцев, когда она пыталась спасти жизнь директору Тамму, и решила отказаться.

Но поляк был настойчив.

– Я знаком с шахтой и местными сотрудниками. Попрошу их помочь вам.

У нас так мало времени, разве я могу не принять помощь?

– Спасибо, доктор Сласки. Будем вам очень благодарны.

Распрощавшись с директором Боско, они покинули музей и вышли на улицу Длуга. Мимо ювелирных магазинов и маленьких кафешек курсировали толпы туристов и местных жителей.

Вскоре Кэт решила поделиться с мужем своим умозаключением.

– Похоже, я должна извиниться перед Айко Хигаши.

– Да, похоже, что так, – подтвердил Монк.

Перед отъездом из Таллинна Кэт попросила Пейнтера запустить дезу для японских спецслужб – дать им наводку на ложный след в Санкт-Петербурге. Если источник утечки находится в Японии, тогда враги должны искать их в России.

– Сколько? – спросила Кэт.

– Я насчитал пятерых.

За нами следят.

Кэт как ни в чем не бывало продолжала идти, приготовившись действовать, если враги попытаются напасть. Впрочем, те, похоже, извлекли урок из неудачи в Таллинне и теперь просто следовали по пятам.

Как поступить: попытаться оторваться от хвоста или не показывать виду, что им известно о преследовании? У каждой тактики есть свои достоинства и недостатки.

Но ей не давала покоя еще одна неприятная мысль.

Как они узнали, что мы в Гданьске?

Ответ был только один.

Или в округе Колумбия, или здесь... Среди нас предатель.

Глава 25

8 мая, 03 часа 33 минуты по самоанскому времени

Атолл Икикауо

Стиснув зубы так, что заболела челюсть, Грей наблюдал, как черный прилив окружает трех пленников. Предотвратить то, что сейчас случится, невозможно.

Термин профессора Мацуи для этой разновидности осиных трутней – бескрылых плотоядных он называл *жнецами* – предсказывал судьбу трех человек, оказавшихся в ловушке.

От общей массы насекомых отделился один бесстрашный падальщик и устремился к пальцам ног Ковальски. Тот, со скованными руками, смог лишь топнуть ногой. Поставив на насекомое пятку, гигант сморщился от отвращения. Губы его шевелились, но проклятия тонули в звукоизолирующей камере.

Ковальски поднял ступню, чтобы осмотреть результат, и ничего не увидел – массивное тельце бескрылой осы избежало удара. Жнец подскочил вверх, приземлившись на широкой ступне Ковальски, а потом скрылся на волосатой лодыжке.

Ковальски попытался смахнуть насекомое другой ступней, но не смог его даже задеть.

И гримаса отвращения перешла в удивленный, безмолвный крик.

Грей представил, как вгрызаются в плоть бритвенно-острые мандибулы.

По ступне великана потекла кровь.

Двоюродные братья Палу – Макайо и Туа, – прикованные справа от Ковальски, попятились прочь от роя, медленно надвигающегося со всех сторон. Трое мужчин прижались друг к другу в центре камеры.

– Пожалуйста, не надо, – взмолился Кен. Профессора держали на мушке у окна рядом с Греем трое вооруженных людей. Еще трое стояли наготове позади.

– Тогда расскажите то, что я хочу знать. – Валя подняла ладонь к большой зеленой кнопке, видимо, экстренному выключателю. – И я остановлю пытку.

Кен взглянул на Грея. Тот покачал головой, запрещая профессору говорить.

Валя обратила холодный взгляд на Айко.

– Ответить может любой.

Японка стояла, чуть отвернув лицо от окна, словно хотела зажмуриться, но не позволяла себе закрыть глаза. Возможно, из какого-то чувства долга перед окруженными мужчинами: *если они должны страдать, пусть страдаю и я.*

В ответ на слова Вали Айко повернулась к окну.

Михайлова опустила руку.

– Ладно, так тому и быть.

Масахиро стоял рядом с ней, сложив руки на груди. Лицо его хранило презрительное выражение – не из-за отвращения к тактике Вали, а потому, что он считал ее усилия бесполезными.

– Возможно, этой женщины здесь и нет.

– Ее действительно нет! – прорычал Грей. – Повторяю, она на Мауи. Пытать этих людей бессмысленно.

Масахиро бросил на Валу испепеляющий взгляд, означающий «я же говорил», затем посмотрел на часы.

– Пора эвакуироваться. – Он пренебрежительно махнул в сторону окна. – Эти трое моему дедушке не нужны, оставьте их там. Остальных забираем и отправляемся.

Валя отвернулась.

– Без Сейхан – нет.

Масахиро нахмурился и еле слышно выругался:

– *Бака месу...*

Она не обратила внимания, явно довольная, что одержала верх.

Долго ждать не пришлось.

В комнате черный прилив наконец распался, видимо, привлеченный каплями крови Ковальски. Орда жнецов обрушилась на трех скованных мужчин.

Туа встал на цыпочки, словно это могло спасти от угрозы. Его брат, Макайо, даже смог оторвать обе ноги от пола – он повис на цепях, – но и это не помогло. Наручники глубоко впились в кожу, и одну ногу пришлось опустить. Ступня окунулась в передний край черной массы. Туа приплясывал под напором жнецов, ползущих черными потоками по его ногам.

Ковальски, орудуя громадными ступнями, как парой веников, пытался расчистить пол вокруг себя. Но ос было слишком много.

За несколько секунд жертвы до пояса покрылись толстым покрывалом кусающихся ос. Трое мужчин отчаянно извивались в цепях – уже не в тщетной попытке стряхнуть насекомых, а просто в агонии.

Рты распахнулись в безмолвном крике.

Грей знал, что дальше будет только хуже.

Новые и новые жнецы бросались в атаку. До сих пор они, похоже, жалили только ноги до талии. Ковальски пытался сбить насекомых; кровь брызнула на окно.

Айко, окончательно сдавшись, отвернулась и зажмурила глаза.

Грей продолжал смотреть, чувствуя, что обязан сделать для этих людей хоть что-то.

Как долго это будет продолжаться?

Словно услышав вопрос, профессор Мацуи предложил ответ:

– Жнецы – паразитирующие личинки и не тронут жизненно важные органы. – Энтомолог говорил спокойно, пытаясь отстраненностью клинического исследователя, как щитом, отгородиться от ужаса. – Они сохраняют источник пищи живым. И проедают дорогу от периферии к центру – снаружи внутрь.

Грей смотрел на мучения жертв, мечтая, чтобы Кен заткнулся. Однако профессор продолжал:

– Жнецы при укусе вводят паралитический яд и своим громадным количеством подавляют любую добычу.

Айко слушала, по-прежнему не открывая глаз.

– А паралич прекратит боль?

– Нет, – выдохнул Кен, как будто простонал. – Лишенные движений жертвы чувствуют каждый укус, пока их едят живьем.

Через забрызганное кровью стекло было видно, как еще борются, еще извиваются три человека. Если профессор прав, борьба скоро прекратится.

Но не боль.

Валя заговорила с ужасающим спокойствием, глядя на Грея:

– Я предупреждала, что дам *три* шанса рассказать мне, где Сейхан. И это третий шанс.

Она снова поднесла ладонь к зеленой кнопке.

Грей молчал, хотя мышцы спины дрожали. Даже звукоизоляция не могла скрыть отчаянные крики из камеры.

Валя подождала еще немного и, протянув руку, щелкнула выключателем под окном. Скрытые динамики внезапно взорвались воплями агонии.

Черная орда поднялась пленникам выше пояса. Насекомые облепили бока и скованные руки, устроив пир, как и описывал Кен.

Снаружи внутрь.

– Она здесь, – выдохнул Грей.

Валя наклонила голову и бросила взгляд на Масахиро.

– И что это значит?

Прорвавшаяся ярость дала Пирсу силы смотреть Вале в глаза.

– Сейхан больна. Поражена паразитами, как я и говорил. Но она на острове.

– Где?

– Не знаю. – Он нахмурился. – Последний раз я видел ее в озере. Вряд ли ей хватило сил доплыть.

Валя уставилась на него, прищурившись.

– Это... это правда, – сказал Кен.

Даже Айко кивнула, снова открыв глаза.

Михайлова по очереди посмотрела на каждого, прежде чем принять решение.

– В общем-то, я вам верю. – Она опустила ладонь, так и не нажав кнопку. – Но этого недостаточно.

Она махнула вооруженным людям, отойдя от стекла.

– Тут мы закончили. Отведите их к самолету.

В камере трое мужчин качались на цепях, как мясные туши на крюках. Крики агонии преследовали Грея и остальных, когда их под прицелом повели прочь от окна.

Пирс замешкался, оцепеневший от понимания того, что он ничем не может помочь людям в камере. Зато у него появилась новая цель.

Глядя в спину Вале, он дал молчаливую клятву. *Когда я буду убивать тебя, ты станешь кричать еще громче.*

03 часа 55 минут

Слишком долго мы сюда добирались...

Сейхан сомневалась, правильно ли она поступает, направляя украденный подводный аппарат к доку станции. Стекло купол со стальным полом представлял собой нижний уровень комплекса, светящуюся прилипалу на дне исследовательской станции.

К главному доку приткнулась миниатюрная подлодка – гигантская минога, присосавшаяся к зданию. За ее корпусом луч света выхватывал черный глаз туннеля, ведущего в открытый океан.

Батискаф поднялся к поверхности круглого бассейна в центре дока. Воздух под давлением внутри купола не давал озеру затопить остальную станцию. Наконец аппарат вышел на поверхность; соленая вода стекала с тела Палу и со стеклянного козырька над пилотом. Впереди замаячил

мутный силуэт идущего к ним дежурного по доку.

Сейхан нахмурилась. Она-то надеялась, что тут никого не будет.

Как бы не так.

Дежурный энергично замахал рукой.

– *Хайакусиро!* – поторопил он их, приняв за вернувшийся экипаж.

Сейхан и Палу еще не сняли маски, взятые у мертвецов, так что ошибиться было нетрудно.

Дежурный показал на свой радионаушник и затараторил по-японски. «Только что объявлена эвакуация. У нас пятнадцать минут, чтобы покинуть здание».

Палу вылез из хвоста аппарата и тут же, стоя на краю бассейна, повернулся спиной к дежурному – как будто собирался помочь Сейхан.

Дежурный схватил Палу за руку и потянул к выходу. «Иди к шлюзу». К сожалению, гаваец не понимал по-японски.

Сейхан выкатилась с сиденья пилота на заднюю палубу и отбросила акваланг.

Узкие глаза дежурного округлились в изумлении.

Сейхан ожидала такой реакции – ее гибкую фигуру не мог скрыть гидрокостюм. Дежурный не успел сделать и шага, а Сейхан уже прыгнула на него с ножом в руке. Клинок вспорол горло – выше гортани, чтобы нельзя было крикнуть в микрофон. Сейхан заглушила предсмертное бульканье, зажав умирающему рот ладонью. Кровь потекла по стальному полу в бассейн.

Палу отбросил маску и двинулся к шлюзу, держась в стороне от круглого окошка в двери. Над дверью горел зеленый свет, видимо, показывая, что давление в переходном шлюзе совпадает с давлением в доке.

Сейхан поднялась – и тут ее снова пронзила боль. Ноги внезапно ослабли.

Подбежал Палу.

– Идем.

Обхватив рукой, он повел ее к шлюзу. Открыл дверь, втолкнул Сейхан в тесное пространство, забрался следом и захлопнул дверь.

Горящие цифры таймера принялись отсчитывать три минуты – пока давление в шлюзе понизится до давления в главной станции. Сейхан в нетерпении шагнула к маленькому окошку и увидела стеклянный туннель, ведущий от дока. Туннель, к счастью, был пуст.

Хоть тут повезло.

Радости хватило ненадолго.

Внезапно завывла сирена. В замкнутом пространстве звук оглушал. Сигнал к эвакуации? Или их обнаружили?

Палу в ответ ткнул пальцем в сторону дока.

Под куполом поворачивалась вправо-влево наблюдательная камера. Эту камеру Сейхан, охваченная мучительной болью, не заметила.

В конце стеклянного туннеля появились трое в шлемах и бронежилетах. Они спешили к шлюзу с винтовками на изготовку.

Сейхан взглянула на таймер.

Еще две минуты.

Они сами захлопнули свою ловушку.

Сейхан посмотрела на Палу, задав безмолвный вопрос.

Ты готов?

Он пожал плечами – понимал, что выбора у них нет.

04 часа 04 минуты

Пока сирена продолжала реветь, Кен стоял спиной к стене туннеля, остальные – справа и слева от него, под прицелом винтовок. Вокруг царила неразбериха.

Мацуи посмотрел вдоль туннеля на забрызганное кровью окошко в пяти шагах от себя. Когда взвывла сирена, группу остановили в туннеле. Но даже сигнал тревоги не перекрывал вопли трех мужчин. Жнецы уже облепили их руки, ноги и низ живота. Тела дергались слабее – начинал действовать парализующий яд.

Поблизости Валя и Масахиро переговаривались по радио. Грей не мог разобрать слов из-за поднятого шума. Потом альбиноска обратила на него ледяной взгляд, и уголки ее плотно сжатых губ чуть поднялись – Михайлова явно была довольна.

Сирена внезапно замолкла, хотя в ушах у Кена продолжало звенеть.

Валя повернулась к ним.

– Похоже, наш допрос оказался ненужным.

– Сейхан здесь... – Грей кивнул.

– Причем упакована и готова к отправке дедушке Масахиро.

Грей не выказал беспокойства. Напротив, он выпрямился и устремил острый взгляд на Валью.

– Я бы не говорил так уверенно.

04 часа 07 минут

В окошко переходной камеры Сейхан глядела на трех вооруженных мужчин, охраняющих туннель. Над головой таймер отсчитывал последние

секунды сброса давления, показывая, что скоро защитный замок тамбура отперется.

Палу прислонился к стене, принимая неизбежное.

Наконец таймер показал 00:00, и красный свет сменился зеленым.

Время вышло.

Трое за дверью заняли позиции: двое застыли в нескольких шагах по туннелю, нацелив винтовки на дверь, третий закричал в окошко:

– Руки на голову! Чтобы я видел их!

Сейхан повиновалась, Палу повторил ее жест.

– Когда открою дверь, не двигаться. Выходить только по команде. Ясно?

Сейхан кивнула за обоих.

Мышцы рук и ног сковала боль – трудно было даже просто стоять. Ей представилось, как личинки проедают ходы в ее плоти, оставляя за собой огонь.

Хватит!

Охранник шагнул в сторону и открыл стальную дверь, прикрывшись ею, как щитом – на случай, если пленники что-то задумали. Двое его коллег прижались щеками к прикладам винтовок, целясь в шлюз.

Довольный охранник у двери крикнул:

– Выходите медленно. Кто уберет руку от головы – умрет.

Сейхан вышла первой. Внутри станции воздух был прохладнее, чувствовалась и разница в давлении. Даже такие незначительные перемены явно рассердили личинок – дикая боль пронзила ноги. И все же она продолжала идти медленно и ровно, сцепив пальцы на макушке. За ней шел Палу, тоже с поднятыми руками.

Охранник отшагнул от двери, наставив оружие пленникам в спины.

– Вперед, – приказал он. – Медленно.

Сейхан позволила охранникам гнать их по туннелю к главному корпусу станции. В голове у нее, отсчитывая время, щелкал свой таймер – навык, полученный благодаря обучению в Гильдии.

Когда они достигли места, где туннель поворачивал к главной станции, лоб Сейхан покрылся капельками пота. Дышала она прерывисто. Дикая боль резала все тело. Сейхан остановилась на повороте, согнувшись почти пополам. Руки дрожали, она с трудом удерживала ладони на макушке.

– Вперед! – заорал охранник за спиной.

Палу обернулся и прорычал:

– Она больна, братишка. И беременна. Дай ей отдышаться.

Охранник нахмурился, прислушиваясь к неровному дыханию Сейхан.

– Десять секунд.

Хватит двух.

Когда таймер в голове щелкнул, Сейхан прыгнула к боковому туннелю, вытягивая клинок из ножен на запястье.

Палу прыгнул за ней.

Прежде чем охранники успели среагировать, вся станция содрогнулась от взрыва. Уши заложило ударной волной. Сейхан упала на ближайшего охранника, которого взрыв повалил на землю, воткнула нож ему под подбородок, уперлась в кость, потом вырвала винтовку из рук. Не поднимаясь, выстрелила в охранника, который шел позади, и пробила ему горло.

Палу налетел на третьего охранника и молотил кулаком, пока тот не обмяк.

– Пошли, пошли, пошли!

Сейхан изучила план-схему станции еще на причале дока, причем план превратился в голове в объемную модель. Однако подготовка этим не ограничилась. Сейхан заготовила военную уловку, которую усвоила не в Гильдии, а от Грея.

Импровизируй на ходу – применяй старые средства по-новому, неожиданно.

Средство, которое решила применить Сейхан, действительно было старым – им пользовались во Вторую мировую. Еще на кладбище японских бомбардировщиков она отыскала в песке то, что хотела: целую торпеду. Вместе с Палу они прикрепили ее под днищем украденного подводного аппарата и установили на носу заряд взрывчатки С-4 с таймером.

Впрочем, тогда было не ясно, сохранился ли механизм в воде гиперсоленого озера.

Теперь ответ пришел.

За спиной бегущих Сейхан и Палу нарастало клочкотание; Сейхан ждала эту опасность. Она словно наяву видела, как взрывом сорвало двери воздушного шлюза, а то и разнесло весь док. Не сдерживаемое больше повышенным давлением в куполе, в станцию хлынуло озеро.

Сейхан решилась бросить взгляд через плечо. За массивной фигурой Палу из-за поворота показалась вода. Она ударила в стену с такой силой, что затрясся весь туннель. Бурлящая струя, обогнув угол, понеслась, толкая впереди клубок тел.

– Сейхан! – крикнул Палу, широко распахнув глаза; в его голосе зазвенела паника.

В десяти шагах впереди стягивалась, запирая туннель, стальная

лепестковая диафрагма. Видимо, датчики среагировали на взрывную декомпрессию, и аварийная автоматика закрывала люки, отрезая затопленные секции станции.

Сейхан толкнулась пальцами ног от стального перфорированного пола и понеслась вперед, черпая силы из дикой боли в мышцах ног и живота. Она добежала до сужающейся диафрагмы и нырнула головой вперед, в отверстие.

Палу...

Грузный гаваец не мог бежать с такой скоростью. Вспененный водяной вал рычал за его спиной, отрывая от стального пола целые куски. Бронированное полимерное стекло трещало вокруг. Диафрагма закрывалась.

Сейхан осознала правду.

Палу тоже: ужас понимания блеснул в его глазах.

Не уйти.

Глава 26

8 мая, 04 часа 18 минут по самоанскому времени

Атолл Икикауо

Хаос всегда порождает шанс.

Грей действовал на основе инстинкта, полученного на курсах армейских рейнджеров и отточенного за годы работы на «Сигму». Когда взрыв потряс станцию, вызвав полную неразбериху, командер прыгнул к ближайшему охраннику и ухватился за ствол его винтовки. Дернул винтовку на себя и ударил прикладом охраннику в нос.

Хрустнула кость, винтовка освободилась. Грей развернул ее, опускаясь на колено, и выстрелил другому охраннику в голову. Рядом Айко нанесла еще одному противнику неожиданный боковой в челюсть. Перекатившись через его тело, она встала с винтовкой в руках и застрелила последнего вооруженного охранника.

Все заняло четыре долгие секунды – и, к сожалению, не только Грей воспользовался ситуацией.

Пирс повернул оружие в сторону главной угрозы, но Валя уже прижимала Кена к своей груди, обхватив рукой его шею. В другой руке русская держала пистолет, приставленный к виску профессора. Прикрываясь Кеном, как живым щитом, она потащила его в боковой туннель и вслед за Масахиро скрылась за углом.

Грей смотрел им вслед.

– Останься тут, – приказал он Айко. – Прикроешь меня.

– *Хай.* – Айко встала поустойчивей, прижав захваченную винтовку к плечу и направив ее в сторону поворота туннеля – на случай, если появится враг.

Грей повернулся в другую сторону и побежал по туннелю к трем запертым пленникам.

Их крики прекратились – зловещий знак.

Добравшись до окна, он увидел, что тела пленников обвисли в оковах. Размахнувшись, Грей хлопнул ладонью по зеленой экстренной кнопке. Зазвенел сигнал тревоги, и из сотен распылителей на потолке хлынули густые струи белой пены, немедленно укрыв тела мужчин. От силы потока и добавленного в пену инсектицида черные тельца сыпались с рук, ног и животов. Белопенный раствор, смывая насекомых, утекал в дренажные отверстия уже ярко-красным – от человеческой крови.

Поток пены иссяк, фыркнув напоследок, сирена умолкла.

Грей рванулся к двери и повернул стопорное колесо, прерывисто дыша от усилия и от ужаса.

Неужели я опоздал?

04 часа 22 минуты

– Давай! – закричала Сейхан.

Она присела у закрывающейся лепестковой диафрагмы. Поток воды с оторванными стальными листами гнался за Палу, который уже подбегал к люку. Лепестки диафрагмы скрипели, вгрызаясь в захваченную штурмовую винтовку, которую Сейхан секунду назад вставила поперек закрывающегося отверстия, чтобы оставить проход для Палу. От мощи механизма люка винтовка дрожала.

Ее ствол начал гнуться.

Давай.

Палу добежал до люка и нырнул в него головой вперед. Бедрями он уперся в винтовку – пришлось извиваться и царапаться, чтобы протиснуться. Наконец гаваец вкатился в туннель.

Сейхан дернула штурмовую винтовку, чтобы вытащить ее, но диафрагма держала оружие крепко. Если люк останется открытым, им не спастись от яростного потока.

Палу бросился на помощь, явно осознав грозящую опасность.

Они вместе попытались выдернуть винтовку.

Но та не желала вылезать – а потом стало слишком поздно.

Стена воды ударила в люк и хлынула из узкого отверстия, как из брандспойта. Как ни цеплялась за винтовку Сейхан, ее смыло и понесло по туннелю. Она мельком увидела Палу. Гаваец не сдавался; он уперся ногами в люк, непонятным образом сопротивляясь напору воды.

Вдруг раздался громкий металлический лязг, и Палу подкатился к Сейхан.

Она хватала ртом воздух, беспомощно кувыркаясь.

После нескольких мучительных секунд без воздуха она почувствовала, как поток стихает, прокатилась еще несколько футов и наконец замерла. Вода по-прежнему прибывала, но уже не с такой силой.

Обернувшись, Сейхан увидела рядом с собой насквозь промокшего Палу, сжимавшего в руке винтовку.

– Как... как ты?.. – Говорить было больно.

Гаваец поглядел на согнутый ствол и отбросил бесполезное оружие в сторону.

– Это не я, *каикина*. – Он оглянулся на закрывшийся люк. – Большой кусок стального пола ударил с той стороны. И вышиб ее.

Сейхан кивнула с облегчением, хотя еще тревожилась.

И было отчего.

Станция стонала под весом затопленной секции. Вокруг обода запертой диафрагмы начало трескаться бронированное стекло.

Не продержится.

Словно в подтверждение, купол дока развалился и, медленно качаясь, пошел на дно озера.

Пора убираться.

Сейхан поднялась на ноги, за ней – Палу, громко застонав.

– Куда? – спросил он.

Она просто пошла вперед, не обращая внимания на вопрос.

Не имею понятия.

04 часа 33 минуты

Грей повернул колесо, отпирая дверь, и с глубоким вдохом потянул стальной люк на себя. Остатки пены выплеснулись в коридор, неся вонь, от которой немедленно скрутило желудок. Отвратительная сладость мешалась с запахом гниения.

На цепях висели три обмякших тела. Кровь и пена бежали по ногам и капали с кончиков пальцев. Из коридора было непонятно, какой урон нанесла орда кусающихся ос.

Есть только один способ узнать это.

Грей зашел в камеру, и под босыми пятками захрустели панцири мертвых или обездвиженных бескрылых ос. С таким же успехом можно было идти по мраморной крошке: подошвы мгновенно покрылись порезами от мандибул – неподвижных, но по-прежнему острых.

Ладонь Ковальски чуть шевельнулась, как будто прогоняя Грея. Он вздохнул с облегчением. И еще он заметил, что у обоих братьев-гавайцев грудь вздымается и опадает.

Еще живы... Надолго ли?

Он торопливо расстегнул наручники, и вскоре трое мужчин лежали на полу посреди пены, крови и мертвых ос. В окошко Пирс заметил Айко – та уставилась на ведущий сюда туннель. Совершенно ясно, что скоро к врагу явится подкрепление. Айко сможет сдерживать их очень недолго – ему точно не хватит времени в одиночку перенести парализованных в безопасное место.

И в окошке же Грей разглядел единственную надежду – и выскочил из

камеры, скользя по усыпанному осами полу. Снаружи на стене висел белый металлический ящик с красным крестом.

Он распахнул дверцу ящика. Половину содержимого составляли шприц-тюбики – скорее всего, с «Эпипеном». На Мауи эпинефрин использовался для снятия седативного эффекта яда ос, откладывающих яйца.

Грей схватил шприцы и поспешил обратно в камеру. Сначала он опустился на колени рядом с Ковальски, зубами сорвал колпачок и воткнул иглу гиганту в шею. Содержимое тюбика потекло под кожу – сколько уж ее осталось на теле. Повторив неотложную процедуру для Макайо и Туа, Грей попытался оценить их повреждения. И с облегчением обнаружил, что кожа относительно цела, только покрыта тысячами и тысячами укусов размером с горошину. Кровь текла из бесчисленных ран, но, по крайней мере, не было заметно явного артериального кровотечения. Грудь, шея и голова у всех троих тоже были, похоже, в относительной целости. Вспомнились слова Кена: жнецы не трогают жизненно важные органы, как можно дольше оставляя источник пищи живым и свежим.

И все же большая потеря крови – серьезная опасность. Всем троим требовалось лечение, и как можно скорее.

Ковальски хрипло застонал, медленно приподнял голову и сел, бездумно покачиваясь. Раз он уже в состоянии шевелиться, значит, в шприцах было что-то помощнее эпинефрина. Какое-то противоядие именно для парализующего укуса жнецов.

Через мгновение зашевелились и Макайо с Туа.

– Голова... кружится, – пожаловался Ковальски.

– Боль терпеть можешь?

Он смотрел мутным взглядом на кровавые ошметки изувеченных ног.

– Вообще ничего не чувствуешь?

Если так, то в шприцах содержался какой-то анальгетик – возможно, с обезболивающим на основе опия.

– Можешь встать? – спросил Грей.

– А надо?

Грохот выстрела стал ему ответом.

Грей взглянул в окошко. Айко, стреляя, отступала к камере.

Ковальски попытался подняться, но напоминал быка на роликах. Макайо и Туа смогли лишь сесть. Двигаться они были еще не в состоянии.

Айко выстрелила еще три раза, потом подскочила к открытой двери.

– Надо уходить.

Грей посмотрел на медленно приходящих в себя мужчин.

Я их не брошу.

04 часа 44 минуты

Кен споткнулся на последней ступеньке, спускаясь по лестнице на средний уровень станции. Крепкие бледные пальцы вцепились ему в предплечье, в другой руке Валя держала черный пистолет. К отступающим присоединились двое вооруженных охранников в шлемах и бронежилетах, прикрывая с боков Масахино.

И не зря.

В этой секции царил хаос. Эвакуирующиеся лаборанты и техники запрудили верхний и нижний уровни, создав затор в главном туннеле, ведущем к острову, что только добавило паники людям, ищущим спасения.

Валя ткнула охранника пистолетом.

– Расчищай нам дорогу. Уходим. Если надо – стреляй.

Тот кивнул и отошел от Масахино.

– Стой, – приказал Ито и показал на открытую дверь своего кабинета. – Я не хочу рисковать. Идите за мной.

Он повел группу в обитый тиковыми панелями кабинет с горящим на стене золотым фениксом – эмблемой компании. Если Кену предстоит выжить в ближайший час, он знал, куда его отправят – и где даст согласие сотрудничать. Или умрет.

Валя хмуро посмотрела на Масахино.

– Зачем вы теряете время?

– Главный предохранитель, – отрезал Ито и обогнул стол.

– Какой еще главный предохранитель?

– На случай вражеского вторжения. – Он приложил ладонь к стеклянному прямоугольнику под изображением феникса. Прямоугольник засветился.

– А почему мне ничего не известно?

Пока устройство сканировало ладонь, Масахино бросил на Валю презрительный взгляд.

– Это мои владения. Хотя мой дедушка тебе доверяет, я не так легковверен, чтобы делиться с *гайдзином*.

Лицо Михайловой окаменело.

Кен подумал, что альбинизм изначально делал женщину *гайдзином*, чужой, подозрительной – из-за генетического отклонения. Вдобавок она не японка, а в замкнутой японской культуре происхождение значит очень многое. Даже он – наполовину японец, наполовину немец – был недочеловеком в глазах коллег-ученых в Киото; ему часто приходилось

сталкиваться с этими вековыми предрассудками.

Валю явно раздражал ее низкий статус, то, что японские хозяева неизменно смотрят на нее сверху вниз. От унижительного замечания Масахирос она вспыхнула, ее пальцы крепче ухватили локоть профессора.

Когда сканирование ладони Масахирос завершилось, наружу вышла неприметная тиковая панель, открыв единственную красную кнопку.

– У нас будет четыре минуты. И поверьте, к тому моменту лучше быть за дверями станции.

Он с яростью ударил по кнопке кулаком.

Валя хмуρο огляделась.

– И что должно...

Масахирос прервал ее, указав на дверь.

– *Теперь* можно идти.

Он выбрался из-за стола и приказал двум охранникам расчищать дорогу. Мог и не приказывать. За дверью внешний зал почти опустел, когда рассосалась пробка. Отставшие бежали прочь по туннелю.

Но они были не последними.

С верхнего уровня донеслись звуки выстрелов. Михайлова отправила вооруженную команду покончить с Греем и Айко; видимо, перестрелка еще продолжалась.

Кен посмотрел вверх, пожелав друзьям удачи.

Хотя... какая разница?

Он представил красную кнопку под огненным фениксом.

У них меньше четырех минут.

Валя тоже посмотрела наверх – просто из осторожности, которая спасла ей жизнь. Она успела развернуться, прижав Кена к своей груди, когда сзади прогремел пистолетный выстрел. Пуля просвистела у головы Мацуи и обожгла край левого уха. Вспышка боли на мгновение ослепила его.

Когда зрение вернулось, он увидел бегущую к ним Сейхан; из дула пистолета в ее руке вился дымок.

05 часов 02 минуты

Откуда она тут взялась?

Увидев татуированное лицо ведьмы, Сейхан поторопилась: выстрелила в невероятное видение, зная, что ей более не представится благоприятного случая избавиться от этой ужасной угрозы. Но в отчаянии она, видимо, чем-то выдала себя – шарканьем по стальным ступенькам, судорожным

дыханием, – или все дело было во врожденном чувстве опасности у этой женщины.

Гильдия научила обеих быть постоянно начеку, мгновенно оценивать каждую деталь обстановки и действовать без промедления.

Проклиная сверхъестественную чуткость противницы, Сейхан выстрелила в одного из охранников. Пуля ударила ему в плечо, он крутнулся и упал, выронив винтовку из рук.

Второй охранник схватил японца в деловом костюме и потащил с линии огня в боковой туннель. Из карты в голове Сейхан знала, что этот проход ведет от станции на остров. Забыв об убегающих мужчинах, она сосредоточилась на Вале Михайловой.

Та по-прежнему прикрывалась профессором Мацуи, как живым щитом. Сейхан выстрелила еще дважды, не стараясь попасть в цель – слишком велика была вероятность задеть Кена. Она лишь хотела отрезать Валу от туннеля, не дать ей уйти. И при этом бежала к единственному укрытию: распахнутой двери кабинета.

Валя выстрелила в ответ, однако долгая подготовка помогла Сейхан угадать опасность и среагировать. Она читала – не думая, инстинктивно – движения противницы и ее взгляд. Пули, не задев Сейхан, звякнули о сталь за ее спиной.

Просто смотри на меня.

Уголкем глаза Сейхан заметила, как с нижнего пролета лестницы выскочил Палу. С большим секачом в руке он перепрыгнул на ступеньки, ведущие вверх, где еще раздавались выстрелы.

Несколько минут назад, пробегая по станции к центральному ядру, Сейхан слышала такие же выстрелы. Драгоценные секунды ушли, чтобы разобрать и почистить намокший «ЗИГ-Зауэр», снова приготовив пистолет к стрельбе. Обреченная станция трещала и стонала, подгоняя ее. Подгоняли и звуки выстрелов, доносящиеся сверху.

Только один человек мог там стрелять.

Грей...

Понимая это, Сейхан спешила в центральный зал, в бой – только чтобы обнаружить, что на среднем этаже профессора Мацуи тащит к выходу призрак из прошлого. У нее оставалось лишь несколько мгновений, чтобы спасти Кена, – отправив Палу на помощь Грею и остальным.

Валя наконец толкнула профессора на пол – он дергался и не давал как следует прицелиться. Освободившись, быстро выстрелила дважды. Одна пуля пролетела рядом с головой Сейхан, вторая задела ей бедро.

Не обращая внимания на вспыхнувшую боль, Сейхан продолжала

бежать.

Почти...

Оказавшись за дверью кабинета, она видела Валю как на ладони и могла уничтожить ведьму.

Однако не сумела осуществить намерение – обе ее ноги сломались.

Так, по крайней мере, ей показалось.

Жуткое напряжение в конце концов разбудило орду внутри. Боль превратила мышцы ног в жесткий камень, и Сейхан рухнула на пол. Зрение помутилось, тело ослабло.

Упав, она выпустила из руки пистолет. Тот скользнул в кабинет. Сейхан попыталась двинуться за ним, борясь с отказавшими конечностями... И тут рядом с ней кто-то появился.

Она подняла глаза, уже зная, кто это.

Валя опять подняла Кена и, вцепившись ему в волосы, откинула голову профессора назад. Кровь из уха текла у него по шее.

Пистолет был нацелен на Сейхан.

– Как долго я этого ждала, – ухмыльнулась Валя. – Преследовала тебя и твоего подонка по всему миру, два раза чуть совсем не упустила...

Сейхан смотрела на противницу глазами, залитыми слезами боли. *Вот откуда враги узнали, что мы на Мауи.*

Михайлова поднесла пистолет ближе.

Кен застонал:

– Нет...

Валя не обратила на него внимания.

Он попытался снова:

– Она... она беременна.

Русская застыла на мгновение, а потом глухо рассмеялась.

– Прекрасно... просто прекрасно. Я на такое и надеяться не могла.

Она широко размахнулась и обрушила рукоятку пистолета на висок Сейхан. Мир вспыхнул белым – и почернел.

Проваливаясь в забвение, Сейхан услышала последние слова:

– Если доживешь, я, может быть, заберу ребеночка себе.

05 часов 18 минут

Онемевший от шока, Кен шаркал по туннелю. С раненого уха капала кровь. За профессором шел охранник, который увел Масахиро во время короткой перестрелки, и, доставив ценный груз, вернулся.

Возглавляла шествие Валя, за ней двое работников тащили бесчувственное тело Сейхан. Двигались быстро.

В двадцати шагах впереди туннель заканчивался толстой бронированной дверью. Рядом, сложив руки на груди, стоял Масахиро.

– Двадцать секунд, – закричал он им, – и дверь закроется!

Валя не прибавила шагу, даже тут выказывая презрение.

Кен подозревал, что Масахиро запер бы их внутри, но, видимо, заметил ценную добычу Вали. Сейхан унизила этого человека на Мауи, и, судя по мстительному блеску его глаз, он хотел забрать ее с собой.

За спиной прогремела серия взрывов. Дым и языки пламени вырвались в туннель из прохода справа. В коридор вылетела согнутая стальная дверь.

– Уходим! – приказал Масахиро.

Кен поспешил за остальными.

Дым стал гуще, когда в проход хлынул безумный рой – из испытательной камеры, которую Кен приметил, еще когда они прибыли. Он помнил, что помещение было набито осами-воительницами. Разъяренные грохотом и пламенем, жужжащие насекомые позли через дым, ища цель.

– Сейчас или никогда, – предупредил Масахиро.

Раздались новые взрывы – наверное, слетели двери всех укрытых куполами испытательных камер.

После долгих лет заключения одокуро обрели свободу.

Но осы были не единственной угрозой.

Станция загремела и задрожала. Хлынула вода.

Кен понял. *Всё тонет.*

Глава 27

8 мая, 05 часов 28 минут по самоанскому времени

Атолл Икикауо

Оглушенный близким взрывом, Грей скорчился в коридоре у залитой пеной пыточной камеры. Люк отсека, сорвавшись с петель, выбил наблюдательное окошко. Несколько запоздавших жнецов выбрались из дыма, однако, попав в пену, застыли, отравленные инсектицидом.

Исключительно благодаря везению Ковальски и двоюродные братья Палу достаточно пришли в себя, чтобы выползти или вывалиться из камеры в коридор. Мужчинам удалось встать, но все еще приходилось опираться на стену. Кровь из ран от укусов постепенно сворачивалась.

Рядом с Греем к стене прислонилась Айко, прижимая винтовку к груди. За поворотом в следующий туннель лежали два мертвеца. Там был единственный выход.

Айко все-таки подтвердила свою полезность. Только благодаря ей они еще живы.

Надолго ли?

Японка показала один палец – остался последний патрон.

Грей от души надеялся, что этого хватит. После взрыва выстрелы в конце туннеля прекратились. Правда, неизвестно, ушел ли противник – или затаился в засаде.

Когда прогремел первый взрыв, Грей действительно готов был бежать, считая, что оставаться на месте губительно. В отсек жнецов капала вода, стуча по стальному полу. Видимо, от взрыва треснул стеклянный купол отсека. Очень скоро давление на такой глубине разрушит купол, и секцию затопит.

Айко взглянула на Грея. Что нам делать?

В туннеле раздался топот ног – враг предпринял последнюю попытку наступления. Айко опустилась на колени и осторожно заглянула за угол, выставив винтовку.

Одна пуля...

Грей, нагнувшись над Айко, тоже выглянул за угол, чтобы оценить угрозу. В их сторону бежали двое, один за другим ярдах в пяти. Первый пытался вытащить пистолет из кобуры на поясе.

Странно, что оружие еще не наготове.

Видимо, эта же мысль удержала Айко, заставив сохранить последний

патрон.

Бегущий впереди метнулся в сторону и направил пистолет назад. Однако выстрелить не успел – что-то ударило его в ногу. Он привалился к стене, и стало видно широкое стальное лезвие, торчащее из бедра. А потом щелкнула винтовка Айко, и его голова разлетелась на куски.

Второй бегущий остановился и поднял руки, показывая, что оружия у него нет.

Палу.

Айко и Грей вышли из-за укрытия. Поднятые руки Палу были залиты кровью. Грей узнал нож, торчащий из ноги мертвеца – секач из арсенала Сейхан. Видимо, гаваец прокладывал дорогу через охранников, оставшихся на посту, используя элемент неожиданности и взрыв, и положил всех, кроме этого последнего, который пытался сбежать.

Грей подошел к Палу.

– Где Сейхан?

Гаваец сморщился.

– Попалась. Когда поднимался сюда, я видел через стекло, как ее тащили по туннелю на остров. Вместе с профессором.

Грей развернулся.

– Тогда идем за ними.

Палу выставил толстую руку, загораживая дорогу.

– Нет. Ничего не выйдет.

Айко согласно кивнула и, подняв винтовку, напомнила:

– Патронов нет.

– Найдем и боеприпасы, и оружие. Если мы поспешим...

Слова Грея прервал грохот. Легкая капель в соседнем куполе превратилась в мощный ливень. Вода хлынула из отсека насекомых в пыточную камеру. Времени на споры не осталось.

Потоком воды к ним поднесло Ковальски и двух гавайцев. Палу замер сначала от радости, потом от ужаса, – заметив состояние своих двоюродных братьев. Он, видимо, не знал о нападении на катамаран.

Объяснять было некогда.

– Нужно двигаться к выходу.

Палу не убрал руку.

– Не сюда.

– А куда тогда?

Опустив руку, гигант показал вниз.

– До самого чертова дна.

– Зачем? Что там такое?

Палу повернулся и пошел вперед.
– Надеюсь, выход.

05 часов 30 минут

Масахиро стоял рядом с бронированной дверью, глядя, как бесчувственную женщину выносят из станции в проложенный в скалах туннель. С ее разбитого виска капала кровь.

Так ей и надо.

Хорошо бы, та же участь досталась и победительнице, бледной русской. Словно гордясь своими пленниками, Валя не спешила выводить группу из станции. Проходя мимо, она бросила на Масахиро горделивый взгляд.

Японца охватила ярость: он понял, что все лавры достанутся *гайдзин*.

Из станции повалил дым, неся с собой злобное жужжание освободившихся ос.

– Закрывайте, – скомандовал Масахиро.

Тут я закончил.

Он ошибался.

Валя кивнула двум охранникам из личной команды. Один ухватил Масахиро за лацканы пиджака и пихнул в станцию. Ито, споткнувшись о порог, упал на спину. Второй охранник уперся плечом в толстую стальную дверь и начал ее закрывать.

Нет...

Масахиро пытался встать, но тут что-то ударило его в щеку. В панике он шлепнул себя ладонью. Укус ощущался горящим углем, впившимся в кожу. Потом вся половина головы словно вспыхнула.

Через слезы боли он видел, как закрывается бронированная дверь. В узкую щелочку на него из-за порога победно сияющими глазами посмотрела Валя.

И ушла.

В этот последний миг Масахиро понял свою главную ошибку: он недооценил честолюбие этой женщины.

Жужжание вокруг усиливалось – наступал рой, привлеченный испуганным дыханием и стуком сердца. Масахиро зажмурился. По всему телу будто заколотил ледяной град, какой часто бывает на склонах Фудзиямы. Только здесь лед был огнем.

Крик вырвался из горла – и Масахиро стал еще уязвимее. Осы заползали в рот, скапливаясь там, лезли глубже, непрерывно жаля.

Плотная масса заглушила жалобные стоны.

И наконец яростная боль загнала Масахирос в забвение.

05 часов 38 минут

Грей спешил за остальными вниз по лестнице центрального ядра. Они останавливались, только чтобы подобрать оружие, снимая его с мертвецов – жертв ручной работы Палу с секачом.

Перегородки ходили ходуном. Ступеньки стали ненадежными: лестница превратилась в водопад. Видимо, лопнули купола на верхнем уровне. Озеро со всех сторон стремительно врывалось в станцию. Грей чувствовал, как на уши давит воздух, сжимаемый потоками воды. Дышать стало труднее и из-за дыма, скапливающегося в воздухе.

Скапливался не только дым.

Когда они выбежали на средний уровень, Грей щелчком сбил с волос заблудившуюся осу. И все же она успела ужалить его в ухо – показалось, что мул ударил копытом в голову. На пространство между ними и ступеньками, ведущими на нижний уровень, выплескивался из выходного туннеля кипящий черный рой. В гулком зале жужжание ос напоминало гудение трансформатора.

Пришлось бежать прямо по насекомым.

– Не останавливайтесь! – предупредил Пирс.

Рой потянулся вслед за ними. Звук нарастал: насекомые наконец нашли, на ком можно выместить ярость.

– Быстрее! – крикнул Грей.

Он знал, что требует невозможного. Айко бежала впереди, рядом Палу – он поддерживал Макайо, вернее, почти нес. В шаге позади Ковальски как мог помогал Туа.

Грей направлял спутников к лестнице на нижний уровень. В одних плавках, он остро чувствовал свою незащищенность. По коже побежали мурашки – в ожидании новых укусов.

Внезапно Ковальски выругался, упал на одно колено и хлопнул себя по шее. Грей поспешил к нему, подхватил с одной стороны Туа и протянул вторую руку Ковальски. Большой человек только бросил хмурый взгляд и поднялся самостоятельно. Они бросились догонять остальных.

Пирс почувствовал удары в правую ногу и в левую руку. Оба укуса словно пронзили огнем. Он заставил себя бежать дальше. Адреналин боролся с болью. Слезы текли по щекам. Ноги подгибались.

Ковальски, видимо, заметил состояние друга и переместился, чтобы помогать и ему, и Туа. Грей восхитился характером Ковальски – у того спину и плечи облепили осы. Мышцы подрагивали после каждого укуса.

Не исключено, что Ковальски помогали двигаться вперед антидот из шприца или опиоидные анальгетики, однако Грей подозревал, что все дело в простом упрямстве.

Айко и остальные достигли лестницы и исчезли в дыму, вздымавшемся над ступеньками. Как стайер, увидевший финиш, Ковальски зарычал и припустил вперед. Когда они нырнули в густую завесу, передний край роя отшатнулся от дыма. Улетели прочь даже осы с тел.

Грей оценил это предупреждение. Он закашлялся от дыма, пахнущего горелой резиной. На языке появился вкус керосина. Задержать дыхание не получалось: боль и утомление заставляли делать резкие вдохи.

Наконец группа спустилась до нижнего уровня. Здесь воды было по колено. Оставив лестницу – вдоль которой дым поднимался, как по трубе, – они вздохнули свободнее. Дым тек под потолком туннеля, и, пригнув голову, можно было дышать относительно чистым воздухом.

Ледяная вода немного приглушила боль от укусов.

– Сюда. – Палу показал на туннель слева.

На поверхности плавал мусор, покрытый толстым слоем утонувших ос разного вида: маленькие разведчики, большие производители и еще какие-то незнакомые.

– Сразу в конце туннеля, – пообещал Палу. – Если все еще на месте...

Он молился, чтобы именно отдаленность секции помогла ей остаться нетронутой.

Вода поднялась до пояса. Приходилось даже не идти, а скорее плыть, отталкиваясь от пола ногами.

Наконец туннель уперся в запертую дверь.

Воздушный шлюз.

Как и обещал Палу. Гаваец рассказывал, что они с Сейхан заметили внизу пришвартованную маленькую подлодку. Видимо, на ней доставляли припасы, возможно, даже материалы во время строительства станции. Теперь это была их единственная надежда на спасение.

И не только их надежда.

Три работника, промокшие до нитки – также пленники затонувшей станции, – дрожали перед воздушным шлюзом.

Айко наставила на них винтовку и быстро заговорила по-японски. Потом повернулась к Грею.

– Это экипаж подлодки. Им приказали отвести судно.

Грей, понимавший, как трудно будет справиться с управлением, почувствовал облегчение, однако Айко не радовалась – и объяснила почему:

– Механизм шлюза поврежден. Пройти невозможно.

Грей шагнул к двери, дав знак экипажу посторониться. В двойной ряд окошек был виден сухой док внизу и рубка маленькой подлодки, готовой к использованию.

Так близко – и все же так далеко.

05 часов 49 минут

Опустив голову, Кен сидел в грузовом отсеке транспортного самолета, бегущего по взлетной полосе острова. Полоса была короткая, и самолет, резко набрав скорость, круто пошел в небо.

Судя по надписям кириллицей, самолет прежде принадлежал военным – русским или сербам. Кабина экипажа скрывалась за дверью, а все остальное представляло из себя просто скорлупу с откидными сиденьями вдоль бортов.

Отсек был набит ящиками, коробками и бочонками, привязанными или накрытыми сетью, – всем, что удалось спасти со станции.

Когда самолет, разворачиваясь, накренился, голова Сейхан качнулась вбок. Кровь на виске засохла, но в себя Сейхан еще не пришла. Однако похитители не собирались рисковать: ее запястья и лодыжки были скованы, а саму ее пристегнули к сиденью ремнем. Рядом сидел охранник с пистолетом в руке. Другой устроился напротив, положив на колени штурмовую винтовку.

Хлопнула дверь, и Кен поднял голову. Выйдя из кабины экипажа, Валя показала на двух охранников и бросила по-японски:

– Ты и ты. За мной.

Охранники встали.

Кен знал, что весь экипаж беспрекословно подчиняется Вале. Никто не задавал вопросов, когда она бросила Масахино на станции. Были и другие признаки заговора. Бывшее здание береговой охраны превратили в скотобойню: всех, кто эвакуировался на грузовом лифте, команда Вали встречала автоматными очередями.

Самолет качнуло от громкого взрыва. Кен выглянул в иллюминатор рядом со своим сиденьем. Ржавая жестяная крыша здания береговой охраны взлетела над столбом дыма и огня.

Ясно – замечает следы.

По грузовому отсеку внезапно пронесся порыв ветра. Кен невольно поежился, подумав, что какой-то осколок проделал дыру в фюзеляже. А потом заметил, что в хвосте самолета открывается люк.

Рядом стояла Валя и показывала вниз.

Два охранника подкатили к открывшемуся люку оранжевую бочку и по сигналу Михайловой выбросили ее из самолета.

Кен снова повернулся к иллюминатору и стал следить за падающей бочкой. Она ударила в пирс, где был пришвартован катер на воздушной подушке, поднялся столб огня.

С самолета сбрасывали новые заряды. Дым и пламя накрыли атолл. Все это напоминало Кену уничтожение бразильского острова Кеймада-Гранди, которому он был свидетелем.

Они хотят сжечь всё до основания.

Валя снова давала указания, перекрикивая ветер. Кен разобрал лишь слово «мидзуми». И похолодел, подозревая, что будет дальше.

Самолет развернулся над океаном и начал последний заход. Только теперь бочки не должны были ничего поджигать.

Они должны были стать глубинными бомбами.

Ведь «мидзуми» означает озеро.

05 часов 55 минут

– Полный бред, – заметил Ковальски. И зловеще улыбнулся.

Спорить Грей не стал. Если им суждено умереть через несколько секунд, Ковальски будет доволен. Эксперта-подрывника «Сигмы» хлебом не корми, только дай что-нибудь взорвать.

Пирс и остальные укрылись, приподняв секцию стального пола, шагах в двадцати от поврежденного шлюза. Перед этим Ковальски и Палу оснастили кубик С-4 взрывателем и таймером. Это был последний заряд из тайника, обнаруженного на Мауи.

Или сработает, или они все покойники.

План был взорвать шлюз, чтобы пробраться в купол дока. Но все могло пойти не так. Если заряд будет слишком слабым, им не удастся пробиться через обе двери, если слишком сильным – есть опасность повредить подлодку.

И все равно приходилось рисковать.

Грей прислушивался к звуку взрывов, доносившихся сверху. По слабым отблескам над головой он понял, что враг, уходя, бомбит остров.

– Приготовились, – предупредил Ковальски. Он смотрел на наручные часы Палу и отсчитывал последние секунды, загибая пальцы.

В этом месте вода доходила им до груди – и хорошо. Воздух в доке должен быть под давлением, чтобы не дать озеру ворваться внутрь через бассейн. Когда взрыв сорвет двери, декомпрессия может открыть дорогу воде. Оставалось надеяться, что воздух, запертый в затопленной станции,

сжался достаточно, чтобы уравновесить давление.

Ковальски загнул последний палец.

Грей предупредил всех: надо открыть рот и задержать дыхание. Советы не помогли. Взрыв ударил по барабанным перепонкам и сдавил грудную клетку.

Потом все кончилось.

Обе двери впереди были сорваны. Поверхность бассейна, принимая хлынувшую из туннеля воду, взметнулась волной.

Грей вздохнул. Похоже, давление держит.

Пока все нормально.

Опустив секцию стального пола, они позволили потоку воды втащить их в док. С купола лилась плоскими струями вода – от силы взрыва тот потрескался.

Грей увидел, что трещины растут и ширятся, и махнул в сторону подлодки.

– Внутрь! Живо!

Один из подводников вскарабкался по ступенькам на рубку и, нагнувшись, повернул запорный механизм. Остальные полезли за ним. Открыв люк, подводник помогал одному за другим забраться в спасительное нутро подлодки. Грей полез последним, убедившись, что все на борту.

Он встретился взглядом с перепуганным подводником. Теперь они вместе, они больше не враги.

Пирса отвлекло движение за стеклом – мимо пролетела ярко-оранжевая бочка.

Нет, нет, нет...

Метнувшись вперед, Грей толкнул подводника в люк. Потом сам прыгнул следом и захлопнул люк, как раз когда взрыв ударил в борт подлодки.

Рубка с громким лязгом ткнулась в край бассейна.

Грей, вцепившись в ступеньку одной рукой, второй закрутил запорный механизм люка.

– Заво...

Оглушительно загрохотали моторы.

Пирс, пригнувшись, пошел вперед. Он узнал это суденышко. Подлодка класса «Уна», построенная югославскими военными, была разработана для установки мин или для доставки спецназа в акватории, слишком мелкие для других судов. Видимо, ее списали и переоборудовали. Прочный носовой обтекатель заменили полимерным стеклом.

Рулевой повел подлодку прочь от станции.

Грей подошел к нему как раз вовремя, чтобы увидеть окончательное разрушение станции. Удар глубинного заряда потряс край сооружения. Громадные пузыри воздуха поднимались к поверхности, разодранные трубы опускались ко дну. Все тонуло, как в замедленной съемке. Мигнув в последний раз, аварийные огни погасли, вновь погрузив озеро во тьму.

Один из членов экипажа щелкнул выключателем, и луч света уперся в темный глаз туннеля, ведущего в открытый океан. Даже при своих маленьких размерах суденышко, казалось, едва туда пролезает. Штурман склонился над экраном сонара «Крупп-Атлас». Комплект датчиков мог работать как в активном, так и в пассивном режиме.

Грей озабоченно проговорил Айко, которая стояла рядом:

– Скажи им, что в туннеле пользоваться прожектором можно, но когда выберемся в море, пусть выключат, и пойдем по пассивному сонару, чтобы нас не обнаружили.

Айко кивнула и перевела его распоряжения.

Кто бы ни бросал глубинные заряды, он может быть еще здесь.

– Батареи полностью заряжены?

Один из членов экипажа достаточно понимал по-английски и поднял вверх большие пальцы.

– Значит, когда выберемся, идем на Мидуэй. Полным ходом.

Ответом стал кивок.

Глядя, как прожектор подлодки пронзает тьму, Грей дал безмолвную клятву Сейхан.

Я не остановлюсь, пока не обниму тебя снова.

Глава 28

8 мая, 06 часов 17 минут по самоанскому времени

В самолете над Тихим океаном

Мир медленно возвращался, а вместе с ним возвращалась боль.

В левом виске пульсировало, руки и ноги горели огнем. Мучительные рези скручивали внутренности в узел. Тошнило, но от рвоты наверняка стало бы только хуже. Сейхан заморгала – ослепительный свет копьём пронзил голову.

Застонала, попробовала закрыться от сияния... Запястья были скованы наручниками и цепями прикреплены к лодыжкам.

Еще несколько мгновений потребовалось, чтобы понять: она в грузовом самолете. Судя по вою двигателя, самолет турбовинтовой.

Сейхан повертела головой, и мир поплыл. Зато рядом, на откидном сиденье, обнаружился связанный Кен.

– Как самочувствие? – спросил он.

Она лишь глянула волком и, с трудом шевеля пересохшим языком, выдавила:

– Грей... Остальные...

Мацуи посмотрел на связанные руки.

– Не знаю. Где-то внизу. – С горечью добавил: – Весь остров сожжен. Станция уничтожена.

Извернувшись, Сейхан выглянула в окно. Солнце наконец взошло и теперь ярко светило над спокойным океаном, открывая картину ночных разрушений. Позади самолета горел остров, скрытый клубами дыма.

Не может быть, чтобы Грей погиб, не может!.. Она цеплялась за надежду, отчаянно хотела превратить ее в уверенность. Однако боль и дикая усталость брали верх. Из глаз вдруг хлынули слезы, и Сейхан рассвирепела еще сильнее.

Отвернула голову от окна... И тут узел боли внутри взорвался.

Сейхан закричала, согнулась пополам. Закрыла глаза, тяжело и часто задышала, словно желая выдуть из себя этот мучительный огонь. Казалось, прошло не меньше двадцати минут, пока боль чуть утихла и Сейхан смогла сесть ровно.

Когда мир вокруг вновь обрел четкость, она увидела перед собой знакомое татуированное лицо. Валя стояла на одном колене.

– Очнулась, значит?

Сейхан не стала отвечать.

Михайлова повернулась к Кену.

– Ты – специалист-энтомолог. На какой она сейчас стадии?

Он поморщился.

– Судя по испытываемой ею боли, личинки начинают переход ко второй стадии.

– Значит, скоро начнутся *настоящие* муки?

Сейхан невольно пришла в ужас.

Кен смотрел на нее с жалостью. Если б руки у Сейхан были свободны, она бы ему врезала. Не нужна ей жалость – ничья!

– Еще день, – продолжал Кен. – Затем личинки третьей стадии начнут проникать в кости.

Сейхан знала, что это значит.

Валя уставилась на живот пленницы.

– А ребенок?

– Понятия не имею. – Кен помотал головой.

Голубые, как льдинки, глаза окинули Сейхан оценивающим взглядом.

– Ладно, выясним это в Японии. Для «Фениккусу лабораториз» беременность может быть полезна. Если так, то я привезу не два приза, а целых три!

Не успела Валя отойти от пленников, как из хвоста самолета подбежал подчиненный.

– Наблюдатели заметили с воздуха подводную лодку. Она только что покинула остров, сейчас идет по мелководью.

Русская сжала кулаки.

– Так и знала, что эта крыса найдет способ выбраться с тонущего корабля!

Грей...

Сейхан всей душой ухватилась за эту крошечную надежду.

– Или наши, – предостерег боевик.

– Не важно. – Валя ткнула пальцем в хвост самолета. – Сколько у нас еще бочек?

– Десять.

Она очертила ладонью круг.

– Подведи самолет ближе и открой задний люк. Сбросим половину груза для затравки, потом чуть отойдем и скинем остальное.

– *Хай!* – Боевик побежал передавать приказ.

Валя вновь посмотрела на Сейхан.

– Остров опоясывает отмель шириной в несколько миль. Подлодке

некуда деться, с воздуха мы точно ее увидим.

Надежда Сейхан начала таять. Валя заметила ее отчаяние.

– Не дрейфь! Тебе обеспечено место в первом ряду; полюбишься, как умирает отец твоего ребенка.

06 часов 32 минуты

Проклятый рассвет!

Грей опирался на спинку пилотского кресла. Подводная лодка типа «Уна» скользила над самыми верхушками рифов. Стайки рыб бросались врассыпную с ее пути, ярко сверкая чешуей.

Сверхмалую подлодку конструировали специально для плавания по мелководью, тем не менее Грей ощущал себя экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение.

– На какой мы глубине?

Пилот, которого звали Накамура, говорил по-английски.

– Тридцать метров.

Чтобы укрыться в морской толще, нужно нырнуть хотя бы метров на двести. Грей все время поглядывал наверх, и пилот разгадал тревогу пассажира.

– Есть тут одна хорошая впадина, мы обычно в ней прячемся. Километров десять еще.

Отлично.

– Давайте скорее туда.

– *Хай.*

Рядом с Греем стояла Айко – по-прежнему с винтовкой, однако теперь оружие висело на плече. Принуждать экипаж к сотрудничеству было незачем. После того как их хотели убить свои же, члены экипажа с радостью сменили хозяев.

Пригнув голову, к ним протиснулся Палу. Последние двадцать минут он бинтовал кровоточащие конечности троих раненых и крепил марлевые тампоны им на спины и низ живота.

– Как там они? – спросила Айко.

– Потеряли много крови, – хмуро ответил Палу. – Туа очень бледный. В шоковом состоянии.

Айко повернулась к Грею.

– До Мидуэя еще восемьдесят миль. Даже на максимальной скорости нам плыть часов семь-восемь.

Она глянула назад, на раненых. Ее мысли легко читались.

Долго не протянут.

Грей тоже это понимал.

– Как только отойдем подальше, рискнем поднять антенну – пошлем сигнал бедствия на мидуэйскую станцию. Пусть отправят к нам вертолет.

Палу, прищурившись, смотрел на море и бесконечные рифы.

– Лучше б не затягивать.

Понятно.

Грей проследил за взглядом гавайца.

– Красиво... – с горечью пробормотал тот, будто вспомнил обо всем утраченном. – Скоро, наверное, войдем в воды Папаханаумокуакеа.

Речь шла об охраняемом морском памятнике, заповедной территории, окружающей эти отдаленные острова. Словно в унисон с настроением Палу, сверкающую воду накрыла темная тень – облако.

Лишь через несколько долгих секунд Грей понял.

Облако двигалось чересчур быстро и летело прямо к ним.

– Самолет! – Айко схватила Грея за руку.

Тот дернулся вперед.

– Лево руля! Быстро!

Пилот среагировал немедленно. Повернул руль направления и одновременно переложил рули глубины – один поднял, другой опустил. Подлодка круто накренилась, всех швырнуло в сторону.

Сзади застонал Ковальски. Наверняка понял по внезапному маневру, что лодка в опасности.

Грей вглядывался вверх через стекло в носовой части. Сквозь воду был виден силуэт креста в небе.

Определенно самолет.

Только враг ли это?

Ответ пришел вместе с дождем из темных предметов, посыпавшихся в море вдоль правого борта. Как только тень самолета ушла, солнце высветило оранжевые бочки.

– Держитесь! – крикнул Грей.

От целой серии взрывов лодку потрянуло, закрутило. По обшивке застучали осколки рифа и кораллов. Грей затаил дыхание.

Взрывы постепенно стихли, лодка выровнялась.

Однако успокаиваться было рано.

Взрывная волна нарушила герметичность швов между носовой частью и корпусом лодки, оттуда закапала вода. Хуже того, в стекле образовалась заметная трещина. Она пока не ползла дальше, но в случае новой атаки...

За правым бортом водный простор исчез, теперь его загораживала стена из взорванных камней и грунта. Грей, вытянув шею, осмотрел небо –

не видно ли темной тени. Он не знал, с какой стороны она прилетит, однако был уверен, что прилетит обязательно.

Они здесь, как на ладони.

– Впадина скоро? – спросил Грей у пилота.

– Еще километров восемь.

Слишком далеко.

Не успеть, самолет засечет их раньше.

Пирс вновь осмотрел море – он искал не врага, а подсказку.

– Может, вернемся на остров? – предложила Айко. – Переждем в туннеле.

Грей покачал головой. Даже если они сумеют доплыть до укрытия, оно станет ловушкой. Несколько грамотно размещенных зарядов – и все, кто сейчас на подлодке, будут заживо погребены в этой могиле.

Зато слова Айко подали Грею другую идею. Он положил руку на плечо пилота.

– Забудь про впадину. Курс на юго-запад. Полный вперед.

Коммандер повернулся к Палу и молча поблагодарил его.

Удивленное лицо гавайца вдруг озарила понимающая улыбка:

– Говорил же, ты настоящий *лоло бугга!*

Об часов 49 минут

– Куда это они?! – рявкнула Валя.

Она была раздосадована, и Сейхан это несказанно радовало. Ведьма не отлипала от иллюминатора возле пленницы – явно хотела насладиться ее болью в момент гибели подлодки.

Только не тут-то было.

Большой самолет разворачивался очень долго. Затем долго искал цель. Море накрыло облаком ила, взметнувшимся после первой бомбардировки. Поначалу было неясно, уничтожена ли подлодка. Возможно, она залегла на дно.

Для перестраховки Валя приказала лететь к какой-то впадине. Когда и здесь объекта не обнаружили, она почти уверилась в его гибели. И все же развернула самолет – решила посмотреть, не отступила ли подлодка к острову.

Тоже ни следа.

Михайлова с самодовольной ухмылкой нависла над Сейхан и злорадно объявила:

– Один готов. – Затем перевела взгляд с лица пленницы на ее живот. – *Двое* на очереди.

Тут пилот сообщил по рации из кабины:

– Цель обнаружена. Быстро движется на юго-запад.

Самолет взял нужное направление, лицо у Вали ожесточилось. Она сыпала проклятиями на родном языке и вновь липла к иллюминатору.

– Куда это они?!

Сейхан тоже извернулась, поменяв позу. Проигнорировала вспышку боли, приняв в качестве болеутоляющего ведьмину досаду. Встретилась глазами с Кеном, прочла в них надежду. Помотала головой – надеяться рано, может, Грея и нет на подлодке.

Внезапно Валя в бешенстве отпрянула от иллюминатора, схватила за грудки ближайшего боевика и толкнула к кабине.

– Скажи пилоту, пусть спикирует. Быстрее! Нужно подойти к ним на минимальное расстояние.

Боевик недоуменно поморгал, но кивнул и поспешил в кабину.

Валя же рванула в другую сторону, к открытому заднему люку, где ждали своего часа последние пять оранжевых бочек. По дороге ведьма тихо ругалась по-русски.

Сейхан сделала вид, будто не слышит и не понимает, однако она и услышала, и поняла.

– Пускать туда ублюдка нельзя... – бормотала Валя.

Заинтригованная Сейхан переключила внимание на иллюминатор. Солнце нещадно жгло глаза, но она напряженно искала причину Валиной ярости.

– Смотри! – воскликнул Кен. – Вон, в океане.

Сейхан прищурилась от ослепительного света – и наконец разглядела.

В миле впереди на волнах, насколько хватало глаз, дрейфовала флотилия из огромных лохмотьев и маленьких островков. Самолет подлетал все ближе, а замусоренный океан тянулся все дальше, до самого горизонта.

– Что это? – прошептала Сейхан.

06 часов 54 минуты

Ответ на вопрос, где спрятаться посреди открытого океана, Грею подкинул Палу. Еще на катамаране гаваец предупредил об опасностях плавания на границе морского резервата, угрожающего и островам, и морским обитателям.

Даже на подступах к нему в воде встречались доказательства: на дне лежала черная крышка, кружил бледной водорослью клубок полиэтиленовых пакетов, махала вслед проплывающей подлодке

рыболовная сеть, зацепившаяся за коралл.

Однако основная масса будущего укрытия лежала впереди.

Называлась она Большим тихоокеанским мусорным пятном. Течения сгоняли сюда тонны плавучих отходов, и в этом месте возникло огромное «болото» площадью больше Техаса. Поверхность океана усеивали островки сбившегося в кучу мусора: пластиковые бутылки и пакеты, пенопластовые стаканчики, бочки с нефтяных платформ, упаковочные ящики с кораблей. Однако главная угроза таилась внизу. На глубину в несколько метров воду пропитывал «туман» из ядовитой кашицы, которая состояла из мельчайших частиц выцветшего пластика.

Сгустки пластиковой взвеси были настоящим экологическим бедствием – а пассажирам подлодки дарили надежду на спасение.

Отчетливо представляя следующую по пятам тень самолета, Грей склонился над креслом пилота.

– Почти доплыли, – прошептала Айко, словно враг в небе мог ее услышать.

Палу хмуро предостерег, тоже шепотом:

– Не сглазь.

Нос сверхмалой субмарины нацелился туда, где вода была темнее, куда солнце не проникало из-за мусора на поверхности.

Пусть он вот так же спрячет и нас...

Грей, сдерживая дыхание, мысленно поторапливал лодку. Наконец она скользнула под толстый слой пластиковой взвеси. Сразу наступили сумерки, мир обрел призрачные очертания. Темные пятна над головой обозначали места скопления мусора на поверхности.

Грей громко вздохнул.

Получилось!

Лодку вдруг сотряс приглушенный взрыв. Ударной волной корму подбросило вверх. Грея швырнуло на пилотское кресло.

– Право руля! – взвыл он и указал на испещренный тенями участок под мусорным пятном. – Самый полный вперед!

Пилот умело ввел лодку в резкий поворот; еще несколько бомб упали в воду и вспыхнули, точно огненные звезды в ночи. Субмарину окутала глубокая тень, самолет пролетел над мусорным пятном. В кильватере вновь грохнуло, однако бомбы швыряли хаотично.

Палят вслепую.

Мало того, взрывы подняли со дна ил и песок, еще сильнее затуманив обзор.

Минута – и в океане все стихло. Бомбометание закончилось.

Вернутся или нет? Нужно укрытие получше.

Грей заметил впереди густую тень от широкого мусорного островка.

– Давай остановимся вон там.

Пилот отрывисто кивнул. Субмарина замедлила ход, проскользила еще немного и зависла под защитным слоем мусора. Снизу его опутывало множество сетей, кое-где они выбивались из общего клубка и свисали наподобие испанского мха.

Нос лодки задел одну сеть, та закружилась, и взглядам пассажиров вдруг предстала пойманная в нее тюленья туша. Мяса почти не осталось, нетронутыми были лишь жесткие плавники да кости.

Айко ахнула.

Даже Грей вздрогнул при виде такого зрелища в мутном полумраке.

– Мы зовем это призрачной рыбалкой, – Палу кивнул на тушу. – К Пятну приносит сотни тысяч тонн сетей. Их влечет течением, они бороздят океаны, ловят и опутывают добычу и тащат ее сюда.

Грей посмотрел на оплетенный сетями остров из мусора и костей.

Надеюсь, нас не постигнет та же участь.

07 часов 12 минут

Сейхан очень порадовало выражение лица возвращающейся Вали. На нем застыло бешенство. За спиной ведьмы закрывался задний люк – последние бочки улетели за борт.

При ее приближении Кен прошептал:

– Думаешь, они выжили?

Чтобы узнать правду, оставалось лишь наблюдать за Валею. Та выглядела мрачнее тучи. Даже татуировка на лице проступила резче.

– Похоже, да, – шепнула в ответ Сейхан.

Валя рявкнула одному из членов экипажа:

– Передай пилоту – мы улетаем. Я хочу сесть в Токио еще до рассвета.

Кен подался к Сейхан.

– Всё? Они сдались?

– У них нет выбора.

Михайлова услышала перешептывание пленников, подскочила к ним.

– Еще слово – и обоим вставлю кляпы!

Сейхан пожала плечами, насколько позволили оковы. Бросила:

– Выходит, ты ошиблась.

– Насчет чего?

– Насчет того, что *один* готов и двое на очереди, – процитировала ведьму Сейхан. – Судя по всему, твой счет опять обнулился.

Валя сжала кулак, отвела глаза, но не сумела сдержаться и резко впечатала его в подбородок Сейхан.

Голова у той дернулась назад, зазвенела от удара о стену. Губа лопнула, рот наполнила соленая кровь. Вспыхнула боль, однако она не шла ни в какое сравнение с мучительной болью внутри.

Зуботычина ничуть не уменьшила радости Сейхан. Пленница рассмеялась окровавленным ртом.

Валя глянула злобно и поспешила к кабине экипажа.

Сейхан продолжала хохотать. Лишь один человек в мире додумался бы искать спасения в мусоре.

Теперь она точно знала, кто именно выжил и попал на субмарину.

Отец ее ребенка.

08 часов 22 минуты

– Что видно? – спросил Ковальски.

В поднятый перископ Грей изучал небо. Он выждал час и лишь тогда уверился, что самолет улетел. У врага подошли к концу то ли боеприпасы, то ли время. Самолет не мог кружить над океаном вечно, это грозило разоблачением. Горящий остров рано или поздно привлечет к себе внимание – скорее всего, вооруженных сил США.

– Небо чистое во всех направлениях, – объявил Грей. отошел от перископа, пробуравившего мусорные залежи над головой, и обратился к экипажу: – Поднимаем антенну.

Пирс глянул туда, где сидел Палу со своим кузенком Макайо. Оба с тревогой наблюдали за Туа. Того била дрожь, губы посинели. Сказывались заражение, потеря крови и страх.

– Что будем делать, когда раненых заберут в больницу на Мидуэй? – Айко стояла рядом с Ковальски.

Тот ежился под одеялом.

Для Грея существовал лишь один ответ.

– Дадим бой.

Глава 29

9 мая, 05 часов 05 минут по японскому времени

Фудзикавагутико, Япония

– Простите, джонин Ито.

Такаси преклонил колени у низкого столика *котацу*. Старик больше не ощущал тепла от углей, тлеющих под антикварным стеганым одеялом. Забытая чаша с утренним напитком – на основе зеленого чая и обжаренного коричневого риса – остывала в ладонях.

Голова Такаси клонилась вниз, он не обращал внимания на бледное лицо женщины на экране ноутбука. Только что она произнесла слова, которые острым ножом пронзили сердце джонина.

Негодяи убили вашего внука.

Такаси требовалось время – пусть горькая весть пропитает каждую клеточку до самых костей, пусть уляжется там. Женщина рассказывала о полуночном рейде на островную базу, о мужестве Масахиро, о коварстве человека, отнявшего жизнь внука. Подробности не имели значения, важен был лишь результат.

В который раз за свою долгую жизнь Такаси гадал: *неужто я проклят?*

Возлюбленная Миу навсегда осталась лежать в темном туннеле. Затем, много лет спустя, вторая жена, добрая женщина со сладкими губами, умерла в родах, дав жизнь единственному сыну Такаси. Он назвал мальчика Акихико – *светозарный князь* – в надежде, что столь благословенное имя уравновесит трагические обстоятельства появления ребенка на свет. Акихико вырос в прекрасного юношу, стройного, как тростник, а умом превзошел обоих родителей. Затем подарил Такаси единственного внука – и, выполнив свой долг, всего через год погиб вместе с женой в автомобильной аварии.

Такаси растил Масахиро, как собственного сына. Однако была в мальчике некая ожесточенность, тьма в крови, словно семейная трагедия пустила корни в его душе. Несмотря на все усилия Такаси, они с внуком не стали близкими людьми. Между ними всегда чувствовалась легкая отчужденность.

И все же Такаси любил внука.

Старик наконец поднялся, глотнул из чаши. Он вставал каждое утро в четыре часа, медитировал, пил чай, наблюдал из своего кабинета восход

солнца над Фудзиямой. Ритуал готовил джонина к новому дню.

Даже к такому.

Такаси тихонько выдохнул в чашу:

– *Ичи-го, ичи-э...*

Старинную фразу приписывали мастеру чайной церемонии Сэн-но Рикю, жившему в XVI веке. *Один лишь раз, один лишь шанс...* Фраза-напоминание: очень важно ценить каждую встречу на своем пути, ведь она может оказаться единственной. Фраза-свидетельство: жизнь непостоянна и мимолетна.

Этот урок Такаси усвоил очень хорошо.

Напиток увлажнил губы, смочил одеревеневший язык, и Такаси поднял глаза. Холодное весеннее утро нарисовало на склонах Фудзиямы морозные узоры. Солнечные лучи отражались от тонкого льда, и тот сверкал огнем.

Лед и пламя.

Как в душе у Такаси.

Что ж, пусть сердце останется холодным, зато ярость разогреет кровь.

– Где тот негодяй, который убил моего внука?

– Не знаю, – ответила Валя Михайлова.

Взгляд джонина метнулся к экрану, полыхнул огнем.

– Однако я знаю, где он будет. У меня его женщина. – Альбиноска вскинула глаза, в них тоже вспыхнул огонь. – И его нерожденный ребенок.

Старик опустил чашу на столик. Вспомнил улыбку Миу, ее пальцы на своих щеках, прикосновение губ.

– Негодяй придет за ними.

– *Хай.* – Рот Вали сжался в тонкую линию. – Женщина к тому же больна, заражена тем, что Масахиро выпустил на Гавайях.

Такаси выпрямился – ему стало легче от этой небольшой мести внука.

– Поэтому – да, – продолжала Валя. – Подонок придет за ней и за своим ребенком – но не только. Еще и за лекарством.

– Что ж, он потерпит неудачу.

Такаси взгляделся в остывающий чай. Коснулся льда в своем сердце и выпустил наружу тайну, которой не знал даже Масахиро. Исследования, шедшие несколько десятилетий, дали один неопровержимый результат.

Такаси произнес это вслух:

– Лекарства не существует.

Часть пятая ХРИЗАЛИДА

Глава 30

9 мая, 00 часов 08 минут по центральноевропейскому летнему времени

Величка, Польша

– Если мы так и будем по средневековым замкам отираться, я возьму напрокат доспехи, – предупредил Монк. – Чтобы лучше в атмосферу вписываться.

Кэт улыбнулась и прикрыла зевок кулаком.

Они сидели за круглым столом в крошечной библиотеке, которая располагалась в северной башне прекрасного замка, построенного в XIII веке. Со стен нависали книжные полки, словно подглядывали через плечо в карты и чертежи, разложенные на столе.

Кэт потерла глаза.

Уже перевалило за полночь, а им едва удалось поспать. Разобравшись в Гданьске, они покинули балтийское побережье и, полетев на юг страны, несколько часов назад приземлились в Кракове. Пока они летели, новый член группы – профессор Дамиан Сласки – договорился с начальством соляной шахты в Величке, и им разрешили спуститься в подземный лабиринт после закрытия.

К сожалению, выяснилось, что подземную часовню Святой Кинги сняли для полуночной мессы. Подобное было не редкостью, в часовне регулярно служили воскресные мессы, проводили венчальные обряды и даже концерты.

Узнав о мессе, Сласки предложил дождаться, пока богослужение закончится, и только потом спуститься в шахту. Сперва Кэт воспротивилась, не желая терять время. Чтобы убедить ее, польский профессор предложил сделать небольшой обзорный тур.

Задним умом Кэт признавала, что совет оказался дельным.

От Кракова они ехали минут двадцать. Сласки первым делом повел их не в туристическое бюро Велички, а в городской исторический музей. Музей располагался в комплексе средневековых укреплений, известном в народе как Соляной замок. Вот уже семь веков в каменных и деревянных постройках обреталось начальство соляной шахты. Оттуда управляли не только шахтой в Величке, но и соседней в Бохне.

В прошлом добыча соли была делом выгодным. По словам Сласки, одно время прибыль шахт составляла треть всех доходов польских

управителей. Английское слово *salary*, которым сейчас называют зарплату, произошло от латинского *salarium* – соляной паек, который получали за службу римские легионеры.

Под чутким руководством профессора Сласки Кэт ознакомилась с историей соляной промышленности и осознала стоящую перед ними задачу.

Поэтому он и привел нас сюда.

Она бросила взгляд на ворох карт и чертежей на столе. Часть из них относились еще ко времени основания шахты. Сласки отобрал их из обширной коллекции музея, которая насчитывала больше четырех тысяч документов. Большую часть карт изготовили для местной добывающей промышленности – на них были указаны залежи полезных ископаемых. Именно здесь Сласки проводил свое исследование по месторождениям янтаря.

Сласки начал с самых древних карт и, продвигаясь, показал, как развивалась шахта, как удлинялись туннели, появлялись новые камеры. В нынешнем подземном лабиринте запутаться мог кто угодно.

– Взгляните на эту схему. – Сласки разложил перед ними карту поновее. – Ее нарисовал мой добрый друг Мариуш Шелеревич для посетителей соляной шахты, дабы они имели представление о том, что находится под землей.

Элена сосчитала в уме.

– Больше тысячи футов!

Ее побледневшее лицо выдавало, что она явно не в восторге от того, что придется лезть так глубоко под землю.

Следующая тирада Сласки ее не утешила:

– До многих участков шахты не добраться – их завалило или затопило.

– Затопило? – Кэт нахмурилась.

– Да, при разработке наткнулись на грунтовые воды. На нижних уровнях полно подземных озер.

Теперь и Кэт разделяла опасения Элены.

Чем дальше, тем лучше.

– Туристический маршрут составляет около четырех километров. На самом деле туннели простираются больше, чем на четыре *сотни* километров, – добил Сласки. Он положил руку на карту. – Это всего лишь один процент.

Монк вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Да уж. Подбодрили так подбодрили.

Элена покачала головой.

– Немного же шансов, что мы обнаружим место, где Смитсон нашел янтарный артефакт...

– Причем Смитсон мог найти его вообще в соседней шахте, – буркнул Сэм и зевнул. – Или еще где-нибудь.

Кэт не желала терять надежду. Сласки ее поддержал.

– Туристы съезжались в Величку уже в восемнадцатом столетии. Здесь рабочие терпели их вторжение, а на других шахтах – нет.

– Ладно, если с шахтой мы не ошиблись, где нам искать? – спросила Элена. – Сколько там камер?

– Около двух тысяч.

Кэт прикрыла глаза, ошеломленная размерами соляной шахты. Ей не давало покоя чувство, что она не заметила что-то важное. То же самое Брайант ощущала в Гданьске.

Что я упускаю?

Сласки махнул рукой на ворох карт на столе.

– Как видите, все туннели и камеры пронумерованы или имеют названия. От первых, что почти у поверхности, до самых глубоких. Если б только ваш мистер Смитсон оставил хоть какой-то намек, где искать...

Кэт резко выпрямилась. Все повернулись к ней.

Неужели?

– Милая, что с твоим лицом? – Монк пристально посмотрел на нее.

Кэт достала телефон и пролистала фотографии, которые прислал Пейнтер. Он сделал их в Замке в склепе Смитсона. Перед тем как приземлиться в Гданьске, она быстро просмотрела их. Директор был уверен, что там спрятана какая-то подсказка. Змея, камень и крылатое насекомое...

Пока они летели в Краков, Кэт еще подумала о ракушке, которая была вырезана вместе с предыдущими тремя символами. Она покрутила так и эдак мысль о том, что Смитсон указывал на соляную шахту – залежи соли образовались после того, как пересох древний океан Тетис.

Нет, слишком сложно. А даже если догадка верна, им это никак не поможет. Они уже обнаружили имя Смитсона в списках посетителей.

Когда Сласки сказал о двух тысячах пронумерованных камер, Кэт вспомнила о загадке надгробия – ошибке в дате, которая и удивила, и озадачила историков.

Она нашла фото надписи, выгравированной на мраморной плите.

*Здесь
покоится
Джеймс Смитсон,
эквайр,
член Лондонского
королевского общества,
скончавшийся в Генуе
26 июня 1829 года
в возрасте 75 лет*

– Посмотрите-ка. – Кэт зачитала вслух последние три строчки о смерти Смитсона: – «...скончавшийся в Генуе двадцать шестого июня тысяча восемьсот двадцать девятого года в возрасте семидесяти пяти лет».

– И что? – спросил Сэм.

Элена, конечно, сразу сообразила. Она сняла очки, глаза у нее округлились.

– Здесь ошибка! Дата смерти верна, но ведь Джеймс Смитсон родился пятого июня тысяча семьсот шестьдесят пятого!

Монк сосчитал в уме.

– Выходит, он умер всего в шестьдесят четыре, а не в семьдесят пять.

– Одиннадцать лет разницы. И что это значит? – Сэм нахмурился.

– Надеюсь, что очень многое! – заявила Кэт. – Историков сильно

смutilo, что любимый племянник Смитсона так ошибся, когда заказывал надгробие. Но что, если дядя поручил ему написать именно так и он же велел вырезать на гробнице змею, камень и осу?

– Вполне может быть, – кивнул Монк.

Кэт повернулась к Сласки.

– Вы сказали, что к закрытию шахты в ней насчитывалось больше двух тысяч камер. Думается мне, когда Смитсон сюда приезжал, их было ненамного меньше. Сотни на две, примерно так?

– Так.

Монк понял, к чему она клонит.

– Кэт, ты считаешь, что Смитсон указал на надгробии номер камеры? Что-то типа адреса, по которому можно отыскать то место, где он обнаружил артефакт?

– Если отнять семьдесят пять лет от года смерти, выйдет тысяча семьсот пятьдесят четвертый – как нам известно, это вовсе не год рождения Смитсона.

Элена проговорила севшим от волнения голосом:

– Вдруг это номер туннеля или камеры?

Все они повернулись к Сласки.

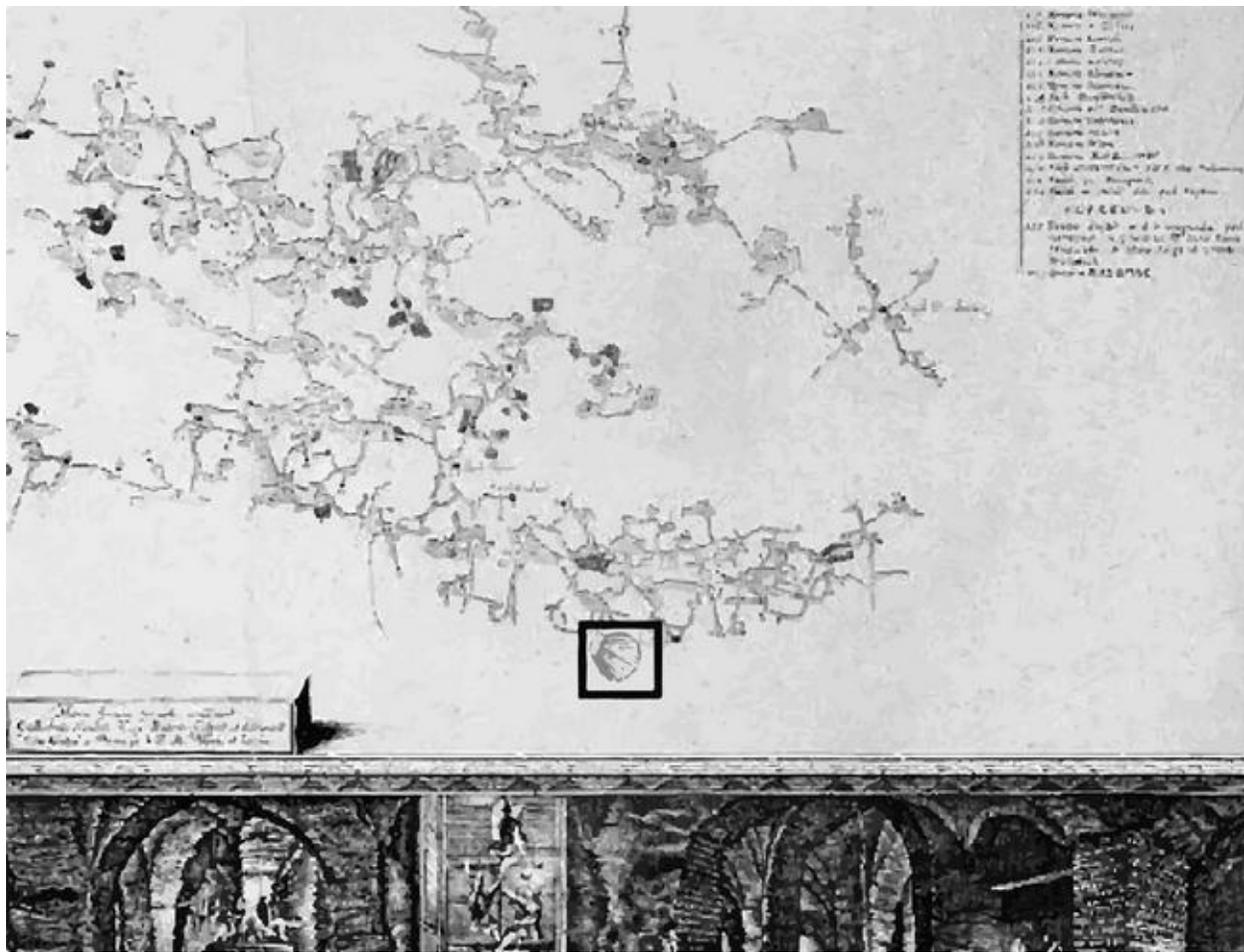
– Покажите нам карту. Есть там камера под номером тысяча семьсот пятьдесят четыре?

– Конечно. – Профессор придвинул к себе ноутбук. – У меня вся информация по полочкам разложена. Одну минуту...

Он пощелкал мышкой, затем отступил. На экране появилась знакомая карта.

– Вы нам ее уже показывали, – сказала Элена. – В Гданьске.

– Да-да, это карта, которую нарисовал Вильгельм Гондиус. Я лишь выделил камеру номер тысяча семьсот пятьдесят четыре.

Он склонился, чтобы прочесть заметку на полях карты, сделанную от руки.

– У этой камеры есть название. И неудивительно.

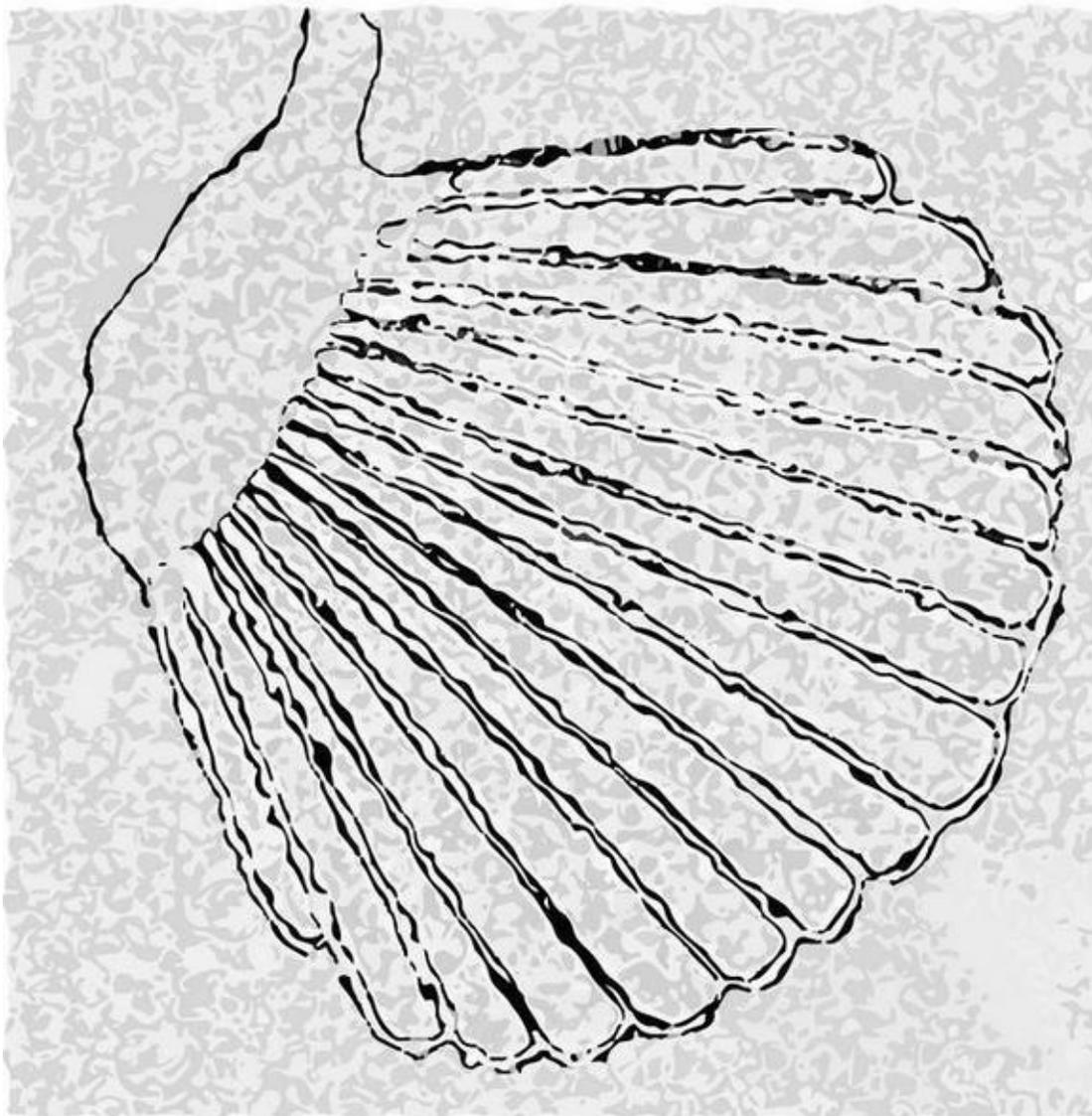
– Какое название? – спросил Сэм.

– *Kaplica Muszli*. По-польски это значит «Часовня-раковина».

Кэт охнула.

Сласки увеличил выделенную область.

– Смотрите, я же говорю, вполне понятно, почему ее так назвали.

Формы камеры точь-в-точь напоминали морскую ракушку.

– Вот мы и нашли, – пробормотала Кэт.

Сэм скептически пожал плечами.

– Зачем шахтерам рыть камеру такой странной формы? Какой в этом смысл?

Сласки пожал плечами в ответ.

– Когда спустимся, поймете.

– Тогда пойдемте, – сказала Кэт. – Уже второй час. Эта их месса, наверное, уже закончилась.

Сласки всплеснул руками.

– Подождите! На карте камера выглядит совсем маленькой, но на самом деле она огромная, целый квадратный километр. И большая ее часть

лежит в руинах.

– Почему в руинах? – поинтересовалась Брайант, думая, может ли обрушение быть связано с тем, что там выпустили на волю.

Однако объяснение профессора не совпало с ее догадкой.

– Часть шахты затопило. – Он приблизил картинку и показал на темный овал в близлежащих туннелях. – Здесь теперь подземное озеро.

Кэт вообразила темную массу воды и ракушку на берегу, выброшенную приливом.

– И все-таки нам надо идти. – Кэт оглядела остальных.

Лицо Элены покраснело от волнения, тем не менее она кивнула.

Через считанные минуты они уже шли через парк к обширному замковому комплексу, маячившему за деревьями. Фонари подсвечивали желтую стену длинной постройки с красной черепичной крышей и башенку, за которой торчала стальная вышка. Вышка была расположена над стволом Даниловича, по которому в свое время осуществлялась доставка рабочих и транспортировка соли на поверхность.

Ночь была прохладной, пришлось плотнее запахнуть куртки. Кэт то и дело проверяла, нет ли за ними хвоста. Те, что следили за ними в Гданьске, в Кракове не появлялись. О том, что группа собирается на юг Польши, Кэт сказала только Пейнтеру и Джейсону, попросив начальника сохранить их намерения в секрете даже от разведслужбы США.

Похоже, эти предосторожности помогли оторваться от слежки.

Но Кэт оставалась настороже.

В телефонном разговоре Пейнтер передал вкратце, что нового на Гавайях. Там по-прежнему царил хаос. План эвакуации уже утвердили, хотя и спорили над маршрутом. Население планировали вывезти как на самолетах, так и на кораблях через острова атолла Джонстон.

Монк заметил, что Кэт вся на нервах.

– Если там что-то есть, мы отыщем.

И чем скорее, тем лучше.

Глава 31

*9 мая, 08 часов 10 минут по японскому времени
Фудзикавагутико, Япония*

Кажется, я на месте.

Сейхан вынырнула из тумана боли, окутавшего сознание. Она полулежала на заднем сиденье пассажирского «Фудзи-Белл» 204В – японской версии американского вертолета. Из огромной грозовой тучи выступала заснеженная вершина Фудзи, будто гора изо всех сил сдерживала бурю.

Битва горы и тучи отражалась в озере Кавагути.

Вертолет плавно снижался к городишку, приткнувшемуся на берегу. Сейхан пыталась вспомнить название, но рокот винта эхом отдавался в голове и не давал сосредоточиться.

При маневре салон затопило ярким светом. Она прищурилась, не отводя глаз от картины внизу – в подробностях запоминала расположение.

По склону горного пика, который высился за городом, ползла канатная дорога. Со смотровой площадки вид, должно быть, открывался захватывающий. Ниже над деревьями виднелись крыши буддийского храма-пагоды. Солнечные лучи отражались в стекле, и храм казался выстроенным изо льда и пламени.

Вертолет развернулся так, что Сейхан поняла – туда они и направляются. Новый храм стоял посреди обнесенного забором участка площадью, наверное, в тысячу акров, с россыпью невысоких построек – не выше двух этажей. Ручьи и водопады в саду за храмом стекали к пруду, на поверхности которого плавали кувшинки. Деревянный мосток вел к острову с маленькой чайной беседкой. На ветру покачивались клены, вишни, сливы и бамбук. Сад камней в углу обрамляла полоска песка – место для медитации.

Сейхан вбирала в себя красоту и безмятежность этого места, предчувствуя грядущую битву. Из разбитой ударом кулака губы еще сочились кровь. Валя, сидевшая рядом с пилотом, за пять часов полета до Токио ни разу не обратила на Сейхан внимания, и той удалось поспать. Она была благодарна за короткую передышку. Из Токио до храма добрались за двадцать минут.

Ничего, кроме боли, Сейхан не ждала.

Она ощущала на себе пристальный взгляд Кена Мацуи, который сидел на соседнем сиденье. Он наблюдал за каждым ее вздохом, движением, взмахом ресниц. Тысячи личинок на второй стадии развития; через двадцать четыре часа они созреют до третьей, прогрызут кости, сожрут ее заживо, отложат в костном мозге еще тысячи копий самих себя.

Двадцать четыре часа...

Вертолет опустился, ударив полозьями о землю. Толчок всколыхнул орду внутри Сейхан. В животе вспыхнула боль, перекинулась на ноги. Сейхан пыталась прогнать муку, но сделалось только хуже. Боль, пробежав по ногам, вернулась в живот и снова спустилась.

Уймись, пожалуйста, уймись...

Не помогало.

Сейхан потеряла сознание – и очнулась от грохота грома. Ледяные брызги обожгли лицо. Она лежала привязанной к больничной каталке на вертолетной площадке. Полнеба закрыла темная туча, на другой половине по-прежнему сияло солнце.

Каталку быстро везли к распахнутым дверям приземистого здания из бетона, а потом – по коридору, ведущему под землю. Лампы на потолке сливались в одно яркое пятно. От каждого толчка боль вспыхивала с новой силой.

Сейхан гнала ее на задворки сознания.

Ничего не выходило.

Боль оказалась слишком коварной – рвала тело изнутри, словно разъяренный тигр, и отступала, но лишь затем, чтобы наброситься снова в другом месте.

По щекам струились горячие слезы. Грудь вздымалась от частого прерывистого дыхания.

Сейхан впала в забытие, из которого вывел резкий голос Кена.

– Куда вы ее везете?

Она повернула голову на звук.

Валя вцепилась энтомологу в плечо и удерживала на месте. Каталка свернула влево.

Нас разлучают.

Донесся ответ Вали:

– В палату. Ее обследуют, посмотрят, что с беременностью. Нам повезло – такую свинку получили для опытов!..

Нахлынувшая тоска заставила боль отступить. Сейхан боялась не за себя, а за ребенка. Несмотря на опасность, она сама была согласна на обследование. Больше всполохов боли ее мучил вопрос: *жив ли еще мой*

ребенок?

Требовался ответ.

К сожалению, жажда услышать ответ не могла прогнать муку. Каталку толкнули в лифт, спинка ударилась о стену, и Сейхан пронзила боль. Мир потемнел.

Она очнулась, не представляя, сколько прошло времени. Сейхан лежала на больничной койке. Запястья и лодыжки были прикованы наручниками к спинке. Ее переодели в больничную сорочку, присборенную на груди.

Рядом стояли двое медиков – должно быть, врач и медсестра. Медсестра смазала ей живот прохладным гелем; наверное, холодок и привел Сейхан в чувство. Врач приставил трубку, другой рукой настраивая экран УЗИ-аппарата.

– Готово, – негромко сказал он по-японски. Заметив ее открытые глаза, добавил: – Надо же, пришла в себя... Крепкая девушка. Вторая стадия, а она держится без обезболивающих.

Сейхан не отреагировала на похвалу, просто молча смотрела на него. Невысокий мужчина с тонкими чертами лица. Можно уложить его одним приемом. Но даже будь ее руки-ноги не прикованы к койке, она бы сдержалась. Сейчас этот врач для нее самый важный человек на земле. Только он мог дать ответ на вопрос, жегший изнутри.

– Вколоть фентанил? – спросила медсестра, пожилая женщина с круглым суровым лицом. – У нее высокая температура. Наверное, от боли.

– Погодите. Не хочется вводить ей опиоиды. Вдруг она и вправду ждет ребенка. Если УЗИ покажет, что она беременна, всегда успеем погрузить ее в кому.

– Хай, доктор Хамада.

Сестра подошла к аппарату, а доктор приложил датчик к животу Сейхан и впервые обратился прямо к ней:

– Процедура может быть болезненной.

– Ничего. Давайте.

– Как скажете. – Он кивнул медсестре, и та включила аппарат.

Сейхан смяла пальцами больничную простыню. Доктор слегка надавил на датчик. Живот будто взрезали скальпелем. Сейхан не сдержала вскрик и невольно посмотрела вниз, ожидая, что сорочка окрасится кровью.

Ничего.

Доктор отвел датчик.

– Личинки чувствительны к звуковым волнам, это приводит их в

ярость. Вы сейчас чувствуете, как они разбегаются.

Пояснением доктор хотел ее успокоить, но Сейхан стало лишь хуже. Она вообразила толпы личинок, прогрызающих мышцы и ткани в поспешном бегстве.

– Перерыв? – спросил доктор.

Сил отвечать не было, и Сейхан помотала головой, будто дикая лошадь, которая пытается сбросить лассо.

Давайте дальше...

Он кивнул и стал водить датчиком по животу. По щекам Сейхан стекали пот и слезы. Она отпустила простыню и впилась ногтями в ладонь. И уже когда была готова сдаться, все прекратилось.

– Смотрите. – Доктор указал на экран, на котором мелькали серые квадратики.

Живой...

Ее охватила радость.

– Нам известно, что на второй стадии личинки щадят жизненно важные органы хозяина – к примеру, сердце и мозг, – сказал доктор Хамада. – Похоже, сердцебиение плода их оттолкнуло. По крайней мере, пока.

Хамада заметил, как Сейхан нахмурилась при его последних словах.

– На третьей стадии все не так просто. Как только личинки отложат яйца в костном мозге и обеспечат себе непрерывное размножение, их станет меньше заботить выживание хозяйского организма.

В голове Сейхан пошел обратный отсчет.

Двадцать четыре часа...

Хамада отложил датчик. Экран погас, трепещущие кубики исчезли. Она отдала бы правую руку, только б еще минутку посмотреть, как бьется сердце ее ребенка.

Погружаясь в темноту, она услышала, как доктор Хамада говорит медсестре:

– Плод жив и, похоже, не пострадал.

Сейхан выдохнула с облегчением, но тут он добавил:

– Идеальный опытный образец.

08 часов 32 минуты

Если б мне не было так страшно, я бы восхитился.

Кен оглядел огромную подземную лабораторию. Насколько она превосходила его собственный исследовательский отдел в Корнуолле,

который он любовно создавал в течение десяти лет на университетские гранты и взносы от частных фондов.

Доктор Юкио Оширо был высокий и с такими тощими конечностями, что с виду сильно смахивал на паука. Удивительное совпадение – Кен читал его публикации о паучьем яде.

– Мы завершили первый этап клинических испытаний блокатора ионных каналов для преодоления мышечной дистрофии и при этом достигли значительных успехов, – вещал Оширо. Затем вздохнул с досадой. – Сюда.

Он был явно недоволен тем, что ему отвели роль гида.

Оширо то и дело останавливался и кивал знакомым сотрудникам. Те, в свою очередь, прерывали работу и отвечивали глубокий поклон в знак уважения, которого, очевидно, требовал этот человек.

– Конечно, у нас есть группы, которые работают с наркотическими веществами. – Оширо указал пальцем. – Команда «Альфа» трудится над перспективным анальгетиком, «Бета» – над средством против опухолей, а «Гамма» – над сельскохозяйственным пестицидом. Я могу продолжать бесконечно. Потенциал неисчерпаем, а мы едва прошли по поверхности.

– И все это на основе яда древних ос?

– Одокуро, как вы их назвали. – Оширо едва заметно покачал головой; в японской корпоративной культуре этот жест приравнивался к демонстрации среднего пальца. – Нам письменно велели использовать это имя. Похоже, Такаси Ито вас уважает.

Поэтому мне устроили экскурсию...

Кен понимал, его обхаживают, чтобы он присоединился к команде. Холодный прием со стороны Оширо подтверждал догадку – доктор явно боялся за свое положение.

Мацуи внимательно изучал обстановку. Лаборатория действительно вызывала у него восхищение. Она не только больше его собственной, но и оборудована гораздо лучше.

Он подметил, что пространство разделено надвое. В первой части лаборатории, по всей видимости, изучали протеомику – белки и пептиды из осиногo яда. Кен понял это по жужжащим масс-спектрометрам и трем аппаратам для гелевого электрофореза. Остальные приборы, впрочем, были ему незнакомы.

Оширо, очевидно, заметил озадаченный вид Кена. В его голосе прозвучало злорадство.

– Команда «Альфа» проводит там проточную цитометрию лазерами сверхкоротких импульсов – фемтосекундным и пикосекундным. Выделяют

и исследуют полезный белок...

– Впечатляет, – вполне искренне ответил Кен.

– ...Что совершенно необходимо, как вам известно, при работе с таким крошечным количеством образца.

Кен кивнул. Одно дело добыть яд у змеи, его вполне хватает для исследования, но с пауком или осой – дело другое.

Он повернул голову. Вторую половину лаборатории отвели под геномику. С помощью сепараторов здесь изучали РНК и ДНК, связанные с производством яда, а также собирали ценные транскриптомные данные.

Кен уже знал, насколько хитер осиный яд. Состав, обнаруженный в ядовитой железе, может варьироваться в зависимости от пола особи, от усвоенной пищи, даже от температуры окружающей среды. Порой легче было установить последовательность ДНК и воссоздать токсический пептид, нежели разгадывать его вновь и вновь.

Кен кивнул в сторону команды «Гамма», которая трудилась у сепаратора.

– У вас серьезные технологии. С их помощью можно сделать высокоточный анализ.

– Причем это еще не предел. – Оширо окинул взглядом группу исследователей. – «Гамма», например, обнаружила часть транскрипции РНК, включая ген, который ее производит, – весьма многообещающее открытие. Теперь они ищут синтезируемый белок.

– Значит, нашли тень, а не предмет, который ее отбрасывает.

– Точно. – Оширо сдержанно улыбнулся, и эта улыбка согрела Кену сердце; так улыбаются ученые, работающие над одной и той же задачей, в момент редкого согласия. – Этот ген присутствует во всех воплощениях вида, а вот белок, который он кодирует, никак не обнаружим. Поэтому нам нужны лучшие умы.

Вообще у Кена уже имелось несколько предположений насчет белка-невидимки, но он смолчал. К тому же Оширо полунамеками близился к предложению работы, от которого Кен не посмеет отказаться. Поэтому он сменил тему, указав на красную стальную дверь в задней части лаборатории.

– А там что?

Оширо прижал ладони к бедрам и нахмурился.

– Точно не знаю, да это и не наша забота. Могу сказать, что руководитель той команды, доктор Хамада, часто занимает нашу лабораторию и выкуривает нас отсюда, сбивая рабочий настрой.

– Что же он исследует?

– Насколько мне известно, историю эволюции одокуро.

– Зачем?

Оширо пожал плечами, будто говоря: «Исследование чужое, и печаль не моя».

Кен уже сталкивался с тем, что ученые предпочитают закрывать глаза на то, что их не интересует. Однако годы опыта убедили его – не стоит подавлять любопытство исследователя.

Этот урок особенно важен в нынешних обстоятельствах.

Оширо повел гостя дальше, а Кен все не мог оторвать глаз от красной двери.

Что творится там на самом деле?

08 часов 35 минут

Такаси стоял на коленях у рабочего стола, приложив палец к губам и глядя на экран ноутбука. Туда транслировала изображение камера в больничной палате. Женщина на койке по большей части лежала в забытьи, иногда просыпалась от тяжелого сна, вспоминала, что прикована, и вновь впадала в дрему.

Полуазиатка, полувропейка – она взяла лучшее от каждой из рас. Нежный изгиб губ – если отвлечься от того, что они разбиты. Высокие скулы, идеальная линия подбородка. Прямые черные волосы подчеркивали изящные черты, напомнившие ему возлюбленную Миу.

В дверь тихо постучали, затем открыли.

Его секретарша поклонилась и отступила, пропустив в офис Такаси посетительницу. Валя вошла, как порыв ветра, в ее голубых глазах сверкали молнии. Тучи, клубившиеся над горой Фудзи, приветствовали ее раскатом грома за окном.

На этот раз она ничем не подчеркнула бледные черты. Такаси даже растерялся. Она была такой эфирной, такой призрачной; казалось, ей не давала улетучиться одна лишь черная татуировка.

Гостя отвесила низкий поклон и после пригласительного жеста Такаси опустилась рядом с ним на колени.

– Чунин Михайлова, – он приветствовал ее титулом, который она унаследовала от Масахиро.

Валя качнула опущенной головой, подтверждая повысившийся статус.

Такаси повернулся к экрану и кивнул на пленницу на больничной койке.

– Она с ребенком?

– *Хай.* Доктор Хакада подтвердил, что она беременна.

– Прекрасно.

Женщина на экране и ее пособники отняли у него внука. Он вправе отплатить тем же.

Такаси представлял, что будет дальше.

Давно, во время войны, он побывал в исследовательском центре императорской армии в крепости Чжонгма. Там испытывали биологическое и химическое оружие, в том числе и на беременных китайках, насильно вывезенных из родных деревень. После испытаний плоды без наркоза вырезали у них из чрева. Такаси до сих пор слышал крики женщин, видел слабые дрожащие руки, тянущиеся к окровавленным младенцам.

Тогда он только вступил в «Кагэ». Ему приходилось скрывать отвращение к подобному зверству.

Теперь я буду наслаждаться этим зрелищем.

– Что с американцем?

– О нем ничего не слышно. Но если он жив, то придет за ней.

Валя умолкла, хотя ей явно хотелось о чем-то спросить.

– В чем дело?

Она бросила взгляд на экран.

– Вы сказали, что от ее болезни нет лекарства.

Намек был ясен.

– Ты недоумеваешь, зачем было забирать ее с острова, если мы не можем держать заразу под контролем?

– Хай, джонин Ито.

– Это не безумие, это твердый расчет. Осы, которых мы выпустили на Гавайях, нужны для того, чтобы мир понял, что ему грозит. Только тогда мы перейдем ко второму этапу.

Валя удивленно подняла брови.

– Ко второму?

– Атолл Икикауо – не единственная наша база.

Валя округлила глаза.

– Остальные лишь ждут моего приказа. Осы одокуро готовы атаковать Европу, Россию, Китай и Австралию. К сожалению, мы потеряли связь с базой у побережья Бразилии, и операцию там почти рассекретили. Однако, по самым осторожным подсчетам наших ученых, через два года миру настанет конец.

– Вы хотите уничтожить весь мир?

– Нет. Как я и говорил, это не безумие, а расчет.

Такаси распознал, что женщина в замешательстве, и вздохнул. Заговорил низким воркующим голосом, как будто утешал ребенка.

– Какие лекарства приносят больше всего прибыли?

Резкая смена темы сбила ее с толку, и Валя покачала головой.

– Вовсе не те, которые исцеляют болезнь. Большого дохода разовые сделки не приносят. А вот лекарства, которые облегчают симптомы неизлечимой болезни, – стабильный источник выгоды. Больные нуждаются в них постоянно. Этот урок я усвоил давным-давно, когда только основал фармацевтическую компанию.

– И сейчас применяете полученные знания?

Такаси не стал утруждать себя очевидным ответом.

– Но как?

– Я не хочу уничтожить мир, я хочу поставить его на колени.

– И все же... если лекарства нет...

– Через год мы предложим страдающему миру средство, которое облегчит муки. Лекарства от личинок-паразитов у нас нет, но мы разработали спрей, который убивает взрослых ос. Спрей невероятно токсичный и наносит непоправимый урон окружающей среде. Однако он позволит странам выживать, пусть и с трудом.

В глазах Вали забрезжило понимание.

– В зараженной среде осы будут выводиться постоянно...

– А уничтожить их можно будет только с помощью нашего спрея.

– То есть весь мир будет зависеть от Японии, от вашей корпорации.

– Если кто-то заартачится, мы приостановим поставки спрея.

– А как же Япония?

– Нас не заденет первая волна заражения. У нас есть естественное преимущество – Япония со всех сторон окружена морем. А еще мы втайне распылим спрей вдоль всего побережья для дополнительной защиты. Через год только Япония останется сильной, и мы протянем остальным руку помощи. Но лишь тем, кто преклонит колени перед новой Японской империей.

Валя села ниже, обдумывая услышанное.

– Весь мир будет у ваших ног без единого выстрела.

– Я прожил девять десятилетий и узнал, что каждая армия переживает взлеты и падения. Сегуны из династии Токугава отступили перед японскими императорами, а императоры – перед союзными войсками. Истинная сила заключена не в мече и не в пистолете, а в мастерстве и инновациях.

Чунин Михайлова смотрела на него не отрываясь. В ее глазах отражалась лишь буря, гремевшая за окном. Она закрыла глаза и склонила голову.

Такаси принял дань почтения. Он знал, что скоро...
...весь мир склонится перед нами.

Глава 32

*9 мая, 01 час 44 минуты по центральноевропейскому летнему времени
Величка, Польша*

– Курс на соляную шахту, полный вперед! – весело воскликнул Монк.

За ними со скрежетом захлопнулась стальная красная дверь лифта. Елена поежилась. Она сосредоточилась на дыхании – вдох через нос, выдох через рот, так учили в старом выпуске шоу Опры Уинфри. Вот и вся «терапия», которую могли позволить себе ее родители – мигранты, тяжким трудом добывавшие свой хлеб.

С юности она терпеть не могла тесноту и замкнутое пространство. Родители считали, что ей аукнулось воспоминание о бегстве через туннель со склада в Тихуане до Сан-Диего – картель Синалоа организовал там наркотрафик. Заплатив наркодилерам, можно было нелегально перебраться в Америку.

– Ты как? – Сэм придвинулся к ней ближе, пока лифт погружался все глубже в шахту.

Элена нервно теребила пальцами два маленьких распятия, висевшие у нее на цепочке.

– Твержу себе, что мы всего-навсего спускаемся в подвал библиотеки.

– Глубокий, однако, у вашей библиотеки подвал, – ухмыльнулся Сэм.

Она смерила его сердитым взглядом.

– Прости. Сойдет за извинение?

Он протянул ей руку, и она ухватилась за протянутую ладонь, сухую и теплую. По пути к шахте Элена не скрывала от остальных членов группы свой страх. Лучше по-честному.

Дамиан Сласки познакомил группу со специалистом по связям с общественностью – молодой красивой блондинкой по имени Клара Баранска. Суровый профессор так посматривал на Клару, что всем стало понятно – он неровно к ней дышал. Очевидно, его частые визиты в музей по соседству имели под собой не только исследовательский интерес.

– Профессор Сласки, – спросила Кэт, – вы сказали, что на карте Гондиуса отмечены два месторождения янтаря. Какое-то из них расположено поблизости от Часовни-раковины, верно?

Элена обратилась в слух. Разговор отвлек ее от спуска.

– Нет, оба месторождения были совсем небольшими и иссякли задолго до того, как здесь появился Смитсон.

Клара кивнула.

– Да, такую находку ни за что не пропустили бы. В прежние времена соль ценилась на вес золота, а янтарь был еще дороже. Даже сейчас скромный янтарный браслет стоит как часы «Ролекс»^[5].

– Поэтому многие шахты разграбили черные копатели, – добавил Сласки.

Латиноамериканка Елена не спустила профессору расистского высказывания.

– Что значит «черные»?

– В смысле, копатели, которые грабили чужие раскопки или присваивали найденное, а затем продавали на черном рынке, – пояснил Сласки. – Даже в наши дни два из трех кусков янтаря, поступающие в продажу, добыты нелегально.

Лифт с толчком остановился, двери раздвинулись, и в кабину ворвалась торжественная скорбная музыка. По спине у Элены пробежал холодок. Не от того, что на глубине стоял холод, нет, – звуки музыки навевали мысль о погребении.

Клара, выходя из лифта, предложила более приземленное объяснение.

– Очевидно, еще идет полуночная месса. Я слышала, они поздно вато начали.

Монк улыбнулся жене.

– Выходит, у них послеполуночная месса.

Кэт подтолкнула его вперед. Сэм потянул за собой Элену. Он все еще держал ее за руку. То есть она его.

Воздух внизу был липкий, влажный и с соленым привкусом. Елена будто ступала по дну океана, из которого вдруг испарилась вся вода. Самообман насчет библиотечного подвала улетучился, как только она глянула на деревянную лестницу рядом с лифтом ступенек на восемьсот.

Как хорошо, что мы не туристы и нам не надо по ней лезть.

– Мы на глубине всего девяносто метров, – сказала Клара.

Всего?

Их провожатая указала влево.

– Этот путь ведет к камере, посвященной Копернику. Там находится часовня Святого Антония, самая старая в шахте, ей четыреста лет.

Сласки махнул в другую сторону.

– Но мы пойдем другим путем, так ближе.

Клара кивнула.

– Я уже отправила туда троих, чтобы расчистили нам путь. – Она улыбнулась. – Моих братьев.

– У вас тут семейное предприятие, что ли? – шутливо спросил Монк.
Но Клара восприняла вопрос всерьез.

– Конечно, ведь соль у нас в крови. Мой дед и отец работали на этой шахте, пока она не закрылась. – Она указала вперед, как юная школьная учительница, которая пытается собрать учеников. – Идемте, нам еще далеко.

Музыка звучала все громче. Можно было разобрать слова гимна, который эхом раздавался из глубины. Туннель вел мимо камер и ниш, где были представлены объемные – наподобие диорамы – картины из шахтерской жизни. Куклы в полный рост изображали рабочих и даже лошадей.

Сласки кивнул на одну из них. Его суровое лицо помрачнело еще больше.

– Лошадей не поднимали на поверхность. Они всю жизнь жили в шахте и никогда не видели солнечного света.

– В древние времена с рабочими поступали так же, – добавила Клара.
Сласки пожал плечами. Его больше заботило несчастье животных.

Часто приходилось пригибаться, карабкаться по деревянным лестницам, пролезать в довольно узкие проходы. Провожатые показывали им шахтерское оборудование, причем кое-что до сих пор работало. Например, гигантская лебедка, с помощью которой поднимали добытую соль. Шахтеры использовали и силы природы: водное колесо, похоже, так и вращалось веками.

Сэм по-прежнему держал Элену за руку. Ей было наплевать, что о них подумают. Слушать исторические сведения было интересно, но они не могли отвлечь ее от мыслей о толще земли над головой.

Сэм тоже посматривал вверх, но его заботило другое.

– Ничего не пойму. Где же соль?

Элена тоже задавалась этим вопросом. Серые стены шахты были укреплены побеленными сосновыми бревнами.

Услышав вопрос, Клара улыбнулась и взмахнула рукой.

– Вокруг вас. Все, что вы видите, и есть соль в натуральном виде.
Попробуйте на вкус.

Сэм усмехнулся.

– Мама запретила мне лизать стены. Так что поверю вам на слово.

– А почему все бревна выбелены? – спросил Монк.

– Чтобы лучше отражался свет масляных ламп, которые носили с собой шахтеры. – Клара указала на современную каску с фонариком у себя на голове; они были на всех участниках экспедиции, но лампы не горели. –

Со временем соль так пропитала дерево, что оно стало крепче камня. К тому же шахтеры с ним говорили.

– Говорили? – переспросил Монк.

– Бревна скрипели, если на них давило слишком сильно, таким образом подавая сигнал о скором обвале, и у шахтеров было время выбраться наружу. – Клара похлопала по бревну. – Уже долгие годы они молчат.

Элена с тревогой посмотрела на бревна – хорошо бы и сегодня промолчали.

В дальних камерах стали попадаться образцы шахтерского искусства – фигуры, выдолбленные из соли. И сказочные драконы, и даже Белоснежкины семь гномов. Некоторым статуям сделали подсветку, и от них словно шло мягкое сияние.

У входа в очередную камеру Клара остановилась и включила головной светильник. Луч выхватил из темноты бюст бородатого мужчины с короной на голове.

– Это Казимир Великий, – сказала Клара. – Давайте ненадолго задержимся, тем более что не остановиться возле него – плохая примета.

Элена обрадовалась передышке.

– Казимир – последний польский король из династии Пястов. Он был либералом, поощрял науку и стремление к знаниям, основал Краковский университет. К тому же он единственный из всех европейских правителей приглашал евреев селиться в Польшу.

Клара умолкла, вспомнив судьбу потомков тех переселенцев, когда нацистская Германия вторглась в Польшу.

– Пойдемте дальше, – мрачно сказала она.

Спустились по длинному туннелю. Навстречу шли люди с мессы – мужчины в темных костюмах, женщины в длинных платьях. Музыка стихла. Прихожане расходились, переговариваясь между собой. Их голоса разносило эхо.

Клара вывела гостей на широкий балкон, с которого открывался вид на пещерный зал в три яруса.

– Жемчужина соляной шахты, – провозгласила она. – Часовня Святой Кинги.

Элене показалось, что удивительное место больше походит на собор, а не на часовню. Со сводчатого потолка свисали массивные люстры, блестящие от кристаллов каменной соли. В дальнем конце над соляным алтарем возвышалось соляное же распятие. В подсвеченных стенных нишах стояли скульптуры, созданные многими поколениями шахтеров.

Тематика библейская – прибытие Иосифа с Марией в Вифлеем, рождественские ясли с крошечным соляным младенцем Иисусом. Резьба на стенах и на полу имитировала каменную кладку.

В часовне еще бродили около двух сотен прихожан. Похоже, там легко уместилось бы вдвое больше.

Элена выпустила руку Сэма и подошла к балюстраде, чтобы получше разглядеть кристаллический собор – Сикстинскую капеллу из соли.

– Часовню назвали в честь святой Кинги, – пояснила Клара. – Легенда гласит, что отец венгерской принцессы леди Кинги отдал ее в жены принцу Краковскому. Перед отъездом в Краков принцесса бросила обручальное кольцо в шахту в родной Венгрии. Когда леди Кинга прибыла в Краков, велела шахтерам копать. В указанном месте они нашли кусок соли, а в нем – кольцо. С тех пор ее считают покровительницей шахтеров.

– Лучше бы заявление в страховую написала, чтобы возместили стоимость кольца. Сколько труда сэкономили бы, – прошептал Монк.

Клара нахмурилась. У них в стране не подшучивали над святыми.

Обиженная, девушка увела гостей с балкона. Они спускались все ниже, петляли в подземном лабиринте, проходили через туннели, пещеры, залы со скульптурами. По пути им попадались изумрудно-зеленые лужи; через них были перекинута деревянные мостки. В неподвижной воде поблескивали монеты – словно затопленный клад, который стережет дракон. За века посетители набросали кучу денег – загадывали желание, возносили молитвы...

– Мы на уровне грунтовых вод? – спросила Кэт. – Поэтому здесь лужи?

– Нет, сюда просачивается дождевая вода. Грунтовые озера гораздо больше и расположены в два раза глубже.

Элена негромко охнула; эхо, отразившись от стен, усилило ее стон. Сэм вновь взял ее за руку.

Туристический маршрут заканчивался у туннеля, резко уходящего вниз. Дальше не было ни фонарей, ни мягко подсвеченных соляных статуй – одна только стигийская темнота, вечная и неизменная.

– Включайте головные светильники, – сказала Клара и включила свой.

Все последовали ее примеру. Про запас у каждого был еще ручной фонарик.

Клара пошла вперед. Монк склонился к Кэт и процитировал Данте:

– Оставь надежду, всяк сюда входящий.

03 часа 42 минуты

Кэт стояла на берегу большого озера. Лампы касок освещали темную воду. Лучи света отражались от зеркальной поверхности и упирались в низкий каменный свод. Пахло морем.

Другого берега видно не было. От этого становилось не по себе.

Клара поделилась историей, которая доказала, что озеро и впрямь огромное.

– Несколько лет назад мы развлекали виндсерферов. Так интересно было наблюдать – светлые паруса в темной пещере...

– Откуда же тут взялся ветер? – спросил Монк, выставив вверх палец.

Клара улыбнулась.

– Сюда доставили большие вентиляторы, которые питались от генератора.

– Другими словами, везде обман, – подытожил Монк.

– Иногда приходится импровизировать, дабы ублажить гостей, – поправила Клара. – Вот как сейчас.

Она указала на троих братьев, которые ждали у берега с надувной лодкой и водным мотоциклом. Светловолосые, как и сестра, мускулистые парни в гидрокостюмах каким-то образом умудрились спустить сюда оборудование специально для группы Кэт. Похоже, на нижних уровнях все озера и запруды соединялись затопленными туннелями, образуя своего рода водный лабиринт.

– Мои братья захватили инструменты, на случай если вы обнаружите потерянное месторождение и захотите забрать кусочек янтаря для музейной коллекции. – Клара почтительно кивнула Элене Дельгадо.

Кэт посмотрела на часы.

– Нам пора.

После того как они сошли с туристического маршрута, им понадобилось полтора часа, чтобы добраться до нижних уровней шахты. Здесь за проходами следили гораздо меньше: на полу бугрились соляные отложения, деревянные лестницы были сплошь покрыты белыми кристаллами.

Все вокруг выглядело нетронутым, застывшим и неизменным на протяжении веков. Должно быть, из-за насыщенного натрием воздуха.

По дороге попадались все новые свидетельства склонности шахтеров к искусству: в небольшой нише укрылась Мадонна с младенцем, на стенах были выписаны библейские цитаты. Скульптуры, чьих черт уже нельзя было разобрать из-за соляных отложений, маячили у стен, как призрачные стражи, предупреждая непрошенных гостей, что лучше б им убраться восвояси.

Кэт обрадовалась надувной лодке. По словам профессора Сласки, Часовня-раковина находилась на противоположной стороне озера.

Кларин брат Петр отвязал лодку и прыгнул на корму. Второй брат, Антон, завел мотор. Младший, Герик, оседлал гидроцикл.

Громкий рокот, отразившись от низкого потолка, отдавался резонансом у Кэт под ребрами.

Все наконец расселись. Впереди шла лодка с прожектором на корме. Петр внимательно следил за тем, чтобы лодка не наткнулась на препятствие, скрытое под зеркальной поверхностью.

Сласки, прервав тягостное молчание, спросил Сэма:

– В музее вы спрашивали, зачем шахтерам рыть такую необычную часовню. Возможно, после того как вы повидали шахту, вам стало понятнее... Они проводили тут всю жизнь; им хотелось оставить что-то после себя, какое-то наследие.

Клара его поддержала.

– Помимо скульптур и декораций здесь много камер, которые они своим трудом превратили в произведения искусства.

– Как часовню Святой Кинги, – пробормотала Елена.

– Например.

Разговор вновь стих, будто придавленный смыкающимися сводами пещеры. Когда луч фонаря на корме наконец осветил берег, Кэт, сидя в лодке, дотянулась бы пальцами до соляного потолка.

Все инстинктивно съежились.

Сперва им показалось, что они уперлись в сплошную стену, но Петр повернул лодку влево и повел в скрытый от глаз туннель, изгибающийся змейкой. Лодка уткнулась в каменистый пологий берег. Склон вел вверх к просторной пещере в четверть размера от часовни Святой Кинги.

Сласки поднялся.

– А вот и вход в Часовню-ракушку.

Как на карте, показанной директором музея, из центра по сторонам расходились темные туннели, словно на гребешке раковины. Кэт облегченно вздохнула – добрались! – и велела остальным выходить на берег. Но едва она разглядела, в каком состоянии шахта, облегчение ее сразу же испарилось.

Лампочки на касках осветили проходы, засыпанные камнями – следы старых обвалов. Повсюду сочилась вода. Растворенная соль схватывалась коркой, создавая искореженный белоснежный пейзаж. Меловая изморозь сплошь покрывала стены, с потолка свисали хрупкие на вид соленые сосульки.

Кэт с отчаянием поняла, что им ни за что не отыскать место, где Смитсон обнаружил свой артефакт. Оно давно погребено под обломками.

– Надо попытаться, – сказал Монк, всегда читавший ее мысли.

Кэт кивнула и щелкнула кнопкой на фонарике. Его луч добавился к свету фонаря на каске. Остальные поступили так же.

Сэм сосчитал туннели и нахмурился.

– И что нам теперь, играть в угадайку?

– Давайте поделимся, – предложил Монк. – Так больше успеем.

Элена вздохнула.

– Не нравится мне это.

– Будем держаться вместе, – согласилась с ней Кэт. – Если кто вдруг заблудится, только потратим время на поиски.

Решили обойти каждый туннель по очереди, начиная с крайнего правого. Антон и Герик остались на берегу с включенной рацией на случай, если понадобится принести из лодки инструменты.

В проходе могли шагать по двое. То и дело приходилось сражаться со сталактитами, чтобы пройти дальше. Под ногами струились ручейки воды, прокладывая путь к оставшемуся позади озеру. Кэт светила вокруг фонариком, отыскивая знаки того, что здесь был Смитсон.

Все же она поступила мудро, решив, что все пойдут вместе. Примерно через полчаса туннель привел в сводчатую галерею, которая формой повторяла ребристую раковину. Стена от пола к потолку шла под уклоном, имитируя острый гребешок, и уходила куда-то вдаль. Похоже, сюда приводили все туннели.

– Эй, посмотрите! – охнув, воскликнула Элена.

Ее фонарь высветил обширный барельеф. Остальные тоже направили фонарики на стену.

Барельеф кое-где осыпался; тем не менее было понятно, что на нем изображено грандиозное сражение. Крылатые ангелы вверху направляли натянутые луки на бесов с перекошенными мордами, пытавшихся выбраться из-под земли. Гротескные гримасы и собственно мотив напомнили Кэт картины Босха.

– Вы знали о нем? – спросила она, не отрывая глаз от барельефа.

– Нет... – протянул Сласки.

Ответ Клары не был столь однозначен.

– Я что-то слышала об изображении ада в глубине шахты, но так далеко мало кто забирается. Тут все затоплено. И риск обвала... Судя по тому, что нам пришлось расчищать дорогу от сталактитов, здесь никто не появлялся несколько десятков лет.

Кэт выпрямилась и указала фонариком на скошенную стену, уходящую вдаль не меньше, чем на полмили.

– Нужно осмотреть ее целиком.

Никто не спорил, проникшись грандиозным открытием.

– Смотрите внимательно, вдруг что-то покажется примечательным или необычным.

Сэм скорчил гримасу, оценивая длину барельефа.

– Как будто здесь есть что-то обычное...

Все вместе двинулись вдоль стены, Клара шла первой. Лучи света скользили по вырубленным в стене фигурам, добавляя движения в картину битвы. Семь пар глаз внимательно осматривали каждую мелочь.

Кэт первой заметила странность. Она шагнула назад, и луч ее фонарика замер.

– Мы уже видели эту паскудную муху, – прошептал Монк.

Остальные столпились вокруг них, светя в одну точку.

В сонм ангелов над разверзшимся адом затесалось необычное крылатое создание. Насекомое, похожее на моль.

Точно такой же символ был вырезан на гробнице Смитсона. И Кэт прекрасно знала, что это оса.

– Надо взглянуть поближе.

Наскоро расчистили путь. Изображение было покрыто нарощим слоем соли, который скрывал детали.

Кэт достала бутылочку воды, намереваясь смыть соль. Петр протянул ей термос.

– *Горонца хербата.*

Никто из братьев не говорил по-английски. Клара перевела:

– Петр предлагает горячий чай.

Отличная идея.

Она поднесла платок к дымящемуся горлышку и перевернула термос, затем прижала мокрую ткань к вырезанной фигуре, чтобы дать соли раствориться. Не отнимая руки, Кэт повернулась к Монку.

– Будем надеяться, что там что-то есть. Может, Смитсон оставил послание. Если б нам...

И вдруг соляная корка стала поддаваться. Фигурка осы погрузилась в камень, по стене побежала трещина.

Кэт отшатнулась, роняя платок.

Стена перед ней с шумом пошла вниз, сокрушая соляные сталактиты. Эхо донесло плеск воды и скрип огромного механизма. Сразу вспомнилось гигантское водное колесо, которое они видели на верхних уровнях. Похоже, в шахте сохранило работоспособность не только оно.

Стена опустилась до самого пола, остался лишь невысокий порожек.

Кэт заглянула в мрачную темноту.

Монк повернулся к ней.

– Посмотри, что ты наделала...

Глава 33

9 мая, 11 часов 58 минут по японскому времени

Фудзикавагутико, Япония

– Осталось две минуты, – предупредил Грей, садясь на мотоцикл «Ямаха PES2» с электрическим двигателем. Как и четверо других членов ударной группы, он надел «умный» шлем со встроенной рацией. Группа пряталась в лесу позади исследовательского кампуса «Фениккусу лабораториз».

Грей рассматривал цель – пагоду «Кори-но-широ», возвышающуюся на огороженной территории. Строение из стекла и стали, также известное под названием Ледяной замок.

Стояла середина дня, но небо было мрачным. Над Фудзиямой прошла гроза, осыпав ее склоны градом. Вспышки молний отражались от стеклянного здания.

Впрочем, им ураган был только на руку – отличное прикрытие. Внутри шлема Грей получал визуальную связь от основной штурмовой группы, которая направлялась к главному входу в кампус.

– Минута, – сообщил Пирс напарникам.

Палу прижался к мотоциклу с одной стороны, Айко – с другой. Она привела подкрепление: Хога и Эндо были отобраны лично ей для оперативной группы в составе новой японской разведывательной службы. Под шлемы они надели черные маски, что делало Айко и ее ребят похожими на современных ниндзя. Грей даже не знал, как выглядят Хога и Эндо. Одно было ясно: они гибкие, мускулистые и вооружены до зубов.

Грей отсчитывал последние секунды под бешеный стук собственного сердца. Скорее бы двинуться с места, группа и так уже потеряла ценное время. Выжив после атаки глубинными бомбами, они запросили подмогу по рации. С атолла Мидэуй немедленно выслали вертолеты к центру тихоокеанского мусорного пятна, Ковальски и кузенов Палу забрали в больницу, чтобы оказать им неотложную помощь. Состояние Туа оставалось критическим.

Не в силах больше ждать, Грей вместе с напарниками сразу сел в частный самолет. По дороге в Японию Айко и составила план атаки, сообщив своему руководству, какую роль компания «Фениккусу лабораториз» сыграла в нападении на Гавайи. Впрочем, агент делилась информацией весьма скупой и далеко не со всеми, опасаясь, что враги могут

подкупить или шантажировать некоторых членов нового разведывательного управления, воспользовавшись суматохой периода реорганизации.

Пейнтер высказывал те же опасения. Во время созвона он сообщил Грею, как продвигается эвакуация на Гавайях, описав ее двумя ключевыми словами: *паника* и *хаос*. Ситуация быстро ухудшалась. Следовательно, главное в текущей миссии – выяснить, что способен противопоставить угрозе враг.

Скрытый смысл читался между строк.

Любой ценой. Даже если придется пожертвовать Сейхан и Кеном.

Сотни тысяч жизней находились в опасности.

С помощью шлема Грей следил за приближением японской группы к основному входу в кампус. Отряд возглавляла бронемашина. Этот минитанк, оборудованный тараном, на полном ходу пробил стальные ворота, расчищая путь остальной команде. На мотоциклах и военных внедорожниках завывали сирены.

Словно в ответ на шум в небе загрохотало, сквозь облака прорезались молнии. Холодный дождь окутал суету на земле плотным покрывалом.

– Пошли! – скомандовал Грей по рации.

Теперь, пока внимание противника было приковано к событиям у главного входа, Грей с напарниками помчался вниз с возвышенности у дальней части кампуса. Они гнали через темный лес, погасив лобовые фары. Проливной дождь закрывал обзор, но дисплей внутри шлема показывал горную тропу с помощью прибора ночного видения. И хотя вспышки молний то и дело ослепляли команду, никто не замедлял хода.

Даже Палу.

Гаваец рассказывал Грею о своем опыте езды по бездорожью на Мауи и впечатляюще держался на подпрыгивающем на кочках байке, который местами скользил по грязи. Раз тревожиться за Палу не стоило, Грей увеличил скорость и проехал последнюю четверть мили по лесу еще быстрее. В царившей суматохе появление пяти мотоциклов, выскочивших из-за деревьев и резко остановившихся близ дальней ограды, беспокойства ни у кого не вызвало.

Хога соскочил с байка, когда тот не успел даже полностью остановиться, отстегнул от пояса какой-то баллон и поднес к забору. Из баллона вырвалось яркое синее пламя, с легкостью расплавившее сеточную ограду.

Не просто ацетиленовая горелка, отметил про себя Грей, а некое новое устройство, созданное для группы Айко. Скорее всего, эта группа

представляла собой японский вариант «Сигмы».

Хотя Айко вряд ли в этом признается.

Открыв путь, члены команды проникли на территорию и, пригибаясь, побежали по аккуратным газонам к вертолетной площадке. Согласно предположениям Айко, в ближайшем здании имелся туннель, ведущий к подземным уровням главной башни. Предстояло пробраться в лаборатории, расположенные глубоко под землей, до того как штурмовой отряд устроит там зачистку, иначе все улики будут потеряны.

Пробежав еще один участок под дождем, группа достигла бетонного здания рядом с вертолетной площадкой и через открытую дверь попала в небольшой ангар. Трудившиеся там два работника, и так напуганные воем сирен, увидев пятерых бойцов, замерли.

Хога выстрелил первым. В грудь его жертвы попала россыпь тонких дротиков, между ними пробежал электрический разряд; парень затрясся, как в припадке, и затих.

Эндо выстрелил во второго и попал ему в шею чем-то вроде черного паука из стали, который ввел жертве дозу быстродействующего успокоительного. Сделав два шага, мужчина рухнул на пол.

На все ушло три секунды.

Грей глянул на умелую работу Хоги и Эндо и, восхитившись их оружием, подумал, что «Сигме» пора усовершенствовать свои разработки... или хотя бы обменяться сведениями с зарождающимся агентством Айко.

У коридора к подземным уровням Грей отбросил посторонние мысли и сосредоточился на основной задаче. Хотя риск очень велик, да и сама атака не считалась операцией по спасению, ему было кого спасать.

Пугал лишь один вопрос.

Неужели мы опоздали?

12 часов 08 минут

Похоже, время истекло.

Доктор Оширо шел к Кену, сидевшему в уголке лаборатории, в секторе команды «Гамма». Все в позе директора говорило о том, что он привык господствовать на своей территории и требовать подобострастного к себе отношения. Судя по его хмурому взгляду, откладывать неизбежное не было смысла. К тому же взмахом руки Оширо подозвал еще и охранника.

Они хотят знать ответ.

Помоги им, или умрешь.

Сколько можно оттягивая, Мацуи попросил у доктора разрешения

изучить информацию из первых рук, чтобы сделать более точные выводы. Оширо посмотрел на него с откровенным подозрением, но все-таки согласился – видимо, желая как можно скорее покончить с ролью гида.

Однако последние два часа он постоянно глядел на Кена через весь зал, словно оценивая кандидата перед приемом на работу.

Проверку провалить нельзя.

Кен решил внимательнее проследить за работой команды «Гамма», потому что именно в ее исследовании, как казалось, был потенциал. Сейчас он изучал папку с надписью: «農林水産省» – название японского Министерства сельского и лесного хозяйства и рыбной промышленности. В папке лежала заявка на грант, а также краткий обзор перспективных попыток команды «Гамма» ввести на рынок новый пестицид – токсин из пептида, найденного в яде ос одокуро.

– Итак, вы разобрались в сути исследования команды «Гамма»? – спросил Оширо, уперев руки в бока. – Готовы доказать, что вы ценный сотрудник?

Кен откинулся назад.

– Готов доказать, что это тупик.

Оширо вскинул брови. Ученые команды «Гамма» словно испуганно съежились. Кену не хотелось выставлять их работу в плохом свете, но выводы говорили сами за себя.

– С чего вы взяли?

– Я изучил анализ ДНК «призрачного» пептида.

Таким звучным термином команда называла недостающий белок, за которым она охотилась в надежде использовать как пестицид. «Гамма» распознала целую серию генов, потенциальных источников такого пептида, однако в мешочках с ядом у ос ничего подобного не нашли.

– Команда «Гамма» и вправду гонялась за призраком, – продолжил Кен. Он показал на компьютер, где изучал код – последовательность была прекрасно видна. – В генетическом анализе группа не ошиблась: похоже, серии генов действительно несут в себе код биолитического энзима, предназначенного для членистоногих и насекомых. Если ввести этот токсин, жертва растворится *изнутри*.

– Именно так, – подтвердил Оширо. – Из подобного соединения получился бы отличный сельскохозяйственный пестицид.

Кен не сдавался.

– Не забывайте: одокуро со временем поняли, что лучше оставлять жертву *живой*. То, что случайно обнаружила «Гамма», является фрагментом бесполезной ДНК, старого и непригодного кода, который

сохраняется в хромосомах ос. Вы не задумывались над тем, почему команда никак не может найти этот белок?

Оширо, запинаясь, пробормотал что-то о трудностях в исследовании. Кен перебил доктора.

– Как у большинства видов на земле, включая людей, ДНК одокуро – это смесь активных генов, бесполезного мусора и обрывков кода, образовавшегося в результате столкновения с вирусами и бактериями. По сути, древние осы попросту заразились микробами Лазаря, принесшими им драгоценный дар – способность к многовековой спячке.

– К чему вы мне все это рассказываете? – пожал плечами Оширо.

– Недостающий протеин – «призрачный пептид» – невозможно найти, потому что его код является эволюционным тупиком. – Кен обратился к одному из членов «Гаммы»: – Вы показывали мне метилирование ДНК в этих генах – как последовательность генов блокируется эпигенетическими маркерами.

– *Хай*, – кивнул в ответ член команды.

– Проявления кода регулируют эпигенетические маркеры, подсвечивающие ДНК как новогоднюю елку. От них зависит, станет ли ДНК производить белок вроде того, за которым вы охотитесь. – Мацуи обвел взглядом ученых из «Гаммы». – Иными словами, эта часть старого бесполезного кода давно заблокирована, и ключ от нее выкинули.

Оширо шумно сглотнул.

– Без идеально подходящего ключа последовательность не станет производить белок, а заново создать ключ, ставший результатом миллионов огранок и перестановок, практически невозможно.

Встревоженные члены команды «Гамма» боялись смотреть доктору в глаза.

– Если вы правы...

– То исследование приведет вас в тупик, – закончил Кен.

Подбородок Оширо заметно напрягся.

– Возможно, Такаси Ито не ошибался на ваш счет. – Он говорил с таким видом, будто каждое слово причиняло ему боль. – Пожалуй, от вас и вправду будет толк.

Оширо кивнул охраннику. Наверное, Кен прошел тест, и теперь ему предложат постоянную должность, от которой он не сможет отказаться.

Но как я буду на них работать?

Чувствуя ползущий по спине холодок, Мацуи был уже готов смириться с неизбежным, когда в здании вдруг завывла полная тревоги сирена.

От неожиданности все замерли на месте, и только Кен с облегчением

выдохнул.

Вот вам и чудесное спасение.

12 часов 28 минут

Под неустанный вой сирены Грей пробрался на площадку у лестницы в подвал. Наверху стальные двери преграждали путь к более высоким уровням башни. Вероятно, как и ко всем другим выходам.

Они задраивают все люки.

Команда Грея сумела вовремя пробраться внутрь, но что дальше?

Айко склонилась над трясущимся лаборантом и заговорила с ним по-японски, пока Хога держал нож у шеи перепуганного мужчины. Эндо следил за внешним коридором и выдал очередь из трех выстрелов, предупреждая эвакуирующихся работников о том, что им стоит искать другой выход.

Бойцы Айко сняли шлемы, однако остались в черных масках и по-прежнему напоминали безликих ниндзя. В здание они попали легко, сопротивления почти никто не оказал; как и предполагали, вся охрана сбежала на перестрелку у главного входа.

Сирена вдруг затихла, и воцарилась тревожная тишина.

Айко наконец выпрямилась и отпустила пленника, который пустился бежать по коридору.

– Говорит, мужчину, похожего по описанию на профессора Мацуи, увели на четвертый подземный этаж, – сказала она Грею, указывая на ведущие вниз ступени. – В токсикологическую лабораторию.

– А Сейхан?

– Неизвестно, – Айко покачала головой.

Грей понимал, что японка сделала все возможное. Оставалось надеяться, что Кен и Сейхан находятся вместе.

– Идем.

Они пробежали еще три пролета и спустились на четвертый уровень. Сюда и пошла группа, решив пока не ломать голову над загадкой пятого, доступ к которому преграждало несколько запертых красных дверей.

Айко говорила, куда поворачивать, следуя информации лаборанта. Из кабинетов то и дело выглядывали люди, но тут же отшатывались, увидев оружие.

– В конце коридора. – Айко показала на двойные двери с символом биологической опасности. – Вроде бы там.

Грей ускорил шаг и первым ворвался в огромную биологическую лабораторию, напичканную современным оборудованием. Осматривая помещение, он не

опускал свой «ЗИГ-Зауэр»; остальные рассредоточились по помещению. Повсюду валялись бумаги, пол был усыпан битым стеклом. Один из компьютеров дымился, словно кто-то «поджарил» его жесткий диск.

Пирс посмотрел на Айко, и внутри у него все окаменело.

Их здесь нет.

12 часов 32 минуты

Кен крался вдоль темного коридора.

Что я делаю?

Четыре минуты назад он принял опрометчивое решение. Когда из-за сирены началась паника, Мацуи просто скрылся из виду. В тот момент на него никто не обращал внимания.

Кен воспользовался всеобщей суматохой и осторожно направился к красным двойным дверям у дальнего конца лаборатории. Он давно хотел узнать, что за ними происходит и какие исследования скрывают там от Оширо.

Как он и надеялся, сигнал тревоги заставил кого-то открыть эти двери. Наружу выскочил какой-то техник, а Кен проскользнул внутрь. И вовремя – позади с жужжанием заперлись замки. Отрезанный стальной баррикадой от преследователей – ведь у Оширо не было доступа в эту часть здания, – Кен поспешил пройти дальше.

Идти он старался как можно осторожнее – сирены замолчали – и вскоре услышал голоса; из открытой двери на пол коридора падал луч света. Заглянув за дверь, Кен увидел крошечное помещение с целым рядом раковин. На полках лежали зеленые халаты и одноразовые перчатки, сильно пахло мылом и йодом. В окне, ведущем в соседнюю ярко освещенную комнату, были видны фигуры в халатах и масках, склонившиеся над операционным столом. Судя по торопливым движениям, сирена застала хирургов в самый разгар работы.

Кен уже собирался идти дальше – не дай бог заметят, – но тут фигура повыше сделала шаг в сторону, и профессор разглядел пациента.

Сейхан...

Ожидая худшего, он зашел в комнату с раковинами и прильнул к окну.

– Времени на подготовку и искусственную кому нет, – раздраженно бросил хирург. – В качестве испытуемого она уже не годится.

– Хай, доктор Хамада, – отозвалась медсестра. – А что насчет плода?

– Если действовать быстро, то кое-какой прок будет. Она привязана и от боли потеряла сознание; проведем гистерэктомию без анестезии. Достанем плод вместе с маткой. Не лучший вариант, но стволовые клетки

все равно получим.

– Я подготовлю инструменты.

– Поторопитесь. Бункер внизу скоро взломают.

– *Хай.*

Пока сестра доставала что-то с полок, доктор Хамада с недовольным видом склонился над пациенткой.

– Не хочется терять такую возможность, – сказал он медсестре. – МРТ показывает, что личинки в мышцах уплотняются, готовясь перейти в третью возрастную стадию. Если уже не перешли. – Доктор пожал плечами. – Как ни жаль, мы вряд ли успеем изучить жизнеспособный эмбрион...

С ужасом прислушиваясь к словам доктора, Кен стал искать в комнатке какое-нибудь оружие. Медсестра вернулась в операционную, положила на стальной поднос хирургический пакет и вскрыла упаковку.

Как не вовремя...

Кен схватил первое, что попало под руку, и, нервно сглотнув, бросился в операционную. Стоявшая ближе к двери медсестра закричала от неожиданности. Мацуи поднял наконечник огнетушителя и распылил пену прямо ей в лицо; ослепленная, медсестра пошатнулась. Кен протиснулся мимо нее и с размаху ударил доктора огнетушителем по голове. Раздался стук металла о череп, и Хамада осел, а затем повалился на пол. Сестра протерла глаза и увидела, что стало с ее начальником. Мацуи сделал лишь шаг в ее сторону, и та сорвалась с места. Гнаться за ней не было времени. Может, в суете эвакуации она не сразу найдет, кому рассказать о случившемся...

Кен поспешил отстегнуть ремни, которыми Сейхан была привязана к столу. Ее голова свесилась набок, как у пьяной, губы скривились от боли, к катетеру на руке тянулась трубочка капельницы. Кен взялся за трубку, готовый ее выдернуть. Он собирался вытащить Сейхан отсюда на руках и где-нибудь спрятать.

Но что потом?

Скорее всего, их обоих быстро поймают. Так не лучше ли воспользоваться каталкой? Кен открыл верхний шкафчик и начал искать подходящее лекарство, водя пальцем по этикеткам на флаконах. Морфин? Отличное обезболивающее, но слишком рискованно для ребенка. Адреналин!.. Если это поможет вывести Сейхан из бессознательного состояния, то боль она выдержит. По крайней мере, они смогут выбраться отсюда.

Кен набрал шприц и ввел адреналин в трубку капельницы. Он не знал,

какая доза нужна, поэтому из предосторожности решил вводить вещество понемногу.

Ну же, давай...

На полу издал стон доктор Хамада. Кену и самому хотелось застонать при мысли о том, что личинки внутри Сейхан могли начать переход к третьей стадии. Ребенку грозила невероятная опасность.

«Господи, хоть бы он ошибался», – подумал Кен, глядя на живот Сейхан.

ВТОРАЯ СТАДИЯ

Личинка медленно двигалась по размякшей и надувшейся мышце. Она увеличилась в десять раз с прошлой линьки и теперь достигла полсантиметра в длину, однако ее сегментированная наружная оболочка не могла больше растягиваться и начала темнеть. Из-за давления в нижней части эпидермы расположенные за мозгом железы стали выделять экдизон, гормон линьки, чтобы она вновь сбросила кожу.

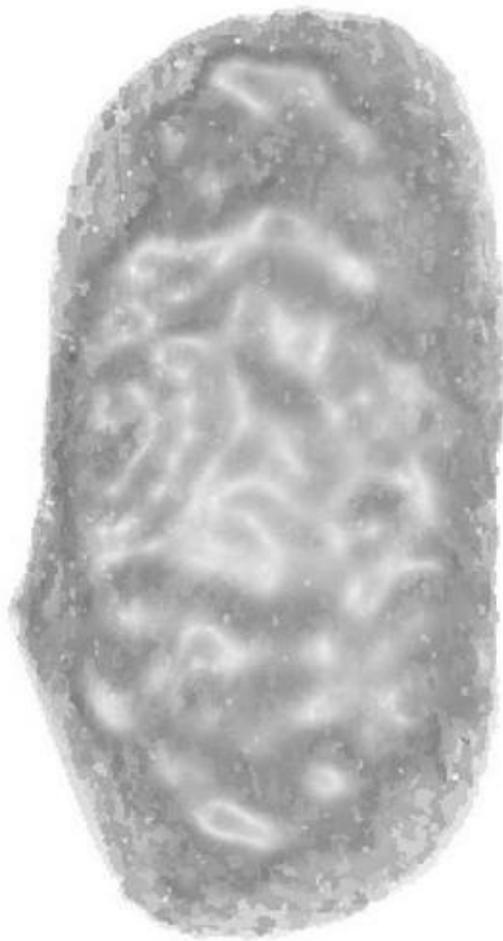
Личинка замедлила движения и сократила питание, потому что не могла больше использовать запасы для еды и потому что мандибулы затвердели; жевать было трудно. Между мягкой эпидермой и твердой наружной кожей образовалась густая смазка. Головные железы и грудной отдел набухли от жидкого шелка, который понадобится, чтобы сплести кокон. Несколько часов личинка будет спокойно расти, пока не выберется на свободу из прежней кожи.

Однако время еще не подошло. В теле до сих пор происходили изменения: по бокам появились белые пятна – имагинальные диски, отмечающие место будущих крыльев. Серебристые ниточки готовились превратиться в трахею.

Ползая внутри мышцы, личинка наткнулась на что-то твердое и ощупала продолговатый предмет мандибулами.

Путь преграждала плотная шелковистая масса. Обнюхав ее, личинка почувствовала, что внутри.

Когда она протискивалась мимо препятствия, стали видны метаморфозы, происходящие внутри шелкового гнезда. Там находилась еще одна личинка.

Казалось, что она не двигается, но под оболочкой продолжала развиваться жизнь: формировался новый слой кожицы, росла еще одна пара мандибул для сверления кости.

Как только личинка преодолела препятствие, ее развитие замедлилось в ожидании того момента, когда она тоже сплетет гнездо и подготовится к трансформации.

Скоро придет ее время.

Глава 34

9 мая, 12 часов 39 минут по японскому времени

Фудзикавагутико, Япония

Сейхан проснулась от острой, почти ослепляющей боли между глаз. Десятилетия жестких тренировок в Гильдии научили ее контролировать автономные рефлексy, и, несмотря на мучительную пульсацию и туман в голове, она лежала и пыталась восстановить дыхание, не подавая виду, что пришла в себя.

Как только резкий приступ боли прошел, Сейхан разлепила веки. В глаза бил яркий свет. От твердого холодного стола по голой спине бежала дрожь. Сильно пахло антисептиком. Сердце билось чересчур быстро.

Слева доносился чей-то отчаянный шепот:

– Давай, давай, давай...

Сейхан узнала акцент профессора Мацуи и услышала панику в его голосе. Желая оценить обстановку, она не спешила двигаться, боковым зрением улавливая все детали.

Я в операционной.

А вот и Кен со шприцом в одной руке и стеклянным флаконом – в другой.

– Нельзя вводить слишком много, – бормотал он себе под нос, вставляя иголку в ампулу.

Она снова обратила внимание на свой неестественно быстрый пульс.

Адреналин...

Поняв, что Кен старается разбудить ее, Сейхан повернула лицо в его сторону, но в этот момент позади профессора выросла тень – в маске и хирургическом халате.

Сейхан все равно узнала его.

Доктор Хамада...

Он потянулся руками к шее Кена.

Больные мышцы уже были напряжены; Сейхан легко соскользнула со стола и, не отрывая глаз от Хамады, взяла из открытого набора инструментов скальпель. Штатив с капельницей упал, вырвав катетер из ее руки. Другой рукой она схватила доктора и приставила кончик скальпеля прямо к пульсирующей сонной артерии. На коже выступила капелька крови.

– Он нам нужен? – спросила Сейхан сквозь потрескавшиеся губы.

Кен не сразу понял, что происходит и как ответить на вопрос. Он переводил взгляд с лица пленного доктора на скальпель и обратно. Хамада напрягся, явно понимая, что его жизнь зависит от следующих слов Кена.

– Я не... наверное... – Кен посмотрел на дверь. – Включилась сирена, здание эвакуируют. Он говорил что-то про выход через бункер.

– Покажешь нам, – прошипела Сейхан на ухо доктору и толкнула коленом сзади так, что он повалился на пол. – Сторожи, – сказала она Кену, протянув ему скальпель.

Энтомолог взял инструмент трясущимися пальцами, но тут же усилил хватку.

Сейхан покопалась в мусорной корзине с пометкой «медицинские отходы» и достала себе халат, даже не обратив внимания на пятна крови. Потом засунула волосы под хирургическую шапочку и повязала на лицо маску. Если что, можно будет опустить голову. Благодаря полуазиатскому происхождению Сейхан надеялась сойти за члена японского медперсонала.

Закончив, она велела Кену проделать то же самое. Профессор юркнул в соседнюю комнату и через минуту вернулся в облачении хирурга.

Сейхан заставила доктора подняться.

– Выведешь нас отсюда – будешь жить.

Хамада энергично закивал.

– В конце коридора есть лифт.

Передвигались тесной группкой. Сейхан держала Хамаду за халат, прижимая скальпель к его боку. Всего один разрез и поворот лезвия нанесут смертельное ранение. Доктор наверняка это понимал.

С запястья Сейхан капала кровь – из того места, куда был вставлен катетер, – однако боли она почти не чувствовала.

– Что ты мне ввел? – спросила она у Кена. – Морфин, фентанил?

Она помнила слова Хамады о том, что сильные анальгетики опасны для ребенка.

– Нет, – ответил Кен. – Только адреналин, а что?

– Ничего. Просто боль немного утихла.

Кен и Хамада переглянулись.

– Что? – Сейхан заметила тревожный вид профессора.

– Перед третьей стадией личинки на какое-то время замирают. Возможно, поэтому боль и утихла. А вот когда они начнут вылупляться...

Профессор не договорил.

Когда они добрались до лифта, Сейхан воспользовалась ключом-картой Хамады, чтобы вызвать кабину.

Лифт поехал не вверх, а опустился на один уровень. Кен по ее просьбе

заблокировал двери кабины, а Сейхан нажала скальпелем так, что доктор вздрогнул.

– Это ловушка? – спросила она.

– Нет-нет, – с выражением боли на лице отозвался Хамада. – В случае нападения все входы в лаборатории подвальных уровней блокируются. Только у старшего персонала есть доступ к пятому уровню. Для исследовательского бункера имеется собственный маршрут эвакуации с целью обеспечить спасение особо важных сотрудников компании.

Сейхан глянула на Кена в поисках подтверждения слов доктора. Тот с тревогой кивнул.

– Я слышал, как он говорил, что выход вниз скоро закроют.

– Так и есть, – подтвердил Хамада.

Время было на исходе, так что в отсутствие иного плана Сейхан вжалась поглубже в лифт и кивнула Кену, чтобы он последовал ее примеру. Едва закрылись двери, по коридору пронеслось эхо громкого взрыва, словно пытавшегося их остановить.

Слишком поздно.

12 часов 48 минут

Грей припал к полу округлой лаборатории, отмахиваясь от дыма. С боков его прикрывали Айко и Палу. Хога и Эндо, по-прежнему в масках, были ближе к эпицентру – это они бросили взрывчатку на замыкающее устройство больших красных дверей из металла.

Прорезая дым, двери повалились на пол.

– Встаем! – приказал Палу, обращаясь к Юкио Оширо, главе исследовательской лаборатории. Несколько минут назад они обнаружили, что лаборатория пуста, и в тот момент в помещение вбежал мужчина, крича на японском, что все выходы из подвальных уровней заблокированы. Судя по его командному тону, Оширо принял членов группы за охранников.

Он понял свою ошибку, когда на него наставили оружие и заставили встать на колени, сложив руки за головой. За две минуты Айко подробно допросила Оширо, узнала, какую должность он занимает, и заставила его открыть стенной сейф, где хранились исследовательские файлы на случай эвакуации. Для открытия сейфа использовалось сканирование сетчатки глаза. Правый глаз доктора уже опух после того, как Эндо впечатал лицо Оширо в считыватель.

Собрав и уложив документы в рюкзаки, члены группы продолжили искать Кена и Сейхан. О девушке Оширо слышал впервые, а вот профессора Мацуи, судя по угрюмому взгляду, он знал. Похоже, в суете Кен

ускользнул, не оставив преследователям возможности его догнать.

Умно...

Грей махнул в сторону взорванных дверей: теперь можно попасть в строго охраняемую часть здания. У Оширо не было доступа в это отделение, поэтому помощи от него ждать не стоило – и все же Палу потащил доктора за собой. Он должен знать о текущих исследованиях не только то, что указано в материалах, а намного больше. В общем, Оширо им еще пригодится.

Члены команды прошли мимо нескольких пустых операционных и медицинских лабораторий, тихонько окликавая Кена. Грей тревожился: время на спасательную операцию было ограничено, да и рисковать документами и главой лаборатории нельзя. Надо выяснить, как спастись от бедствия с одокуро.

Айко, видимо, поняла его и бросила на Грея суровый взгляд. Если что, они выберутся из заблокированного подвала – взрывчатки было еще много, – однако каждая минута промедления ставила под угрозу всю операцию.

Вдруг Кена поймали и он уже мертв?

Хога замер и опустился на одно колено. Затем поднял пальцы – кончики их были темными и влажными.

Кровь.

Рискуя миссией, Айко приказала идти вперед, по следу. В конце коридора они наткнулись на лифты с дверями красного цвета, как и те взорванные в лаборатории.

Эндо кивнул на небольшую дверцу сбоку: за тонким окном виднелась ведущая вниз лестница.

Вниз, а не вверх.

Раз уж Кен добрался сюда, то возвращаться не стал бы.

К сожалению, выход был заперт.

Пока Хога с Эндо готовили новые заряды взрывчатки, Грей спросил у Оширо:

– Что там?

– Я не... – Ученый покачал головой.

– Наверняка ходят слухи, – перебил Грей. Даже в засекреченных государственных учреждениях все перешептываются и обмениваются информацией. – Что там делают?

Оширо опустил взгляд.

– Говори! – Палу схватил его за воротник.

– опыты... Ставят опыты над людьми, – пробормотал Оширо.

12 часов 50 минут

– Приступаем ко второй фазе, – отдал приказ Такаси по зашифрованной телефонной линии.

– *Хай*, джонин Ито, – отозвался командир островной базы компании в Норвежском море. – Будет сделано.

Такаси склонился над столом, представляя, как десятки самолетов взлетают с заледеневших ВПП. Через несколько часов они распространят колонии ос по всем крупным городам Европы.

Это был последний, седьмой приказ.

Самолеты «Фениккусу лабораториз» уже поднимались с других островов по всему миру. Достанется всем континентам, за исключением Антарктиды.

Довольный тем, что начатую им атаку никто не остановит, Такаси медленно встал из-за стола и потянулся за тростью. Хрупкие пальцы сжали набалдашник в форме огненного феникса в розово-золотых тонах. Острые бороздки и клюв впились в тонкую кожу ладони, когда Ито оперся на трость.

Даже небольшое усилие давалось с трудом. Немного успокоив дыхание, он прошел по татами, застилавшим тиковый пол. В отличие от дешевых современных татами из синтетики, эти коврики были сделаны по традиционному – из сушеного тростника с рисом в центре.

Такаси доковылял до дальней стены кабинета и сдвинул в сторону ширму, за которой скрывался его личный сейф. Со второй попытки открыл при помощи правой ладони и беззвучно выругался, почувствовав себя очень старым. Новомодную охранную системы Ито установил по настоянию внука.

Видишь, к чему привела тебя осмотрительность, Масахиро...

Такаси потянул на себя толстую дверцу и извлек скромное содержимое сейфа: осколок янтаря под органическим стеклом, а внутри осколка – кости доисторической рептилии, детеныша аристократа, небольшого динозавра с крокодилоподобной головой, относящегося к раннему меловому периоду. Его кости и череп кишели синими коконами.

И все же Такаси предпочитал оригинальное название реликта, более изысканное.

Венец демона.

Трость пришлось прислонить к стене – отнести сокровище к столу Ито мог лишь двумя руками. Тяжелый янтарь был лишь частью настоящего артефакта, украденного из туннелей под Вашингтоном. Остальное за

десятки лет ушло на исследование его смертельных тайн.

Такаси заботливо хранил этот кусочек, зная, сколько крови пролито и сколько жизней потеряно ради того, чтобы привезти его в Японию. Наконец-то исполнено давнее обещание, застывшее в янтаре. Проводимая в последние несколько дней операция стала и личной мезтью, и запоздалым национальным триумфом.

Вернувшись за стол, Ито глянул на трость у стены. Феникс являлся символом вечной сущности ос, способности одокуро восставать из пепла.

Как и новая Японская империя.

Это будет его подарок Миу – в память о ее жертве, о ее любви.

Даже с высоты своего личного кабинета Такаси слышал, как продолжается схватка на первом этаже: японские войска пытались атаковать Ледяной замок. Эхом доносились взрывы и огнестрельные выстрелы, такие далекие и незначительные.

Ито смотрел в окно на вершину Фудзиямы, окутанную черными тучами, среди которых мелькали молнии. Мощный ураган будто посмеивался над ничтожностью столкновения на земле.

Хотя медлить все-таки не стоит.

Такаси взял телефон и сделал еще один звонок, перед тем как направиться к личному вертолету на крыше пагоды, который одним махом унесет его в безопасное место. Здесь все кончено. Единственное, что нужно забрать из этого здания, лежало на столе. Кусочек разбитого сердца Миу.

Ито накрыл Венец демона ладонью.

Дело сделано, любовь моя.

Раздался щелчок, пошло соединение. Глава охраны, ожидавший последний приказ Такаси, дал короткий ответ: зажигательные заряды, встроенные в пагоду, будут приведены в действие.

Пора сжечь Ледяной замок.

Глава 35

9 мая, 5 часов 51 минута по центральноевропейскому летнему времени

Величка, Польша

Оставь надежду...

Элена вспомнила слова Монка, которые тот произнес на входе в шахту. Цитата из Данте действительно звучала как предупреждение.

Дельгадо спустилась в пещеру вслед за остальными. Напряженная атмосфера и витавшее в воздухе чувство страха не располагали к беседе. Петр, брат Клары, остался снаружи, на тот случай если тайная дверь закроется сама по себе.

Фонарики других членов группы прорезали темноту, мелькая в разных направлениях. Слева послышался плеск воды; Элена повернулась и увидела огромное водяное колесо из дерева. Вода текла с потолка пещеры и уходила через отверстие в земле.

Может, наверху есть потайное озеро? Там точно был виден открытый люк, через который и хлестала вода. Вероятно, он открылся, как только Кэт нажала кнопку в форме осы, после чего опустился мостик.

Старинный механизм, как и бревна, которые трогала Клара, побелел от долгих лет соприкосновения с солью. Правда, эта деревянная постройка еще могла говорить – точнее, стонать.

Зубцы издали зловещий скрип, а вращающееся колесо жалобно вздохнуло.

От этих печальных звуков по телу Элены пробежала дрожь, да и в пещере вдруг стало как-то холодней. В соленом воздухе пахло сыростью, а еще чем-то горьким и едким.

Как от залитого водой костра.

Свод пещеры достигал высоты трехэтажного дома. Помещение было просторным, прямо как часовня Святой Кинги, но через пару шагов стало ясно, что на этом его сходство с польским собором заканчивается.

Каменный пол выглядел обожженным. Повсюду виднелись следы погребальных костров, и Кэт подошла к ближайшему.

– Обгоревшие кости, – сказала она и посветила фонариком на остальные бугорки. Некоторые были собраны в плотные кучки, другие рассеяны.

– Наверное, это останки шахтеров, которые не смогли отсюда выбраться.

Монк подошел к высокому холмику.

– И их лошадей, – добавил он, печально качнув головой.

Элене рассказывали, что шахтеры и их лошади почти никогда не видели солнечного света. Согласившись на такую работу, они словно отправлялись в тюремный карцер. Неудивительно, что заражение удалось ограничить.

И оставить в секрете.

Аккуратно обходя могильные холмы, Клара перекрестилась, прикладывая кончики пальцев ко лбу, груди и плечам. Елена повторила ее жест, моля господа о спасении.

Кэт остановилась и тронула носком ботинка маслянистый слой сажи у высокой кучки пепла.

– Чтобы зачистить шахту, сюда принесли бревна, потом залили все керосином и подожгли, завалив вход в пещеру.

Разглядывая пепел, Елена пыталась представить, каково было шахтерам, попавшим в ловушку. Судя по расположению холмиков, они не поддались панике, не побежали к выходу. По рассказам Клары она поняла, что шахтеры были тесным сообществом, семьей. Большинство из них к тому моменту уже серьезно болели, а может, поняли, какую угрозу несут напарникам, и решили пожертвовать собой ради всеобщего блага.

Элена снова перекрестилась – на этот раз из уважения к мертвым, ведь их страдания спасли мир, не позволив заразе выбраться из шахты.

«Вот настоящие святые», – подумала она, глядя на останки.

– Сюда! – позвал Сэм.

Вместе с доктором Сласки энтомолог обошел стороной шахтерское кладбище и двинулся вдоль стены, чью нижнюю часть покрывал слой сажи. Казалось, огонь волнами накатывал на камни, обжигая их. Члены группы подошли ближе. Сэм и доктор осветили фонариками стену – и та ответила красноватым сиянием.

Кэт тихонько ахнула, Монк присвистнул.

– Янтарь, – сказал доктор. – Тут всё в янтаре.

Шокированные таким зрелищем, они направили свет на свод и другие стены: повсюду камень отражал лучи огненным сиянием.

– Мы как будто внутри огромного драгоценного камня, – прошептала Елена.

– Может, так оно и есть. – Сласки провел рукой по янтарю. – Какой гладкий...

– Словно растаял, а потом затвердел, – согласилась Елена.

– Вот именно. Янтарь становится пластичным при ста пятидесяти градусах по Цельсию. На предприятиях нагревают небольшие кусочки, чтобы затем под высоким давлением переплавить в крупные камни.

– Тут произошло то же самое? – спросила Кэт, рассматривая бескрайние запасы янтаря.

– Только в более серьезных масштабах, – с трепетом произнес Сласки. – Если артефакт мистера Смитсона и вправду из этой пещеры, то возраст залежей можно оценить в сотни миллионов лет. Они сформировались еще до того, как тектонические силы сдвинули континенты в их нынешнее положение. В то время здесь находилось заросшее соснами побережье древнего моря Тетис. От жара и давления янтарь расплавился и растекся по всему берегу, а под действием газа образовался пузырь в виде пещеры.

– Это все замечательно, – сказала Кэт, – но если Джеймс Смитсон добыл свой образец тут, то где именно?

Клара посветила на дальнюю часть пещеры: вся стена там была раздроблена. Из пепла торчали железные колеса тележек и наконечники мотыг. Брошенные инструменты горели, пока от них не остались лишь металлические скелеты.

Сэм и Сласки продолжили исследовать стену. Судя по всему, в пещере сохранились и более древние останки.

Шаги Сэма замерли. Он практически прижал фонарик к янтарю, подсвечивая камень.

– Господи, кажется, это нетронутый экземпляр *Cyllonium*...

Члены группы облепили находку. В янтаре сохранилось крылатое насекомое размером с кулак.

– Гигантская цикада, – пояснил Сэм. – Из раннего мелового периода.

Не успели они рассмотреть существо, как энтомолог бросился дальше.

– А тут, смотрите! Целый выводок *Austroraphidia*, ископаемого хищного насекомого под названием верблюдка, из того же периода.

Существа в янтаре выглядели так, будто застыли в полете. Каждое было длиной в пять дюймов с крыльями в два раза больше.

Сэм лихорадочно перебежал от одного насекомого к другому.

– *Kararhynchus*, вид жуков из позднего юрского... *Eolepidopterix*, огромный вымерший мотылек... *Protolepis*, одна из первых настоящих бабочек...

Он как будто вел их через доисторический террариум, застывший в янтаре: тут были и ряды огромных муравьев, и многоножка длиной с руку

Элены, и гигантский паук, словно вышедший из фильма ужасов. Среди вымерших жуков, мух и мотыльков попадались и фрагменты древних деревьев, например веточки, примитивные шишки, широкие листья. Елена обратила внимание на большой цветок, чьи белоснежные лепестки сохранились в неизменном виде с того самого дня, как раскрылся бутон.

И это было еще не все.

Кэт посветила фонариком на кожистый череп размером с шар для боулинга. Из продолговатой, как у крокодила, челюсти торчали акульи зубы.

– Ископаемый ящер, – прошептала она.

Монк кивнул.

– Такое впечатление, что кто-то выхватил историю юрского периода по частям и сохранил в янтаре.

– И все это относится к тому же времени, что и артефакт Смитсона, – добавила Кэт.

– Идите сюда, – уже не таким радостным голосом позвал Сэм.

Его фонарик был направлен в самую глубь куска янтаря, где скрывалось нечто ужасное: плотный рой черно-красных существ знакомой формы.

Осы-солдаты.

– Одокуро, – сказал Беннет. – Они здесь.

06 часов 04 минуты

Значит, это то самое место.

К облегчению Кэт примешивался ужас. Последние три минуты она шла вдоль изгибающейся стены, в которой обнаруживались все новые виды дьявольских существ, от крошечных трутней до огромных производителей. Постепенно количество видов-соперников сокращалось, и дальше в янтаре были лишь застывшие одокуро.

И неудивительно.

– Фу. – Елена отвернулась от небольшой ящерицы со вспоротым животом, из которого торчала куча ос. Одокуро буквально выжгли доисторическое создание изнутри, поглотив его биомассу.

Сласки и Клара не интересовались пугающим зрелищем и пошли вперед, однако директор музея вдруг замер и опустился на колени. Кэт услышала, как он сердито ругается, обращаясь на польском к Кларе.

– В чем дело? – спросила Кэт.

Сласки встал, взяв себя в руки, и показал на дальнейшее пространство

стены, где было наспех вырезано несколько каменных блоков, чтобы добраться до более светлого янтаря под слоем почерневшего.

– Воришки постарались, – объяснил Сласки.

Кэт поняла, что он имел в виду. После того как все сгорело, кто-то сюда наведывался. Авантюристы, прознавшие о бесценных залежах, рискнули тайком проникнуть в пещеру.

– Черные копатели, – печальным тоном добавила Клара и посмотрела в сторону выхода. – Может, поэтому шахту пытались надежно закупорить.

– Теперь понятно, как Джеймс Смитсон добыл свой артефакт, – сказал Монк, наклонившись к Кэт. – Наверное, купил у одного из таких копателей.

Кэт кивнула.

Тогда Смитсон узнал о трагедии из того же источника.

Страшно было представить, какой ужас постиг шахтеров, когда они наткнулись на доисторические кости в янтаре и выпустили наружу цисты в состоянии криптобиоза. Цисты попадали внутрь рабочих, выводились личинки, и люди умирали мучительной смертью, а их уничтоженные изнутри тела взрывались фонтаном взрослых ос.

Пока Кэт рассматривала изрезанную стену, Сэм пошел дальше. Краем глаза она заметила, как энтомолог остановился и приник к янтарию, после чего позвал остальных.

– Ребята, тут... тут что-то не так.

Что еще?

Его беспокойство привлекло внимание всей группы. Яркий свет нескольких фонариков выхватил из темноты кусок янтаря со множеством одокуро во всех их ужасающих формах.

Кэт нахмурилась, не понимая, что так встревожило энтомолога.

Сэм приблизился к стене, внимательно разглядывая несколько экземпляров ос.

– Думаю, они были уже мертвы, когда их залило янтарем.

– Почему? – спросила Кэт.

– Если присмотреться, можно заметить, что они деформированы. Вот, гляньте на этого солдата: его оболочка треснула, и янтарь вокруг потемнел.

Кэт прищурилась, а Елена надела очки.

Он прав.

Оса казалась *придавленной*. Рядом с ней в камне остался темноватый завиток, будто душа насекомого покинула мертвое тело.

– По-моему, это кровь, – сказал Сэм. – Оса истекла кровью, перед тем как умереть.

Монк тоже внимательно посмотрел на создание.

– Ее могло раздавить давлением, когда формировался этот пещерный пузырь внутри янтарной массы?

– Нет. – Сэм сделал шаг назад. – У всех ос на этом отрезке стены одинаковые повреждения, другие же виды насекомых – *Palaeolepidopterix* и *Tektonargus* — совершенно не тронуты. Что-то убило одокуро до того, как их тела окутал янтарь.

Кэт медленно кивнула, раздумывая над его словами.

– Если мы найдем, что именно...

Зачем утверждать очевидное? В этом и заключалась цель поездки: узнать, что остановило распространение этого хищника высшего порядка в доисторическом мире.

Дальше двинулись сплоченной группой; даже Сласки и Клара не отставали, встревоженные беспокойством напарников.

В свете фонариков появлялись очередные одокуро. Смерть не пощадила никого: ни разведчиков, ни солдат, ни жнецов...

Какова причина таких повреждений?

Взгляд Кэт остановился на чем-то ярком.

На земле лежало тело – но не обгоревшего шахтера.

Одежда была цела, кожа обвисла и выглядела неестественно белой на фоне черных волос и бороды. На лице застыло выражение страха и ужаса, навеки сохранившееся в атмосфере с высоким содержанием натрия. Рядом валялась кирка, хотя вряд ли бедняга сумел бы воспользоваться инструментом – его руки были связаны веревкой.

Определить причину смерти не составило труда: перерезано горло. Повод для убийства нашелся поблизости – глыба янтаря высотой по пояс, вырезанная из стены. В те времена за нее дали бы целое состояние.

– Вот и один из черных копателей, – промолвил Сласки.

Клара удрученно покачала головой.

– Расплата за такие деяния была жестокой.

Сэм изучал поврежденную часть стены, откуда вырезали глыбу янтаря. Энтомолог поставил фонарик сверху на глыбу и начал опускаться на корточки, затем вдруг вскрикнул и отшатнулся.

Подсвеченная глыба сияла, как лампа. Внутри ее находилось сокровище. Теперь понятно, зачем копатель вырезал такой громадный кусок янтаря. А как же иначе?

Сэм встал на колени, не сводя глаз с увиденного.

– Профессор Мацуи ошибался... все ошибались.

Его слова были полны отчаяния.

Глава 36

9 мая, 13 часов 05 минут по японскому времени

Фудзикавагутико, Япония

– Мы спустились намного ниже, чем на один этаж, – сказал Кен. За минуту, что лифт ехал с четвертого на пятый подуровень, у него заложило уши. Даже температура здесь была ощутимо ниже.

Он выглянул в небольшой коридор, ведущий к раздвижным дверям из стали, и поманил Сейхан за собой. Одетая в хирургический халат и маску, она резко толкнула вперед доктора Хамаду.

– Какая тут глубина? – спросила она у пленного.

– Семь... семьдесят метров, – запинаясь, ответил Хамада.

Кен мысленно вздрогнул: этот уровень уходил под землю на высоту двадцатиэтажного дома.

– Почему так глубоко?

– Чтобы проводить секретные исследования. Это настоящий бункер, он может выдержать ядерный удар. К тому же уникальное геологическое строение местности служит естественной изоляцией.

– О чем это вы? – Судя по вспотевшему лбу Сейхан, она испытывала мучительную боль, хотя личинки внутри нее на время затихли.

– Сами увидите по пути к аварийному выходу. – Хамада махнул в сторону раздвижных дверей.

За ними оказалась круглая лаборатория такого же размера, что и наверху. Все сотрудники уже эвакуировались, а мигающая зеленая стрелочка указывала на другой выход – хорошо бы тот самый, к которому обещал привести Хамада.

Кен успел осмотреться: справа и слева к лаборатории прилегали кабинеты с подопытными крысами и кроликами в клетках. На рабочих станциях в центре помещения стояли центрифуги, термоциклеры и автоклавы. Полки были заставлены разнообразными стеклянными емкостями, пипетками и бутылочками с молекулярными энзимами, реагентами и буферными растворами.

На глаза Кену попались две важные этикетки: *Cas9* и *tracrRNA plasmid*.

– О, вы тут занимаетесь методиками *CRISPR-Cas* ^[6], – обратился Кен к Хамаде.

Доктор пожал плечами.

Сейхан бросила на Кена вопросительный взгляд.

– Это методика тончайшей генной инженерии. С таким оборудованием можно без лишних усилий разделять и сращивать ДНК.

– Что за эксперименты вы ставите? – Сейхан резко остановилась. Ее глаза загорелись надеждой, что это как-то связано с лекарством.

– Мы детально изучаем генетику ос, – сказал Хамада. – Хотим узнать секрет их поразительного долголетия.

По телу Кена пробежал холодок.

– То есть вы проводите опыты с той частью ДНК ос, которую они позаимствовали после заражения у микроорганизмов Лазаря?

– Именно так. За последние десять лет нам удалось тщательно исследовать заимствованные фрагменты ДНК – и обнаружить, что одокуро используют их совершенно уникальным образом. Наше многообещающее открытие, вероятно, не только поможет продлевать жизнь, но и воскрешать умерших.

– Вы сумасшедший. – Кен сурово посмотрел на доктора.

– Скорее уж прогрессивно мыслящий, – возразил Хамада. – К сожалению, нельзя приступить к клиническим испытаниям, пока не разработаны продвинутое генетические инструменты вроде методики *CRISPR-Cas*.

Хамада кивнул на ряд темных окон рядом с выходом. Сейхан толкнула его вперед. Кену не хотелось смотреть, но он не удержался. Края стекла были покрыты инеем, как будто температура в соседнем помещении поддерживалась на уровне нуля или ниже. В приглушенном свете виднелся длинный ряд больничных коек, на которых лежали пациенты, мужчины и женщины, разного возраста, от подростков до стариков. Безжизненные на вид тела соединялись с аппаратурой для наблюдения за мозговой активностью. Даже из-за окон было видно, что она отсутствует.

– Все они находятся в искусственной коме, – подтвердил Хамада. – Не подумайте, что мы чудовища – нормативы по уровню боли и стресса пациентов строго соблюдаются.

Кен хотел поспорить со словами доктора, однако не мог выговорить ни слова.

На каждом теле имелись следы жестокого обращения. У одного мужчины обгорели обе руки, кожа почернела и растрескалась; из вскрытого живота другого торчали высушенные, как вяленое мясо, внутренности. Ближайшая к окну женщина была по пояс заморожена в глыбу льда. На этом кошмары не заканчивались: Кен увидел сочащиеся нарывы, содранную кожу, ожоги от радиации.

Однажды он читал про японские лагеря в Китае, где во время Второй

мировой войны ученые ставили ужасающие биологические эксперименты на заключенных и местных жителях. Кто-то явно решил продолжить подобные исследования уже в новом тысячелетии.

Хамада оправдывался, но говорил с запинкой, что выдавало его стыд.

– Мы проводим испытания стрессом – на тканях, на органах. Устанавливаем критерии для дальнейшего тестирования генов Лазаря и их возможности восстанавливать изувеченные тела.

Сейхан увидела достаточно. Ее лицо превратилось в маску ярости. Сюда Хамада и собирался отправить ее, чтобы проводить опыты на ребенке в утробе.

Японец вскрикнул, когда Сейхан ткнула его скальпелем, подталкивая к выходу.

Лабиринт коридоров тянулся через кабинеты и небольшие лаборатории. Становилось все холоднее, и с каждым поворотом они прибавляли ходу, чувствуя, что время истекает.

Наконец ближе к очередным красным дверям на них дохнуло морозным воздухом.

Они поспешили выйти – и оказались на какой-то старой станции метро. Узкая платформа вела к семи белым вытянутым вагонам, с крошечными окошками, за которыми толпились люди.

Наверное, последняя группа сотрудников, эвакуирующаяся с этого уровня.

Кен заметил и вооруженных мужчин с винтовками. Направляясь к вагонам, он опустил голову и отвел глаза. Сейхан последовала его примеру и крепче схватила доктора сзади за хирургический халат.

Головной вагон вдруг тронулся и тихо помчал в мрачный туннель. Он работал от электричества, однако ехал не по рельсам, а по льду. Его приводили в движение маленькие шипованные шасси, крупные полозья сверху и снизу стабилизировали процесс. Так вот что имел в виду Хамада, когда говорил о «уникальном геологическом строении местности»...

Теперь все стало ясно.

Они попали в одну из лавовых труб Фудзиямы. Коллеги из лаборатории в Киото показывали Кену фотографии из ледяных пещер в Нарусаве, где с потолка свисают прозрачные сталактиты. Говорят, что внутри горы полно проходов с вечной мерзлотой.

Компания «Фениккусу лабораториз» воспользовалась природными свойствами горы с уже готовым туннелем, чтобы построить тайный путь эвакуации. Тот первый вагон сейчас, возможно, проезжает под озером Кавагути, направляясь в безопасное место.

Вот бы и нам туда попасть...

Когда они подошли к последнему вагону, двери открылись. Половина мест была свободна, так что трое «отставших» вполне могли уместиться. Только вот другие пассажиры оказались вооружены, а возглавлял их вышедший навстречу знакомый человек.

Валя Михайлова.

В белой куртке с откинутым капюшоном она выглядела королевой этой ледяной станции – лицо бледное, волосы будто из снега, высокомерный вид дополняла надменная улыбка.

Сейхан прикрылась доктором, как живым щитом.

– Прячься. – Она показала Кену, чтобы тот встал сзади, однако Мацуи не сдвинулся с места.

За Валею стояла целая группа суровых вооруженных бойцов, мужчин и женщин. Некоторых Кен помнил по атоллу Икикауо. Она лично отбирала в свою команду преданных и беспощадных солдат.

Кен увидел еще одно знакомое лицо. Держа огромный пистолет в одной руке, другой Валя прижимала к себе пожилую женщину в синей хирургической форме – ту самую медсестру, сбежавшую из операционной. Видимо, она успела кого-то предупредить.

Под звук приглушенной сирены уехал еще один вагон.

Обернувшись, Кен заметил, что мигающие стрелочки сменили цвет с зеленого на красный.

Валя проследила за его взглядом.

– Полагаю, наш выдающийся предводитель отдал последний приказ – уничтожить эту посвященную науке пагоду. – Она наставила на них пистолет. – Хотя нам уже все равно.

Михайлова прицелилась и выстрелила.

13 часов 11 минут

Плохой знак.

Грей стремительно преодолевал бесконечные ступени, ведя за собой остальных.

Когда Хога с Эндо взорвали красные двери на площадке четвертого уровня, они обнаружили казалось бы нескончаемый спуск. Пирс насчитал с десяток пролетов к тому моменту, как зеленые стрелки на указателях стали серdito-красными и зазвучала сирена.

– Быстрее! – подгонял всех Грей. Он перескакивал через ступени и налетал на стены на поворотах.

Айко была самой шустрой, за ней бежали Хога и Эндо. Палу тащился позади – придерживая крепкой рукой за талию, он еще тянул за собой перепуганного пленника, доктора Оширо.

Раздался ожидаемый взрыв... целая серия взрывов.

Основание башни затряслось, и на следующей лестничной площадке Грей упал. Палу помчался вниз по лестнице головой вперед; он сумел удержаться, схватившись за перила, однако упустил доктора. Оширо сидел на ступеньке и широко раскрытыми глазами смотрел на свои руки, медленно осознавая, что он свободен.

– Даже не вздумай! – предупредил его Грей.

Оширо вскочил на ноги, помчался вверх по лестнице и быстро исчез из виду.

Палу встал, готовый броситься в погоню.

– Забудь, – показал вниз Пирс. – Нет времени.

Вопль Оширо, отразившийся эхом от лестничной шахты, подтвердил его слова. Грей почувствовал, как закладывает уши.

– Бежим!

Они прибавили скорости, перепрыгивая с одной площадки на другую. Воздух становился жарче и плотнее, каждый вздох обжигал. Позади раздался звук, похожий на рев дракона.

Грей представил, как их накрывает волной пламени.

Наконец-то оказавшись внизу, группа выбила двери, ведущие в небольшой коридор.

– Не останавливаемся! – крикнул командер.

Они бежали, не отставая друг от друга. Стальные двери разъехались в стороны, будто приглашая в безопасное место. Команда ворвалась в лабораторию, и тут Пирс обратил внимание на шипящий звук.

Дракон нагнал их.

Круглое помещение обдало жаром. Члены группы кинулись врассыпную, а закрывшиеся двери отрезали путь пламени. Адский огонь остался снаружи, из разбрызгивателей на потолке полетели струйки воды.

Грей собрал всех в круг и сказал:

– Нам надо...

За выходом у дальней стены лаборатории послышалась огнестрельная очередь. У Грея сжало грудь.

Не дожидаясь его приказа, все побежали к двери.

С каждым их шагом звуки стрельбы приближались.

13 часов 15 минут

Борись или умри.

С такими словами Валя вложила «ЗИГ-Зауэр» в руку Сейхан, которая не могла понять, что происходит.

Пару секунд назад Михайлова выстрелила. Первая пуля угодила в грудь Хамаде. Сейхан подхватила мертвого доктора, чтобы прикрыть себя. Вторым выстрелом Валя снесла половину черепа изумленной медсестре. Отбросив тело, она показала дымящимся пистолетом на последний вагон.

– Вперед.

Пораженная Сейхан была слишком одурманена болью, чтобы сдвинуться с места.

Из дверей стоящих впереди вагонов высыпали два десятка вооруженных человек. Сбитые с толку охранники, чьей задачей, скорее всего, было защищать основных членов исследовательской команды, бездумно толпились на платформе. Бойцы Вали воспользовались ситуацией и открыли огонь, убив половину противников. Во время перестрелки Михайлова, схватив Кена, толкнула его в вагон и сунула Сейхан пистолет.

Та присела на корточки рядом с Валею в открытых дверях последнего вагона. Вместе они расстреляли оставшихся охранников. Четверо из команды Вали погибли, еще четыре ее напарника спрятались за столбами на платформе, пытаясь атаковать врага с фланга.

Каждый выстрел Вали сопровождался ругательством.

Сейхан чувствовала запах пота и пороха. Видимо, русская недоценила мощь местной охраны. Это стоило жизни ее бойцам и подвергало опасности их всех.

Один из ее людей решил перебежать к другому столбу, но не успел сделать и пары шагов, упал как подстреленный.

Валя заворчала от досады: ситуация становилась безвыходной, а времени было в обрез.

Между двумя группами противников вдруг появилась третья.

Сейхан замерла, не веря своим глазам. Грей и Палу в компании еще троих в масках стали стрелять в вооруженных стражей.

– Сюда! – крикнула Валя своим напарникам, пока вновь прибывшие их прикрывали.

Они послушно забежали внутрь.

Михайлова убила еще одного охранника. Не отставала от нее и Сейхан. Через мгновение ожесточенная битва закончилась.

Будто по сигналу, первый вагон тронулся по льду на острых полозьях, за ним следующий.

Грей с командой побежал к вагону, размахивая оружием. Он обрадовался, увидев Сейхан, но не сводил глаз с альбиноски. Прицелился в Валу, однако Сейхан заслонила ее.

– Отойди, – прошипел Пирс, полный злости.

– Не спеши, – сказала Сейхан.

13 часов 18 минут

Грей нахмурился – он не ожидал такой реакции от Сейхан. Ворвавшись на станцию, командер увидел, как они вдвоем обороняются от нападения общего врага. Да, подобная ситуация временно объединяет противников; однако теперь схватка окончена.

Соратники Грея наставили пистолеты на людей внутри вагона: кто-то из них был ранен, кто-то обезоружен. Враг целился в ответ.

Что тут, черт возьми, происходит?

Валя спрятала пистолет в кобуру и с преувеличенной осторожностью достала из кармана небольшую флешку. Бросила ее Грею, и тот поймал накопитель одной рукой, не опуская оружия.

– Что это? – спросил он, сжимая флешку в ладони.

– Билет на волю для меня и моей команды. Там указано местоположение склада с канистрами газа.

– Какого газа?

– Инсектицида, разработанного «Фениккусу лабораториз». Это эффективное средство против ос, однако с высокой степенью канцерогенности и ядовитое для многих других видов. Природа серьезно пострадает, зато с заразой будет покончено. – Валя посмотрела на Айко. – Компания планировала использовать этот запас для собственной защиты в ближайшие месяцы и годы.

«Хорошо, что я не пристрелил ее сразу», – подумал Пирс, особенно учитывая следующие слова Вали.

– На флешке квантовый шифр, и она самоуничтожится, если ее взломать. Я вышлю код, если вы дадите нам спокойно уйти.

– С чего вдруг мы должны тебе верить? Может, на флешке вообще ничего нет.

– Конец света не вписывается в мои планы на будущее; я тоже хочу, чтобы вы спасли мир.

Грей все понял.

Хитрая сука намерена использовать нас для воплощения в жизнь своих амбициозных замыслов.

Он хорошо изучил Валу; такое же хладнокровное выражение иногда

мелькало и на лице Сейхан. Бывшие члены Гильдии. Чтобы выжить при зачистке организации, надо быть ее смертельно опасным ядром.

Во главе с женщиной, чье сердце такое же ледяное, как и ее кожа.

Как я позволю им уйти? Ведь станет только хуже.

Он вздохнул, зная ответ.

Но это будет завтра...

Грей опустил пистолет.

Губы Вали изогнулись в довольной ухмылке.

– В качестве жеста доброй воли я уже отправила сигнал саморазрушения всем самолетам, которые взлетают с островов и направляются к большим городам со своим убийственным грузом.

Грей представил, как три беспилотных «Сессны» летят к побережью Мауи.

– Как видишь, я позаботилась об этом, – добавила Михайлова, – чтобы вы могли сосредоточиться на гавайской проблеме. – Она повела плечами, глянув на Сейхан. – К сожалению, на зараженных пестицид не действует.

Этого Грей и боялся. Он взял Сейхан за руку. Ее ладонь была горячей.

– А значит, инфекция на Гавайях будет возникать снова и снова. Понадобится непрерывная обработка газом, что грозит серьезным ущербом окружающей среде, а также изоляция, чтобы уберечь население остального мира.

Лицо Палу стало мертвенно-бледным. Решение не из лучших, однако другого у них не было.

Уехали еще три вагона, остался лишь последний. Понимая, что надо идти на сотрудничество, Грей дал сигнал своей команде зайти внутрь.

– Чуть не забыла. У меня есть еще один прощальный подарок, – сказала Валя, как только закрылись двери.

13 часов 22 минуты

Такаси Ито стоял перед окнами кабинета и смотрел на ураган, бушующий над горой Фудзияма. Зигзаги молний прорезали черные тучи. Он прислушивался к грому, чувствовал его вибрации, приложив пальцы к стеклу.

Гром вторил буре внутри Такаси.

Когда он только подошел к окну, рама была холодной от дождя и стучащего града. Теперь же оно стало теплым – сработали зажигательные снаряды, и пламя пробиравлось вверх по стальному каркасу пагоды. Внизу полыхал огонь, выбивая стекла; в осколках отражалось пламя.

Из-под двери в кабинет Ито сочился дым.

За ним никто не пришел.

Выход оказался заперт, а его личного секретаря, скорее всего, постигла та же участь, что и экипаж вертолета, – все погибли. Перед этим Такаси смотрел видеоотчеты, поступающие от разных учреждений. Самолеты один за другим взрывались в воздухе и падали в море.

Только один человек мог устроить такое.

Человек с белой, как тончайший фарфор, кожей.

Чунин Михайлова.

Возможно, эта женщина не рассказала ему всю правду о судьбе его внука Масахиро – и все же Ито уважал ее безграничное тщеславие. Михайлову не устроила бы жизнь в руинах, где ее действия ограничены, а будущее предрешено японскими правителями.

Однако без наказания ей не уйти.

Такаси уже позаботился об этом, зная, какой путь она выберет для побега. На крайний случай имелся запасной план.

Не огонь, но такое же очищающее средство.

Довольный решением, Ито вернулся к своему столу. Кабинет наполнился дымом, дышать стало трудно.

Он хотел аккуратно встать на колени. Не вышло – Такаси с силой ударился ногами о пол. Не обращая внимания на боль, сел перед столом и, глядя на ураган, последний ураган в жизни, достал плотный лист бумаги. Согнул его один раз, другой. Пальцы двигались по памяти. Продолжая наблюдать за бурей, которая уже не находила отражения в его душе, он складывал бумагу, и вскоре та приобрела форму. Закончив, Такаси положил на стол белую лилию.

Любимое оригами Миу.

Он аккуратно приподнял фигурку и поставил на янтарный блок с последним фрагментом Венца демона – осколком сердца его жены.

Огонь ярко плясал за окнами.

Осталось недолго.

Дым уже наполнил горло и легкие. Еще чуть-чуть, и загорится тело, как последняя ароматическая палочка в память о любимой.

Миу...

Такаси вспомнились стихи Отагаки Рэнгецу, поэтессы XIX века, которая писала о чудесах и загадках душистых палочек.

Один завиток
Ароматного дыма
С палочки тонкой

Без следа ускользает.
Что он уносит с собой?

Ито смотрел на изящный бумажный цветок, который значил для него так много, и молился.

Прошу,пусти меня.

13 часов 43 минуты

Кен держался за ремешок, свисающий с поручня. Вагон несся через замерзший лавовый туннель, и пассажиры в нем четко разделились на две группы: Валя и ее напарники спереди, товарищи Кена сзади.

Ехали молча и не сводя друг с друга глаз.

Слышно было лишь, как дребезжит вагон и низко гудит его электрический двигатель. Звук стал нарастать через несколько минут после начала движения.

Хотя зря Кен жаловался. Свет вдруг погас, и двигатель затих.

От резкой остановки их качнуло вперед, и две группы смешались. Спустя мгновение в мрачном вагоне загорелась подсветка на винтовках.

– В чем дело? – спросил Палу, вставая на ноги.

Грей осмотрелся.

– Кто-то отключил питание.

– Кто? – изумилась Сейхан.

Валя ответила двумя словами:

– Такаси Ито.

Вагон снова начал двигаться – *назад*. Без питания он скользил по наклонному туннелю обратно к станции.

– Если откроем двери, сможем выпрыгнуть и дойти пешком, – предложил Грей.

– Не получится, – сказала Валя, наклонив голову. – Послушай.

Кен напрягся, пытаясь расслышать что-нибудь, кроме бешеного стука своего сердца.

– Что это? – До него доносился какой-то гул.

Грей застыл на месте.

– Вода.

– *Из озера*, – добавила Валя.

Чуть раньше Кен как раз думал о том, что поезд идет прямо под озером Кавагути.

Валя нахмурилась.

– Видимо, Ито заложил бомбы вдоль туннеля, прямо у нас над головой. Очень удобно – в экстренном случае можно затопить все доказательства его деятельности на подземных уровнях башни.

«Включая нас», – мысленно закончил Кен.

Вагон катился к неминуемой гибели.

– Помогите мне с дверью, – приказал Грей бойцам Вали, затем повернулся к напарникам Айко. – Хога, Эндо, сколько зарядов у вас осталось?

Один показал четыре пальца, другой два.

– Должно хватить.

С помощью Палу и других пассажиров Грей открыл двери. Мимо мелькали стены изо льда.

– Выходим. Понадобится вес и сила всех присутствующих, чтобы остановить вагон, пока еще возможно.

Никто не стал спорить.

Кен последовал наружу за остальными. Вагон понемногу набирал скорость, и все они перешли к задней части и заняли позиции у нижних полозьев. Потом вместе навалились на корпус, упираясь ногами в лед.

Ботинки скользили. Хотя вагон был сделан из легкого пластика, остановить его не получалось. Они напоминали муравьев, пытающихся толкать в гору огромный кусок еды.

У Кена вдруг появилась идея.

Он упал на спину, и вагон поехал над ним, шипованные колеса проехали совсем близко. Мацуи осматривал шасси.

Ну же...

Вот оно. Люк, за которым расположен блок двигателя.

Кен быстро открыл его и ухватился за край дверцы. Как он и думал, внутренняя часть отделения была заполнена батареями электропитания. Свободной рукой он начал выкидывать их наружу.

Каждая батарея весила тридцать фунтов.

Когда Кен выбросил около пятнадцати батарей, вес вагона уменьшился на четверть тонны, и он медленно затормозил, а потом остановился.

Вздыхнув от облегчения, Кен поспешил вылезти из-под вагона. Палу вытащил его за щиколотки, после чего крепко обнял.

– Быстро соображаешь, – сказал Грей.

– У меня гибридный «Приус», – Кен пожал плечами. – Уверен, половина веса этой машины приходится на батареи.

Он обернулся: Хога и Эндо крепили взрывчатку по окружности туннеля. Грей приказал бойцам Вали собрать несколько сброшенных

батарей и положить их под задние колеса вагона, чтобы он не укатился.

Как только все было готово, Кен поманил людей внутрь.

– Заходим! – Ему пришлось кричать, так как шум приближающейся воды нарастал. Озеро уже наверняка затопило нижний уровень башни и направляло свои потоки в их сторону.

Едва дыша от страха, Кен вбежал в вагон вместе с остальными. Двери закрылись, и Грей обратился к напарникам Айко:

– Взрывайте.

Они нажали кнопку на детонаторе.

От удара вагон дернулся вперед. Несмотря на звукоизоляцию, взрыв оглушительно загрохотал, вибрируя в груди и ушах. На заднюю часть поезда посыпались куски льда и камня.

– Не понимаю. Разве завал остановит воду? – спросил Кен, когда все утихло.

– Нет, конечно, – Грей покачал головой.

– Зачем тогда...

– Представь себе пробку от шампанского.

Бушующие потоки воды мощно ударили в каменно-ледяную дамбу. Уже через секунду «пробка» вытолкнула вагон вперед. Две группы пассажиров откинуло назад, и они снова смешались.

Сила потопа двигала поезд вверх по туннелю. Вода хлестала по окнам, но пока что вагону удавалось ее обгонять.

Никто не пытался встать с пола.

Наконец, когда вода из озера и подъем туннеля уравнились, вагон сбавил скорость, а потом и вовсе замер. Грей вывел всех наружу.

В сотне ярдов впереди виднелся манящий свет. Они поспешили в том направлении, забрав с собой раненых.

Самого Грея поддерживала за плечо Сейхан, другой рукой он держался за пояс одного из врагов.

Туннель вывел к длинному бетонному складу. Остальные вагоны уже были здесь – успели добраться, пока не отключилось питание. Пассажиров и след простыл.

Буря затихала, ворча последними раскатами. Грей отошел в сторону и о чем-то говорил с Валеи, склонив голову. Наверное, хотел добиться обещания, что она сдержит слово.

– Не завидую такому концу, – сказала Михайлова, бросив жалостливый взгляд на Сейхан, которая сердито посмотрела на нее в ответ. – Лучше уж пулю в лоб... Ну, зато сможете попрощаться.

Валя со своими бойцами ушла, и Грей обнял Сейхан. Та устало

положила голову ему на плечо. Казалось, они уже начали мучительное и болезненное расставание.

Не в силах наблюдать такую картину, Кен побрел в другом направлении. Отсюда, с высоких склонах Фудзиямы, открывался панорамный вид на озеро Кавагути, чьи широкие грязные берега обнажились из-за оттока воды.

У дальнего края под низкими грозowymi облаками горела башня. Вот и все, что осталось от Ледяного замка.

Наблюдая за пылающим зданием, Кен вдруг стал подозревать... а потом и вовсе уверился в одной мысли.

Мы что-то упустили.

А теперь слишком поздно.

Глава 37

9 мая, 06 часов 18 минут по центральноевропейскому летнему времени

Величка, Польша

Элена, как и все остальные, присела у огромного куска янтаря. Камень мерцал в свете фонарей.

– Что там? – спросила она.

Сэм осторожно обошел группу, словно движение помогало ему разгадать тайну.

– Это хризалида, – сказал он. – Куколка.

Элена уже догадалась, что плотная масса внутри представляет собой что-то вроде кокона в темноватом сиянии янтаря.

Из разрыва с одной стороны торчало существо размером с небольшую собаку. На склоненной голове красовались длинные завитки усиков, огромные фасеточные глаза черного цвета разглядывали собравшихся. Влажные на вид крылья, испещренные венами, навеки остались сложены на выгнутой спине. Из верхней части хризалиды высунулись сочлененные передние конечности. Тварь хотела выбраться из кокона, но угодила в смолистую ловушку доисторической сосны. Она боролась – и проиграла схватку.

– Думаю, Элена спрашивала про штуку, что торчит из кокона, – пояснила Кэт.

– Это явно одокуро. – Сэм пожал плечами. – Смотрите, вот характерный черно-красный рисунок на брюшке. Можно определить даже по мандибулам – они у насекомых так же уникальны, как отпечатки пальцев у человека.

Монк потер подбородок, и щетина шумно заскребла по пластиковому протезу.

– Я читал отчеты профессора Мацуи по одокуро. Ни о чем подобном он не упоминал.

– Потому что в таком виде существо в его лаборатории не появлялось.

– Так что же это? – повторила Элена.

– Да-да, прости... – Сэм бросил на нее виноватый взгляд. – Полагаю, перед нами невиданная прежде королева одокуро.

– Погодите, – нахмурился Монк. – Профессор Мацуи утверждал, что у одокуро не бывает королев.

– Он о них не знал. Профессор определил одокуро как промежуточный вид между древними осами-отшельницами и их потомками, осами «общественными», которые научились роиться.

Монк кивнул.

– Однако профессор Мацуи считал, что одокуро размножаются по принципу ос-отшельниц и используют для откладывания яиц целую группу самок, а не одну королеву.

– Видимо, он ошибался, – сделала вывод Кэт.

– Не совсем. – Сэм продолжал ходить вокруг янтарной глыбы, изучая существо с разных сторон. – Черты этого вида действительно схожи как с одиночными, так и с социальными осами – тут профессор Мацуи прав. Он лишь не предполагал, что в их роду тоже есть своего рода королева. Вероятно, это существо развивается только в естественных условиях и его нельзя вывести в лаборатории.

– Почему? – не унималась Елена. – Какова его роль в рое?

– Не знаю. Думаю, что очень важная. Возможно, это ключ ко всему.

Элена тоже так считала. От волнения она не могла оставаться в одном положении и выпрямилась. Колени затекли, и она едва не упала, – к счастью, Сэм успел поймать ее.

– Спасибо...

Сэм вдруг обхватил Элену сзади, прижал к себе одной рукой, а другой приставил холодное дуло пистолета к ее шее.

– Ни с места.

Он склонил голову набок и затараторил что-то на японском. Позади вспыхнули огни, в пещере заплясали мрачные тени. Раздался топот тяжелых ботинок. Тонкие красные лучи лазерных прицелов прорезали темноту. Немного пометавшись в диком танце, кровавые точки замерли на груди ошеломленных членов группы.

– На колени, – скомандовал Сэм. – Руки за голову.

Элена в изумлении уставилась на вооруженных людей. Ее напарники по очереди падали на колени, складывая ладони на затылке.

Кэт бросила на Сэма убийственный взгляд и тоже не спеша опустилась на каменный пол.

Об часов 22 минуты

– За что? – спросила Кэт, когда у нее забрали оружие. – Хоть объясни.

Видимо, пока группа изучала старые карты в историческом музее, штурмовой отряд из семи человек проник сюда во время полуночной службы, смешавшись с толпой прихожан, – предатель заранее послал их.

Судя по тому, как Сэм склонил голову перед появлением вооруженных сообщников, где-то глубоко в слуховом канале правого уха у него было спрятано хитроумное устройство для радиосвязи, по которому его могли еще и отслеживать.

– За что? – повторил ее вопрос энтомолог, подходя к Кэт. Теперь, когда их караулили солдаты, он толкнул Элену к остальным. – Назовем это расплатой. Местью государству, отбирающему наследство у трудолюбивых американцев. Из-за неуплаченных налогов на имущество банк едва не забрал у меня ранчо в Монтане, принадлежащее нашей семье уже четыре поколения, – тот самый банк, который выжил во время кризиса за счет моих налогов. Разве я чем-то обязан такому государству?

Двое из штурмового отряда подняли кусок янтаря и направились к пещере, намереваясь унести сокровище с собой. Кэт поразились их силе, затем вспомнила, что камни малой плотности на самом деле очень легкие.

– Компания «Фениккусу лабораториз» давно следила за профессором и объявилась после того, как Мацуи рассказал мне в электронном письме о своей бразильской находке. От Такаси Ито ничего не скроешь. Я сообщал ему, как продвигается работа Мацуи, а он в благодарность погасил мои долги. – Сэм пожал плечами. – Затем меня позвали вы, и предложение стало еще более выгодным.

– Что ты надеешься получить? – Кэт кивком показала на янтарную массу.

– Благосклонность Такаси Ито. Учитывая его дальнейшие планы, этого мне достаточно.

– Что же он задумал?

Сэм рассмеялся и последовал за двумя напарниками с сокровищем.

– Быстрая смерть вас порадует, уж поверьте. – Он обратился к одному из пяти оставшихся членов штурмового отряда и сказал что-то на беглом японском. Кэт тоже хорошо знала этот язык. Вот как звучал его приказ: «Как только мы уйдем, пристрелите их, а потом взорвите вход, чтобы тела не нашли слишком быстро. Хотя скоро все это уже будет не важно».

Командир вооруженной группы кивнул.

– *Хай.*

Кэт корила себя за то, что недостаточно хорошо проверила благонадежность энтомолога перед тем, как взять его в группу. Время поджимало, и она легко доверилась ученому из Национального зоопарка, входящего в состав Смитсоновского института.

Сэм скрылся из виду вместе с двумя напарниками и янтарем. В свете их фонариков Кэт заметила чье-то тело у спуска.

Петр...

Та же самая участь могла постичь Герика и Антона, ждущих у берега озера.

Клара тоже увидела брата. Девушку трясло, глаза блестели от слез. Вечно суровое лицо Сласки побагровело от злости. Елена выглядела совершенно ошеломленной предательством. Еще бы, ведь двуличный энтомолог успел понравиться библиотекарю...

Кэт остановила взгляд на Монке и кивнула, давая ему сигнал.

Пусть Сэм одурачил ее перед экспедицией; совсем недавно он, шокированный находкой, неумышленно выдал себя. «Профессор Мацуи ошибался... все ошибались». Странный выбор слов, да и кто эти «все»? Подобный вид ос Сэм обсуждал только с Кеном.

Не до конца уверенная в своей правоте, Кэт выжидала, планируя сперва узнать его профессиональное мнение. Конечно, все равно стоило проявить большую осторожность. Она просто не ожидала, что он так внезапно схватит Элену.

В любом случае есть запасной план.

06 часов 34 минуты

От слабости Елена опустилась на пол. Ее переполняли отчаяние и сожаление. Заведенные за голову руки дрожали. Вот бы коснуться хоть одной ладонью висящих на цепочке для очков крестиков, вот бы напоследок помолиться за дочь и внучек, пожелать им долгой и плодотворной жизни... Трудно сосредоточиться на предсмертной мольбе Богу, когда на тебя и твоих коллег направлено пять винтовок. Кэт едва заметно кивнула мужу – видимо, молчаливо выражая свою любовь и нежность. У этой пары, насколько знала Елена, тоже были дети, две девочки, – надо бы и за них помолиться.

Кивнув супруге в ответ, Монк глянул на пятерых охранников. Его руки по-прежнему оставались на затылке. Точнее... только одна рука, чьи пальцы возились с титановой манжетой лучезапястного сустава, к которому присоединялся протез. Самого протеза на месте не было.

Когда Сэм отдавал солдатам приказ забрать у членов группы оружие, он в спешке забыл предупредить их об одной скрытой опасности. Наверное, поэтому Кэт и отвлекала внимание на себя, чтобы Монк отсоединил искусственную ладонь.

Где же она теперь?

Что-то зашевелилось у ног вооруженных мужчин: паук из светлого пластика пронесся по полу из обожженного янтаря.

В штабе «Сигмы» в Вашингтоне Монк однажды демонстрировал, как дистанционно управляет отсоединенной конечностью. Получалось у него отлично – подпрыгивая на кончиках пальцев, рука приближалась к штурмовому отряду.

А еще Елена вспомнила про музей-библиотеку в Таллинне.

Монк прошептал всего одно слово:

– Бум.

По сигналу Кэт прыгнула на Элену, а сам Монк бросился на Сласки и Клару. Взрыв оглушил, от яркой вспышки в темноте глаза на время ослепли. Елена с силой упала на бок; Кэт прикрывала ее, но слезла через пару секунд, когда ударная волна еще эхом отражалась от стен. Елена лежала на полу и моргала, приводя глаза в порядок, а Кэт, скользнув на бедре по камню, выхватила винтовку у одного из нападавших, в чьей спине взрыв проделал дымящуюся дыру, и почти в упор выстрелила в другого, который хотел встать.

Самый дальний стрелок почти не пострадал, его лишь сбilo с ног. Он прицелился в Кэт – и тут его грудь разорвало острие кирки. Тело упало вперед, а за ним, как оказалось, стоял Монк, сжимая рукоятку кирки мумифицированного шахтера.

Еще двое членов штурмового отряда находились в самом эпицентре взрыва и уже были мертвы.

Монк поспешно собрал их винтовки и бросил одну Сласки.

– Стрелять умеете?

Тот сделал шаг назад и покачал головой.

Подошла Елена, взяла оружие, осмотрела его и кивнула.

– Я выросла в бедном пригороде Восточного Лос-Анджелеса.

– Какой у нас разносторонний библиотекарь, – ухмыльнулся Монк.

– Идите за нами к выходу, только держись поближе к спуску, – сказала

Кэт.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Елена.

– Возьмемся за работу, – Кэт кивнула мужу.

06 часов 39 минут

Покидая ненавистную пещеру, Кэт решила сменить тактику.

Земля под ногами подрагивала, хрупкие сталактиты из соли падали и разбивались. Вероятно, взрыв нарушил стабильность этого и так непрочного уголка шахты. И все-таки Кэт остановилась у нижней части спуска и глянула на Петра. Из его шеи торчало лезвие. Монк увел Клару подальше, чтобы она этого не видела.

– Ладно, новый план. – Брайант стиснула зубы. – Все идем на выход, только мы с Монком впереди. Вы держитесь немного поодаль.

Не дожидаясь согласия, она крепче обхватила винтовку и двинулась к проходу, через который они попали сюда. Двинулась быстрым шагом, ведь Сэм и его напарники точно слышали взрыв. Неизвестно, решат ли они, что это члены штурмового отряда выполнили приказ и подорвали вход в пещеру.

В любом случае Кэт не могла позволить предателю улизнуть вместе с похищенным сокровищем. Если в этой глыбе янтаря и вправду есть ответ, необходимо его получить.

Грохот не затихал даже в конце туннеля длиной в четверть мили. Сработал каскадный эффект: одна секция расшатывала другую, та следующую и так далее. Воздух наполнился соляными кристаллами, которые бриллиантами сияли в свете фонарей.

Земля под ногами вдруг резко дернулась, и Кэт бросило в стену. Других тоже задело, но они хотя бы удержали равновесие. Сзади их накрыло облаком дыма и соленой пыли.

Наверное, обвалился туннель.

– Быстрее, – подгоняла Кэт.

Они почти бежали и явно приближались к выходу, когда свет фонаря выхватил гору камней, заваливших проход. Тут уже все обрушилось.

– Что теперь? – спросил Монк.

– Я не... – Кэт в отчаянии помотала головой.

Он приобнял ее за талию.

– Давай-ка, пораскинь своими мозгами и вытащи нас отсюда.

Кэт устала на свои ноги. Нет, она опустила голову не из-за поражения, а просто заметила воду. Быструю и мощную струю.

Смахнув соленую пыль с носа, Кэт посмотрела назад. От предыдущего толчка обвалился туннель, но если вода продолжает течь...

– Обратнo, – сказала она. – Идем обратнo.

И заставила всех развернуться.

Через минуту они дошли до того места, где обрушилась стена, открыв проход в параллельный туннель. Оттуда и текла вода.

– Идем, идем, идем!

Кэт мысленно поблагодарила инженерное мастерство старых шахтеров. Все пролезли в соседний туннель и двинулись дальше, преодолевая хрупкие солевые образования. Наконец они вышли к более широкой части шахты. Кэт остановила свой отряд и, взяв оружие на изготовку, скользнула вперед – вдруг Сэм оставил тут кого-то из

пособников. Засады не обнаружилось, пещера была пуста. У берега канала, ведущего к озеру, лежали два тела.

Герик и Антон.

Гидроцикл по-прежнему был на берегу рядом с телами, а вот «Зодиак» исчез, – на нем Сэм повез свою янтарную добычу. Рядом лежали баллоны для подводного плавания. Вот каким образом штурмовой отряд сумел устроить засаду братьям Клары.

Кэт махнула остальным – можно выходить.

– Елена, побудь с Кларой и доктором Сласки. Не высовывайтесь. Если появятся другие... – Кэт показала на винтовку в руках библиотекаря.

– Ублюдки об этом пожалеют. – Елена подняла оружие выше.

Кэт подошла к гидроциклу. Молча попросила прощения у Герика, отстегивая ключи от плавучего средства с его жилетки. Вместе с Монком они вытолкали аппарат обратно в мрачные воды. Без протеза Монк не мог им управлять, так что сел сзади, держа в руке «ЗИГ-Зауэр», который чуть раньше у него отобрали захватчики.

Кэт положила винтовку на колени и взялась за рычаги управления.

Монк наклонился вперед.

– Милая...

– Знаю. Внезапно подобраться не выйдет.

На открытой воде атака будет massированной.

– Я не об этом. Просто хотел сказать, что люблю тебя.

– А-а... – Кэт чмокнула его в щеку. – Я тебя тоже.

– Теперь давай перестреляем негодяев.

Кэт завела мотор, дала газ и бросилась вперед по каналу, не притормаживая на поворотах, а наоборот, набирая скорость. Ближе к озеру мотоцикл практически летел по воде, едва касаясь поверхности.

Она заметила цель: одинокий огонек в мрачном озере. Кэт погасила фонарик на шлеме и нагоняла свою жертву в темноте. «Зодиак» приближался к дальнему берегу, хотя и довольно медленно.

Стрелка спидометра ползла к шестидесяти, пятно света быстро приближалось. Хотя рев гидроцикла было не скрыть, враг спохватился слишком поздно. Раздались выстрелы, но Кэт стала качать аппарат из стороны в сторону, не давая врагу прицелиться.

Монк вел ответный огонь из «Зауэра». Используя целую обойму, одного стрелка он уложил, а второго заставил спрятаться. Затем взял у Кэт автоматическую винтовку, одной рукой поднял ее, положил на предплечье другой и обрушил на противника шквал огня, разрывая надувную лодку в клочья. Та сразу осела на подбитую сторону.

Второй стрелок открыл было огонь, пытаясь их отогнать, однако потерял равновесие на тонущей лодке и упал. Монк успел всадить ему две пули в грудь в качестве прощального подарка, который враг взял с собой в подводную могилу.

А потом янтарная глыба, качнувшись на сдуваемой лодке, последовала за ним и с плеском исчезла в мрачных глубинах озера.

Встревоженный такой потерей, Монк бросил винтовку Кэт и спрыгнул с гидроцикла.

У Брайант не было времени сказать ему, что он зря старается. В самом начале перестрелки она заметила брызги рядом с носом лодки. Крыса бежала с тонущего корабля. Сэм уже достиг дальнего берега, выбрался из воды и побежал к туннелю. Ему хватило ума погасить налобный фонарик, и теперь силуэт беглеца едва выделялся на фоне чернильной тьмы.

Как только Сэм войдет в туннель, поймать его будет невозможно.

Гидроцикл врезался в наклонный берег почти на максимальной скорости и понесся дальше. Кэт разрядила последнюю обойму винтовки, даже не целясь в Сэма – все равно мишень была слишком маленькой. Вместо этого она обстреляла ряд соляных сталактитов, нависающих над входом в пещеру, которые осыпались вниз остроконечным дождем.

Раздался испуганный крик.

Притормозив, Кэт спрыгнула с сиденья и побежала на звук. Она помнила, что Сэм вооружен, поэтому свой фонарик тоже не включала – и кралась вперед, пытаясь разглядеть предателя. Под ботинками хрустели соляные осколки.

Снова резкий измученный крик.

Кэт подошла к извивающемуся на земле телу и включила фонарь. Острый кусок соли пробил шею Сэма, другой вонзился в плечо, третий проколол левое бедро. Из раны на горле толчками выходила кровь; боль явно становилась все сильнее, отбирая последние силы и надежду на спасение.

Отчаянные вопли энтомолога эхом отражались от стен пещеры.

Соль на ранах.

Вот что так сильно мучило Сэма, помимо мысли о неизбежно приближающейся смерти.

Кэт отвернулась – пусть себе кричит. Когда она вернулась к озеру, сдавленные вопли уже затихли.

Скатертью дорога.

В черных водах Монк плавал вокруг наполовину затонувшей лодки.

– Не могу найти янтарь! – заорал он, увидев Кэт. – Нужны дайверы.

– Подожди! – крикнула в ответ она, приложив руки ко рту.

– Чего подождать?

Кэт окинула взглядом озеро. На поверхность вдруг всплыл огромный объект, напугав ее мужа, и стал покачиваться рядом с ним.

– Янтарь не тонет!

Плотность у него меньше, чем у соленой воды, поэтому янтарь так часто находят вдоль балтийских берегов – волны выбрасывают кусочки камня на песчаные пляжи.

– А то я не вижу, – заворчал Монк.

Он подплыл к глыбе и стал толкать ее в сторону Кэт.

Та вздохнула, уперев руки в бока. Сокровище у них, но чего они действительно добились?

Что им дает скованная янтарем королева ос?

Глава 38

9 мая, 16 часов 18 минут по японскому времени

Токио, Япония

Через два часа после того, как Грей унес ноги из рушащегося Ледяного замка, он расхаживал по конференц-залу Агентства общественной безопасности Японии. Его штаб-квартира располагалась в центре Токио, в районе Тиёда – местном аналоге Национальной аллеи в Вашингтоне. Из окна открывался вид на внушительных размеров Императорский дворец. В этом же районе находились и Верховный суд, и официальная резиденция премьер-министра.

Грею предстояло связаться с Пейнтером Кроу посредством видеозвонка. Он уже сообщил директору обо всем случившемся, но теперь вдруг поступил новый запрос. Пирс ожидал худшего. Вскоре после прибытия в Токио Валя выполнила свое обещание и передала код для разблокировки флешки. Айко отправила вооруженную группу на установленный склад, где обнаружили гигантские запасы пестицида, разработанного компанией «Фениккусу лабораториз».

Подъемник с контейнерами в сопровождении эскадрильи японских самолетов-заправщиков, распыляющих пестицид, уже направился к Гавайским островам. Химикат уничтожит взрослое население осиных колоний, но помочь людям, животным и насекомым, зараженным паразитами, он был не в силах.

Айко перевела кое-что из технико-экономических исследований и токсикологических отчетов корпорации, обнаруженных среди документов. Согласно этим материалам, пестицид обладал повышенными канцерогенными свойствами и являлся токсичным для многих других членистоногих. Из-за его использования в хрупкой экосистеме острова воцарится хаос, а что еще хуже, Гавайский хребет постигнет такое загрязнение, что за личиночной стадией придется постоянно наблюдать.

«Может, сразу сбросить на него ядерную бомбу?» – мрачно подумал Грей.

Подобная мысль пришла в голову не только ему.

Из секретных переговоров между американскими военными и разведывательными службами Айко узнала, что даже при использовании пестицида сохранялась угроза дальнейшего распространения заразы. А для многих стран это слишком большой риск.

И вот теперь внезапный звонок от Пейнтера...

В зале, кроме Грея, находились профессор Мацуи, Сейхан и Палу – их директор тоже позвал. Гаваец, узнавший о печальном будущем родных земель, пребывал в шоке. Сейхан твердо стояла на ногах, хотя по ее запавшим глазам и поджатым губам было ясно: через несколько часов боль станет в десятки раз сильнее, и она об этом знала. Знала, что личинки в третьей возрастной стадии начнут уничтожать ее изнутри.

Большой экран на стене наконец ожил, привлекая всеобщее внимание. Грей напрягся от неожиданности: вместо лица директора перед ним появилось кристально чистое изображение стройной женщины, облокотившейся на стол в маленькой лаборатории.

– Кэт? – Пирс подошел ближе. – Где ты? Что все это значит?

– Я в Кракове, в небольшом Музее янтаря. Дело срочное, вот Пейнтер и назначил звонок.

– Зачем?

– Мы кое-что нашли. Кое-что необъяснимое и вне нашей компетенции. Единственный человек, который мог объяснить... В общем, я его убила. Поэтому вся надежда теперь на профессора Мацуи.

– Что же вы нашли?

Кэт вкратце рассказала о том, что произошло в Польше, о соляной шахте, громадных залежах янтаря и глыбе с уникальным экземпляром внутри.

– Сейчас покажу. – Она махнула оператору. – Монк, поднеси камеру к столу.

Изображение дернулось, и собравшиеся увидели широкий стол, на котором лежал огромный кусок сияющего янтаря, подсвеченный с нескольких сторон.

Позади Грея упал стул.

– О боже... – Кен подбежал к экрану и стал тянуться вперед руками, словно желая схватить объект. – Доисторическая хризалида! Застывшая во время вылупления...

В уголке экрана снова появилась Кэт.

– Профессор Мацуи, возможно ли, что это королева одокуро?

– Что? Нет, ничего подо... Подождите-ка. – Он рассматривал янтарь с разных сторон, Монк по его просьбе поворачивал камеру.

– Кен, это королева или нет? – пытался добиться ответа Грей.

Профессор облизал губы и тихо произнес:

– Да... да, скорее всего, так и есть. – Он нашел глазами Кэт. – Расскажите подробнее обо всем, что вы видели. В каком состоянии были

мертвые осы?

Кэт повторила все заново, отвечая на возникающие у Кена вопросы.

– Сэм считал, что они истекли кровью, – закончила она. – Или что-то другое просочилось из их тел.

Кен вернулся за стол и грузно рухнул в кресло.

– Я ошибался. Все это время я был неправ.

– Насчет того, что у одокуро не бывает королев? – спросил Грей.

Профессор кивнул.

– Да, однако я предполагаю, что такая королева не вылупилась бы в лабораторных условиях. Только в естественной среде и только в сформировавшемся рое.

– Почему? – поинтересовалась Кэт. – Что это значит?

– Это значит, что мое мнение об исследованиях команды «Гамма» тоже было неверным. А у них уже имелся ответ. Они нашли замок, но не подобрали ключ.

– О чем это вы? – недоумевал Грей. – Что еще за «Гамма»?

– Одна из исследовательских групп «Фениккусу лабораториз» занималась генами недостающего белка – они называли его «призрачным пептидом», потому что обнаружили сами гены, но не нашли белок, код которого ими определялся. Судя по анализу последовательности, это сильное биолитическое вещество, способное растворить ткани жертвы.

Кэт глянула на кусок янтаря.

– Изнутри.

Кен кивнул.

– Я думал, это часть старого кода, бесполезный хлам, оставшийся с тех времен, когда одокуро убивали хозяина. Когда такое поведение перестало быть им свойственным, токсичный пептид скрылся в организме вместе с эпигенетическими маркерами – по крайней мере, я так считал. Считал, что команда «Гамма» зря тратит время, ведь ключ к этому замку им не подобрать и за миллионы лет.

– А теперь? – спросил Грей.

– В одном я был прав. Этому ключу и правда двести миллионов лет. – Профессор показал на экран. – Вот он.

– В смысле? – Кэт уставилась на глыбу янтаря.

– Как же я не додумался... – Кен качал головой. – Ведь чувствовал, что упустил что-то. Я совсем забыл об основных повадках перепончатокрылых – как ос, так и пчел.

– И что это за повадки? – Грей вздохнул.

– У общественных ос только королева выживает после зимы,

остальной рой погибает во время морозов. Королева впадает в спячку и зимует, а весной пробуждается от тепла. Уже оплодотворенная, она возрождает жизнь в улье.

Кен снова подошел к экрану.

– Поэтому мы раньше и не видели подобную королеву. Она появляется в суровых условиях, когда существование колонии под угрозой. С ее помощью рой перемещается в новый дом. – Профессор повернулся лицом к Грею и всем остальным. – Правда, сначала королева должна убедиться в том, что прежняя колония уничтожена. Если морозы недостаточно сильны, она сама обо всем позаботится.

– Как? – изумилась Кэт.

– Точно не знаю. Может быть, королева источает мощный феромон. Вы сказали, что янтарь в месте раскопок оказался темнее обычного, верно?

– Из-за выделяемого ею вещества? – догадался Грей.

– Вещества, которое, на мой взгляд, и является ключом к генам прозрачного пептида. Если вставить ключ в замок, гены начнут вырабатывать биолитический белок. Этот пептид – не оружие против жертвы, как мне казалось раньше. – Кен покачал головой. – Это самоубийственная пилуля. Все особи одокуро с такой последовательностью генов погибают, если подвергнутся воздействию вещества.

– А эти гены есть у всех ос?

Профессор повернулся к Сейхан.

– Даже у личинок.

Грей ощутил прилив надежды, однако не позволил себе радоваться раньше времени.

Кэт заговорила с кем-то, кого не было видно на экране.

– Доктор Сласки, насколько я помню, в Польше есть только две лаборатории с современным масс-спектрометром для исследования достоверности янтарных артефактов, и одна из них как раз ваша.

– Верно. Мы можем оценить качество, проанализировать дефекты и даже определить возраст образцов.

– Если достать сердцевину янтарной глыбы, вы установите, что за вещество в ней находится?

– При должном запасе времени и ресурсов – конечно.

– Я в силах предоставить вам все необходимые ресурсы, а вот время... времени у меня нет.

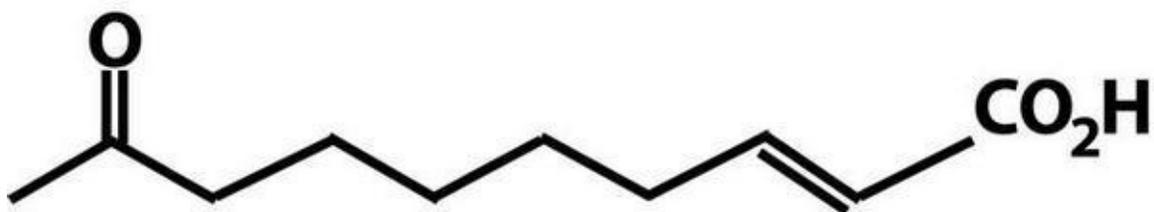
Собеседник понял просьбу Кэт.

– Сделаю все возможное.

Грей вдруг увидел, что Сейхан стоит рядом с ним.
Она взяла его за руку.
К черту все.
Он сжал ладонь Сейхан и впустил в свое сердце надежду.
Надежду на лучшее для нее, для него и для их малыша.

20 часов 37 минут

– Вот оно, – сказал Кен, глядя на молекулярную диаграмму на экране ноутбука.

Конечно, то самое вещество.

Профессор все еще находился в конференц-зале, да и остальные тоже были рядом – облепили его компьютер. На стене отображался видеозвонок из Польши. В краковской лаборатории толпились самые разные специалисты: молекулярные биологи, генетики, химики-органики. Привезли туда и новое оборудование.

Тем не менее мрачный на вид доктор Сласки держал ситуацию под контролем и не допускал хаоса в течение четырех часов, пока группа добывала ответ из янтаря.

– Это именно то вещество, а не какая-нибудь примесь? Вы уверены? – уточнил Грей.

– Уверен.

– И что же дает вам такую уверенность? – взволнованно наседал Грей.

– Мне знакомо это органическое соединение – производное от 9-кето-2-деценовой кислоты. Маточное вещество, – добавил Кен, заметив недоумение Грея, который посмотрел на мерцающее в янтаре создание. – Поэтому, повторяю, я уверен, – с усталой улыбкой сказал профессор. – Соединение похоже на ароматический кетон, испускаемый королевами медоносных пчел. Вариант этого феромона имеется и у многих других перепончатокрылых.

– Зачем он нужен пчелам?

– Когда новая королева создает собственный улей, она опрыскивает старое жилье этим веществом – гормон стерилизует всех оставшихся

рабочих пчел.

– С какой целью?

– Чтобы обеспечить передачу генов, королева уничтожает прежнее поколение. – Кен кивнул на экран. – У одокуро происходит примерно то же самое, только у этого вида есть несколько подкоролев, способных размножаться и паразитировать, применять более агрессивную тактику. В общем, идти на крайние меры, как та большая оса, что напала на Сейхан. Когда рою грозит опасность, королева избавляется от генетического прошлого и решает заняться сохранением новых потомков с ее генами.

Кен пожал плечами.

– Да, бессердечная стратегия, но с эволюционной точки зрения она имеет смысл. Если окружающая среда находится под угрозой, то у вида есть шансы уцелеть таким способом: один из его представителей пакует чемоданы, стирает все следы существования и отправляется с новым набором генов туда, где трава зеленее. Многие тысячелетия почти все осы действовали согласно этому плану: каждую зиму рой погибал, давая начало другому. Пчелы же просто стерилизуют своих сородичей.

– И что, этот феромон эффективен?

– Очень даже. Мало того что соединение не представляет риска, оно еще и свойственно именно одокуро. Другим особям феромон не навредит, а ароматический кетон привлечет внимание роя. Они полетят на его запах, как мотыльки на свет.

Кен откинулся назад.

– И самое главное, такое органическое соединение легко создать в любой лаборатории. Затем останется распылить его над водой, растениями и землей, и тогда вещество попадет в кровоток любого пораженного паразитами существа, которое пьет, ест и ухаживает за своей кожей или шкурой. И уничтожит личинки.

– А что с людьми? – Грей взял Сейхан за руку.

Кен заметил, что в ее глазах блестят слезы – не растущей боли, а надежды.

– То же самое, – заверил профессор. – Думаю, одной внутривенной или внутримышечной инъекции будет достаточно, хотя лучше сделать несколько в течение пары-тройки дней.

Грей шумно вздохнул и прижался к Сейхан.

– Значит, лекарство нашлось.

Палу похлопал Кена по плечу. Судя по широкой улыбке, гаваец понимал, что его родина теперь в безопасности.

– Дружище, это не просто лекарство. Мы, черт возьми, спасены!

Кен улыбнулся ему в ответ.
– И не поспоришь.

Глава 39

23 мая, 20 часов 18 минут по центральноевропейскому летнему времени

Величка, Польша

Кэт с Монком находились в часовне Святой Кинги. Подземный собор был переполнен, многие пришли на поминальную службу. В соляном кресте над алтарем мерцал огонь. Пение детского хора эхом отражалось от стен и доходило до самых небес через каменный свод.

Одетая в черное, Клара склонила голову. Она сидела в первом ряду, а трое ее братьев лежали в бесценных янтарных гробах. Бесценными их делал не только прекрасный камень, но и покоящиеся внутри мужчины, отдавшие жизнь ради светлого будущего всего мира. В этом священном месте они и будут погребены.

– Петр, Герик, Антон, – прошептала Кэт, чтобы братья знали – она их никогда не забудет.

Монк сжал ее руку. Ночью они прилетели из Вашингтона и отправятся обратно этим же вечером.

Прошло две недели, а дел оставалось еще очень много.

Благодаря ежедневному распылению органического соединения с воздуха ситуация на Гавайях налаживалась. Как и прогнозировал профессор Мацуи, маточное вещество истребило одокуро – ароматический кетон привлек к себе ос из всех колоний и ульев. В больницах делали внутримышечные уколы для профилактики. Экологи и биологи пристально следили за дикой природой – вдруг зараза появится снова.

Когда Гавайи оказались вне зоны риска, Кэт сосредоточила внимание на поиске других научно-исследовательских подразделений «Фениккусу лабораториз». С помощью Айко удалось задействовать международное реагирование, что, кстати, помогло укрепить репутацию ее разведывательной службы в Японии. Айко окрестила свое управление «ТаУ», сокращенно от «*Tako no Ude*», «Щупальца осьминога» – отличное название для нового агентства по шпионажу. Кроме того, в греческом алфавите буква «тау» идет следом за сигмой, так что получился еще и своеобразный поклон американскому собрату.

Пока пел хор, Кэт посматривала на профессора Мацуи, сидевшего рядом с доктором Сласки. Кен тесно сотрудничал с директором музея в работе над исследованием загадок янтаря. Камни оказались настоящей

сокровищницей доисторической жизни. Более того, Кену предложили должность в Вашингтоне, но он пока не решил, хочет ли стать новым главой департамента энтомологии в Национальном зоопарке.

Кэт надеялась, что он согласится.

Сласки прошептал что-то Кену на ухо, тот кивнул, и оба глянули на Клару. Они изо всех сил пытались утешить скорбящую, хотя такую боль способно вылечить лишь время. Хорошо, что Ларе не придется испытать подобную муку. Вчера пришла новость из Таллина: директора Тамма выписали, и он вернулся домой к дочери.

Хор закончил песнь на невероятно трогательной ноте. Один из мальчиков – светленький, с румяными щеками, будто юный призрак одного из погибших братьев, – подошел к балюстраде у гробов и запел «Аве Мария» на польском без аккомпанемента. Его тонкий голосок, от всей души обращаясь к небесам, выражал чувство потери лучше любых слов.

Кэт опустила голову, и Монк прижал ее к себе. Из глаз потекли слезы... и закапали на руки ее мужа, которыми он накрыл ладони Кэт.

Она прильнула к Монку.

Никогда меня не отпускай.

08 часов 05 минут по восточному поясному времени

Вашингтон, округ Колумбия

– Предупреждаю, – сказала Элена, открывая дверь в Смитсоновский замок. – Без спроса ничего не трогать.

– *Sí, abuela*^[7], – в один голос ответили девочки, энергично кивая.

Запах тут же ударил Элене в нос. Сладкий аромат – роз, сирени и лилий – наполнял мраморный зал, направляя посетителей к крипте неподалеку от входа. Там библиотекаря и ее двух внучек ждали Пейнтер Кроу и Саймон Райт, хранитель музея. У их ног и по всему полу лежали букеты – в небольшую усыпальницу Джеймса Смитсона они уже не помещались.

– И кто же эти юные леди? – спросил Пейнтер, наклоняясь к девочкам, которые застенчиво спрятались за бабушку.

– Она – Оливия, – рискнула заговорить старшая, выглядывая из-за Элены. – А я – Анна.

– Вы тоже библиотекари, как ваша бабушка?

– Нет, – захихикала Оливия.

– А я буду, когда вырасту, – Анна топнула ножкой.

– Не сомневаюсь. – Кроу выпрямился и посмотрел на переполненную

букетами усыпальницу. – Кто из вас соберет больше желтых цветов? Мне очень нравится этот цвет.

– Я! Я! – закричали девочки, но сначала попросили разрешения *трогать* у бабушки.

– Идите. Только осторожнее с шипами у роз, а то ваша мама заявит на меня в службу защиты детей.

Внучки со смехом бросились в море цветов.

– Ну и парочка, – Элена покачала головой.

– Прекрасная парочка!.. А вот и отклик на вашу авторскую колонку в «Вашингтон таймс», – добавил Пейнтер, обводя рукой щедрые дары посетителей.

– Или на ваше появление в программе «С добрым утром, Америка», – с широкой улыбкой сказал Саймон.

– Просто хочу, чтобы люди узнали об основателе вашего института, – засмущалась Элена.

– Это у вас получилось, – подтвердил Райт.

Вернувшись в Штаты, Дельгадо поделилась своими приключениями в Европе и рассказала, как им удалось спасти мир, следуя таинственным подсказкам Джеймса Смитсона. Свою колонку она закончила предложением отдать дань этому человеку. «Давайте осыпем его цветами», – написала Элена.

Видимо, любопытные читатели решили увидеть символы своими глазами и заодно последовать совету автора статьи.

– Мы считаем, вы и сами достойны скромной награды, поэтому пригласили сюда до открытия Замка. Здесь самое место.

– Глупости, мне не нужно...

– Боже мой, – преувеличенно громко вздохнул Саймон, – да позвольте уже ему одарить вас!

– Ладно, – Элена закатила глаза.

Пейнтер достал из кармана пиджака небольшую коробочку размером с колоду карт и протянул ей.

– Для леди, у которой есть всё... в том числе и две непослушные внучки.

Элена с интересом взяла подарок.

– Откройте, – поторапливал ее Саймон, вставая на цыпочки.

Элена сняла крышку и обнаружила внутри обсидианово-черную металлическую карточку на подушечке из красного шелка. Когда она наклонила коробку, то увидела на карте голографический символ – серебристую греческую букву «сигма».

- Ключи от королевства, – сказал Саймон.
- На случай если вам надоест быть библиотекарем и захочется приключений, – пояснил Пейнтер.
- Элена бросила на него скептический взгляд.
- Или просто заходите на чашечку кофе. В любое время.
- Она закрыла коробку.
- Выпить кофе – вполне достаточное для меня приключение, директор Кроу.
- Не знаю, не знаю... У варева Ковальски такой вкус, что лучше уж в перестрелку.
- Я рискну, – улыбнулся Элена.

20 часов 08 минут по восточному поясному времени

Такома-Парк, Мэриленд

Слушая треск сверчков у соседских гортензий, Грей стоял во дворе родительского бунгало, на котором висела табличка: «Продается». Поверх нее была еще одна: «Продано!»

Пирс решил пройтись по широкому двору, вспоминая, как подстригал здесь газон. Газонокосилку приходилось толкать самому, потому что отец был слишком прижимист, чтобы разориться на бензиновую. Подъездная дорожка вела к гаражу, темному и запертому, хотя Грею по-прежнему слышалось, как отец, матерясь, возится со своим винтажным «Тандербердом». Машина все еще стояла здесь. Из окна кухни мать обычно наблюдала за работой папы. Обед частенько подгорал, так как она тратила время на чтение книг и проверку работ, вместо того чтобы учиться готовить.

Куда ни глянь, тут повсюду призраки прошлого. Поэтому девять месяцев назад он и решил вместе с Сейхан взять отпуск, чтобы отдохнуть от «Сигмы», от своих обязанностей и, самое главное, от этого места. Месяц назад Грей наконец-то позволил своему брату Кенни выставить дом на продажу.

Разве кому-то из нас он нужен?

Кенни незачем было оставаться здесь, и он вернулся в Калифорнию, где хотел найти работу в сфере высоких технологий. За последние несколько недель в доме побывали лишь риелторы и потенциальные покупатели, а вот Грей не заглядывал сюда с самого возвращения в Штаты. Даже порог переступить не хотел, но в связи с продажей нужно было составить опись имущества. Куда же девать старую мебель и всякие мелочи, которые раньше казались такими важными? Кому-нибудь

пожертвовать?

Грей вздохнул. Он знал, почему медлит и сомневается.

Обещай мне...

Пирс помнил, как давил на шприц, вводя смертельную дозу. Помнил, как расслабились слабые пальцы отца, такие мозолистые и костлявые. Грей не сомневался в правильности своего решения, но чувство вины продолжало преследовать его.

Даже объездив весь мир, он не мог сбежать от прошлого.

И вот я вернулся в исходную точку. Ничего не изменилось, да и вина по-прежнему давит. «Откладывать больше нельзя», – подумал Грей и направился ко входу.

Сейхан приехала раньше, ей нужно было отдохнуть. Лечение закончилось, и личинки в теле погибли, однако организму требовалось время, чтобы полностью очиститься. Настоящий вызов иммунной системе, зато этим утром анализы показали, что с ребенком всё в порядке.

Несмотря на меланхоличный настрой, Грей слегка улыбнулся, вспоминая тихий стук маленького сердца на ультразвуке.

Наш малыш...

Грей покачал головой.

Ковальски тоже пришел в себя после травм, как и кузены Палу. Здоровяк звонил Грею с Мауи. «Закончу уж свой чертов отпуск», – сообщил Ковальски. Он остановился у родных Палу вместе со своей девушкой Марией, которая им помогала.

«Заставили меня носить колготки!» – жаловался Ковальски. Мария объясняла ему, что это не колготки, а компрессионные чулки, которые надо носить полтора месяца, чтобы поскорее зажили укусы. Грей попросил Марию прислать фотографии – вдруг когда-нибудь понадобится шантажировать Ковальски...

Он толкнул дверь.

Та не поддалась.

Открыла Сейхан, вертя на пальце ключ.

– Я поменяла замки.

– Поменяла? Зачем?

Грей вошел. Он детально помнил, как выглядит родительский дом.

Однако сейчас все было по-другому.

Мебель исчезла. Ковры больше не прятали блеск новых деревянных полов. Огромный камин сложили заново. Даже отсюда было видно, что на кухне теперь современные гранитные столешницы и шкафчики.

– Сейхан...

– Замолчи. – Она взяла его за руку и повела к лестнице на второй этаж, кивнув на знак «продано» во дворе. – Угадай, кто купил дом?

Не успел Грей ответить, как его потащили наверх.

Все поменялось. Кованые перила вместо деревянных. Свежая краска на стенах вместо старых обоев.

– Не волнуйся, – сказала Сейхан. – Отцовская машина в гараже, с этой красоткой я расставаться не захотела. К тому же там коробки с личными вещами, но ими ты сможешь заняться позже. А пока...

Она остановилась у закрытой двери.

– Хватит бежать от прошлого.

У Грея по спине поползли мурашки. Сейхан видела его насквозь.

Она открыла дверь в спальню. Пустую, если не считать одного предмета мебели.

Белоснежной колыбельки.

– Если от призраков прошлого не сбежать, пусть живут рядом с тобой и разделяют твои радости и горести.

Грей с трудом сдержал всхлип. Затем осмотрелся и глубоко вздохнул.

– Столько работы проделано... Я даже не догадывался.

Сейхан пожала плечами.

– Тебя не сложно одурачить. По мне, уж лучше делать ремонт, чем мотаться по свету.

Пирс покачал головой и улыбнулся, хотя на глазах все же выступили слезы.

– Тогда давай наслаждаться затишьем. Надолго ведь оно не затянется.

– Это точно. – Сейхан помрачнела. – Валя на свободе. Наверняка что-то замышляет.

Грей опустился на колени и приподнял край ее блузки.

– Я другое имел в виду, – шепнул он, целуя ее в живот.

Эпилог

Вулкан Халеакала, Мауи

Королева

Пора.

Заряженные гормонами биологические часы заставляют ее новое тело извиваться внутри черной хризалиды. Мандибулы тянутся к верхушке шелкового кокона, который она сплела еще личинкой, и проделывают дыру, размягчая ткани слюной с примесью маточного вещества.

Один усик разворачивается и вылезает наружу. Изящные сенсиллы ощущают влагу прохладного воздуха. Довольная условиями, королева бьется в отверстие треугольной головой и разрывает кокон крючками на передних ногах. Тонкая хризалида рушится под ее весом.

В темноте королева готовится к выходу в мир: прочищает немигающие черные глаза, расправляет каждый усик. По длинным венам влажных смятых крылышек поступает гемолимфа. Крылья расправляются, и королева взмахивает ими, чтобы просушить.

Теперь она готова.

Она переползает на мокрый камень. Здесь несколько месяцев назад королева и сплела свой кокон, а затем надежно спряталась во мраке туннеля. Она не станет возвращаться туда, откуда пришла. Нет, надо искать новый дом.

В брюхе уже полно яиц с плюрипотентными копиями ее самой, которые смогут превратиться в представителей любой группы нового роя.

Внутри королевы ее собственное будущее.

Передвигаясь, она оставляет за собой ароматный след – убийственную сладкую ловушку, в которую должны попасться осы из старого роя. Таким образом выживет только ее генетический код, а прошлое будет уничтожено.

Королева не знает усталости. Она не остановится, пока не найдет

подходящий дом, и движется вперед под действием древнейшего инстинкта – желая выжить. Чувствуется свежий воздух, верный признак выхода в мир наверху.

Камень вдруг покрывается слоем льда.

Королева замирает, переключаясь на сигналы из усиков. В нервных узлах ее мозга формируется картинка.

В туннеле все покрывается льдом. Все складки, выступы и волнистые поверхности. Несмотря на опасность, королева не может действовать против инстинкта и вернуться обратно. Она терпеливо направляется к холоду. Меняться она не станет. Лучше подождет, пока изменится мир.

Чуть позже, но ее время придет.

Зная это, королева двигается по замерзшим туннелям. Вскоре крылья замерзают, ноги коченеют. Останавливается она лишь тогда, когда не может оторвать конечности от ледяной земли.

Тут она и дождетя.

Дождется возможности снова проявить себя.

Примечания автора: правда или вымысел

Мы с вами опять подоברались к тому моменту, когда я должен рассказать, где правда, а где вымысел. Конечно, мне бы хотелось, чтобы вы просто верили каждому написанному слову – к этому стремится каждый автор романов. И все же истина бывает не менее увлекательной, чем фантазия, так что давайте отделим зерна от плевел.

Итак, вернемся в прошлое и будем двигаться вперед к настоящему. В этой книге полно интересных исторических персонажей, среди которых – загадочный основатель Смитсоновского института. С него, пожалуй, и начнем.

Джеймс Смитсон

Этого британского химика и геолога, основавшего величайшее в нашей стране просветительское учреждение, сильно недооценивают. Надеюсь, мой роман поможет восполнить этот вопиющий пробел. Почти все, что написано о Смитсоне в этой книге, – правда. Он действительно был уважаемым членом Британского королевского общества, а еще путешествовал по Европе с целью поиска экспонатов для его внушительной коллекции минералов, которую Смитсон вместо со своим состоянием завещал Соединенным Штатам (к сожалению, в конце Второй мировой войны в здании Смитсоновского института случился пожар, и коллекция была уничтожена).

После смерти Смитсона Александр Белл с женой отправились в Европу и привезли его останки в Америку. Возраст ученого на его надгробии указан неверно, памятник покрыт символами – все это тоже правда. Можете посетить Смитсоновский замок и проверить, а заодно и возложить цветы.

Если поездку вы не планируете, но все же хотите больше узнать об основателе института, советую вам прочитать книгу «Потерянный мир Джеймса Смитсона» за авторством Хизер Юинг (The Lost World of James Smithson, Heather Ewing).

Джозеф Генри

Первый секретарь Смитсоновского института руководил музеем во время Гражданской войны и находился в здании в том числе и во время печального известного пожара. Утверждалось, что причиной бедствия стала неправильная установка печи, а не злой умысел первых членов Гильдии. Если верить многочисленным слухам, на этом история не оканчивается – ведь Джозеф Генри, ярый сторонник отмены рабства, втайне помогал Абрахаму Линкольну во время войны.

Арчибальд Маклиш

Любознательный герой на самом деле служил главным библиотекарем Конгресса во время Второй мировой войны. Будучи главой Комитета по сохранению культурного наследия, он оберегал сокровища нации. Маклиш так опасался бомбардировок, что отправил Декларацию о независимости, Конституцию и копию Библии Гутенберга на базу Форт-Нокс. Даже Смитсоновский институт закопал звездно-полосатый флаг на территории национального парка Шенандоа. Поначалу Арчибальд предлагал построить бомбоубежище под Национальной аллеей для хранения предметов национального достояния в кризисный период. Жаль, что из-за своей дороговизны идея была отвергнута Конгрессом.

* * *

Двигаясь от прошлого к настоящему, стоит уделить внимание науке в этом романе. Вот где факт иногда удивительнее вымысла, особенно там, где упоминаются...

Осы, осы и снова осы

В книге исследуется поразительная жизнь перепончатокрылых, их невероятная биология и поведение. В главах, написанных от лица разных типов ос, все их фантастические способности, умения, чувства и тревоги основаны на свойствах существующих в природе видов. Если вы хотите погрузиться в этот увлекательный (и немного пугающий) мир, рекомендую почитать следующие книги:

Мэтт Саймон «Оса, которая промыла мозги гусенице» (The Wasp That Brainwashed the Caterpillar, by Matt Simon);

Скотт Ричард Шоу «Планета жуков: эволюция и скачок в развитии

насекомых» (Planet of the Bugs: Evolution and the Rise of Insects, Scott Richard Shaw).

Некоторые книги открыли мне глаза на потенциал, скрытый в ядовитых железах, так что если вас интересуют яды и поиск новых лекарств, прочитайте «Укус дикой природы» Джастина О. Шмидта (The Sting of the Wild, Justin O. Schmidt) и «Ядовитые животные: как самые опасные существа планеты совершенствовали свою биохимию» Кристи Уилкоккс (Venomous: How Earth's Deadliest Creatures Mastered Biochemistry, Christie Wilcox).

Роман ставит перед читателями еще и такой вопрос: какую роль сыграли насекомые в вымирании динозавров? Очень серьезную, скажу я вам! Если хотите узнать больше, советую прочитать книгу Джорджа Пойнара-младшего и Роберты Пойнар «Кто кусал динозавров? Насекомые, болезни и смерть в меловой период».

В этой книге можно найти тысячи других деталей из жизни насекомых и узнать, какую роль они играют для человека. Все они также основаны на реальных фактах, однако позвольте кое-что уточнить. Какими бы ужасными ни казались одокуро, осы очень важны в природе. Они не только опыляют растения, но и держат под контролем популяцию нежелательных насекомых. К примеру, за год одно осиное гнездо помогает избавиться от пяти метрических тонн садовых вредителей. Пара укусов – не такая уж высокая плата за их помощь, правда? Если это, конечно, не доисторические одокуро.

Микроорганизмы Лазаря и тихоходки

Я решил рассказать о них вместе, так как в романе и те, и другие организмы восходят к одной теме – потрясающим генетическим способностям некоторых видов выживать в самых невероятных условиях. Когда я дописывал книгу, в «Нэшнл джиографик» опубликовали статью о тихоходках под названием «Эти «несокрушимые» создания переживут даже мировой апокалипсис». И авторы не ошибаются. В номере журнала «Нью сайентист» от 20 мая 2017 года была напечатана статья «Подъем!», в которой Колин Баррас повествует о поразительной способности микроорганизмов Лазаря выживать на протяжении сотен миллионов лет в солевых кристаллах, находясь в состоянии «переходной зоны между жизнью и смертью». Также есть немало подтверждений тому, что многие виды «заимствуют» у других выгодные генетические коды, особенно когда дело касается вирусной или бактериальной инфекции. Раз в ДНК микроорганизмов Лазаря имеются подобные достоинства, может,

некоторые амбициозные виды уже «позаимствовали» их удивительные способности?

Инвазивные виды

В романе главную проблему представляет угроза со стороны вторгшихся в природу существ. Грей упоминает, что сильный вред был причинен окружающей среде, когда в Эверглейдс завезли питонов, в Австралию – диких кроликов, а в наши местные озера пустили азиатского карпа. Таких примеров бесчисленное множество по всему миру. Более того, инвазивные виды беспокоят даже службы национальной безопасности. Вдруг кто-то решит начать войну, используя таких существ в качестве оружия? Опасность грозит серьезная, ведь защититься от них практически невозможно.

* * *

В процессе написания романа я обожаю исследовать необычные уголки мира. Эта книга не стала исключением, вот я и подумал, что стоит рассказать вам об этих удивительных местах. Вот идеи для вашего следующего отпуска.

Таллинн, Эстония

Несколько лет назад у меня появилась возможность посетить этот город, и я словно окунулся в средневековый роман. Старый город с его узкими улочками и мощеными аллеями просто прекрасен. В то же время Таллинн с наибольшим количеством технологических стартапов на душу европейского населения является настоящей Кремниевой долиной. Вот и национальная библиотека здесь расположена в величественном здании, сочетающем в себе черты современной и средневековой архитектуры. Простите, что взорвал ее в своей книге.

Янтарный путь

Этот торговый маршрут пролегал от Санкт-Петербурга до Венеции. Он настолько древний, что даже на надгробии Тутанхамона были обнаружены следы балтийского янтаря. Музеи янтаря (в Гданьске и Кракове) действительно существуют, и вы можете их посетить. При музее в Кракове на самом деле работает современная лаборатория по исследованию янтаря.

Соляная шахта г. Величка

Соляная шахта в Величке охраняется Центром всемирного наследия ЮНЕСКО, но я бы предложил называть ее одним из чудес света. Шахта прекрасна и великолепна, как и описано в романе. Сюжет потребовал опустить некоторые детали – совсем чуть-чуть. Туристическая карта, упомянутая в книге и позволяющая взглянуть на этот невероятный лабиринт, была нарисована Мариушем Шелеревичем и использована с разрешения его дочери Паулины. Там, где действие происходит уже глубоко в шахте, география и геология места описаны уже с использованием моего воображения, однако озера там и правда огромные – настоящее раздолье для виндсерферов.

Япония и гора Фудзияма

Небольшой курортный городок и озеро действительно существуют, в отличие от кампуса и Ледяного замка «Фениккусу лабораториз». Туннели с застывшей лавой можно в самом деле найти под горой Фудзияма (что интересно, на Гавайях такие тоже имеются), а в храме Канъэй-дзи в Токио есть памятник насекомым-мученикам (помните, Такаси Ито ставил там свечу своей покойной жене?).

Японские разведывательные службы налаживают и укрепляют международные связи – это правда. Процесс идет медленно и осторожно; ведь, как и сказано в книге, японцы опасаются несанкционированного проникновения на их территорию и коррупции. Новая подпольная группа Айко под названием «ТаУ» – чистый вымысел, зато используемое ими оружие основано на теоретических прототипах Управления перспективных исследовательских проектов.

Мауи и другие Гавайские острова

Я старался как можно точнее описывать Хану, однако некоторые детали истории пришлось слегка изменить. Можете съездить туда и проверить.

На северо-западе гавайского архипелага, надо признать, я придумал собственный остров (писателям можно). Атолл Икикауо является плодом моего воображения, но имеет черты двух соседних островов. Остров Лайсан по-гавайски называется «Кауо», что значит «яйцо». Как и на вымышленном Икикауо («Маленькое яйцо»), на Лайсан есть внутриматериковое озеро. Что касается заброшенного поста береговой охраны, он находится близ атолла Куре, неподалеку от Мидуэя. Кстати, в этом регионе действительно полно обломков кораблей времен Второй

мировой. Они огромных размеров и представляют собой опасность для Гавайских островов. Даже упомянутая «призрачная» ловля рыб брошенным орудием – тоже горькая правда.

* * *

Вот мы и подошли к концу. В романе много других правдивых моментов, однако, как я сказал в самом начале, хотелось бы, чтобы вы верили каждому слову.

Пока мы не попрощались, вот вам еще одно стихотворение японской монахини-буддистки Отагаки Рэнгецу. Ее слова передают мое пожелание всем вам:

В будущем счастье
и долгая жизнь...
Два побега
растут тысячу лет.

В общем, живите долго и счастливо. А что до отважных членов «Сигмы»... Что ж, время покажет.

notes

Примечания

1

Страны Оси – агрессивный военный блок Германии, Италии и Японии времен Второй мировой войны.

2

Независимость (*англ.*).

3

Детей (*исп.*).

«Хабитрейл» – марка домиков для хомяков. Такие домики состоят из прозрачных пластиковых камер, соединяемых переходами.

Заблуждение автора.

CRISPR (*англ.* clustered regularly interspaced short palindromic repeats) – короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами; Cas9 (*англ.*, CRISPR associated protein 9) – CRISPR-ассоциированный белок; tracrRNA plasmid (*англ.*, Trans-activating CRISPR RNA) – трансдействующий CRISPR-РНК плазмид.

7

Да, бабушка (*исп.*).